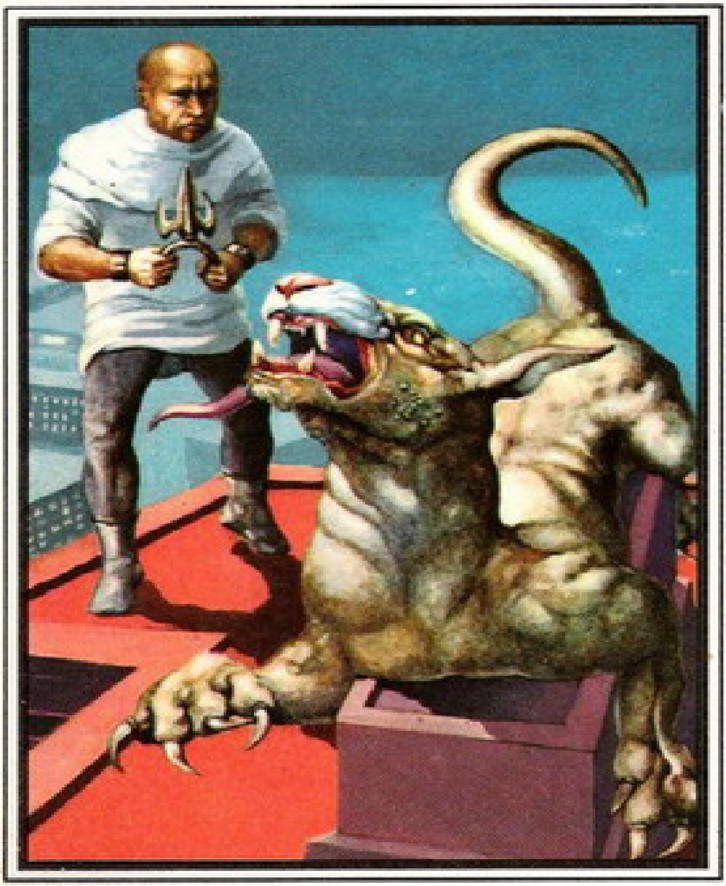
МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

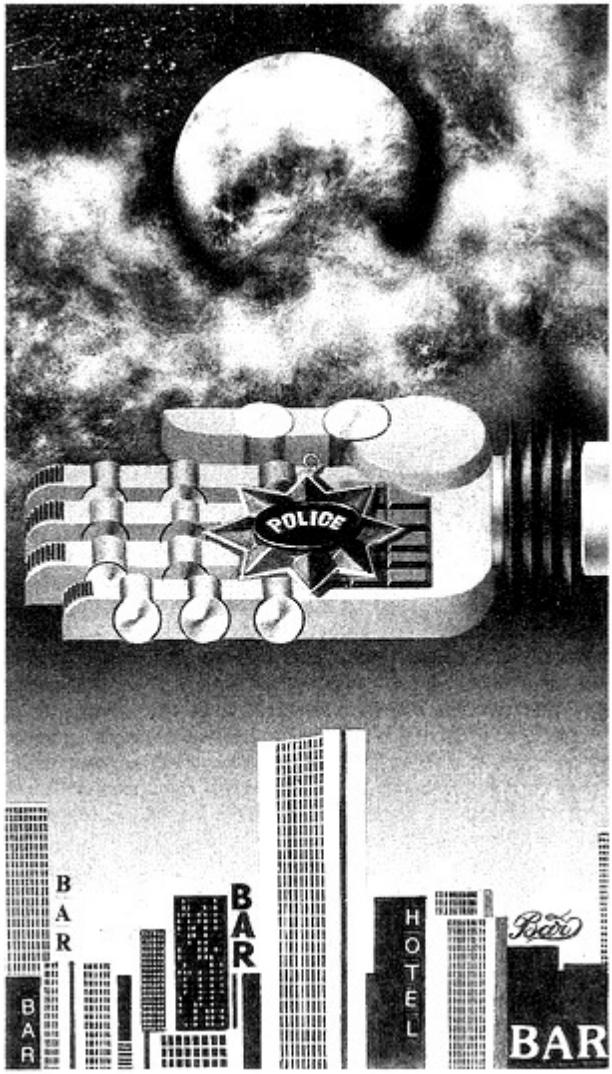
Harrison Harry. Short Stories: War with the Robots. 1963.
Harrison Harry. Two Tales and Eiqht Tomorrows. 1965.

- Гарри Гаррисон
  - ВОЙНА С РОБОТАМИ
    -
    - ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА (ЧЕЛОВЕКА)
    - ТРЕНИРОВОЧНЫЙ ПОЛЁТ
    - БЕЗРАБОТНЫЙ РОБОТ
    - РУКА ЗАКОНА
    - РОБОТ, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ ВСЕ ЗНАТЬ
    - Я ТЕБЯ ВИЖУ
    - МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ
    - УЦЕЛЕВШАЯ ПЛАНЕТА
    - ВОЙНА С РОБОТАМИ
  - ДВЕ ПОВЕСТИ И ВОСЕМЬ ЗАВТРА
    -
    - СМЕРТНЫЕ МУКИ ПРИШЕЛЬЦА
    - ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА
    - СПАСАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ
    - КАПИТАН БЕДЛАМ
    - ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА
      - Глава 1
      - Глава 2
      - Глава 3
      - Глава 4
      - Глава 5
    - ИСТОЧНИК ОПАСНОСТИ
    - РАССЛЕДОВАНИЕ
    - КАПИТАН ГОНАРИО ХАРПЛЕЙЕР
    - ОТ КАЖДОГО — ПО СПОСОБНОСТЯМ
    - ПЛЮШЕВЫЙ МИШКА
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Гарри Гаррисон
РАССКАЗЫ
Миры Гарри Гаррисона. Том 13

ВОЙНА С РОБОТАМИ
War with the Robots

ВОЙНА С РОБОТАМИ



ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА (ЧЕЛОВЕКА)

Когда большинство людей слышат слово «робот», перед их мысленным взором непроизвольно появляется некий механический человек с поскрипывающими сочленениями и светящимися глазами. Карел Чапек, изобретая это слово для пьесы «РУР», написанной вскоре после Первой мировой войны, вообще-то имел в виду совсем другое. Его роботы — «Россумовские Универсальные Роботы» — были существами из плоти и крови, но созданными искусственно, и ничем не

отличались от обычных людей, кроме полного отсутствия эмоций. Новое слово «робот» удовлетворило существовавшую тогда потребность, было с благодарностью подхвачено писателями-фантастами и очень скоро изменило смысл, став синонимом механического человека со стальной кожей. (Чапековские роботы из плоти и крови сейчас называются андроидами.) Одновременно инженеры стали называть роботами целое новое семейство механизмов.

Подобно тому как инструменты и оружие — молотки, пилы, мечи и прочее непосредственно расширяют физические возможности человека, роботы являются расширениями его высших и более абстрактных функций. Автопилот, он же робот-пилот, ведущий самолет гораздо дольше, чем пилот-человек, обладает такими тонкими способностями, как оценка ситуации и принятие решения. Даже первые несовершенные модели умели улавливать отклонения самолета от горизонтали раньше, чем пилот их вообще замечал, а новые усовершенствованные автопилоты даже разворачивают самолет после нажатия одной кнопки. Именно способность чувствовать и принимать решения отличает роботов от бесчувственных машин. Будильник, взятый сам по себе, — машина, но автоматический будильник, встроенный в радио, — уже робот. Пусть он даже не похож на робота, но его функции выполняет. Он убаюкивает хозяина спокойной музыкой, затем отключает звук до утра, когда хозяина следует разбудить. При желании расширить его функции не составит большого труда. Вместо радио такая машина может воспроизводить записи: Брамса вечером, Соуса утром. Отключение вечером через заданное время можно заменить на воспроизведение музыки до момента, когда хозяин уснет, — робот сам определит его при помощи встроенной в кровать термопары, которая отметит понижение температуры тела, сопровождающее сон. Если хозяин пожелает вставать на рассвете, ему вовсе не обязательно каждый день заглядывать в астрономический альманах, определяя время пробуждения, простейший фотоэлемент справится с задачей сам. Все перечисленные устройства можно встроить не в черный корпус, а в металлический торс, термопару насадить на кончик пальца, а фотоэлементами заменить глаза. Музыку робот станет включать рукой, а если хозяин пожелает, доже поднимет занавески.

Лично я не горю желанием, проснувшись ночью, увидеть склонившегося над моей кроватью металлического человека, тыкающего в меня пальцем и ловящего недремлющими глазами первые проблески рассвета. Хотя по сути он останется все той же машиной, предназначенной для включения и выключения

музыки.

Можете назвать мое отношение эмоциональным — но только не исключительным. Мы уже давно склонны очеловечивать окружающие нас механизмы; даем своим автомобилям имена, проклинаем, уговариваем — а иногда избиваем — упорно сопротивляющиеся машины. Мы даже начинаем привыкать к услугам роботов и принимать их за должное. Какого ребенка не приводил в восхищение робот-идиот в холодильнике, выключающий в нем свет, когда закрывают дверцу? А всегда ли он его выключает ? Цепочка подобных размышлений может наградить и несколькими бессонными ночами, потраченными на изобретение способа выяснить это раз и навсегда.

Не доводилось ли вам ездить в тех полностью автоматизированных лифтах, которые сейчас начали устанавливать в высотных зданиях, где расположены многочисленные учреждения ? Единый блок управления запускает и останавливает целую цепочку кабинок, пуская их чаще в часы пик и реже в периоды затишья. Пассажиры подсчитываются, при заполнении кабины закрывается дверь. Разгон и торможение подстраиваются под нагрузку кабины, поэтому двери всегда открываются точно напротив уровня этажа. В некоторых лифтах чей-то записанный голос с достаточной суровостью даже приказывает неуклюжему пассажиру отойти от двери, если тот мешает ее закрыть. Управляющий лифтом робот встроен в стену и все команды получает и отдает по проводам. При желании мы могли бы подогнать его облик под внешность классического робота, выполняющего ту же работу возможно, и с меньшей эффективностью, — получив в результате механического человека, пощелкиванием пальцев отдающего приказания металлическим лифтерам. Картина получилась бы весьма впечатляющая, но ни на йоту не изменила бы самой сути автоматического управления.

Роботы уже появились и твердо намерены остаться в искусствах войны и мира, успев глубоко в них внедриться. Маленький антисоциальный и склонный к самоубийству робот по имени контактный взрыватель путешествует внутри пушечных снарядов и не переносит близости с кем бы то ни было. Коснувшись чего-либо, он взрывается. Другой робот уменьшает яркость фар в вашей машине, снова увеличивая ее после того, как встречная машина проедет мимо. Правда, он немного туповат и начинает радостно мигать, завидев ярко освещенный дорожный знак. Роботы-телефонисты лучше, дешевле и быстрее людей, хотя спорить с ними труднее. На автостоянках появились роботы, уволакивающие куда-то вашу машину, если им скормить монету,

и возвращающие ее обратно (надеюсь) после предъявления жетона. А роботы, управляющие электроплитой у нас дома, стали настолько обычными, что мы даже перестали их замечать.

Ладно, деваться от роботов нам уже некуда — но какое влияние они окажут на человеческое общество? Принесут ли они нам смерть и разрушение, подобно творению Виктора Франкенштейна? Или захватят весь мир, как их предшественники в «РУРе» ? Или же, действуя более тонко, они обеспечат наши физические потребности до такой степени, что человечество погрязнет в лени, дегенерирует и погибнет ? Разумеется, возможно все, и в своих рассказах я поведу речь лишь о немногих вероятностях. Некоторые их них приятны, некоторые весьма неприглядны. Выбирайте сами...

Гарри Гаррисон

ТРЕНИРОВОЧНЫЙ ПОЛЁТ

Марс был пыльной, иссохшей, леденящей душу преисподней кроваво-красного цвета. Они плелись друг за другом, по щиколотку увязая в песке, и нудно костерили неизвестного конструктора, который предложил столь неудачные кондиционеры для скафандров. Когда скафандры проходили испытания на Земле, дефект не обнаружился. А сейчас, стоило их поносить несколько недель — и на тебе! Поглотители влаги через некоторое время перенасытились и отказали. Температура на Марсе была постоянной — минус шестьдесят по Цельсию. Но из-за высокой влажности внутри костюма пот не испарялся, и они жмурились, чтобы пот не застилал им глаза.

Морли сердито замотал головой, желая стряхнуть с кончика носа капли пота, и в то же мгновение на его пути оказался какой-то мохнатый рыжий зверек. Впервые они увидели на Марсе живое существо. Но вместо любопытства в нем пробудилась одна злость. Ударом ноги он подбросил зверька в воздух. Удар был внезапным, Морли потерял равновесие и стал медленно падать, причем его скафандр зацепился за острый край скалы из обсидиана.

Тони Бенермэн услышал в наушниках сдавленный крик напарника и оглянулся. Морли корчился на песке, пытаясь заткнуть дыру на колене. Воздух, насыщенный влагой, с легким шипением вырывался на свободу и мгновенно превращался в мерцающие кристаллики льда. Тони бросился к другу, тщетно стремясь прикрыть перчатками разорванное место. Прижался к нему и увидел, как ужас застыл в глазах и как синеет его лицо.

— Помоги мне! Помоги!

Морли закричал с такой силой, что задрожали мембраны шлемофона. Но помочь было нечем. Они не захватили с собой пластыря — весь пластырь остался на корабле, за четверть мили отсюда. Пока он будет бегать туда-сюда, Морли уже умрет.

Тони медленно выпрямился и вздохнул. На корабле их только двое, и на Марсе — никого, кто мог бы оказать им помощь. Морли поймал, наконец, взгляд Тони и спросил:

— Надежды нет. Тони, я мертв, да?

— Как только кончится кислород. От силы тридцать секунд. Ничем не могу тебе помочь.

Морли коротко, но крепко выругался и нажал красную кнопку у запястья с надписью «Авария». В тот же миг перед ним «раскрылась» поверхность Марса; песок с шуршанием ссыпался в отверстие. Тони отступил на несколько шагов: из отверстия появились двое мужчин в белых скафандрах с красными крестами на шлемах. Они уложили Морли на носилки и в одно мгновение исчезли.

Тони угрюмо смотрел вниз, пока не открылась засыпанная песком дверь и ему не выбросили скафандр Морли. Потом дверь захлопнулась, и снова тишина нависла над пустыней.

Кукла в скафандре весила только же, сколько Морли, а ее пластиковое лицо имело даже какое-то сходство с ним. Какой-то шутник на месте глаз нарисовал черные кресты. «Чудно», — подумал Тони, взваливая на спину неудобную ношу. На обратном пути он увидел неподвижно лежавшего марсианского зверька. Пнул ногой, и из него посыпались пружинки и колесики.

Когда он добрался до корабля, крошечное солнце уже коснулось зубчатых вершин красных гор. Сегодня уже поздно хоронить, придется подождать до завтра. Оставив куклу в отсеке, он взобрался в кабину и стянул с себя мокрый скафандр.

Между тем спустились сумерки, и существа, которых они именовали «совами», принялись царапать обшивку корабля. Космонавтам ни разу не довелось увидеть хоть одну «сову» — тем более их раздражало это бесконечное царапанье. Разогревая ужин. Тони стучал тарелками и сковородками как можно громче, чтобы заглушить неприятные звуки. Покончив с едой и убрав посуду, он впервые ощутил одиночество. Даже жевательный табак сейчас не помогал, он лишь напомнил о том, что на Земле его ждет ящик гаванских сигар.

Нечаянно он стукнул по тонкой выдвижной ножке стола, и все тарелки, сковорода и ложки полетели на пол. Шум был ему приятен, а еще приятнее было оставить все как есть и пойти спать.

На этот раз они почтя достигли цели. Эх, если бы Морли был поосторожнее! Но Тони заставил себя не думать об этом и вскоре уснул.

На следующее утро он похоронил Морли. Сжав зубы, соблюдая величайшую осторожность, провел он два дня, остававшихся до старта. Аккуратно сложил геологические образцы, проверил исправность механизмов и автоматов.

В день старта он вынул ленты с магнитными записями из приборов и отнес ненужные записи и лишнее оборудование на значительное расстояние от корабля. Там же оставил излишки продовольствия. В последний раз пробираясь по красному песку, он отдал иронический салют могиле Морли. На корабле у него не было решительно никаких дел, не осталось даже ни одной непрочитанной брошюры. Два последних часа Тони провел лежа на постели и считая заклепки в потолке кабины.

Тишину нарушил резкий щелчок контрольных часов, и он услышал, как за толстой обшивкой взревели моторы. Одновременно из отверстия в стене кабины к его койке протянулась мягкая «рука» со шприцем; пригвоздив его к ложу, металлические пальцы ощупали его, вот они добрались до лодыжки, и жало иглы вонзилось в нее. Последнее, что Тони видел, — как жидкость из шприца переливается в его вену, и тут он забылся.

Сзади открылось широкое отверстие, и вошли два санитара с носилками. На них не было ни скафандров, ни защитных масок, а за ними виднелось голубое небо Земли.

Когда он очнулся, все было как обычно. Неведомые стимуляторы помогли ему легко выплыть из тьмы беспамятства. Открыв наконец глаза, он увидел белый потолок земной операционной.

Но вот все вокруг заслонило багровое лицо и угрожающе сдвинутые брови склонившегося над ним полковника Стэгема. Тони попытался вспомнить, нужно ли отдавать честь в кровати, но потом решил, что самое лучшее не двигаться.

— Черт побери, Бенермэн, — проворчал полковник, — рад видеть вас на Земле. Но зачем вы, вообще говоря, вернулись? Смерть Морли означала крах всей экспедиции, а это значит, что на сегодняшний день мы не можем похвастаться ни одним удачным запуском!

— А парни из второго корабля, сэр? Как дела у них? — Тони силился говорить бодро и уверенно.

— Ужасно. Еще хуже, чем у вас, если это вообще возможно. Оба на другой день после приземления погибли. Осколок метеора попал в резервуар с кислородом. Они так увлеклись анализом

местной флоры, что не поинтересовались показаниями измерительных приборов. Но я здесь по другому делу. Накиньте что-нибудь на себя и пройдите в мой кабинет.

Он зашагал к выходу, и Тони поспешил выбраться из постели, не обращая внимания на легкую слабость из-за введения наркотиков. Когда говорят полковники, лейтенантам приходится повиноваться.

* * *

Тони вошел в кабинет Стэгема; полковник с мрачным видом глядел в окно. Ответив на приветствие, он предложил лейтенанту сигару. Как бы для доказательства того, что в его солдатской душе еще теплятся искры человечности, полковник обратил его внимание на стартовую площадку за окном.

— Видите? Знаете, что это?

— Да, сэр. Ракета на Марс.

— Пока еще нет. Сейчас это лишь ее корпус. Двигатели и оборудование собираются на заводах, рассеянных по всей стране. При нынешних темпах ракета будет готова не раньше чем через шесть месяцев. Ракета будет готова, но вот лететь-то в ней некому. Если так пойдет и дальше, ни один не сможет выдержать испытания. Включая и вас.

Под пристальным взглядом полковника Тони беспокойно заерзал на стуле.

— Вся эта программа подготовки с самого начала была моим детищем. Я разработал ее и нажимал на Пентагон, пока ее не приняли. Мы знали, что в состоянии построить корабль, который долетит до Марса и вернется на Землю, корабль с автоматическим управлением, который преодолеет любые трудности и помехи. Но нам необходимы люди, которые сумеют ступить на поверхность планеты, исследовать ее, иначе вся затея не будет стоить выеденного яйца.

Для корабля и для пилота-робота нужно было провести серию испытаний, воспроизводящих условия полета, чтобы устранить мелкие недоделки. Я предложил — и в конце концов это было принято, — чтобы космонавты, которым придется лететь на Марс, прошли именно такую подготовку. Мы построили две барокамеры и тренажеры, способные воспроизвести в деталях любую мыслимую на Марсе ситуацию. Мы по восемнадцати месяцев маринуем в барокамерах экипажи из двух человек, чтобы подготовить их к настоящему полету.

Не стоит упоминать о том, сколько кандидатов было у нас

поначалу, сколько было несчастных случаев из-за того, что мы слишком реально воспроизводим условия полета в барокамерах. Скажу только одно: за прошедшее время удачных запусков не было. Все, кто не выдерживал или, подобно вашему напарнику Морли, «погибал», выбывали из игры раз и навсегда.

И вот теперь у нас осталось четыре кандидатуры, в том числе и вы. Если мы не сумеем создать удачный экипаж из двух космонавтов, весь проект пойдет насмарку.

Тони похолодел, сигара в его руке погасла. Он знал, что в последнее время на руководителей испытаний давили все сильнее и сильнее. Поэтому-то полковник Стэгем и рычал на всех, будто подстреленный медведь. Голос полковника прервал ход его мыслей.

— Эти умники из Института психологии кричат на всех перекрестках, что обнаружили самое слабое место в моей программе. Дескать, если речь идет о тренировочных полетах, испытуемые где-то в глубине души всегда будут чувствовать, что игра идет понарошку. Случись катастрофа — в последний момент их всегда спасут. Как вашего Морли, например. Результаты последних опытов заставляют меня думать, что они правы. В моем распоряжении четыре человека, и для каждой пары будет проведено по одному испытанию. Но на сей раз речь идет о генеральной репетиции, на этот раз мы пойдем на все.

— Я не понимаю, полковник…

— Очень просто, — в подтверждение своих слов Стэгем ударил кулаком по столу. — Впредь мы не станем оказывать помощь. Никого не будем тащить за волосы, как бы срочно это ни требовалось. Испытания проведем в боевой остановке с настоящим снаряжением. Мы обрушим на вас все, что только можно придумать, а вы должны выдержать. Если на этот раз кто-нибудь порвет свой скафандр, он умрет в марсианском вакууме, в нескольких метрах от земной атмосферы.

При прощании с Тони он несколько смягчил тон:

— Я был бы рад, если бы мог поступить иначе, но выбора нет. К будущему месяцу нам нужен надежный экипаж для полета, и только таким образом мы можем его укомплектовать.

Тони дали трехдневный отпуск. В первый день он напился, на второй страдал от головной боли, на третий — от бессильной злости. Все участники испытаний были добровольцами, но такое приближение к реальности — это уже слишком. Конечно, он мог бросить все к чертям, когда ему заблагорассудится, но он-то знал, чем это ему грозит. Оставалось одно: согласиться с этой нелепой идеей. Проделать то, что от него требуется, вынести все. Зато уж после испытаний он съездит по здоровенному полковничьему

носу.

На врачебном осмотре Тони встретился со своим новым напарником, Эллом Мендозой. Познакомились они еще раньше, на теоретических занятиях. Обмениваясь рукопожатиями, они пожирали друг друга глазами и прикидывали, каковы возможности напарника. Экипаж состоит из двоих, а ведь один из них может стать причиной смерти другого…

Высокий, худощавый Мендоза был полной противоположностью приземистому крепышу Тони. Спокойная, даже чуть-чуть небрежная манера поведения Тони дополнялась нервной напряженностью Элла. Элл был заядлым курильщиком, он обшаривал глазами все вокруг.

Тони заглушил в себе растущее беспокойство. Если Элл выдержал все испытания, значит он кое на что годится. Как только начнется полет, нервозность Элла, скорее всего, пройдет.

Врач вызвал Тони и внимательно осмотрел его.

— Что это? — спросил врач, проведя влажной ваткой по щеке Тони.

— Ой, — вскрикнул Тони, — я порезался, когда брился.

Врач недовольно поморщился, смазал ранку, заклеил ее пластырем.

— Поосторожнее с ранками, — предупредил он. — Ведь таким путем бактериям легче всего проникнуть в организм. А мало ли какие бактерии есть на Марсе.

Тони открыл было рот, чтобы возразить, но передумал. Возражать бессмысленно: полет, если он вообще состоится, продлится 260 дней. За такое время заживет любой порез, даже если космонавт будет находиться в анабиозе.

После осмотра они, как обычно, надели летние костюмы и перешли в другое здание. По пути Тони заглянул в казармы и вскоре вернулся с шахматной доской и видавшей виды колодой игральных карт.

Входная дверь в мощном блоке второго строения была открыта, и они ступили на лестницу, ведущую в космический корабль. Врачи привязали их ремнями к койкам и сделали инъекции, симулирующие состояние анабиоза.

* * *

Пробуждение сопровождалось обычной слабостью и вялостью. Куда уж натуральнее… Повинуясь внезапному импульсу. Тони подошел к зеркалу и подмигнул своему гладко выбритому отражению с красными воспаленными глазами.

Сорвал пластырь, пальцы его коснулись пореза с засохшими капельками крови. Облегченно вздохнул. Он никак не мог отделаться от страха, что однажды такой тренировочный полет может оказаться настоящим полетом на Марс. Логика подсказывала ему, что армия никогда не откажется от того, чтобы вовсю разрекламировать запуск. Но все же его грыз червь сомнения, и поэтому он так нервничал в начале каждого «сухого» полета.

С новым виражом Тони опять ощутил тошноту, но сумел ее преодолеть. Во время испытаний нельзя терять времени. Необходимо проверить приборы Сидевший на койке Элл едва заметно махнул рукой. Тони ответил ему тем же.

В то же мгновение ожил приемник. Сначала в контрольном пункте слышались только посторонние шумы, потом их заглушил голос офицера-тренера.

— Лейтенант Бенермэн, вы уже проснулись?

Тони включил микрофон и доложил.

— Так точно, сэр.

— Одну секунду. Тони, — сказал офицер. Потом он пробормотал что-то нечленораздельное; очевидно, говорил с кем-то, стоящим рядом. Потом опять повернулся к микрофону: — Не в порядке один из вентилей; давление превышает расчетное. Примите меры, пока мы не снизим давление.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Тони и отключил микрофон, чтобы вместе с Эллом посетовать на показное «трудолюбие» своих воспитателей. Несколько минут спустя приемник снова ожил.

— Все в порядке, давление нормальное. Продолжайте свою работу.

Тони показал язык невидимому воспитателю и пошел в соседний отсек. Повернул рычаг, желая сделать видимость четче.

— Ну, по крайней мере на этот раз все спокойно, — сказал он, увидев красноватые отсветы.

Вошел Элл, заглянул через его плечо.

— Да здравствует Стэгем! В прошлый раз, когда погиб мой напарник, все время дул жуткий ветер. А сейчас по этим песчаным дюнам видно, что ветра и в помине нет.

Они хмуро уставились на знакомый красноватый ландшафт и темное небо. Наконец Тони повернулся к приборам, а Элл достал из шкафа скафандры.

— Сюда, скорее!

Элла не нужно было звать дважды. В один момент он подскочил к Тони и стал следить за его указательным пальцем.

— Резервуар с водой! Судя по приборам, он наполовину пуст!

Они сняли щиты, преграждавшие доступ к резервуару.

Тоненькая струйка ржавой водицы стекала с крышки к их ногам. Освещая себе путь фонарем. Тони подполз к резервуару и осветил трубки. Его голос прозвучал в тесном отсеке резко и отчетливо:

— Черт бы побрал Стэгема с его фокусами: опять эти проклятые «аварии при посадке». Лопнула соединительная трубка, и вода просачивается в изоляционный стой. Мы никак не прекратим утечку, разве что разнесем корабль на куски. Подай-ка мне склейку, пока дело не дошло до ремонта, я замажу отверстие.

— Месяц будет ужасно засушливый, — пробормотал Элл, изучая показания других приборов.

В первое время все было как обычно. Они водрузили знамя и принялись переносить приборы. Все наблюдательные и измерительные приборы были установлены на третий день, так что они могли выгрузить теодолиты и начали составлять карты. На четвертый день они стали собирать образцы местной фауны.

И тут они впервые обратили внимание на пыль.

Тони с трудом жевал какую-то подозрительно тягучую порцию еды, время от времени изрыгая проклятия: еда лезла в горло лишь обильно смоченная водой. Он с трудом проглотил комок, потом оглядел аппаратную.

— Ты заметил, сколько здесь пыли? — спросил он.

— Еще бы не заметить! Мой костюм так загрязнился, будто я влез на муравьиную кучу.

Они посмотрели вокруг, и впервые их поразило, как много пыли в корабле. И волосы, и еда — все покрылось слоем красноватой пыли. Под ногами постоянно что-то шуршало, куда ни ступи.

— Мы сами приносим ее сюда, на костюмах, — сказал Тони. — Давай будем перед входом в помещение получше отряхиваться.

Хорошая идея, а не помогла. Красная пыль была мелкой, как пудра. И сколько они ни вытряхивали одежду, пыль не исчезала, а лишь носилась вокруг, обволакивая их легкой дымкой, словно облако. Они пытались забыть о пыли, думать о ней как об очередной фантазии техников Стэгема. Какое-то время это удавалось, пока на восьмой день не отказала внешняя дверь шлюзовой камеры. Они вернулись из двухдневного похода, где собирали образцы, и еле поместились в камере вместе со своими тяжеленными мешками с геологическими образцами. Отряхнули друг друга как могли, потом Элл нажал рычаг. Внешняя дверь начала открываться и вдруг остановилась. Подошвы ботинок ощутили вибрацию — на полную мощность заработали двигатели автоматических дверей. Затем двигатели отключились, замигала красная лампочка.

— Пыль! — крикнул Тони. — Проклятая пыль попала в

механизм!

Они легко сняли предохранительный щиток, заглянули в двигатель. Красная пыль смешалась со смазочным веществом, и образовались немыслимые бурые «пирожки». Но оказалось, что обнаружить неисправность гораздо легче, чем ее ликвидировать. В карманах костюмов они нашли лишь несколько самых нужных инструментов. А большой ящик с инструментами и различными растворами, которые можно было быстро пустить в ход, находился внутри корабля. Но пока дверь не открыта, внутрь попасть невозможно. Парадоксальная ситуация, но им было не до смеха. Лишь одна секунда ушла у них на то, чтобы осознать, в какую переделку они попали, и целых два часа, чтобы худо-бедно почистить двигатели, закрыть внешнюю и открыть внутреннюю дверь. Когда наконец им это удалось, указатели их кислородных приборов стояли на отметке «нуль», и пришлось прибегнуть к НЗ.

Элл снял свой шлем и тут же повалился на койку. Тони показалось, что напарник потерял сознание, но вот он увидел открытые глаза Элла, прикованные к потолку. Тони раскупорил единственную бутылку коньяка, взятую в медицинских целях, заставил Элла отхлебнуть глоток, потом сам сделал два глотка и решил не обращать внимания на то, как дрожат руки. Он занялся починкой дверных механизмов, а когда работа подошла к концу, Элл уже пришел в себя и стал готовить ужин.

Если не считать пыли, поначалу испытания проходили нормально. Днем собирали образцы и проводили измерения; несколько свободных часов, затем — сон. Элл оказался прекрасным напарником и лучшим шахматистом из всех, с кем Тони до сих пор был в паре. Вскоре Тони обнаружил: то, что он поначалу принял за нервозность, оказалось на деле нервной энергией. Элл был в своей тарелке, лишь когда занимался каким-то делом. С головой уходя в каждодневную работу, он и к вечеру сохранял столько сил и бодрости, что за шахматной доской решительно обыгрывал своего зевающего противника. Характеры космонавтов были несхожи, может быть поэтому они прекрасно ладили.

Все было хорошо — только вот пыль! Она была повсюду, она забивалась в каждую щель. Тони злился, но старался не показывать виду. Элл страдал больше. От пыли он испытывал постоянный зуд, чесался, он был на грани срыва. Вскоре его начала мучить бессонница…

А неумолимая пыль постепенно проникла во все отсеки и механизмы корабля. Машины стали изнашиваться с той же быстротой, что и нервы. Днем и ночью пыль, вызывающая зуд, и недостаток воды доводили их до отчаяния. Они все время хотели

пить, но знали, что воды оставалось ничтожно мало и ее вряд ли хватит, если каждый будет распоряжаться ею по-своему.

На тринадцатый день из-за воды вспыхнул спор, и дело чуть не дошло до драки. После этого они два дня не разговаривали. Тони заметил, что Элл всегда носит с собой геологический молоток, и решил на всякий случай обзавестись ножом.

Кто-то из двоих должен был сорваться. Этим человеком оказался Элл.

Его доконала бессонница. У него и раньше был чуткий сон, а тут эта пыль и бессонница окончательно добили его. Тони слышал, как Элл ночами ворочался с боку на бок, чесался и проклинал все на свете. Он и сам-то спал теперь не особенно крепко, но все же умудрялся немножко соснуть. Судя по темным кругам под налитыми кровью глазами, Эллу это не удавалось.

На восемнадцатый день он сорвался. Они как раз надевали скафандры, когда Элла вдруг затрясло. У него тряслись не только руки, но и все тело ходило ходуном.

Его трясло до тех пор, пока Тони не уложил его на койку и не влил ему в рот остатки коньяку.

Когда припадок кончился, Элл отказался покинуть корабль.

— Я не хочу… я не могу! — кричал он. — Скафандры тоже долго не протянут, они порвутся, когда мы будем на поверхности… я больше не выдержу… Мы должны вернуться.

Тони попытался его образумить:

— Ты же знаешь, что это невозможно, что испытания полностью имитируют полет. Они рассчитаны на двадцать восемь дней. Осталось еще десять. Ты должен выдержать. Командование считает, что это минимальный срок пребывания на Марсе. Все планы и экипировка экспедиции исходят из этого срока. Скажи спасибо, что нас не заставляют просидеть здесь целый марсианский год, пока планеты снова не приблизятся друг к другу. Что может быть хуже анабиоза на атомном корабле?

— Брось ты эти глупости, — взорвался Элл. — Мне наплевать, что будет с первой экспедицией. Точка. Это была моя последняя тренировка. Я не хочу свихнуться от бессонницы только потому, что какому-то службисту кажется, будто проверка в сверхтяжелых условиях — единственно правильный метод тренировки. Если меня не снимут с испытаний, это будет равносильно убийству.

Он вскочил с койки, прежде чем Тони произнес хоть слово, и бросился к контрольному пульту. Как всегда, второй справа была кнопка «Экстренный случай», но они не знали, подключена она к системе оповещения или нет и получат ли они ответ, даже если связь существует. Элл без конца нажимал на кнопку. Они оба

уставились на приемник, боясь перевести дыхание.

— Подлецы, мерзавцы, они не отвечают, — прошептал Элл.

Вдруг приемник ожил, и холодный голос полковника Стэгема наполнил рубку корабля.

— Условия испытаний вам известны. Причина для досрочного окончания испытаний должна быть весьма основательной. Итак?

Элл схватил микрофон и обрушил на полковника поток слов — жалобных и злых одновременно. Тони сразу понял, что все бесполезно. Он знал, как Стэгем реагирует на жалобы. Динамик прервал Элла:

— Достаточно. Ваши объяснения не могут оправдать изменения предварительного плана. Все должны рассчитывать только на себя. Действуйте так и впредь. Я отключаюсь окончательно. До завершения испытаний вам не имеет смысла вступать со мной в радиосвязь.

Щелчок в репродукторе прозвучал как смертный приговор.

Элл рухнул на койку ошеломленный, по его щекам катились слезы гнева. Элл рывком вырвал микрофон из гнезда, швырнул его в динамик.

— Ну, полковник, дайте срок, кончится испытание — мои пальцы узнают, крепка ли ваша шея! — Он повернулся к Тони. — Передай-ка мне ящик аптечки. Я докажу этому идиоту, что после этих чертовых испытаний ему больше не удастся разыгрывать из себя героя.

В аптечке нашлись четыре ампулы с морфием. Одну из них он схватил, отбил головку, заправил в шприц и ввел себе в руку. Тони и не пытался удержать его, он был с ним полностью солидарен. Через две минуты Элл уже лежал на столе и храпел. Тони поднял напарника и перенес на его койку.

Элл проспал почти двадцать часов; когда он проснулся, безумие и усталость разжали тиски, сжимавшие его. Оба не проронили ни слова о происшедшем. Элл подсчитал, сколько дней еще впереди, и тщательно разделил оставшийся морфий на дозы. Он принимал лишь третью часть нормальной дозы, но этого оказалось достаточно.

До старта осталось четыре дня, когда Тони обнаружил в песках первые признаки жизни. Существо величиной с кошку ползло по обшивке корабля.

Он подозвал Элла.

— Здорово! — сказал тот, наклонившись над неведомым созданием. — Но все же куда ему до того, которого они подсунули мне во время второй тренировки. Тогда я нашел какую-то змееподобную штуку, она выделяла что-то вроде клея.

Хоть это и запрещено правилами, я разобрал ее — я чертовски любопытен. Здорово они ее сделали: шестеренки, пружины, моторчик и тому подобное, стэгемские техники не лыком шиты. А потом мне объявили выговор. За то, что ее разобрал. Может, оставим все как есть?

Тони совсем уж было согласился, но все-таки решил попробовать.

— А может, это как раз входит в правила игры? Давай посмотрим, что внутри. Я послежу за этой штуковиной, а ты принеси пустую коробку.

Элл ворча полез в корабль. Внешняя дверь хлопнула, и испуганное существо поползло в сторону Тони. Он вздрогнул и отошел. Потом сообразил, что перед ним всего-навсего робот.

— Да, фантазии этих техников можно только позавидовать, — пробормотал он.

Существо прошмыгнуло мимо Тони. Чтобы удержать его. Тони наступил на несколько ножек: из маленького тела росли тысячи крохотных ножек. Волнообразно шевелясь, они переносили существо по песку. Сапоги Тони расплющили ножки, несколько штук оторвалось.

Осторожно наклонившись, он поднял один из оторванных суставов. Он был твердым, с шипами внизу. Из места обрыва струилась жидкость, напоминавшая молоко.

— Реальность, — сказал он самому себе. — Да, в реальности техники Стэгема знают толк!

И тут ему закралась в голову мысль. Невозможная до жути мысль, заставившая его похолодеть от ужаса. Мысли бешено завертелись у него в голове, но он знал, что это невозможно, потому что не лезет ни в какие ворота. Однако он обязан убедиться в этом, пусть даже механическая игрушка будет уничтожена.

Осторожно придерживая зверька ногой, он достал из кармана острый нож, нагнулся. Коротко, резко ударил.

— Что ты там копаешься, черт возьми? — спросил подошедший Элл.

Тони не мог ни пошевелиться, ни выговорить хоть слово. Элл обошел вокруг него и уставился на лежащее в песке существо. Секунду спустя он все понял и закричал:

— Оно живое! Из него течет кровь, никаких колесиков в нем нет. Оно не может быть живым, а если оно живое, значит мы вовсе не на Земле! Мы на Марсе!

Элл бросился бежать, потом упал с истошным криком. Тони решал и действовал молниеносно. Он знал, что все поставлено на карту. Малейшая ошибка может стоить жизни. В припадке

безумия Элл погубит и себя и его.

Стукнув Элла по кулаку. Тони размахнулся и изо всей силы ударил его прямо в солнечное сплетение. От удара заболела рука, а Элл медленно повалился на землю. Тони схватил его под мышки и поволок на корабль. Лишь когда он стянул с Элла скафандр и уложил напарника на койку, Элл начал медленно приходить в себя. Тони никак не удавалось одной рукой держать Элла, а другой пустить в ход анабиозатор. Вот он изловчился, зажал ногу Элла, но прежде чем игла вонзилась в живую плоть, обезумевший Элл успел трижды ударить его. Наконец Элл со вздохом упал навзничь, а Тони, пошатываясь, присел у его ног. Ручным анабиозатором можно было пользоваться в экстренных случаях, чтобы уберечь больного, пока им не займутся врачи на базе. И аппарат оправдал себя.

Но тут отчаяние охватило Тони.

Если зверек настоящий — значит, они на Марсе.

Это вовсе не тренировочный — это настоящий полет. Небо над головами вовсе не нарисовано, это подлинное небо Марса. Тони был одинок, как еще никто до него. На миллионы километров вокруг ни души…

Закрывая наружную дверь, он завыл от страха, дико, пронзительно, как потерявшийся зверь. У него хватило самообладания лишь на то, чтобы доплестись до койки и привести в движение руку анабиозатора. Шприц из отличной стали легко прошел через материал скафандра. Тони едва успел отвести руку со шприцем в сторону, как провалился во мрак…

* * *

С трудом поднял веки. Он опасался, что вновь увидит над головой переборку корабля со сварочными швами. Но увидел белоснежный потолок лазарета и облегченно вздохнул. Повернув голову в сторону, встретился глазами с полковником Стэгемом, сидевшим на его кровати.

— Ну как, удалось? — спросил Тони. Он не спрашивал, а скорее утверждал.

— Удалось, Тони. Обоим. Элл лежит рядом с тобой…

В голосе полковника звучали какие-то новые нотки, но Тони не сразу распознал их. Просто впервые полковник говорил с ним без озлобления.

— Первый полет на Марс. Можете себе представить, чего только не пишут газеты. Но важнее то, что говорят ученые. Анализы и ваши записи — просто клад. Когда вы установили, что

вы не на тренировке?

— На двадцать четвертый день, когда увидели марсианского зверька. Ну и маху же мы дали! И как только не заметили раньше? — в голосе Тони звучала досада.

— Вот еще! Все испытания к тому и сводились, чтобы в подобной ситуации вы ничего не заметили. Мы не были уверены, можно ли послать в космос космонавтов, не сообщая им правды. Но такое допущение делали. Психологи были убеждены, что удаленность от Земли и растерянность сделают свое черное дело. А я все не соглашался с ними.

— Но ведь они оказались правы, — выдавил из себя Тони.

— Теперь-то мы это знаем, но в свое время я никак не мог с ними согласиться. Психологи одержали верх, и мы составили общую программу полета в соответствии с их данными. Я, правда, сомневаюсь, что вы это оцените, но нам пришлось приложить массу усилий, чтобы убедить вас, будто вы все еще на тренировке.

— Извините, что мы доставили вам столько неприятностей, — сказал Элл.

Полковник слегка покраснел — он ощутил горечь в словах космонавта. Но продолжал говорить, словно ничего не слышал.

— Оба разговора, которые я якобы вел с вами, были, разумеется, записаны на пленку и прокручены прямо в космическом корабле. Психологи составили текст, который подошел бы к любой ситуации. Второй разговор предназначался для того, чтобы рассеять сомнения, если они возникнут, и окончательно придать ситуации ореол правдоподобия. Затем мы подготовили все для глубокого анабиоза, который на 99% приостанавливает деятельность организма; ни о чем подобном раньше не сообщалось. Да еще на порезанную щеку Тони нанесли антикоагулянты — все это чтоб вы не поняли, сколько времени провели в полете.

— А корабль? — спросил Элл. — Мы же видели его — он был готов лишь наполовину!

— Муляж, — ответил полковник. — Для публики и иностранных разведок. Настоящий корабль построен и испытан несколько месяцев назад. Самым трудным было подобрать экипаж корабля. То, что я рассказывают вам о провалах остальных кандидатов, чистая правда. Лучшими оказались вы оба. Но больше никогда мы не прибегнем и таким методам. Психологи утверждают, что следующим экипажам будет гораздо легче: у них то психологическое преимущество, что перед ними в космосе уже были люди. Абсолютной неизвестности больше нет.

Полковник на мгновение прикусил губу, а потом выдавил из себя слова, которые вертелись у него на языке:

— Я хотел бы, чтобы вы поняли… оба… что мне было бы легче лететь самому, чем вот так посылать вас. Я знаю, что у вас на душе… Как будто мы позволили себе…

— Межпланетную шуточку, — закончил за него Тони. Прозвучало это очень мрачно.

— Да, что-то вроде этого, — с жаром защищался полковник. — Догадываюсь, что эта шуточка низкого пошиба. Но разве вы не понимаете, что мы не могли иначе, что вы были единственными, на кого мы могли положиться, все остальные не выдержали. Остались вы двое, и мы обязаны были избрать самый надежный путь. Только я и еще трое людей знают, что произошло. И никто никогда не узнает, могу вам гарантировать!

Голос Элла прозвучал негромко, но он словно ножом пронзил тишину:

— Будьте уверены, полковник, уж мы-то никому об этом не расскажем.

Полковник Стэгем вышел из комнаты, низко опустив голову, не в силах взглянуть в глаза первым исследователям Марса.

БЕЗРАБОТНЫЙ РОБОТ

Джон Венэкс вставил ключ в дверной замок. Он просил, чтобы ему дали большой номер — самый большой в гостинице, и заплатил портье лишнее. Теперь ему оставалось только надеяться, что его не обманули. Жаловаться он не рискнет, а о том, чтобы попросить деньги назад, конечно, не могло быть и речи. Дверь распахнулась, и он вздохнул с облегчением: номер был даже больше, чем он рассчитывал, — полных три фута в ширину и пять в длину. Места для работы было вполне достаточно. Вот сейчас он снимет ногу, и к утру от его хромоты не останется и следа. На задней стене был стандартный передвижной крюк.

Джон просунул его в кольцо под затылком и подпрыгнул так, что его ноги свободно повисли над полом. Он отключил энергию ниже пояса, и ноги, расслабившись, стукнулись о стенку. Перегревшемуся ножному мотору надо дать остыть, и только потом уже браться за него, а пока можно будет просмотреть газету. С нетерпением и неуверенностью, обычными для всех безработных, он раскрыл газету на объявлениях и быстро пробежал колонку «*Требуются (роботы)*». Ничего подходящего в разделе «*Специальности*». И даже в списках чернорабочих ничего. В этом году НьюЙорк был малоподходящим местом для роботов. Отдел объявлений, как всегда, наводил уныние, но можно было получить заряд бодрости, заглянув в колонку юмора.

У него даже был свой любимый комический персонаж; хотя

он стыдился себе в этом признаться. «*Робкий робот»,* неуклюжий механический дурак, который то и дело попадал в дурацкое положение по собственной глупости. Конечно, отвратительная карикатура, но иногда такая смешная! Он начал читать подпись под первой картинкой, но тут плафон в потолке погас. Десять вечера, комендантский час для роботов. Свет гаснет — и сиди взаперти до шести утра. Восемь часов скуки и темноты для всех, кроме горстки ночных рабочих. Но существовало немало способов обходить закон, который не содержал точного определения, что именно понимать под видимым светом. Отодвинув один из щитков, экранировавших его атомный генератор, Джон повысил напряжение. Когда генератор чуть-чуть нагрелся, он начал испускать тепловые волны, а Джон обладал способностью зрительно воспринимать инфракрасные лучи. Используя теплый ясный свет, струящийся из его живота, он дочитал газету.

Тепломером в кончике левого указательного пальца он проверил температуру ноги. Нога уже достаточно остыла, и можно было приниматься за работу.

Водонепроницаемая оболочка снялась без всякого труда, обнажив энерговоды, нейропровода и поврежденный коленный сустав. Отсоединив проводку, Джон отвинтил коленную чашечку и осторожно положил ее на полку рядом с собой. Из набедренной сумки он бережно, с нежностью достал сменную деталь. В нее был вложен трехмесячный труд — деньги, которые он заработал на свиноводческой ферме в НьюДжерси. Когда плафон в потолке замигал и разгорелся, Джон стоял на одной ноге, проверяя новый коленный сустав. Половина шестого! Он успел как раз вовремя.

Капля масла на новое сочленение — вот и все. Он спрятал инструменты в сумку и отпер дверь.

Шахта ненужного лифта использовалась вместо мусоропровода, и, проходя мимо, он сунул газету в дверную щель. Держась поближе к стене, он осторожно спускался по закапанным смазкой ступеням. На семнадцатом этаже он замедлил шаг, пропуская вперед двух других роботов. Это были мясники или разделыватели туш — правая рука у обоих кончалась не кистью, а остро отточенным резаком длиной в фут. На втором этаже они остановились и убрали резаки в пластмассовые ножны, привинченные к их грудным пластинам. Вслед за ними Джон по скату спустился в вестибюль. Помещение было битком набито роботами всех, размеров, форм и расцветок. Джон Венэкс был заметно выше остальных и через их головы видел стеклянную входную дверь. Ночью прошел дождь, и под лучами восходящего солнца лужи на тротуарах отбрасывали красные блики. Три робота белого цвета, отличающего ночных

рабочих, распахнули дверь и вошли в вестибюль.

Но на улицу никто не вышел, так как комендантский час еще не кончился. Толпа медленно двигалась по вестибюлю, слышались тихие голоса. Единственным человеком здесь был ночной портье, дремавший за барьером. Часы над его головой показывали без пяти шесть.

Отведя взгляд от циферблата, Джон заметил, что какой-то приземистый черный робот машет ему, стараясь привлечь его внимание. Могучие руки и компактное туловище указывали, что он принадлежит к семейству Копачей, одной из самых многочисленных групп. Пробившись через толпу, черный робот с лязгом хлопнул Джона по спине.

— Джон Венэкс! Я тебя сразу узнал, как только увидел, что ты зеленым столбом торчишь над толпой. Давненько мы с тобой не встречались — с тех самых дней на Венере! Джону незачем было смотреть на номер, выбитый на исцарапанной грудной пластине черного робота. Алек Копач был его единственным другом все тринадцать нудных лет в поселке Оранжевого Моря. Прекрасный шахматист и замечательный партнер для парного волейбола. Все свободное время они проводили вместе. Они обменялись рукопожатием особой крепости, которая означала дружбу.

— Алек! Старая ты жестянка! Каким ветром тебя занесло в Нью-Йорк? — Захотелось наконец увидеть что-нибудь, кроме дождя и джунглей. После того, как ты выкупился, не жизнь стала, а сплошная тоска. Я начал работать по две смены в сутки в этом чертовом алмазном карьере, а последний месяц и по три смены, только бы выкупить контракт и оплатить проезд до Земли. Я просидел в шахте так долго, что фотоэлемент в моем правом глазу не выдержал солнечного света и сгорел, едва я вышел на поверхность. Алек придвинулся к Джону поближе и хрипло прошептал: — По правде говоря, я запрятал за глазную линзу алмаз в шестьдесят каратов. Здесь, на Земле я продал его за две сотни и полгода жил припеваючи. Теперь деньги кончились, и я иду на биржу труда. — Голос его снова зазвучал на полную мощность.

- Ну, а ты-то как? Джон Венэкс усмехнулся — такой прямолинейный подход к жизни его позабавил. — Да все так же: брался за любую работу, пока не попал под автобус — он разбил мне коленную чашечку. Ну, а с испорченным коленом мне оставалось только кормить свиней помоями. Но тем не менее я заработал достаточно, чтобы починить колено. Вот и все. Алек ткнул пальцем в сторону трехфутового робота ржавого цвета, который тихонько подошел к ним.

- Ну, если ты думаешь, что тебе туго пришлось, так погляди

на Дика — это на нем не краска. Знакомьтесь: Дик Сушитель, а это Джон Венэкс, мой старый приятель. Джон нагнулся, чтобы пожать руку маленького робота. Его глазные щитки широко разошлись, когда он понял, что металлическое тело Дика покрыто не краской, как ему показалось вначале, а тонким слоем ржавчины. Алек кончиком пальца процарапал в ржавчине сверкающую дорожку. Он сказал мрачно: — Дика сконструировали для работы в пустынях Марса. О влажности там и не слыхивали, и поэтому его скаредная компания решила не тратиться на нержавеющую сталь. А когда компания обанкротилась, его продали одной нью-йоркской фирме. Он стал ржаветь, работать медленнее, и тогда они отдали ему контракт и вышвырнули беднягу на улицу.

Маленький робот заговорил скрипучим голосом: — Меня никто не хочет нанимать, пока я в таком виде, а пока я без работы, я не могу сделать себе ремонт. — Его руки скрипели и скрежетали при каждом движении, — Я сегодня думаю опять заглянуть в бесплатную поликлинику для роботов: они сказали, что попробуют чтонибудь сделать. Алек Копач прогрохотал: — Не очень-то ты на них надейся.

Конечно, капсулу смазки или бесплатный кусочек проволоки они тебе дадут. Но на настоящую помощь не рассчитывай. Стрелки показывали уже половину седьмого, роботы один за другим выходили на тихую улицу и трое собеседников двинулись вслед за толпой. Джон старался идти медленнее, чтобы его низенькие друзья от него не отставали. Дик Сушитель шел, дергаясь и спотыкаясь, и голос у него был такой же неровный, как и походка. — Джон… Венэкс… А что значит… эта фамилия?

Может быть… как-то связана… с Венерой… — Правильно. «Венероэкспериментальный». В нашем семействе нас было всего двадцать два. У нас водонепроницаемые тела, выдерживающие большое давление — для работы на морском дне. Конструктивная идея была правильной, и мы делали то, что от нас требовалось. Только работы для всех нас не хватало — расчистка дна не приносила больших прибылей. Я выкупил мой контракт за полцены и стал свободным роботом.

Ржавая диафрагма Дика задергалась. — Свобода — это еще не все. Я иногда жалею, что Закон о равноправии роботов все-таки введен. В… в… владела бы мной сейчас какая-нибудь богатая фирма с механической мастерской и… горами запасных частей…

— Ну, это ты несерьезно, Дик, — Алек Копач опустил тяжелую черную руку ему на плечо. — Многое еще скверно, кто этого не знает, но все-таки куда лучше, чем в старые времена,

когда мы были просто машинами. Работали по двадцать четыре часа в сутки, пока не ломались. А тогда нас выбрасывали на свалку. Нет уж, спасибо.

Нынешнее положение меня больше не устраивает. Перед биржей труда Джон и Алек попрощались с Диком, и маленький робот медленно побрел дальше по улице. Они протолкались сквозь толпу и встали в очередь к регистрационному окошку. Доска объявлений рядом с окошком пестрела белыми карточками с названиями компаний, которым требовались роботы. Клерк прикалывал к доске новые карточки. Венэкс скользнул по ним взглядом и сфокусировал глаза на объявлении в красной рамке:

ТРЕБУЮТСЯ РОБОТЫ СЛЕДУЮЩИХ КАТЕГОРИЙ:
крепильщики летчики атомники съемщики венэксы
Обращаться сразу в «Чейнджет лимитед», Бродвей, 1919

Джон взволнованно постучал по шее Алека Копача. — Погляди-ка! Работа по моей специальности! Буду получать полную ставку! Увидимся вечером в гостинице. Желаю удачи в поисках!

Алек помахал ему на прощание. — Ну, будем надеяться, что работа окажется не хуже, чем ты рассчитываешь. А я ничему не верю до тех пор, пока деньги у меня не в руках. Джон быстро шел по улице, его длинные ноги отмахивали квартал за кварталом. Старина Алек! Не верит ни во что, чего не может потрогать.

Может, быть он и прав. Но зачем нагонять на себя уныние? День начался не так уж плохо колено действует прекрасно. Он, возможно, получит хорошую работу…

Никогда еще с тех пор, как его активировали, у Джона Венэкса не было такого бодрого настроения. Быстро повернув за угол, он столкнулся с каким-то прохожим.

Джон сразу же остановился, но не успел отскочить. Очень толстый человек стукнулся об него и упал на землю. И радость сменилась черным отчаянием — он причинил вред ЧЕЛОВЕКУ. Джон наклонился, чтобы помочь толстяку встать, но тот увернулся от дружеской руки и визгливо завопил: — Полиция! Полиция! Караул! На меня напали… взбесившийся робот! Помогите! Начала собираться толпа. На почтительном расстоянии, правда, но тем не менее грозная. Джон замер. Голова у него шла кругом: что он натворил! Сквозь толпу протиснулся полицейский. — Заберите его, расстреляйте… Он меня ударил… чуть не убил! — толстяк дрожал и захлебывался от ярости.

Полицейский достал пистолет семьдесят пятого калибра с гасящей отдачу рукояткой. Он прижал дуло к боку Джона. — Этот

человек обвиняет тебя в серьезном преступлении, жестянка. Пойдешь со мной в участок, там поговорим. Полицейский тревожно оглянулся и взмахнул пистолетом, расчищая себе путь в густой толпе. Люди неохотно отступили. Послышались сердитые восклицания.

Мысли Джона вихрем неслись по замкнутому кругу. Как могла произойти эта катастрофа и чем она кончится? Он не осмеливался сказать правду — ведь тем самым он назвал бы человека лжецом. С начала года в Нью-Йорке замкнули уже шесть роботов. Если он посмеет произнести хоть слово в свою защиту электрический кабель рядом, и в полицейском морге на полку ляжет седьмая выжженная оболочка.

Его охватило тупое отчаяние — выхода не было. Если толстяк не возьмет своего обвинения назад, его ждет каторга. Хотя, пожалуй, живым ему до участка не дойти.

Газеты успешно раздували ненависть к роботам: она слышалась в сердитых голосах, сверкала в сузившихся глазах, заставляла сжиматься кулаки. Толпа превращалась в стаю зверей, готовую накинуться на него и растерзать. — Эй! Что тут происходит? — прогремел голос, в котором было что-то, приковавшее внимание толпы. У тротуара остановился огромный межконтинентальный грузовик. Водитель выпрыгнул из кабины и начал проталкиваться сквозь толпу. Полицейский, когда водитель надвинулся на него, нервно поднял пистолет. — Это мой робот, Джек. Не вздумай его продырявить.

— Шофер вернулся к толстяку. — Этот жирный — врун, каких мало. Робот ждал меня.

А жирный, наверное, не только дурак, а еще и слеп впридачу. Я все видел: он наткнулся на робота, а потом завизжал и давай звать полицию. Толстяк не выдержал: он побагровел от ярости и бросился на шофера, неуклюже размахивая кулаками. Шофер уперся могучей ладонью в лицо своего противника, и тот вторично очутился на тротуаре. Толпа разразилась хохотом. Замыкание и робот были забыты.

Драка шла между людьми, и причина драки никого больше не занимала. Даже полицейский, убирая пистолет в кобуру, позволил себе улыбнуться и только потом начал разнимать дерущихся. Шофер сердито прикрикнул на Джона: — А ну, лезь в кабину, рухлядь! Забот с тобой не оберешься! Толпа хохотала, глядя, как он толкнул Джона на сиденье и захлопнул дверцу. Шофер нажал большим пальцем на кнопку стартера, могучие дизели взревели, и грузовик отъехал от тротуара. Джон приоткрыл рот, но ничего не смог сказать. Почему этот незнакомый человек помог ему? Какими словами его

благодарить? Он знал, что не все люди ненавидят роботов.

Ходили даже слухи, что некоторые обращаются с роботами не как с машинами, а как с равными себе! Очевидно, шофер грузовика принадлежал к этим мифическим существам — иного объяснения его поступку Джон не находил. Уверенно держа рулевое колесо одной рукой, шофер пошарил другой за приборной доской и вытащил тонкую пластиковатую брошюрку. Он протянул ее Джону, и тот быстро прочел заглавие:

«*Роботы — рабы мировой экономической системы».* Автор — Филпотт Азимов второй.

- Если у вас найдут эту штуку, вам крышка. Спрячьте-ка ее за изоляцию вашего генератора: если вас схватят, вы успеете ее сжечь. Прочтите, когда рядом никого не будет. И узнаете много нового. На самом деле роботы вовсе не хуже людей. Наоборот, во многих отношениях они даже лучше. Тут есть небольшой исторический очерк, показывающий, что роботы — не единственные, кого считали гражданами второго сорта. Вам это может показаться странным, но было время, когда люди обходились с другими людьми так, как теперь обходятся с роботами. Это одна из причин, почему я принимаю участие в нашем движении: когда сам обожжешься, так и других вытащишь из огня. Он улыбнулся Джону широкой дружеской улыбкой — его зубы казались особенно белыми по контрасту с темно-коричневой кожей лица.

- Я должен выбраться на шоссе номер один. Где вас высадить? — У Чейнджета, пожалуйста. Мне нужно навести там справки о работе. Дальше они ехали молча. Прежде чем открыть дверцу, шофер пожал Джону руку.

- Извините, что обозвал вас рухлядью, — надо было умиротворить толпу. Грузовик отъехал. Джону пришлось подождать полчаса, но наконец подошла его очередь, и клерк сделал ему знак пройти в комнату заведующего приемом. Он быстро вошел и увидел за столом из прозрачной пластмассы маленького нахмуренного человека. Тот сердито перебирал бумаги на своем столе, иногда ставя на полях какие-то закорючки. Он быстро, поптичьи покосился на Джона. — Да, да, поскорей. Что тебе нужно? — Вы дали объявление. Я… Маленький человек жестом остановил его. — Довольно. Давай твой опознавательный жетон… И поскорее. Другие ждут.

Джон вытащил жетон из щели в животе и протянул его заведующему. Тот прочел кодовый номер, а потом провел пальцем по длинному списку похожих номеров. Внезапно палец остановился, и заведующий посмотрел на Джона из-под полуопущенных век.

- Ты ошибся, у нас для тебя ничего нет. Джон попробовал было объяснить, что в объявлении указывалась его специальность, но заведующий сделал ему знак помолчать и протянул обратно жетон. Одновременно он выхватил из-под пресс-папье какую-то карточку и показал ее Джону. Он продержал ее меньше секунды, зная, что фотографическое зрение и эйдетическая память робота мгновенно воспримут и навсегда сохранят все, что на ней написано. Карточка упала в пепельницу, и прикосновение карандаша-зажигалки превратило ее в пепел. Джон сунул жетон на место, и, спускаясь по лестнице, мысленно прочитал то, что было написано на карточке. Шесть строчек, напечатанных на машинке. Без подписи.

РОБОТ ВЕНЭКС

ТЫ НУЖЕН ФИРМЕ ДЛЯ СТРОГО СЕКРЕТНОЙ РАБОТЫ.

В АППАРАТЕ УПРАВЛЕНИЯ, ПО-ВИДИМОМУ, ЕСТЬ ОСВЕДОМИТЕЛИ КОНКУРИРУЮЩИХ КОМПАНИЙ,

ПОЭТОМУ ТЕБЯ НАНИМАЮТ ТАКИМ НЕОБЫЧНЫМ СПОСОБОМ.

НЕМЕДЛЕННО ИДИ НА ВАШИНГТОН-СТРИТ, 787, И СПРОСИ МИСТЕРА КОУЛМЕНА.

У Джона словно гора с плеч свалилась. Ведь он уже совсем было решил, что не получит работы. Такой способ найма не вызвал у него никакого удивления. Большие фирмы ревниво охраняли открытия своих лабораторий и не стеснялись в средствах, пытаясь добраться до секретов своих соперников. Пожалуй, можно считать, что место за ним. Громоздкий погрузчик сновал взад и вперед в полутьме старинного склада, возводя аккуратные штабеля ящиков под самый потолок. Джон окликнул его, и робот, сложив подъемную вилку, скользнул к нему на бесшумных шинах. В ответ на вопрос Джона он указал на лестницу в глубине помещения.

- Контора мистера Коулмена вон там. На двери есть дощечка. Погрузчик прижал пальцы к слуховой мембране Джона и понизил голос до еле слышного шепота. Человеческое ухо не уловили бы ничего, но Джон слышал прекрасно, так как металлическое тело погрузчика обладало хорошей звукопроводимостью.

- Он отпетая сволочь и ненавидит роботов. Так что будь повежливее. Если сумеешь вставить в одну фразу пять «сэров», можешь ничего не опасаться. Джон заговорщически подмигнул, опустив щиток одного глаза, погрузчик ответил ему тем же и бесшумно отъехал к своим ящикам. Поднявшись по пыльным ступенькам, Джон осторожно постучал в дверь мистера Коулмена.

Коулмен оказался пухлым коротышкой в старомодном желтом с фиолетовым костюме солидного дельца. Поглядывая на Джона, он сверился с описанием Венэкса в Общем каталоге роботов. По-видимому, убедившись, что перед ним действительно Венэкс, он захлопнул каталог.

- Давай жетон и встань у стенки, вон там! Джон положил жетон и попятился к стене. — Да, сэр. Вот он, сэр. Два «сэра» в один прием — пожалуй, не так уж плохо. Смеху ради он прикинул удастся ли ему втиснуть пять «сэров» в одну фразу так чтобы Коулмен не почувствовал, что над ним потешаются, — и заметил опасность, когда уже было поздно. Скрытый под штукатуркой электромагнит был включен на полную мощность, и металлическое тело Джона буквально вжалось в стену.

Коулмен крикнул, злорадно приплясывая: — Все в порядке, Друс! Повис, как расплющенная консервная банка на рифе! Не пошевельнет ни одним мотором. Тащи сюда эту штуку и обработаем его. Друс был в комбинезоне механика, надетом поверх обычной одежды. На боку у него висела сумка с инструментами. В вытянутой руке он нес черный металлический цилиндр, старательно держа его как можно дальше от себя. Коулмен раздраженно прикрикнул на него: — Бомба на предохранителе и взорваться не может! Перестань валять дурака. Ну-ка присобачь ее к ноге этой жестянки, да побыстрее!

Что-то ворча себе под нос, Друс приварил металлические фланцы бомбы к ноге Джона, чуть выше колена. Коулмен подергал черный цилиндрик, проверяя, прочно ли он держится, а потом повернул какой-то рычажок и вытащил блестящий черный стержень чеки. Раздался негромкий сухой щелчок взрыватель бомбы был взведен. Джон мог только беспомощно следить за происходящим — даже его голосовая диафрагма была парализована магнитным полем. У него не оставалось никаких сомнений, что заманили его сюда не ради сохранения коммерческой тайны. Он ругал себя последними словами за то, что так легкомысленно угодил в ловушку.

Электромагнит был отключен, и Джон тотчас запустил мотор движения, готовясь ринуться вперед. Коулмен достал из кармана пластмассовую коробочку и положил большой палец на кнопку в ее крышке. — Без глупостей, ржавая банка! Этот передатчик настроен на приемник в бомбочке, приваренной к твоей ноге. Стоит мне нажать покрепче, и ты взлетишь вверх в облаке дыма, а вниз посыплешься дождем из болтов и гаек. А если тебе захочется разыграть героя, то вспомни вот про него. По знаку Коулмена Друс открыл стенной шкаф. Там на полу лежал человек неопределенного возраста в грязных лохмотьях. К его груди была

крепко привязана бомба. Прищурив налитые кровью глаза, он поднес ко рту почти опорожненную бутылку виски. Коулмен ударом ноги захлопнул дверь.

- Это просто бездомный бродяга, Венэкс, по тебе ведь это все равно, верно? Он же че-ло-век, а робот не может убить человека. Бомбочка этого пьяницы настроена на одну волну с твоей, и, если ты попробуешь сыграть с нами какую-нибудь штуку, он разлетится на куски. Коулмен сказал правду, и Джону оставалось только подчиниться. Все привитые ему понятия, да и 92-ой контур в его мозгу делали непереносимой для него даже мысль о том, что он может причинить вред человеку.

Для каких-то неведомых ему целей эти люди превратили его в свое покорное орудие.

Коулмен оттащил в сторону тяжелый брезент, лежавший на полу, и Джон увидел в бетоне зияющую дыру — начало темного туннеля, уходившего дальше в землю. Коулмен указал Джону на дыру. — Пройдешь шагов тридцать и наткнешься на обвал. Убери все камни и землю. Расчистишь выход в канализационную галерею и вернешься сюда. И один! Если вздумаешь позвать легавых, и от тебя и от старого хрыча останется мокрое место. А теперь — живо! Туннель был прорыт совсем недавно, и крепежными стойками в нем служили такие же ящики, какие он видел на складе. Внезапно путь ему преградила стена из свежей земли и камней. Джон начал накладывать землю в тачку, которую дал ему Друс.

Он вывез уже четыре тачки и начал накладывать пятую, когда наткнулся на руку — руку робота, сделанную из зеленого металла. Он включил лобовой фонарь и внимательно осмотрел руку. Сомнений не было: шарниры суставов, расположение гаек на ладони и сочленения большого пальца могли означать только одно — это была оторванная кисть Венэкса. Быстро, но осторожно Джон разгреб мусор и увидел погибшего робота. Торс был раздавлен, провода обуглились, из огромной рваной раны в боку сочилась аккумуляторная кислота.

Джон бережно обрезал провода, которые еще соединяли шею с телом, и положил зеленую голову на тачку. Она смотрела на него пустым взглядом мертвеца: щитки разошлись до максимума, но в лампах за ними не теплилось ни искорки жизни. Он начал счищать грязь с номера на раздробленной груди, но тут в туннель спустился Друс и навел на него яркий луч фонарика.

— Брось возиться с этой рухлядью, а то и с тобой будет то же! Туннель надо закончить сегодня!

Джон сложил бесформенные металлические обломки на тачку вместе с землей и камнями и покатил ее по туннелю.

Мысли у него мешались. Мертвый робот это было страшно. Да еще к тому же робот из его семейства! Но тут начиналось необъяснимое. Что-то с этим роботом было не так — он увидел на его груди номер 17, а ведь он очень хорошо помнил тот день, когда Венэкс-17 погиб на дне Оранжевого Моря, потому что в его мотор попала вода. Только через четыре часа Джон добрался до старой гранитной стены канализационной галереи.

Друс дал ему короткий ломик, и он выломал несколько больших камней, так что образовалась дыра, через которую он мог спуститься в галерею. Затем он поднялся в контору, бросил ломик на пол в углу и, стараясь выглядеть как можно естественнее, уселся там на куче земли и камней. Он заерзал, словно устраиваясь поудобнее, и его пальцы нащупали обрубок шеи Венэкса-17.

Коулмен повернулся на табурете и взглянул на стенные часы. Сверившись со своими часами-булавкой, которой был заколот его галстук, он удовлетворенно буркнул чтото и ткнул пальцем в сторону Джона. — Слушай, ты, зеленая жестяная морда! В девятнадцать часов выполнишь одно задание. И смотри у меня! Чтобы все было сделано точно. Спустишься в галерею и выберешься в Гудзон. Выход под водой, так что с берега тебя не увидят. Пройдешь по дну двести ярдов на север. Если не напутаешь, окажешься как раз под днищем корабля. Смотри в оба, но фонаря не зажигай, понял? Пойдешь прямо, под килем, пока не увидишь цепь. Влезешь по ней, снимешь ящик, который привинчен к днищу, и принесешь его сюда. Запомнил? Не то сам знаешь, что будет.

Джон кивнул. Его пальцы тем временем быстро распутывали и выпрямляли провода в оторванной шее. Потом он взглянул на них, чтобы запомнить их порядок. Включив в уме цветовой код, он разбирался в назначении этих проводов. Двенадцатый провод передавал импульсы в мозг, шестой — импульсы из мозга. Он уверенно отделил эти два провода от остальных и неторопливо обвел взглядом комнату. Друс дремал в углу на стуле, а Коулмен разговаривал по телефону. Его голос иногда переходил в раздраженный визг, и все же он не спускал глаз с Джона, а в левой руке крепко сжимал пластмассовую коробочку. Но голову Венэкса-17 Джон от него заслонял, и, пока Друс продолжал спать, он мог возиться с ней, ничего не опасаясь.

Джон включил выходной штепсель в своем запястье, и водонепроницаемая крышечка, щелкнув, открылась. Этот штепсель, соединяющий его с аккумулятором, предназначался для включения инструментов и дополнительных фонарей. Если голова Венэкса-17 была отделена от корпуса менее трех недель

назад, он сможет реактивировать ее. У каждого робота в черепной коробке имелся маленький аккумулятор на случай, если мозг вдруг будет отсоединен от основного источника питания. Аккумулятор обеспечивал тот минимум тока, который был необходим, чтобы предохранить мозг от необратимых изменений, но все это время робот оставался без сознания. Джон вставил провода в штепсель на запястье и медленно довел напряжение до нормального уровня.

После секунды томительного ожидания глазные щитки Венэкса-17 внезапно закрылись. Когда они снова разошлись, лампы за ними светились. Их взгляд скользнул и остановился на Джоне. Правый щиток закрылся, а левый начал отодвигаться и задвигаться с молниеносной быстротой. Это был международный код — и сигналы подавались с максимальной скоростью, какую был способен обеспечить соленоид. Джон сосредоточенно расшифровывал: «*Позвони… вызови особый отдел… скажи:* «*Сигнал четырнадцатый»… помощь при…»* — щиток замер и свет разума в глазах померк. На мгновение Джона охватил панический ужас, но он тут же сообразил, что Венэкс-17 отключился нарочно.
— Эй, что это ты тут затеял? Ты свои штучки брось! Я знаю вас, роботов, знаю, какой дрянью набиты ваши жестяные башки! — Друс захлебывался от ярости.

Грязно выругавшись, он изо всех сил пнул ногой голову Венэкса-17.

Ударившись о стену, она отлетела к ногам Джона. Зеленое лицо с большой вмятин эй во лбу глядело на Джона с немой мукой, и он разорвал бы этого человека в клочья, если бы не 92-ой контур. Но когда его моторы заработали на полную мощность и он уже готов был рвануться вперед, контрольный прерыватель сделал свое дело, и Джон упал на кучу земли, на мгновение полностью парализованный.

Власть над телом могла вернуться к нему, только когда угаснет гнев. Это была словно застывшая живая картина: робот, опрокинувшийся на спину, человек, наклонившийся над ним, с лицом, искаженным животной ненавистью, и зеленая голова между ними — как эмблема смерти. Голос Коулмена, словно нож, рассек мощный пласт невыносимого напряжения:

— Друс! Перестань возиться с этой жестянкой. Пойди открой дверь. Явился Малыш Уилли со своими разносчиками. А с этим хламом поиграешь потом. Друс повиновался и вышел из комнаты, но только после того, как Коулмен прикрикнул на него второй раз. Джон сидел, привалясь к стене, и быстро и точно оценивал все известные ему факты. О Друсе он больше не думал: этот человек стал для него теперь одним из факторов в решении

сложной проблемы. Вызвать особый отдел — значит, это что-то крупное. Настолько, что дело ведут федеральные власти. «*Сигнал четырнадцать*» — за этим стояла крупная предварительная подготовка, какие-то силы, которые теперь могут быть мгновенно приведены в действие. Что, как и почему, он не знал, но ясно было одно: надо любой ценой выбраться отсюда и позвонить в особый отдел. И времени терять нельзя — вот-вот вернется Друс с неведомыми «разносчиками».

Необходимо что-то сделать до их появления. Джон еще не успел довести ход своих рассуждений до конца, а его пальцы уже принялись за дело. Спрятав в руке гаечный ключ, он быстро отвинтил главную гайку бедренного сочленения. Она упала в его ладонь, и теперь только ось удерживала ногу на месте. Джон медленно поднялся с пола и пошел к столу Коулмена.

— Мистер Коулмен, сэр! Уже время, сэр? Мне пора идти к кораблю? Джон говорил медленно, делая вид, что идет к дыре, но одновременно он незаметно приближался и к столу.

— У тебя еще полчаса, сиди смир… Э-эй! Он не договорил. Как ни быстры человеческие рефлексы, они не могут соперничать с молниеносными рефлексами электронного мозга. Коулмен еще не успел понять, что, собственно, произошло, а робот уже упал поперек стола, сжимая в руке отстегнутую у бедра ногу.

— Вы убьете себя, если нажмете эту кнопку! Джон заранее сформулировал это предупреждение. Теперь, выкрикнув его прямо в ухо растерявшегося человека, он засунул отъединенную ногу ему за пояс. Все произошло, как было задумано: палец Коулмена метнулся к кнопке, но застыл над ней. Выпученными глазами он уставился на смертоносный цилиндрик, чернеющий у самого его живота. Джон не стал его ждать, пока он опомнится. Соскользнув со стола, он подхватил с пола ломик и, оттолкнувшись единственной ногой, в один прыжок очутился у дверцы стенного шкафа. Он всадил ломик между косяком и дверцей и с силой нажал. Коулмен еще только ухватился за металлическую ногу, а Джон уже открыл шкаф и одним рывком разорвал толстый ремень, удерживавший бомбу на груди мертвецки пьяного бродяги. Бомбу он бросил в угол возле Коулмена — пусть разделывается с ней как хочет.

Хоть он и остался без ноги, но во всяком случае избавился от бомбы, не причинив вреда человеку. А теперь надо добраться до какого-нибудь телефона и позвонить. Коулмен, еще не успевший освободиться от бомбы, сунул руку в ящик стола за пистолетом. О двери нечего было и думать — там ему преградят путь Друс и его спутники. Оставалось только окно, выходившее в помещение склада. Джон Венэкс выскочил в окно, матовые стекла брызнули

тысячью осколков, а в комнате позади него прогремел выстрел и от металлической оконной рамы отлетел солидный кусок. Вторая пуля калибра 75 просвистела над самой головой робота, поскакавшего к задней двери склада. До нее оставалось не больше тридцати шагов, как вдруг раздалось шипенье, огромные створки скользнули навстречу друг другу и плотно сомкнулись. Значит, все остальные двери тоже заперты, а топот стремительно бегущих ног сказал ему, что именно там его и намерены встретить враги. Джон метнулся за штабель ящиков и посмотрел вокруг.

Над его головой, скрещиваясь и перекрещиваясь, уходили под крышу стальные балки.

Человеческий глаз ничего не различил бы в царившем там густом мраке, но для Джона было вполне достаточно инфракрасных лучей, исходивших от труб парового отопления. С минуты на минуту Коулмен и его сообщники начнут обыскивать склад, и только там, на крыше, он может спастись от плена и смерти. Да и передвигаться по полу на одной ноге было не просто. А на балках для быстрого передвижения ему будет достаточно рук. Джон уже забрался на одну из верхних балок, когда внизу раздался хриплый крик и загремели выстрелы. Пули насквозь пробивали тонкую крышу, а одна расплющилась о стальную балку как раз под его грудью. Трое из новоприбывших начали карабкаться вверх по пожарной лестнице, а Джон тихонько пополз к задней стене. Сейчас ему ничто непосредственно не угрожало, и он мог обдумать свое положение. Люди ищут его, рассыпавшись по всему зданию, и через несколько минут он, несомненно, будет обнаружен. Все двери заперты, и окна… он обвел взглядом склад — окна, конечно, тоже блокированы.

Если бы он мог позвонить в особый отдел, неведомые друзья Венэкса-17, вероятно, успели бы прийти к нему на помощь. Но об этом не стоило и думать — единственным телефоном в здании был тот, который стоял на столе Коулмена. Джон специально проследил направление провода и знал это наверняка. Джон машинально посмотрел вверх, туда, где почти у самой его головы протянулись провода в пластмассовой оболочке. Вон он, телефонный провод… Телефонный провод? А что еще ему нужно, чтобы позвонить? Он ловко и быстро освободил от изоляции небольшой участок телефонного провода и вытащил из левого уха маленький микрофон. Он усмехнулся: сначала нога, теперь ухо — ради ближнего он жертвовал собой в буквальном смысле. Не забыть потом сказать об этом Алеку Копачу — если это «потом» для него наступит. Алек обожает такие шутки. Джон

вставил в микрофон два провода и подсоединил его к телефонной линии. Прикоснувшись к проводу амперметром, он убедился, что линия свободна.

Затем, рассчитав нужную частоту, послал одиннадцать импульсов, точно соблюдая соответствующие интервалы. Это должно было обеспечить ему соединение с местной подстанцией. Поднеся микрофон к самому рту, Джон произнес четко и раздельно: — Алло, станция! Алло, станция! Я вас не слышу, не отвечайте мне. Вызовите особый отдел — сигнал четырнадцать, повторяю — сигнал четырнадцать… Джон повторял эти слова, пока не увидел, что обыскивающие люди уже совсем близко. Он оставил микрофон на проводе — в темноте люди его не заметят, а включенная линия подскажет неведомому особому отделу, где он находится. Упираясь в металл кончиками пальцев, он осторожно перебрался по двутавровой балке в дальний угол помещения и заполз там в нишу. Спастись он не мог. Оставалось только тянуть время.

- Мистер Коулмен, я очень жалею, что убежал! Голос, включенный на полную мощность, разнесся по складу раскатами. Люди внизу завертели головами, стараясь обнаружить, откуда он доносится.

- Если вы позволите мне вернуться и не убьете меня, я сделаю то, что вы велели. Я боялся бомбы, а теперь боюсь пистолетов. (Конечно, это звучало очень по-детски, но он не сомневался, что никто из них не имеет ни малейшего представления о мышлении роботов.) Пожалуйста, разрешите мне вернуться… сэр! — Он чуть было не забыл про магическое словечко, а потому повторил его еще раз: — Пожалуйста, сэр! Коулмену необходим этот ящик, и, разумеется, он пообещает все; что угодно.

Джон прекрасно понимал, какая судьба его ждет в любом случае, но он старался выиграть время в надежде, что ему удалось дозвониться и помощь подоспеет вовремя. — Ладно, слезай, жестянка! Я тебе ничего не сделаю, если ты выполнишь работу как следует. Но Джон уловил скрытую ярость в голосе Коулмена. Бешеную ненависть к роботу, посмевшему дотронуться до него… Спускаться было легко, но Джон спускался медленно, стараясь выглядеть как можно более неуклюжим. Он поскакал на середину склада, хватаясь за ящики, словно для того, чтобы не потерять равновесия.

Коулмен и Друс ждали его там. Рядом с ними стояли какие-то новые люди с пустыми и злыми глазами. При его приближении они подняли пистолеты, но Коулмен жестом остановил их.

- Это моя жестянка, ребята. Я сам о нем позабочусь. Он поднял пистолет, и выстрел оторвал вторую ногу Джона.

Подброшенный ударом пули Джон беспомощно рухнул на пол, глядя вверх — на дымящееся дуло пистолета калибра 75. — Для консервной банки придумано неплохо, только этот номер не пройдет. Мы снимем ящик каким-нибудь другим способом. Так, чтобы ты не путался у нас под ногами. Его глаза зловеще сощурились. С этого момента, как Джон кончил шептать в микрофон, прошло не больше двух минут. Вероятно, те, кто ждал звонка Венэкса-17, дежурили в машинах круглые сутки. Внезапно с оглушительным грохотом обрушилась центральная дверь.

Скрежеща гусеницами по стали, в склад влетела танкетка, ощеренная автоматическими пушками. Но она опоздала на одну секунду: Коумен нажал на спуск.

Джон уловил чуть заметное движение его пальца и отчаянным усилием рванулся в сторону. Он успел отодвинуть голову, но пуля разнесла его плечо. Еще раз Коулмен выстрелить не успел. Раздалось пронзительное шипение, и танкетка изрыгнула мощные струи слезоточивого газа. Ни Коулмен, ни его сообщники уже не увидели полицейских в противогазах, хлынувших в склад с улицы. Джон лежал на полу в полицейском участке, а механик приводил в порядок его ногу и плечо. По комнате расхаживал Венэкс-17, с видимым удовольствием, пробуя свое новое тело. — Вот это на что-то похоже! Когда меня засыпало, я уже совсем решил, что мне конец. Но, пожалуй, я начну с самого начала. Он пересек комнату и потряс уцелевшую руку Джона. — Меня зовут Уил Контр-4951Х3. Хотя это давно пройденный этап — я сменил столько разных тел, что уже и забыл, каков я был в самом начале.

Из заводской школы я перешел прямо в полицейское училище и с тех пор так и работаю — сержант вспомогательных сил сыскной полиции, следственный отдел.

Занимаюсь я больше тем, что торгую леденцами и газетами, или разношу напитки во всяких притонах: собираю сведения, составляю докладные и слежу кое за кем по поручению других отделов. На этот раз — прошу, конечно, извинения, что мне пришлось выдать себя за Венэкса, но, по-моему, я ваше семейство не опозорил — на этот раз меня одолжили таможне. В Нью-Йорк начали поступать большие партии героина. ФБР удалось установить, кто орудует здесь, но было неизвестно, как товар доставляется сюда. И когда Коулмен — он у них тут был главным — послал объявления в агентства по найму рабочей силы, что ему требуется робот, меня запихнули в новое тело, и я сразу помчался по адресу. Как только я начал копать туннель, я связался с отделом, но проклятая кровля обрушилась до того, как я выяснил, на каком судне пересылают героин. А что было дальше, тебе

известно.

Опергруппа не знала, что меня прихлопнуло, и ждала сигнала. Ну, а этим ребятам, понятно, не хотелось сложа руки ждать, когда ящичек героина ценой в полмиллиона уплывет назад невостребованный. Вот они и нашли тебя. Ты позвонил, и доблестные блюстители порядка вломились в последний миг спасти двух роботов от ржавой могилы. Джон давно уже тщетно пытался вставить хоть слово и поспешил воспользоваться случаем, когда Уил замолчал, залюбовавшись своим отражением в оконном стекле.

- Почему ты мне все это рассказываешь — про методы следствия и про операции твоего отдела? Это же секретные сведения? И уж никак не для роботов.

- Конечно! — беспечно ответил Уил. — Капитан Эджкомб, глава нашего отдела, — большой специалист по всем видам шантажа. Мне поручено наболтать столько лишнего, чтобы тебе пришлось либо поступить на службу в полицию, либо распрощаться с жизнью во избежание разглашения государственной тайны. Уил расхохотался, но Джон ошеломленно молчал.

- Правда, Джон, ты нам очень подходишь. Роботы, которые умеют быстро соображать и быстро действовать, встречаются не так уж часто. Услышав, какие штуки ты откалывал на складе, капитан Эджкомб поклялся оторвать мне голову навсегда, если я не уговорю тебя.

Ты ведь ищешь работу? Ну так что же тебе еще? Неограниченный рабочий день, платят гроши, зато уж скучно не бывает никогда. Уил вдруг перешел на серьезный тон. — Ты спас мне жизнь, Джон. Эта шайка бросила бы меня ржаветь в туннеле до скончания века. Я буду рад получить тебя в помощники. Мы с тобой сработаемся. И к тому же, — тут он снова засмеялся, — тогда как-нибудь при случае и я тебя спасу. Терпеть не могу долгов! Механик кончил и, сложив инструменты, ушел.

Плечевой мотор Джона был отремонтирован, и он смог сесть. Они с Уилом обменялись рукопожатием — на этот раз крепким и долгим. Джона оставили ночевать в пустой камере. По сравнению с гостиничными номерами и барачными закутками, к которым он привык, она казалась удивительно просторной, и Джон даже пожалел, что у него нет ног — их было бы где поразмять. Ну ладно, придется подождать до утра.

Перед тем как он начнет выполнять свои новые обязанности, его приведут в полный порядок.

Он уже записал свои показания, но невероятные события этого дня все еще не давали ему думать ни о чем другом. Это его

раздражало: надо было дать остыть перегретым контурам. Если бы было чем отвлечься! Почитать бы что-нибудь! И тут он вспомнил о брошюре. События развивались так стремительно, что он совсем забыл про утреннюю встречу с шофером грузовика. Он осторожно вытащил брошюрку из-за изоляции генератора и открыл первую страницу. «*Роботы — рабы мировой экономической системы».* Из брошюры выпала карточка, и он прочел:

ПОЖАЛУЙСТА, УНИЧТОЖЬТЕ ЭТУ КАРТОЧКУ, КОГДА ПРОЧТЕТЕ!

ЕСЛИ ВЫ РЕШИТЕ, ЧТО ВСЕ ЗДЕСЬ — ПРАВДА, И ЗАХОТИТЕ УЗНАТЬ БОЛЬШЕ,

ТО ПРИХОДИТЕ ПО АДРЕСУ ДЖОРЖ-СТРИТ, 107, КОМНАТА В,

В ЛЮБОЙ ЧЕТВЕРГ В ПЯТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА.

Карточка вспыхнула и через секунду превратилась в пепел, но Джон знал, что будет помнить эти строчки не только потому, что у него безупречная память.

РУКА ЗАКОНА

Это был большой фанерный ящик, по виду напоминавший гроб и весивший, похоже, целую тонну. Мускулистый малый, водитель грузовика, просто впихнул его в дверь полицейского участка и пошел прочь. Я оторвался от регистрационной книги и крикнул ему вслед:

— Что это еще за чертовщина?

— А я почем знаю, — ответил он, вскакивая в кабину.

Когда я встал из-за стола и склонился над ящиком, на зубах у меня скрипела пыль. Начальник полиции Крейг, должно быть услыхав шум, вышел из своего кабинета и помог мне бессмысленно созерцать ящик.

— Думаешь, бомба? — сказал он скучающим тоном.

— Кому это только понадобилось взрывать нас? Да еще бомбой такого размера? И надо же — с самой Земли!

Начальник кивнул в знак согласия со мной и обошел ящик. Снаружи нигде не было обратного адреса. В конце концов нам пришлось поискать ломик, и я принялся отрывать крышку. Когда я поддел ее, она легко соскочила и свалилась на пол.

Вот тогда-то мы впервые и увидели Неда. Нам бы повезло куда больше, если бы мы его видели не только в первый, но и в последний раз. Если бы мы только водворили крышку на место и отправили эту штуку обратно на Землю! Теперь-то я знаю, что

значит *«ящик Пандоры»*.

Но мы просто стояли и глазели на него как бараны на на новые ворота. А Нед лежал неподвижно и глазел на нас.

— Робот! — сказал начальник.

— Тонкое наблюдение: сразу видно, что ты окончил полицейское училище.

— Ха-ха! Теперь узнай, зачем он здесь.

Я училища не кончал, но это не помешало мне быстренько найти письмо. Оно торчало из толстой книги, засунутой в одно из отделений ящика. Начальник взял письмо и стол читать его без всякого энтузиазма.

— Так, так! Фирма *«Юнайтед роботикс»* с пеной у рта доказывает, что... *« роботы при правильной их эксплуатации могут оказывать неоценимую помощь в качестве полицейских...»* От нас хотят, чтобы мы провели полевые испытания... *«Прилагаемый робот — новейшая экспериментальная модель; стоимость — 120 тысяч»*...

Оба мы снова посмотрели на робота, обуреваемые единым желанием увидеть вместо него денежные знаки. Начальник нахмурился и, шевеля губами, прочел письмо до конца. Я думал, как вытащить робота из его фанерного гроба.

Не знаю, экспериментальная это была модель или нет, но вид у механизма был красивый. Весь синий, цвета флотской формы, в выходные отверстия, крюки и тому подобное — позолоченное. Кому-то пришлось здорово потрудиться, чтобы добиться такого эффекта. Он очень напоминал полицейского в мундире, но карикатурного сходства не было. Казалось, не хватало только полицейского значка и пистолета.

Тут я заметил слабое свечение в глазных линзах робота. До этого мне не приходило в голову, что эту штуку можно оживить. Терять было нечего, и я сказал:

— Вылезай из ящика.

Робот взвился стремительно и легко, как ракета, и приземлился в двух футах от меня, молодцевато отдав мне честь.

— Полицейский экспериментальный робот, серийный номер ХПО-456-934Б, готов к исполнению обязанностей, сэр.

Голос его дрожал от усердия, и мне казалось, что я слышу, как гудят его упругие стальные мышцы. У него, наверно, была шкура из нержавеющей стали и пучок проводов вместо мозга, но мне он казался настоящим новичком-полицейским, прибывшим для прохождения службы. Тем более, что он был ростом с человека, имел две руки, две ноги и окраску под цвет мундира. Стоило мне чуть-чуть прищурить глаза, и предо мной стоял Нед, новый полицейский нашего участка, только что закончивший

школу и полный служебного рвения. Я потряс головой, чтобы отделаться от этого наваждения. Это всего лишь машина высотой в шесть футов, которую ученые головы свинтили для собственного развлечения.

— Расслабься, Нед, — сказал я. Он по-прежнему отдавал мне честь. — Вольно! При таком усердии ты заработаешь грыжу выхлопного клапана. Впрочем, я здесь всего лишь сержант. А вон там начальник полиции.

Нед сделал оборот налево кругом и скользнул к начальнику стремительно и бесшумно. Начальник смотрел на него, как на чертика из коробки, слушая тот же рапорт о готовности.

— Интересно, а может он делать что-нибудь еще или только отдавать честь и рапортовать? — сказал начальник, обходя вокруг робота и поглядывая на него с интересом... как собака на колонку.

— Функции, эксплуатация, а также разумные действия, на которые способны полицейские экспериментальные роботы, описаны в руководстве на страницах 184-213.

Голос Неда на секунду заглох — робот нырнул в ящик и появился с упомянутым томом.

— Подробные разъяснения тех же пунктов можно найти также на страницах с 1035 по 1267-ю включительно.

Начальник, который за один присест с трудом дочитывал до конца юмористическую страничку журнала, повертел толстенную книгу в руках с таким видом, будто она могла его укусить. Прикинув ее на вес и ощупав переплет, он швырнул ее мне на стол.

— Займись этим, — сказал он, уходя к себе в кабинет. — И роботом тоже.

Начальник на был способен долго сосредоточиваться на каком-либо деле, а на этот раз ему пришлось напрячь внимание до предела.

Из любопытства я полистал книгу. Вот уж с кем мне никогда не приходилось иметь дела, так это с роботами, и поэтому я знал о них не больше любого простого смертного. Возможно, даже меньше. В книге уместилось великое множество страниц мелкой печати с мудреными формулами, электрическими схемами и диаграммами в девяти красках и тому подобным. Изучение ее требовало внимательности, на что я в то время не был способен. Захлопнув книгу, я воззрился на нового служащего города Найнпорта.

— За дверью стоит веник. Знаешь, как с ним управляются?

— Да, сэр.

— Тогда подмети комнату, стараясь при этом поднимать как

можно меньше пыли.

Справился он превосходно.

Я наблюдал, как машина, стоящая сто двадцать тысяч, сгребает в кучу окурки и песок, и думал, почему же ее послали в Найнпорт. Наверно, потому, что во всей Солнечной системе не было более крохотного и незначительного полицейского подразделения, чем наше. Инженеры, видимо, считали, что для полевых испытаний как раз это и нужно. Даже если эта штука взорвется, никому до нее не будет никакого дела. Потом кто-нибудь когда-нибудь получит сообщение о ней. Что ж, место выбрано правильно. Найнпорт как раз затерялся в безвестности.

Именно поэтому, разумеется, и я здесь. Единственный настоящий полицейский. Хотя бы один такой человек непременно нужен, чтобы была видимость,будто дело делается. У начальника Алонцо Крейга только и хватает ума на то, чтобы не ронять деньги, когда ему суют взятку. Есть у нас и два постовых. Один старый и вечно пьяный. У другого еще молоко на губах не обсохло. Я служил десть лет в столичной полиции на Земле. Почему я ушел — это уж мое личное дело. Я уже давно заплатил за прежние ошибки, забравшись сюда, в Найнпорт.

Найнпорт — не город, это лишь место, где останавливаются по пути. Постоянно живут здесь лишь те, кто обслуживает проезжающих: содержатели гостиниц, шулера, шлюхи, бармены и тому подобные.

Есть и космопорт, но туда садятся лишь грузовые ракеты, чтобы забрать металл с тех рудников, которые еще работают. Некоторые поселенцы приезжают сюда за провиантом. Найнпорт можно назвать городом, который так и не увидел настоящие жизни. Хорошо если через сотню лет не этом месте хоть что-то будет торчать из песка в знак того, что Найнпорт когда-то существовал. Меня в то время уже ну будет, и потому мне наплевать...

Я вернулся к регистрационной книге. В камерах сидят пятеро пьяных — средний улов. Пока я записывал их, Фэтс втащил шестого.

— Заперся в дамском туалете в космопорте и сопротивлялся при аресте, — доложил он.

— Нарушение общественного порядка в пьяном виде. Тащи его в камеру.

Фэтс повел свою жертву, пошатываясь ей в такт. Я всегда изумлялся, наблюдая, как Фэтс обращается с пьяным, — обычно у него было заложено за галстук больше, чем у них. Я никогда не видел его ни мертвецки пьяным, ни совершенно трезвым. Несмотря на это его мутные глаза никогда не подводили — стоял

ли он на часах у камер или ловил пьяных. Это он делал превосходно. В какой бы уголок они не заползали, он находил их. Несомненно, потому, что инстинкт вел их в одно и то же место.

Фэтс захлопнул дверь шестой камеры и, выписывая вензеля, вернулся назад.

— Что это? — Он показал на робота.

— Это робот. Я забыл номер, который дала ему мама на заводе, и потому мы зовем его Недом. Он теперь работает у нас.

— Ну, и молодец! Пусть почистит камеры после того, как мы выкинем оттуда шантрапу.

— Это моя обязанность, — сказал Билли, входя в комнату. Он сжимал дубинку и хмуро смотрел из-под козырька форменной фуражки. Билли был не то чтобы глуп, просто природа наделила его лишней силенкой за счет ума.

— Теперь это обязанность Неда, потому что ты получил повышение. Будешь помогать мне.

Билли порой бывал очень полезен, и я дорожил его атлетическим сложение. Мое объяснение подбодрило его, он уселся рядом с Фэтсом и стал смотреть, как Нед подметает пол.

Так дело шло примерно с неделю. Мы наблюдали за тем, как Нед подметает и чистит, пока участок не начал приобретать явно стерильный вид. Начальник, который всегда проявлял заботу о порядке, обнаружил, что Нед может подшить целую тонну докладных и прочих бумаг, захламлявших его кабинет. Работы у Неда оказалось много, а мы так привыкли к нему, что едва замечали его присутствие. Я знал, что он отнес свой фанерный гроб на склад и устроил себе там подобие уютной спаленки. Все остальное меня не интересовало.

Руководство по роботу было похоронено в моем столе, и я ни разу не заглянул в него. Если бы я это сделал, то имел бы некоторое представление о больших переменах, которые ждали нас впереди. Никто из нас не знал ничего о том, что робот может, а чего не может делать. Нед превосходно справлялся с обязанностями уборщицы-делопроизводителя и этим ограничивался. Дело не двинулось бы дальше, если бы начальник не был слишком ленив. С этого все и началось.

Было часов девять вечера, и начальник как раз собирался уйти домой, когда раздался телефонный звонок. Он взял трубку, послушал и положил ее.

— Винный магазин Гринбека. Его снова ограбили. Просят срочно приехать.

— Это что-то новое. Обычно мы узнаем об ограблении только через месяц. За что же он платит деньги Китайцу Джо, если тот его не защищает? Почему теперь такая спешка?

Начальник пожевал нижнюю губу и после мучительных раздумий в конце концов принял решение.

— Поезжай-ка да посмотри, в чем там дело.

— Сейчас, — сказал я и потянулся за фуражкой. — Но на участке никого нет, придется тебе присмотреть, пока я не вернусь.

— Так не годится, — простонал он. — Я умираю с голоду, а тут еще сидеть и ждать?..

— Я пойду возьму показания, — сказал Нед, выступив вперед и, как обычно, молодцевато отдав честь.

Сперва начальник не поддался на удочку. Представьте себе холодильник, который вдруг ожил и предложил свои услуги.

— Как же это ты возьмешь показания? — проворчал он, ставя на место холодильник, вообразивший себя умником. Но подковырка была облечена в вопросительную форму, и винить за это ему пришлось только себя. Точно за три минуты Нед рассказал начальнику, как полицейский производит первичное дознание при получении сообщения о вооруженном грабеже или ином виде воровства. Судя по выпученным глазам начальника, Нед очень скоро вышел за пределы скудных знаний Крейга.

— Хватит! — наконец рявкнул начальник. — Если ты знаешь так много, почему бы тебе не взять показания?

Для меня это прозвучало как вариант фразы: *«Если уж ты такой умный, то почему ты не богатый?»,* которую мы обычно говорили умникам еще в школе. Нед понимал такие вещи буквально и направился к двери.

— Вы хотите сказать, что я должен взять показания об этом ограблении?

— Да, — сказал начальник, чтобы только отвязаться от него, и синяя фигура Неда исчезла за дверью.

— По его виду не скажешь, что он такой смышленый, — сказал я. — Он так и не спросил, где находится магазин Гринбека.

Начальник кивнул, а телефон снова зазвонил. Начальничья рука, которая все еще покоилась на трубке, машинально подняла ее. Секунду он слушал, и лицо его становилось все бледней, будто у него из пятки выкачивали кровь.

— Грабеж все еще продолжается, — с трудом произнес он наконец. — Рассыльный Гринбека на проводе — хочет узнать, что мы предпринимаем. Я, говорит, сижу под столом в задней комнате...

Я не услышал остального, потому что бросился в дверь и к машине. Могли бы произойти тысячи неожиданностей, если бы Нед прибыл в магазин прежде меня. Началась бы стрельба,

пострадали бы люди...И во всем этом обвинили бы полицию — за то, что послали консервную банку вместо полицейского. Хотя Нед выполнял приказ начальника, я знал, что как пить дать это дело пришьют мне. На Марсе никогда не бывает очень тепло, но я вспотел.

В Найнпорте действуют четырнадцать правил уличного движения, и я, не проехав и квартала, нарушил их все. Но как я не торопился, Нед оказался проворнее. Завернув за угол, я увидел, как он распахнул дверь магазина Гринбека и вошел внутрь. Я нажал на тормоза — они взвизгнули, но на мою долю досталось лишь участь зрителя. Впрочем, это тоже было небезопасно.

В магазине хозяйничали два приезжих грабителя. Один склонился над конторкой, словно клерк, другой опершись на нее, стоял рядом. Оружия у них не было видно, но стоило синему Неду показаться в дверях, как их взвинченные нервы не выдержали. Оба ружья поднялись одновременно, словно были на резинках, и Нед остановился как вкопанный. Я схватил свой пистолет и ждал, когда полетят в окно куски разорванного робота.

Реакция Неда была мгновенной. Таким, я думаю, и должен быть робот.

— БРОСЬТЕ ОРУЖИЕ, ВЫ АРЕСТОВАНЫ!

Он, видимо, включил звук на полную мощность, его голос загремел так оглушительно, что у меня заболели уши. Результат был такой, какого и следовало ожидать. Раздались два выстрела одновременно. Витрины магазина вылетели со звоном, а я упал плашмя. По звуку я понял, что стреляли из базуки пятидесятого калибра. Ракетные снаряды — их ничем не остановишь. Они прошибают все, что стоит на их пути.

Но Неда они, кажется, нисколько не побеспокоили. Он только прикрыл глаза. Щиток с узкой прорезью соскользнул сверху на глазные линзы. Затем робот двинулся к первому головорезу.

Я знал, что он проворен, но не представлял на сколько... Еще два снаряда ударили в него, когда он пересекал комнату, но прежде чем грабитель снова прицелился, его ружье оказалось в руках у Неда. Все было кончено. Выхватив из слабеющих пальцев ружье и опустил его в сумку, Нед вынул наручники и защелкнул их на запястьях грабителя.

Громила номер два помчался к двери, где я приготовил ему теплую встречу. Но моя помощь не понадобилась. Он не одолел и полпути, как Нед очутился перед ним. Они столкнулись, раздался стук, но Нед даже не пошатнулся, а грабитель потерял сознание. Он так и не почувствовал, как Нед, защелкнув наручники, бросил его рядом с товарищем.

Я вошел, забрал ружья у Неда и официально подтвердил арест. Вот и все, что видел выползший из-за конторки Гринбек, а больше мне ничего и не требовалось. Магазин был по колено засыпан битым стеклом, и пахло в нем как в бочке из под спирта. Гринбек начал выть по-волчьи над своим разорением. Он, видимо, знал о телефонном звонке не больше моего, и поэтому я вцепился в прыщавого юнца, приковылявшего со склада. Он-то и звонил.

Случай оказался совершенно нелепым. Малый работал у Гринбека всего несколько дней, и у него не хватило ума сообразить, что о всех грабежах надо сообщать не в полицию, а ребятам, взявшим магазин под свою защиту. Я велел Гринбеку просветить малого — пусть посмотрит на то, что он натворил.

Потом я погнал обоих экс-грабителей к автомобилю. Нед сел на заднее сиденье вместе с ними, прильнувшими друг к другу, словно беспризорные сиротки в бурю. Робот молча достал из своего бедра пакет первой медицинской помощи и перевязал одного из громил, получившего ранение, чего сперва в пылу схватки никто не заметил.

Когда мы вошли, начальник все еще сидел без кровинки в лице. Поистине, он был бледен как смерть.

— Вы произвели арест, — прошептал он. Не успел я выложить все, как ему в голову пришла еще более ужасная мысль. Он схватил первого грабителя за грудки и склонился к нему.

— Вы из банды Китайца Джо? — прорычал начальник.

Грабитель сделал ошибку, думая отмолчаться. Начальник влепил ему затрещину, от которой у громилы искры из глаз посыпались. Когда вопрос был повторен, он ответил правильно.

— Не знаю я никакого Китайца Джона. Мы только сегодня приехали в город и...

— Свободные художники, слава Богу, — со вздохом облегчения сказал начальник и повалился в кресло. — Запри их и быстро расскажи мне, что там случилось.

Я захлопнул за грабителями дверь камеры и показал дрожащим пальцем на Неда.

— Вот герой, — сказал я. — Взял их голыми руками... Это ураган, а не робот, добродетельная сила в нашем обществе. И к тому же пуленепробиваемая.

Я провел пальцем по широкой груди Неда. Снаряды лишь сбили краску, но царапин на металле почти не было.

— Это будет стоит мне неприятностей, больших неприятностей, — стонал начальник.

Я знал, что он говорит о банде вымогателей. Они не любят, когда арестовывают грабителей и когда ружья начинают стрелять

без их одобрения. Но Нед думал, что у начальника другие неприятности, и поторопился дать разъяснения.

— Не будет никаких неприятностей. Я никогда не нарушал Законов ограничения деятельности роботов, они вмонтированы в мою схему и действуют автоматически. Люди, которые достали оружие и угрожали насилием, нарушили законы не только наши, но и человеческие. Я не причинил людям никакого вреда — я лишь призвал их к порядку.

Для начальника все это было слишком сложно, но я, кажется, понимал. И даже поинтересовался, как робот — машина — может разобраться в вопросах нарушения и применения законов. У Неда было ответ и на это.

— Эти функции выполняются роботами уже много лет. Разве радарные измерители не выносят суждение о нарушении людьми правил уличного движения? Робот — измеритель степени опьянения — справляется со своими обязанностями лучше, чем полицейский, задерживающий пьяного. Одно время роботам даже позволяли самим решать вопрос об убийстве. До принятия Законов ограничения деятельности роботов всюду применялось устройство автоматической наводки орудий. Впоследствии появились самостоятельные батареи больших зенитных орудий. Автоматический радар обнаруживал все самолеты. Но те самолеты, которые не могли послать правильный опознавательный сигнал, засекались, их курс вычислялся, автоматические подносчики снарядов и заряжающие готовили управляемые вычислительными машинами орудия к бою, и робот производил выстрел.

С Недом нельзя было не согласиться. Возражения вызвал разве что его лексикон профессора колледжа. Поэтому я переменил тему разговора.

— Но робот не может заменить полицейского — тут нужен человек.

— Разумеется, это так, но замена человека-полицейского не является задачей полицейского робота. Я главным образом выполняю функции многочисленных видов полицейского снаряжения,интегрирую их действия и нахожусь в постоянной готовности. К тому же я оказываю механическую помощь случае принятия принудительных мер. Арестовывая человека, вы надеваете на него наручники. Но если вы прикажете мне сделать то же самое, то я моральной ответственности не несу. В данном случае я просто машина для надевания наручников...

Подняв руку, я прервал поток роботодоводов. Нед по самую завязку был набит фактами и цифрами, и я сообразил, что его не переспоришь. Когда Нед производил арест, никакие законы не

нарушались — это несомненно. Но были и другие законы, кроме тех, что публикуются в книгах.

— Китайцу Джо это не понравится, совсем не понравится, — сказал начальник, отвечая собственным мыслям.

Закон джунглей. Такого в юридических книгах не было. А именно этот закон царил в Найнпорте. В городе жило довольно много обитателей игорных и публичных домов и питейных заведений. Все они подчинялись Китайцу Джо. Как и полиция. Все мы были у него в кулаке и, можно сказать, у него на содержании. Впрочем, это были штуки не такого рода, чтобы объяснять их роботу.

— Точно, Китайцу Джо не понравится.

Сперва я подумал, что это эхо, а потом понял, что кто-то вошел и стоит у меня за спиной. Тварь по имени Алекс. Шесть футов костей, мышц и неприятностей. Он фальшиво улыбнулся начальнику, который вдавился в кресло поглубже.

— Китаец Джо хочет, чтобы вы ему объяснили, почему ваши резвые полицейские суют нос не в свое дело, трогают людей и заставляют их стрелять по бутылкам с хорошими напитками. Он особенно рассердился из-за хуча. [1] Он говорит, что с него хватит трепа, и с этих пор вы...

— Я, робот, налагаю на вас арест согласно статье 46, параграфу 19 пересмотренного Уложения...

Мы и глазом моргнуть не успели, ка Нед арестовал Алекса и тем самым подписал наши смертные приговоры.

Алекс не был медлительным человеком. Поворачиваясь посмотреть, кто схватил его, он уже доставал пистолет. Он успел выстрелить прямо в грудь Неду, прежде чем робот выбил у него из рук пистолет и надел наручники. Мы с разинутыми ртами смотрели на арестованного, а Нед снова продекламировал обвинение. И клянусь, тон у него был довольный.

— Арестованный — Питер Ракьомски, он же Алекс Топор, разыскивается в Канал-сити за вооруженное ограбление и попытку убийства. Так же разыскивается местными полициями Детройта, Нью-Йорка и Манчестера по обвинению в...

— Уберите от меня эту штуку! — завопил Алекс.

Мы бы это сделали и все было бы шито-крыто, если бы Бенни Жук не услышал выстрела. Он просунул голову в дверь ровно настолько, чтобы усечь происходившее.

— Алекс... они тронули Алекса!

Голова исчезла. Я бросился к двери, но Бенни уже скрылся с глаз. Ребята Китайца Джо всегда ходят по городу парами. Через десять минут он все узнает.

— Зарегистрируй его, — приказал я Неду. — Теперь уже

ничего не изменишь, даже если его отпустить. Настал конец света.

Бормоча что-то себе под нос, вошел Фэтс. Увидев меня, он ткнул большим пальцем в сторону двери.

— Что случилось? Коротышка Бенни Жук выскочил отсюда, будто из горящего дома. Он чуть не разбился, когда рванул на своей машине.

Потом Фэтс увидел Алекса в наручниках и мгновенно протрезвел. Он размышлял с открытым ртом ровно секунду и принял решение. Совершенно твердой походкой он подошел к начальнику и положил на стол перед ним свой полицейский значок.

— Я старый человек и пью слишком много, чтобы быть полицейским. Поэтому я ухожу из полиции. Если там стоит в наручниках один известный мне человек, то я и дня не проживу, оставшись здесь.

— Крыса! — с болью процедил сквозь стиснутые зубы начальник. — Бежишь с тонущего корабли. Крыса!

— Хана, — сказал Фэтс и ушел.

Теперь уже начальник ни на что не обращал внимания. Он и глазом не моргнул, когда я взял значок Фэтса со стола. Не знаю, почему я сделал это — видно, считал, что так будет справедливо. Нед заварил всю кашу, и я был настолько зол, что мне хотелось видеть, как он ее будет расхлебывать. На его грудной пластинке было два колечка, и я не удивился тому, что булавка значка пришлась точно по ним.

— Ну вот, теперь ты настоящий полицейский.

От моих слов так и разило сарказмом. А мне бы надо было знать, что роботы к сарказму нечувствительны. Нед принял мое заявление за чистую монету.

— Это очень большая честь не только для меня, но и для всех роботов. Я сделаю все, чтобы выполнить свой долг перед полицией.

Герой в жестяных подштанниках. Слышно было, как от радости у него в брюхе гудели моторчики, когда он регистрировал Алекса.

Если бы со всем прочим не было так скверно, я бы наслаждался этим зрелищем. В Неда было вмонтировано столько полицейского снаряжения, сколько его никогда не имел весь найнпортский участок. Из бедра у него выскочила чернильная подушечка, о которую он ловко промокнул пальцы Алекса, прежде чем сделать их отпечатки на карточке. Потом он отстранил арестованного на вытянутую руку, в животе у него что-то защелкало. Нед повернул Алекса в профиль, и из щели

вывалились две моментальные фотографии. Они были прикреплены к карточке, куда вписывались подробности ареста и тому подобные сведения. Нед продолжал действовать, а я заставил себя отойти. Надо было подумать о более важных вещах.

Например, как остаться в живых.

— Придумал что-нибудь, начальник?

В ответ послышался только стон, и я больше к шефу не приставал. Потом пришел Билли, остаток нашего полицейского подразделения. Я ему коротко обрисовал ситуацию. Либо по глупости, либо от храбрости он решил остаться, и я был горд за мальчика. Нед упрятал под замок арестанта и начал уборку.

В это время вошел Китаец Джо.

Хотя мы ждали его появления, оно все равно потрясло нас. Он привел с собой банду дюжих и свирепых громил, которые толпились у дверей, похожие на команду раздобревших бейсболистов. Китаец Джо стоял впереди, пряча руки в рукавах своего длинного мандаринского халата. Азиатское лицо его было невозмутимо. Он не терял времени на разговоры с нами, просто дал слово одному из своих ребят.

— Очистите место. Скоро явится сюда новый начальник полиции, и я не хочу, чтобы тут торчала всякая шантрапа.

Я разозлился. Пусть я люблю брать взятки, но я все-таки полицейский. Мне платит жалованье не какой-нибудь дешевенький бандитик. Меня тоже интересовала личность Китайца Джо. Я и прежде пытался подобрать к нему ключи, но узнать ничего не удалось. Любопытство все еще не покинуло меня.

— Нед, присмотрись-ка к этому китайцу в вискозном купальном халате и скажи мне, кто он.

Ну и быстро же работает эта электроника. Нед выпалил ответ мгновенно, будто репетировал его несколько недель.

— Это псевдоазиат, использующий естественную желтоватость своей кожи и усиливающий ее цвет краской. Он не китаец. Глаза у него оперированы, еще видны шрамы. Это, несомненно, было сделано, чтобы попытаться скрыть свою подлинную внешность, но обмер его ушей по Бертильону и другие признаки дают возможность установить личность. Он срочно разыскивается международной полицией, его настоящее имя...

Китаец Джо пришел в ярость — и было от чего.

— Эта штука... этот жестяной громкоговоритель... Мы слышали о нем, мы о нем тоже позаботились!

Толпа отшатнулась и очистила помещение, и я увидел в дверях малого, который, стоя на одном колене, целился из

базуки. Наверно, собирался стрелять специальными противотанковыми ракетами. Это я успел подумать, прежде чем он нажал на спуск.

Может быть, такой ракетой и можно подбить танк. Но не робота. Полицейского робота по крайней мере. Нед пригнулся, и задняя стена разлетелась на куски. Второго выстрела не было. Над сомкнул руки на стволе орудия, и он стал похож на старую мятую водосточную трубу.

Тогда Билли решил, что человек, стреляющий из базуки в полицейском участке, нарушает закон, и пустил в ход дубинку. Я присоединился к нему, потому что не хотел отказываться от потехи. Нед очутился где-то внизу, но я был уверен, что он за себя постоит.

Раздалось несколько приглушенных выстрелов, и кто то вскрикнул. После этого никто не стрелял, потому что у нас получилась куча мала. Громила по имени Бруклинский Эдди ударил меня по голове рукояткой пистолета, а я расквасил ему нос.

После этого все как бы заволокло туманом. Но я отлично помню, что потасовка продолжалась еще некоторое время.

Когда туман рассеялся, я сообразил, что на ногах остался я один. Вернее, я опирался о стенку. Хорошо, что было к чему прислониться.

Нед вошел в дверь с измолоченным Бруклинским Эдди на руках. Хотелось думать, что именно я его так отделал. Запястья Эдди были скованы наручниками. Нед бережно положил его рядом с телами других головорезов — я вдруг заметил, что все были в наручниках. Я еще полюбопытствовал, изготавливает ли Нед эти наручники по мере надобности или у него в полой ноге имеется порядочный запас.

В нескольких шагах от себя я увидел стул. Я сел, и мне полегчало.

Кругом все было испачкано кровью, и если бы некоторые из громил не стонали, я бы подумал, что это трупы. Вдруг я заметил настоящий труп. Пуля попала человеку в грудь, большая часть пролитой крови принадлежала ему.

Нед покопался в телах и вытащил Билли. Он был без сознания. На лице застыла широкая улыбка, в кулаке зажаты жалкие остатки дубинки. Некоторым людям нужно очень мало для счастья. Пуля попала ему в ногу, и он не пошевельнулся, даже когда Нед разорвал на нем штанину и наложил повязку.

— Самозваный Китаец Джо и еще один человек бежали в машине, — доложил Нед.

— Пусть это тебя не беспокоит, — с усилием прохрипел я. —

Он от нас не уйдет.

И только тут я сообразил, что начальник все еще сидит в кресле в той же самой позе, в какой он сидел, когда началась заваруха. Все с тем же отсутствующим видом. И только начав разговаривать с ним, я понял, что Алонцо Крейг, начальник полиции Найнпорта, мертв.

Убит одним выстрелом. Из маленького пистолетика. Пуля прошла сквозь сердце, кровь пропитала одежду. Я прекрасно знал, кто стрелял из пистолета. Маленького пистолета, который удобно прятать в широких китайских рукавах.

Усталость и дурман как рукой сняло. Осталась одна злость. Пусть начальник не был самым умным и самым честным человеком в мире. Но он заслуживал лучшей участи. Он отправлен на тот свет грошовым гангстером, который вообразил, что ему стали поперек дороги.

И тотчас я понял, что мне надо принять важное решение. Билли вышел из строя, Фэтс удрал, из найнпортской полиции остался я один. Чтобы выбраться из этой заварухи, мне надо было только выйти за дверь и не останавливаться. И я оказался бы в сравнительной безопасности.

Рядом жужжал Нед, подбирая громил и разнося их по камерам.

Не знаю, что повлияло на мое решение. Возможно, синяя спина Неда, маячившая перед глазами. Или мне просто надоело увиливать? Внутренне я был подготовлен к этому решению. Я осторожно отцепил золотой значок начальника и прицепил его на место своего, старого.

— Новый начальник полиции Найнпорта, — сказал я, ни к кому не обращаясь.

— Да, сэр, — проходя мимо, сказал Нед. Он опустил арестованного на пол, отдал мне честь и снова взялся за работу. Я тоже отдал ему честь.

Больничная машина умчалась с ранеными и покойниками. Я злорадно игнорировал любопытные взгляды санитаров. После того, как врач забинтовал мне голову, все встало на свое место. Нед вымыл пол. Я проглотил десять таблеток аспирина и ждал, когда перестанет колотиться сердце и я обрету способность обдумать, как быть дальше.

* * *

Собравшись с мыслями, я понял, что двух мнений быть не может. Это очевидно. Решение пришло мне в голову, когда я

перезаряжал пистолет.

— Пополни запас наручников, Нед. Мы идем.

Как и всякий хороший полицейский, он не задавал вопросов. Уходя, я запер дверь и отдал ему ключ.

— На. Весьма вероятно, что к вечеру, кроме тебя, других полицейских в Найнпорте не будет.

Я ехал к дому Китайца Джо как можно медленней. Пытался найти другой выход из положения. Его не было. Убийство было совершено, и притягивать к ответу надо было именно Джо. А для этого необходимо его арестовать.

Из предосторожности я остановился за углом и коротко проинструктировал Неда.

— Эта комбинация бара и воровского притона является исключительной собственностью того, кого мы будем называть Китайцем Джо до тех пор, пока ты не выберешь времени сказать мне, кто он на самом деле. С меня хватит, надоело! Нам нужно войти, разыскать Джо и передать его в руки правосудия. Ясно?

— Ясно, — суховатым профессорским тоном ответил Нед. — Но не проще было бы арестовать его сейчас, когда он отъезжает от дома вон в той машине, а не ждать его возвращения?

Машина мчалась по боковой улице со скоростью шестьдесят миль в час. Когда она проезжала мимо нас, я увидел Джо, сидевшего на заднем сиденье.

— Останови их! — закричал я главным образом самому себе, потому что сидел за рулем. Я одновременно нажал на акселератор и рванул рычаг переключения скоростей, но толку от этого не было никакого.

Остановил их Нед. Крик мой прозвучал как приказ. Нед высунул голову наружу, и я сразу понял, почему большая часть приборов смонтирована у него в туловище. Наверно, мозг тоже. В голове, разумеется, оставалось мало места, раз там была запрятана такая пушка.

Семидесятимиллиметровое безоткатное орудие. Пластинка, прикрывавшая то место, где у людей бывает нос, скользнула в сторону, и показалось большое жерло. Здорово сделано, если подумать. Точно меж глаз, чтобы удобней целиться. Орудие помещено высоко, лазить за ним не надо.

БУМ! БУМ! Я чуть не оглох. Разумеется, Нед был прекрасный стрелок — я тоже был бы прекрасным, имей я вычислительную машину вместо мозга. Он продырявил задние скаты, и машина, зашлепав по мостовой, встала. Я медленно выбирался наружу, а Нед рванулся вперед со спринтерской скоростью. На этот раз они даже не пытались бежать. Остатки их мужества улетучились, когда они увидели меж глаз у Неда дымящееся жерло орудия.

Роботы аккуратны в этом отношении, и, надо думать, он нарочно не убрал торчавшую пушку. Видимо, у них в школе роботов проходят психологию.

В машине сидели три человека, и все они задрали руки вверх, как последнем кадре ковбойского фильма. Пол машины был уставлен любопытными чемоданчиками.

Сопротивления никто не оказал.

Китаец Джо только заворчал, когда Нед сказал мне что настоящее имя Джо — Стэнтин и что на Эльмире его ждут не дождутся, чтобы посадить на электрический стул. Я обещал Джо-Стэнтину, что буду иметь удовольствие доставить его на место в тот же день. Пусть он и не пытается увильнуть от наказания при помощи местных властей. Остальных будут судить в Канал-сити.

День был очень хлопотный.

С тех пор наступило спокойствие. Билли выписался из больницы и носит мои сержантские нашивки. Даже Фэтс вернулся, хотя теперь он время от времени трезв и избегает встречаться со мной взглядом. Дел у нас мало, так как город наш стал не только тихим, но и честным.

Нед по ночам патрулирует по городу, а днем работает в лаборатории и подшивает бумаги. Возможно, это не по правилам, но Неду, кажется все равно. Он замазал все пулевые царапины и непрерывно начищает значок. Не знаю, может ли быть счастливым робот, но Нед, видимо, счастлив.

Могу поклясться, что иногда он жужжит что-то себе под нос. Но, разумеется, это шумят моторы и прочие механизмы.

Если задуматься, то мы, наверно, создали прецедент, сделав робота полноправным полицейским. С завода еще никто не приезжал, и я не знаю, первые мы или нет.

Скажу еще кое-что. Я не собираюсь оставаться навечно в этом захудалом городишке. Приискивая новую службу, я уже написал кое-кому.

Поэтому некоторые будут очень удивлены, узнав, кто станет их новым начальником полиции после моего отъезда.

РОБОТ, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ ВСЕ ЗНАТЬ

Вся беда была в том, что Файлер 13Б-445-К хотел знать все на свете, в том числе и то, что нисколько его не касалось. То, чем никакому роботу не положено даже интересоваться, а уж вникать в детали — и подавно. Но Файлер был совсем особенный робот.

История с блондинкой из Двадцать второго отдела должна бы послужить для него хорошим уроком.

Он, гудя, выбрался из хранилища с кипой книг и проходил

через Двадцать второй отдел, а она в это время нагнулась к какой-то книге, лежавшей на самой нижней полке.

Робот замедлил ход и в нескольких шагах от нее совсем остановился, не сводя с девушки пристального взгляда. Его металлические глаза странно поблескивали.

Когда девушка нагнулась, ее короткая юбка с редкостной откровенностью явила взору обтянутые нейлоном ножки. Ножки эти, правда на диво соблазнительные, вовсе не должны бы интересовать робота. Однако Файлер заинтересовался. Он стоял и глядел. Заметив его взгляд, она, наконец, обернулась.

— Если бы ты был человеком, Бастер, я бы дала тебе по физиономии, — сказала она. — Но поскольку ты робот, я бы очень хотела знать, во что это ты вперил свои фотоновые глазки.

— У вас шов на чулке перекосился, — ни на миг не задумываясь, ответил Файлер. Потом повернулся и, жужжа, отправился дальше.

Блондинка недоуменно покачала головой, поправила чулок и в который уж раз подумала: какая все-таки тонкая штука эта электроника!

Знай она, на что в самом деле глядел Файлер, изумлению ее не было бы границ. Он ведь и правда смотрел на ее ножки. Конечно, он ей не солгал — роботы лгать просто не способны, — но глядел он отнюдь не только на перекосившийся шов. Файлер столкнулся с проблемой, решать которую не пытался еще ни один робот на свете.

Любовь, романтика, вопросы пола — вот что занимало его час от часу сильнее.

Разумеется, интерес этот был чисто академическим и все же бесспорным. Сама работа будила в нем любопытство к той области бытия, где повелевает Венера.

Роботы системы Файлер необыкновенно умны, и изготовляется их не так уж много. Увидеть из можно только в крупнейших библиотеках, и работают они только с самыми большими и сложными книжными собраниями. Их не назовешь просто библиотекарями — это значило бы представить в ложном свете работу библиотекарей, сочтя ее чересчур легкой и простой. Конечно, для того чтобы разместить книги на полках и штемпелевать карточки, большого ума не требуется, но все это давным-давно выполняют простейшие роботы, которые в сущности немногим сложнее примитивных Ай-би-эм на колесах. Приводить же в систему человеческие знания всегда было неимоверно трудно. Задачу эту в конце концов переложили на Файлеров. Их металлические плечи не сгибались под этим бременем, подобно плечам их предшественников —

библиотекарей из плоти и крови.

Помимо совершенной памяти, Файлеры обладали и другими свойствами, обычно присущими только человеческому мозгу. Например, они умели связать и сопоставить отвлеченные понятия. Если у Файлера просили книгу по какому-нибудь вопросу, он тотчас вспоминал книги на смежные темы, которые тут могут пригодиться. Ему достаточно было намека, чтобы воздвигнуть законченную систему и предъявить ее в самом реальном виде — в виде груды книг.

Такие способности присущи только Homo sapiens, человеку разумному. Именно они-то и помогли ему возвыситься над своими сородичами из животного мира. И если Файлер оказался более очеловеченным, чем другие роботы, то винить в этом можно только самого его создателя — человека.

Файлер никого ни в чем не винил; он был просто любознателен. Все Файлеры любознательны — так уж они устроены. К примеру, под рукой у одного из Файлеров, 9Б-367-0, библиотекаря Ташкентского университета, оказалось несметное количество пособий по языкам и он увлекся лингвистикой. Он говорил на тысячах языков и наречий, практически на всех, на которых можно было отыскать хоть какие-нибудь тексты, и в научных кругах считался непревзойденным авторитетом. И все это благодаря библиотеке, где он работал. А Файлер 13Б — тот, что с интересом разглядывал девичьи ножки, — трудился в пропыленных коридорах Нового Вашингтона. Здесь у него был доступ не только к новехоньким микропленкам, но и к тоннам древних книг, напечатанных на бумаге многие века тому назад.

Но больше всего Файлера занимали романы, написанные в те давно минувшие времена.

Поначалу его совсем сбили с толку бесчисленные ссылки и намеки на любовь и романтику, а также страдания души и тела, без которых, как видно, не обходились ни любовь, ни романтика. Он нигде не мог найти сколько-нибудь вразумительного и полного определения этих понятий и, естественно, заинтересовался ими. Постепенно интерес перешел в увлечение, а увлечение — в страсть. И никто на свете даже не подозревал, что Файлер стал знатоком по части любви.

Уже с самого начала он понял, что из всех форм человеческих отношений любовь — самая тонкая и хрупкая. Поэтому он держал свои изыскания в строжайшем секрете и все, что удавалось узнать, хранил в емких тайниках своего электронного мозга. Примерно в то же время он обнаружил, что в придачу ко всему вычитанному из книг кое-что можно извлечь и из реальной жизни. Это произошло, когда в отделе зоологии он нечаянно

набрел на застывшую в объятии пару.

Файлер мгновенно отступил в тень и включил слуховое устройство на полную мощность. Но разговор, который он затем услыхал, оказался, мягко говоря, прескучным. Всего лишь жалкое, убогое подобие любовных речей, вычитанных им из книг. Сопоставление тоже весьма важное и поучительно.

После этого случая он старался не упускать ни одного разговора между мужчиной и женщиной. Он пытался глядеть на женщин с точки зрения мужчины, и наоборот. Потому-то он и разглядывал с таким любопытством нижние конечности блондинки в Двадцать втором отделе.

И потому он в конце концов совершил роковую ошибку.

Спустя несколько недель один исследователь, которому понадобились услуги Файлера, вывалил на стол груду всевозможных бумажек. Какая-то карточка выскользнула из пачки и упала на пол. Файлер поднял ее и подал владельцу, а тот пробормотал благодарность и сунул карточку в карман. Когда все необходимые книги были подобраны и человек ушел, Файлер уселся и перечитал текст на карточке. Он видел ее всего лишь какую-то долю секунды, да еще вдобавок вверх ногами, но больше ничего и не требовалось. Карточка навеки запечатлелась у него в мозгу. Файлер долго размышлял над нею, пока перед ним не стал вырисовываться некий план.

Карточка была приглашением на костюмированный бал. Файлер хорошо знал этот род развлечений — описания балов то и дело попадались ему на пропыленных страницах старых романов. На такие балы люди обычно ходили, нарядившись романтическими героями.

А почему бы и роботу не пойти на бал, нарядившись человеком?

Раз уж эта мысль пришла ему в голову, избавиться от нее не было никакой возможности. Конечно, подобные мысли роботу вообще не положены, а уж соответствующие поступки — тем более. Впервые Файлер стал догадываться, что ломает преграду, отделяющую его от тайн любви и романтики. И, конечно, это его только еще больше раззадорило. И, конечно же, он отправился на бал.

Купить костюм Файлер, разумеется, не посмел, но ведь в кладовых всегда можно найти какие-нибудь старинные портьеры! В одной книге он прочитал о кройке и шитье, а в другой нашел изображение костюма, который показался ему подходящим. Сама судьба назначила ему явиться в одеянии кавалера.

Превосходно отточенным пером он нарисовал на плотном картоне точную копию пригласительного билета. Смастерить

маску — вернее, полумаску с половиной лица в придачу — при его талантах и технических возможностях было делом нехитрым. Задолго до назначенного дня все было готово. Оставшееся время он занимался только тем, что перелистывал всевозможные описания костюмированных балов и старательно изучал новейшие танцы.

Файлер так увлекся своей затеей, что ни разу даже не задумался над тем, как странны для робота его поступки. Он чувствовал себя просто ученым, который исследует особую породу живых существ. Род человеческий. Или, точнее, женский.

* * *

Наконец, наступил долгожданный вечер. Файлер вышел из библиотеки, держа в руках сверток, похожий на связку книг, но, конечно, это были не книги. Никто не заметил, как он скрылся в кустах, что росли в библиотечном саду. А если кто и заметил, то уж никому бы не пришло в голову, что он-то и есть элегантный молодой человек, который через несколько минут вышел из сада с другой стороны. Единственным немым свидетелем переодевания осталась оберточная бумага под кустом.

В своем новом обличье Файлер держался безукоризненно, как и приличествует роботу высшего класса, который в совершенстве изучил свою роль. Он легко взбежал по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, и небрежно предъявил свой пригласительный билет. Войдя, он направился прямиком в буфет и опрокинул в пластиковую трубку, подсоединенную к резервуару в его грудной клетке, три бокала шампанского. И только после этого позволил себе лениво оглядеть собравшихся в зале красавиц. Да, этот вечер был предназначен для любви.

Из всех женщин его сразу привлекла одна. Он тотчас понял, что она и есть царица бала и она одна достойна его внимания. Мог ли он согласиться на меньшее, он, преемник пятидесяти тысяч героев давно забытых книг?

Кэрол Энн ван Дэмм, как всегда, скучала. Лицо ее было скрыто под маской, но никакая маска не сумела бы скрыть великолепные формы ее тела. Все ее поклонники в причудливых костюмах толпились тут же, готовые к услугам; каждый мечтал заполучить ее молодость и красоту и миллионы ее отца в придачу. Все это давно ей надоело, и она едва сдерживала зевоту.

И тут толпу обожателей вежливо, но неотвратимо раздвинули широкие плечи незнакомца. Он заставил всех расступиться и предстал перед нею, точно лев среди стаи волков.

— Этот танец вы танцуете со мной, — многозначительно сказал он глубоким низким голосом.

Почти машинально она оперлась на предложенную руку, не в силах противиться человеку, в чьих глазах таился такой странный блеск. Еще миг — и они уже кружатся в вальсе, и это блаженство! Мускулы его крепки как сталь, но танцует он с легкостью и изяществом молодого бога.

— Кто вы? — шепнула она.

— Ваш принц. Я пришел, чтобы увести вас отсюда, — вполголоса отвечал он.

— Вы говорите, как принц из волшебной сказки, — рассмеялась она.

— Это и есть сказка, а вы — сказочная принцесса.

Слова эти, точно искра, воспламенили ее душу, и всю ее словно пронзил электрический ток. В сущности, это и был мгновенный электрический разряд. Губы его нашептывали ей слова, которые она всю жизнь мечтала услышать, а ноги, точно по волшебству, увлекали сквозь высокие двери на террасу. В какой-то миг слова претворились в дело, и жаркие губы коснулись ее губ. Да еще какие жаркие — термостат был установлен на сто два градуса!

— Давайте сядем, — выдохнула она, слабея от нежданно захватившей ее страсти.

Он уселся рядом, сжимая ее руки в своих, нечеловечески сильных и все-таки нежных. Они говорили друг другу слова, ведомые только влюбленным, пока не грянул оркестр.

— Полночь, — шепнула она. — Пора снимать маски, любимый. — Она сняла свою, но Файлер, конечно, не шелохнулся. — Что же ты? — сказала она. — Ты тоже должен снять маску.

Слова эти прозвучали как приказ, и робот не мог не повиноваться. Широким жестом он сбросил маску и пластиковый подбородок.

Кэрол Энн сначала вскрикнула, потом зашлась от ярости.

— Это еще что такое, отвечай, ты, жестянка!

— Это была любовь, дорогая. Любовь привела меня сюда сегодня и бросила в твои объятия.

Ответ был вполне правильный, хоть Файлер и облек его в форму, соответствующую его роли.

Услышав нежные слова из бездушной электронной пасти. Кэрол Энн снова вскрикнула. Она поняла, что стала жертвой жестокой шутки.

— Кто тебя сюда прислал? Отвечай! Что означает этот маскарад? Отвечай! Отвечай! Отвечай, ты, ящик с железным ломом!

Файлер хотел было рассортировать этот поток вопросов и отвечать на каждый в отдельности, но она не дала ему рта раскрыть.

— Надо же! Послать тебя сюда, обрядив человеком! В жизни надо мной никто так не издевался! Ты робот. Ты ничтожество. Двуногая машина с громкоговорителем. Как ты мог притворяться человеком, когда ты всего-навсего робот!

Файлер вдруг поднялся на ноги.

— Я робот, — вырвались из говорящего устройства

отрывистые слова.

Это был уже не ласковый голос влюбленного, но вопль отчаявшейся машины. Мысли вихрем кружились в его электронном мозгу, но в сущности эта была одна и та же мысль.

«Я робот… робот… я, видно, забыл, что я робот… и что делать роботу с женщиной… робот не может целовать женщину… женщина не может любить робота… но ведь она сказала, что любит меня… и все-таки я робот… робот…»

Весь содрогнувшись, он отвернулся и, лязгая и гремя, зашагал прочь. На ходу его стальные пальцы сдергивали с корпуса одежду и пластик — подделку под живую плоть, и они клочками и лохмотьями падали наземь. Путь его был усеян этими обрывками, и через какую-нибудь сотню шагов он был уже голой сталью, как в первый день его механического творения. Он пересек сад и вышел на улицу, а мысли у него в голове все быстрее неслись по замкнутому кругу.

Началась неуправляемая реакция, и вскоре она охватила не только мозг, но и все его механическое тело. Быстрее шагали ноги, стремительней работали двигатели, а центральный смазочный насос в груди метался как сумасшедший.

А потом робот с пронзительным скрежетом вскинул руки и рухнул ничком. Головой он ударился о лестницу, и острый угол гранитной ступени пробил тонкую оболочку. Металл лязгнул о металл, и в сложном электронном мозгу произошло короткое замыкание.

Робот Файлер 13Б-445-К был мертв.

По крайней мере так гласил доклад, составленный механиком на следующий день. Собственно, не мертв, а непоправимо испорчен и должен быть разобран на части. Но, как ни странно, когда механик осматривал металлический труп, он сказал совсем другое.

В осмотре ему помогал другой механик. Он отвинтил болты и вынул из грудной клетки сломанный смазочный насос.

— Вот в чем дело, — объявил он. — Насос неисправен. Поршень сломался, насос заклинило, прекратилась подача масла в коленные суставы, вот он и упал и разбил себе голову.

Первый механик вытер ветошью замасленные руки и осмотрел поврежденный насос. Потом перевел взгляд на зиявшую в грудной клетке дыру.

— Гляди-ка! Прямо разрыв сердца!

Оба рассмеялись, и механик швырнул насос в угол, на кучу других, сломанных, грязных и никому не нужных деталей.

Я ТЕБЯ ВИЖУ

Судья производил глубокое впечатление своей черной мантией и безграничными знаниями, скрытыми в хромированном совершенстве черепа. Его звучный и пронзительный голос прогремел гласом судьбы:

— Карл Тритт, суд признает вас виновным а том, что в 218-й день 2423 года вы умышленно и злонамеренно украли у «Корпорации Маркрикс» заработную плату на общую сумму 318 тысяч кредитов и пытались присвоить себе упомянутые деньги. Приговор — двадцать лет.

Черный молоток судьи опустился с резкостью копра, забивающего сваи, и этот звук отдался в голове Карла. Двадцать лет! Он стиснул побелевшими пальцами стальной барьер ложи правосудия и взглянул в электронные глаза судьи. Возможно, в них мелькнула вспышка сострадания, но не прощения. Приговор вынесен и занесен в Центральную Память. Без права апелляции.

Перед судьей щелкнула панель, открылась, и стальной стержень бесшумно вытолкнул на нее вещественное доказательство «А» — 318 тысяч кредитов, все в тех же конвертах для выплаты зарплаты. Карл медленно сгреб их к себе.

— Вот деньги, которые ты украл. И ты должен сам вернуть их тем, кому они принадлежат, — приказал судья.

Карл вышел из зала суда нетвердой походкой и с безнадежностью в душе, слабо прижимая к груди сверток. Улицу омывал золотой солнечный свет, но он не замечал его — уныние заслонило мир угрюмой тенью.

Горло его пересохло, глаза горели. Он заплакал бы, не будь он взрослым, двадцатипятилетним гражданином. Но взрослые мужчины не плачут, и он лишь судорожно глотнул несколько раз.

Двадцать лет — невозможно поверить! Почему я? Столько людей в мире почему он получил столь суровый приговор? Сознание мгновенно выдало ответ.

Потому что ты украл деньги. Напуганный этой горькой мыслью, он побрел дальше.

Слезы наполнили глаза, просочились в нос и попали в горло. Охваченный жалостью к себе, он забыл, где находится, и поперхнулся, затем сплюнул.

Едва плевок коснулся безупречно чистого тротуара, урна в двадцати футах от него зашевелилась. Карл в ужасе зажал рот рукой, но слишком поздно сделанного не изменить.

Гибкая рука стерла плевок и быстро очистила тротуар. Мусорник присел наподобие механического Будды, и в его металлических внутренностях захрипел оживший динамик.

— Карл Тритт, — продребезжал металлический голос, — сплюнув на общественный тротуар, вы грубо нарушили местное

Постановление номер ВД-14-668. Приговор — два дня. Ваш общий срок теперь — двадцать лет и два дня.

Двое прохожих, остановившихся возле Карла, разинули от удивления рты, услышав приговор. Карл почти прочел их мысли. Осужденный человек. Подумать только — более двадцати лет! Они уставились на него со смешанным чувством любопытства и отвращения.

Покраснев от стыда, Карл бросился прочь, прижимая к груди сверток с деньгами. Осужденные, когда их показывали по видео, всегда выглядели очень смешными. Они так забавно падали или изумлялись, когда перед ними не открывались двери.

Сейчас это не казалось таким смешным.

Медленно прополз остаток дня, наполненный туманом подавленности. Смутно запомнилось посещение «Корпорации Маркрикс», возвращение украденных денег. Они отнеслись к нему с пониманием и добротой, и он убежал, охваченный смущением. Доброта всего мира не смогла бы отсрочить исполнение приговора.

Потом он бесцельно бродил по улицам, пока не устал. И тут он увидел бар. Яркие огни, табачный дымок; он выглядел веселым и уютным. Карл дернул дверь, затем еще раз. Люди в баре прекратили разговоры и уставились на него через стекло. И тут он вспомнил о приговоре и понял — дверь не откроется. Люди в баре засмеялись, и он убежал. Хорошо еще, что обошлось без нового приговора.

Когда он добрался до своего жилища, то всхлипывал от усталости и унижения. Дверь открылась от прикосновения большого пальца и захлопнулась за ним. Наконец-то он обрел хоть какое-то прибежище!

И тут он увидел ожидающие его упакованные сумки.

Загудев, ожил экран видео. До сих пор Карлу не приходило в голову, что им можно управлять из Центра. Экран остался темным, но он услышал привычный, искаженный вокодером голос Контроля за приговором:

— Одежда и личные вещи, полагающиеся осужденному, уже отобраны. Ваш новый адрес указан на сумках. Следуйте туда немедленно.

Тут они хватили через край. Не заглядывая в сумки, Карл и без того понял, что его камера, книги, модели ракет и сотни других, значимых для него мелочей в сумки не попали. Он ворвался в кухню, выдавив неподдающуюся дверь. Из репродуктора, спрятанного над плитой, прозвучал голос:

— Ваши действия нарушают закон. Если вы остановитесь сейчас же, то срок приговора не будет увеличен.

Слова уже ничего не значили для него, он не хотел их слышать. С бешенством он рванул дверку буфета и потянулся к бутылке виски, но та исчезла за потайной дверцей, которой он раньше не замечал, дразняще скользнув по пальцам при падении.

Он побрел обратно в комнату, а голос за спиной монотонно пробубнил:

— К сроку прибавлено еще пять дней за попытку употребления алкогольного напитка.

Карла уже ничто не волновало.

Машины и автобусы не останавливались для него, и автомат подземки, словно поперхнувшись, выплюнул его монету обратно. Пришлось долго плестись, волоча ноги, до нового жилища, оказавшегося в той части города, о существовании которой он даже не подозревал.

Квартал умышленно создавал впечатление запустения. Специально изломанный, растрескавшийся тротуар, тусклые огни, пыльная паутина, висевшая в каждом углу, явно появились тут не сами собой. До своей комнаты ему пришлось карабкаться два лестничных пролета, под каждым его шагом ступеньки скрипели на разные лады. Не включая света, он бросил сумки и побрел вперед. Голени стукнулись о металлическую кровать, он благодарно опустился на нее и заснул в блаженном изнеможении.

Когда утром он проснулся, ему не хотелось открывать глаза. «Я видел кошмарный сон, — сказал он сам себе, — и он благополучно закончился». Но холодный воздух в комнате и сумрачный свет, пробивающийся сквозь полуоткрытые веки, говорили о другом. Вздохнув, он оставил фантазии и осмотрел свое новое жилище.

Было чисто — вот, пожалуй, и все впечатления. Кровать, стул, встроенный в стену шкаф — вот и вся мебель. Единственная лампочка без абажура свисала с потолка. На противоположной стене висел большой металлический календарь. «20 лет, 5 дней, 17 часов, 25 минут», — прочел он и тут же услышал щелчок. Последнее число изменилось на «24».

Накануне эмоции настолько истощили Карла, что теперь ему было все равно. Значимость перемены все еще переполняла его. Ошеломленный, он снова опустился на постель, но тут же подпрыгнул, услышав гулкий голос из стены:

— Завтрак сейчас накрывается в общественной столовой этажом выше. У вас десять минут.

На сей раз привычный уже голос послышался из огромного громкоговорителя, не меньше пяти футов в диаметре, и утратил прежний жестяной оттенок. Карл повиновался, не раздумывая.

Пища оказалась однообразной, но сытной. В столовой сидели

мужчины и женщины, всех их интересовала только еда. Внезапно он понял, что все они осужденные. Уставившись в тарелку, он поел и быстро вернулся к себе.

Войдя в комнату, он увидел, что видеокамера над громкоговорителем нацелилась на него и, когда он проходил по комнате, следила за ним, словно ствол ружья. Такой камеры ему еще не доводилось видеть — поворачивающаяся хромированная труба, на конце которой блестела линза величиной с кулак. Осужденный человек одинок, но его никогда не оставляют наедине с самим собой.

Внезапно громкоговоритель снова взревел. Карл вздрогнул.

— Ваша новая работа начнется сегодня в восемнадцать часов. Вот адрес.

Из прорези под календарем выскочила карточка и упала на пол. Чтобы поднять ее. Карлу пришлось нагнуться. Адрес ему ни о чем не говорил.

До работы оставалось еще несколько часов, но убить их было не на что. Кровать приглашающе стояла рядом, и он устало на нее опустился.

Зачем он украл те проклятые деньги? Он знал ответ: потому что ему хотелось иметь те вещи, которые он никогда не мог бы позволить себе на жалованье телефонного техника. Кража казалась такой заманчивой, такой безопасной! Он проклинал случайность, соблазнившую его на преступление. Воспоминание о нем все еще мучило его.

* * *

Он занимался привычной работой, монтируя дополнительные линии в одном из больших деловых зданий.

Предварительные обследования он проводил самостоятельно, для роботов дело найдется потом. Телефонные линии шли по служебному коридору, начинавшемуся от главного вестибюля. Он открыл неприметную дверь ключом-пропуском и включил свет. Стену покрывала мешанина проводов и соединительных коробок, подключенных к кабелям, исчезавшим из виду далеко в коридоре. Карл раскрыл схемы проводки и начал отслеживать провода. Задняя стена показалась ему идеальным местом для крепления новых коробок. Он постучал по ней, проверяя, выдержит ли она нагрузку. Стена оказалась полой.

Сперва Карл скривился — если придется наращивать провода, работа окажется вдвое сложнее. Но затем ему стало любопытно — для чего здесь стена? При более внимательном

осмотре он понял, что это панель, смонтированная из подогнанных друг к другу секций, скрепленных защелками. Вскрыв отверткой одну из секций, он увидел стальную решетку, поддерживающую металлические пластины. Их назначение ему было неясно, но теперь, удовлетворив свое любопытство, он тут же перестал о них думать. Установив панель на место, он занялся привычным делом. Через некоторое время он взглянул на часы, отложил инструменты и пошел обедать.

Первое, что он увидел, снова войдя в вестибюль, была банковская тележка.

Невольно оказавшись совсем рядом, он не мог не заметить двух охранников, которые брали из тележки толстые конверты, укладывали их в ячейки на стене по одному в каждую ячейку — и захлопывали толстые дверцы. У Карла возникла лишь одна реакция при мимолетном взгляде на эти деньги — чувство острой боли.

И лишь возвращаясь с обеда, он остановился от поразившей его мысли. Помедлив мгновение, он пошел дальше, никем не замеченный. Войдя снова в коридор, он украдкой взглянул на посыльного, открывавшего одну из ячеек. Когда Карл снова закрыл за собой дверь и оценил относительное положение стены, он понял, что догадка его верна.

То, что он принял за металлическую решетку с пластинами, на самом деле являлось задними стенами ячеек и поддерживающим их каркасом. Ячейки, плотно закрывающиеся в вестибюле, имели незащищенные задние стенки, обращенные в служебный коридор.

Он сразу понял, что не следует ничего предпринимать и вообще вести себя подозрительно. Однако он удостоверился, что служебные роботы проходят через другой конец коридора, выходящий в пустынную прихожую в задней части здания. Карл даже заставил себя позабыть о ячейках более чем на полгода.

Затем он начал планировать. Осторожные наблюдения, которые он проделывал время от времени, снабдили его всеми необходимыми фактами. В ячейках хранилась зарплата нескольких крупных компаний, находящихся в этом здании. Банковские служащие помещали туда деньги в полдень каждую пятницу. Ни один из конвертов не вынимали раньше часа дня. Карл запомнил наиболее толстый конверт и приступил к осуществлению своего плана.

Все прошло как по часам. В пятницу без десяти двенадцать он закончил работу и вышел, прихватив с собой ящик с инструментами. Точно через десять минут, никем не замеченный, он вошел через заднюю дверь коридора. На руках у него были

прозрачные и почти невидимые перчатки. В двенадцать десять он снял панель и прислонил конец длинной отвертки к задней стенке намеченной ячейки, прижав рукоятку к голове за ухом. Он не услышал звука открывающихся дверей и понял, что банковские служащие закончили работу и ушли.

Игольчато-тонкое пламя паяльной лампы разрезало стальную панель, словно мягкий сыр, сделав в металле аккуратный круг, который он легко вынул. Загасив тлеющее пятнышко на конверте с деньгами, он положил его в другой конверт, взятый из ящика с инструментами. Этот конверт с уже приклеенной маркой он адресовал самому себе. Выйдя из здания, он через минуту бросит конверт в почтовый ящик и станет богатым человеком.

Тщательно все проверив, он сложил инструменты и конверт обратно в ящик и зашагал прочь. Точно в 12.35 он вышел через дверь заднего коридора и закрыл ее за собой. Коридор все еще был пуст, поэтому он потратил несколько секунд, чтобы взломать замок вынутым из кармана ломиком. Многие имели ключи к этой двери, но ему пойдет лишь на пользу, если число подозреваемых увеличится.

Выйдя на улицу, Карл даже принялся насвистывать.

И тут его схватил за руку полицейский.

— Вы арестованы за кражу, — сказал ему офицер спокойным голосом.

Он потрясенно застыл на месте и едва не пожелал, чтобы его сердце тоже остановилось. Он не собирался быть пойманным и даже не задумывался о последствиях. Когда полицейский вел его к машине, Карл спотыкался от страха и стыда. Собравшаяся толпа пялилась на него с восхищенным изумлением.

Лишь на суде, когда были представлены доказательства, он запоздало узнал, в чем заключалась его ошибка. Коридор с многочисленными проводами был оборудован инфракрасными термопарами. Жар его паяльной лампы активировал датчик тревоги, и дежурный в пожарной охране тут же осмотрел коридор через одну из установленных в нем телекамер. Он ожидал увидеть короткое замыкание и очень удивился, разглядев вынимающего деньги Карла. Удивление, однако, не помешало ему уведомить полицию. Карл негромко проклял судьбу.

* * *

Его позорные воспоминания прервал скрежещущий голос из динамика:

— Семнадцать тридцать. Вам пора отправляться на работу.

Карл неохотно напялил ботинки, проверил адрес и отправился на новую работу. Он добирался до нее пешком чуть ли не полчаса и ничуть не удивился, когда по указанному адресу оказался Департамент санитарии.

— Работенка нехитрая, сообразишь быстро, — сказал ему пожилой и потрепанный жизнью нарядчик. — Прочитай пока этот список, ознакомься, что к чему. Твой грузовик сейчас подъедет.

Список оказался целой толстой книгой из разных списков, перечисляющих всевозможные отходы. У Карла создалось впечатление, что в книге упоминалось буквально все, что только можно было выбросить. Каждой позиции списка соответствовал кодовый номер, от одного до тринадцати. Ради них, в сущности, и был составлен этот том. Пока Карл ломал голову над значением номеров, сзади неожиданно взревел мощный мотор. По эстакаде поднялся огромный грузовик с роботом-водителем и остановился рядом с ним.

— Мусоровоз, — бросил нарядчик-- Теперь ты им командуешь.

Карл всегда знал, что мусоровозы существуют, но, разумеется, ни разу их не видел. Тот оказался объемистым блестящим цилиндром длиной метров двадцать со встроенным в кабину роботом-водителем. По бокам на подножках стояли тридцать других роботов. Нарядчик подвел его к задней части грузовика и указал на зияющую пасть приемника.

— Роботы подбирают мусор и хлам и грузят его сюда, — пояснил он. — Потом нажимают одну из тринадцати кнопок в зависимости от того, в какой из тринадцати отсеков приемника уложен мусор. Эти роботы — просто грузчики и не шибко сообразительные, но у них хватает ума распознать почти все, что они поднимают. Но не всегда. Тут в дело и вступишь ты. Вот твое рабочее место.

Грязный палец показал на кабинку с прозрачными стенами, выступающую над задней частью грузовика. В кабинке имелось сиденье и панель с тринадцатью кнопками.

— Ты сидишь себе в кабине, уютно, словно жук в норке, и готов в любой момент исполнить свою обязанность. А в чем твоя обязанность? Иногда роботы находят нечто такое, что не могут опознать, тогда они кладут это нечто на подставочку возле твоей кабины. Ты внимательно рассматриваешь предмет, проверяешь по списку его категорию, если не уверен, нажимаешь нужную кнопку, и все — дело сделано. Поначалу работа кажется трудной, но ты быстро освоишься.

— Да, очень сложная работа, — подтвердил Карл, но поднимаясь в кабинку и ощущая непонятную тоску, — но я

постараюсь делать ее хорошо.

Вес его тела замкнул встроенный в сиденье контакт, и грузовик с рычанием двинулся вперед. Сидя сзади под прозрачным куполом. Карл хмуро смотрел на медленно выползающую назад из-под колес ленту дороги. Грузовик выехал в ночной город.

Скучно оказалось до омерзения. Мусоровоз плелся по запрограммированному маршруту через коммерческие и транспортные магистрали города. В этот ночной час на улицах попадались лишь редкие грузовики, да и теми управляли роботы. Карл не увидел ни единого человека. Он чуть ли не физически ощутил себя букашкой — человечком-блохой, которого гонят с места на место шестеренки сложного городского механизма. Каждые несколько минут мусоровоз останавливался, роботы с лязгом разбредались по сторонам и возвращались с мусором. Загрузив отсеки приемника, они снова занимали места на подножках, а грузовик отправлялся дальше.

Прошел час, прежде чем настал его черед принимать решение. Робот замер, не донеся груз до приемника, потом уронил на выступ перед Карлом дохлую кошку. Карл уставился на нее с ужасом, а широко раскрытые незрячие глаза кошки уставились на него. Это был первый увиденный им за всю жизнь труп. На кошку упало что-то тяжелое и расплющило заднюю часть ее тела до почти бумажной толщины. Карл с усилием отвел глаза и распахнул книгу.

Так, «каблуки»... «кирпичи»... «кошки (мертвые)»... Очень, очень мертвые. Напротив значился номер отсека — девятый. За каждую жизнь по отсеку. После девятой жизни — девятый отсек. Эта мысль не показалась Карлу очень смешной. Он злобно ткнул пальцем в кнопку номер девять, кошка провалилась в приемник, махнув напоследок лапой. Карл с трудом сдержал неожиданно возникшее желание помахать ей вслед.

После эпизода с кошкой скука, словно в отместку, невыносимо затянулась. Медленно проползал час за часом, а выступ перед Карлом оставался пустым. Грузовик проезжал заданное расстояние и останавливался, проезжал и останавливался. Карл устал, движение стало его убаюкивать. Он наклонился, мягко опустил голову на перечень разновидностей мусора и закрыл глаза.

— Спать на работе запрещается. Это первое предупреждение.

Карл вздрогнул, услышав до ненависти знакомый голос, рявкнувший из динамика возле уха. Он не заметил возле двери телекамеру и динамик. Даже здесь, когда он ехал на мусоровозе по бесконечному лабиринту улиц, машина за ним наблюдала.

Горькая злость не давала ему заснуть до конца смены.

После этого потянулись серые монотонные дни, большой календарь на стене его комнаты отсчитывал их один за другим. Но не так быстро, как ему хотелось бы. Сейчас он показывал 19 лет, 322 дня, 8 часов и 16 минут. Да, очень медленно. Жизнь потеряла для него интерес. Осужденный мало чем мог занять свободное время, потому что все формы развлечений были для него запрещены. Он мог лишь зайти через заднюю дверь в одну конкретную секцию библиотеки, но после первого же раза, порывшись в душеспасительных книжонках и моральных наставлениях, никогда в нее не возвращался.

Каждый вечер он отправлялся на работу. Вернувшись, спал столько, сколько ему хотелось. Потом лежал на койке, курил сигареты из своей скудной ежедневной порции и прислушивался к тиканью календаря, отсчитывающего оставшийся ему срок.

Карл пытался убедить себя, что сможет вынести двадцать лет такого существования, но постоянно нарастающая внутри напряженность утверждала обратное.

Но так было до аварии. Авария изменила все.

То была ночь, неотличимая от предыдущих. Мусоровоз остановился в промышленном пригороде, роботы разбежались собирать мусор. Неподалеку стоял грузовик-дальнобойщик, принимавший в цистерну какую-то жидкость через гибкий шланг. Карл скользнул по нему скучающим взглядом, и то лишь потому, что за рулем сидел водитель-человек. Это означало, что груз представляет определенную опасность, а по закону роботам запрещалось перевозить некоторые грузы. Карл равнодушно отметил, что водитель открыл дверцу и начал вылезать из кабины, но на полпути о чем-то вспомнил и полез обратно.

И тут человек на мгновение коснулся кнопки стартера. Грузовик стоял с включенной передачей и, когда мотор завелся, рывком проехал пару футов. Человек тут же отодвинулся от стартера, но было уже поздно. Этих нескольких футов хватило, чтобы шланг натянулся, смял подпорку и вырвался из соединительной муфты. Конец шланга задергался, обливая зеленоватой жидкостью грузовик и кабину. Насос автоматически отключился.

Все происшествие заняло лишь секунду-другую, Шофер обернулся и с ужасом уставился на капот, залитый слегка дымящейся жидкостью. С гулким ревом жидкость вспыхнула, всю переднюю часть грузовика охватило пламя, скрыв за собой водителя.

До приговора Карл всегда работал с роботами-помощниками и потому знал, что и как следует сказать, добиваясь их

мгновенного подчинения. Выскочив из своей кабинки, он схватил одного из роботов-мусорщиков за металлическое плечо и выкрикнул приказ. Робот бросил бачок с мусором, подбежал к грузовику и нырнул в пламя.

Гораздо важнее водителя был открытый люк на вершине цистерны. Если пламя до него доберется, грузовик взорвется и всю улицу зальет пылающей жидкостью.

Охваченный пламенем, робот взобрался по лесенке на цистерну. Его пылающая рука протянулась вперед и захлопнула самозапирающуюся крышку. Робот начал спускаться сквозь пламя, но неожиданно остановился — яростный жар вывел из строя его схемы. Несколько секунд он еще подергивался, словно мучимый болью человек, потом рухнул.

Карл уже бежал к грузовику, направляя к нему еще двоих своих роботов. Кабину окутывало пламя, просачивающееся сквозь приоткрытую дверцу. Изнутри слышались пронзительные крики водителя. Выполняя приказы Карла, один из роботов распахнул дверцу, а второй проник в кабину. Согнувшись пополам и защищая человека собственным телом, робот вытащил водителя наружу. Пламя превратило его ноги в бесформенные столбики, одежда полыхала. Едва робот отнес водителя в сторону, Карл принялся руками сбивать с него пламя.

Когда вспыхнул пожар, сработала система аварийного оповещения. Вскоре Карл едва успел погасить одежду потерявшего сознание водителя — прибыли пожарники и спасатели. Фонтан пены мгновенно сбил пламя с грузовика. Взвизгнув тормозами, рядом остановилась машина «Скорой помощи», из нее выскочили с носилками два робота-санитара, а следом и врач-человек. Бросив взгляд на обгоревшего водителя, тот свистнул:

— Бедняга совсем поджарился!

Врач схватил с носилок баллончик и покрыл ноги водителя желеобразной противоожоговой мазью. Пока он этим занимался, робот откинул крышку чемоданчика с медицинскими принадлежностями и протянул его врачу. Тот набрал комбинацию препаратов на универсальном шприце и сделал инъекцию. Все было проделано быстро и эффективно.

Едва санитары отнесли обгоревшего водителя в машину, та рванула с места. Врач пробормотал в рацию инструкции для госпиталя и лишь после этого обратил внимание на Карла.

— Дай-ка взглянуть на твои руки, — сказал он. События произошли с такой быстротой, что Карл даже не заметил собственных ожогов. Он лишь сейчас посмотрел на спаленную кожу рук и ощутил острую боль. От его лица отхлынула кровь, он

пошатнулся.

— Не волнуйся, — успокоил врач, помогая ему сесть на землю. — Не такие уж у тебя страшные ожоги, как кажется. Через пару дней нарастим на них новую кожу.

Разговаривая, он деловито орудовал в чемоданчике. Карл неожиданно ощутил укол в руку. Боль постепенно утихла.

После укола все вокруг стало казаться словно в тумане. Карл смутно припоминал поездку в госпиталь на полицейской машине, потом восхитительное прикосновение к прохладным простыням. Наверное, ему сделали еще один укол, потому что проснулся он уже утром.

Неделя в госпитале оказалась для Карла чем-то вроде отпуска. Персонал то ли не знал о его статусе приговоренного, то ли для них он не имел значения. С ним обращались точно так же, как с любым другим пациентом. Пока на руках приживалась пересаженная кожа, он расслабился, наслаждаясь роскошью мягкой постели и разнообразного питания. Лекарства, которые ему вводили, чтобы снять боль, одновременно снимали и тревогу, возникающую при мысли о возвращении во внешний мир. Он был рад узнать, что обгоревший водитель выжил и теперь выздоравливает.

Утром восьмого дня дерматолог пощупал его новую кожу и улыбнулся.

— Отлично прижилась, Тритт, — сказал он. — Похоже, сегодня можно тебя выписывать. Пойду заполню бумаги и распоряжусь, чтобы тебе принесли одежду.

При мысли о том, что ждет его за стенами госпиталя, Карл снова напрягся. Сейчас, когда он ненадолго отвлекся, возвращение казалось вдвое тяжелей, но не в его силах было что-либо изменить. Карл начал нехотя переодеваться, изо всех сил растягивая последние минуты свободы.

Когда он вышел из палаты и зашагал по коридору, ему махнула рукой медсестра.

— С вами хочет увидеться мистер Скарви. Пройдите сюда.

Скарви. Так звали водителя грузовика. Карл вошел следом за сестрой в палату, где на койке сидел злосчастный водитель. Его крупное тело выглядело каким-то странным. Приглядевшись, Карл понял, что прикрытая одеялом часть слишком коротка — у человека не было ног.

— Чикнули обе ноги по самые бедра, — пояснил Скарви, заметив взгляд Карла, и улыбнулся. — Да ты не волнуйся, мне приживили регенерационные почки и сказали, что года не пройдет, как у меня вырастут новые ноги, не хуже прежних. А я не против — пусть лучше так, чем остаться в грузовике да сгореть.

Скарви поерзал, лицо его стало серьезным.

— Мне показали фильм — пожарники сняли его на месте пожара. Я все видел. Меня чуть не вывернуло, когда я увидел, каким ты меня вытащил. — Скарви протянул сильную ладонь и от души стиснул руку Карла. — Я это.., словом, спасибо тебе за то, что ты сделал. Ты ведь тоже рисковал.

Карл смог лишь глуповато улыбнуться в ответ.

— Захотел пожать тебе руку, — сказал Скарви. — Мне все едино, осужденный ты или нет.

Карл выдернул ладонь и вышел, решив промолчать, чтобы не сорваться. Прошедшая неделя воистину оказалась сном. И сном дурацким. Он как был, так и остался осужденным и пробудет им еще многие годы. Изгоем общества, которое не даст ему об этом забыть.

Когда он пинком ноги распахнул дверь своей каморки, из динамика тут же послышался знакомый до тоскливости голос:

— Карл Тритт! Ты пропустил семь назначенных тебе рабочих дней. Кроме того, один день был отработан лишь частично. Обычно пропущенное время не вычитается из срока приговора, однако существует прецедент, позволяющий снижать срок, поэтому эти дни будут зачтены.

После этих слов на календаре быстро замелькали цифры.

— Спасибо хоть за это, — буркнул Карл, плюхаясь на койку.

Монотонный голос, проигнорировав его замечание, послышался вновь:

— Кроме того, тебе назначено поощрение. Согласно Кодексу исполнения приговоров, твой акт личного героизма, во время которого ты рисковал собственной жизнью ради спасения жизни другого человека, признается просоциальным и соответственно истолковывается. Поощрение равняется уменьшению срока на три года.

Карл вскочил, изумленно уставившись на динамик. Это что, шутка? Но на его глазах в календаре завертелись шестеренки, а цифры, отсчитывающие годы, начали медленно меняться. Восемнадцать.., семнадцать.., шестнадцать.

Вот это да! Три года долой. Карл никак не мог в это поверить, но доказательство было у него прямо перед глазами.

— Контроль приговора! — крикнул он. — Выслушайте меня! Что произошло? Каким образом поощрения сокращают срок? Почему я не знал о такой возможности раньше?

— Общественность не информируют о возможностях сокращения срока, — ответил механический голос. — Это может побудить людей нарушать закон, поскольку страх перед наказанием считается фактором, предотвращающим

преступления. Как правило, осужденному не говорят о такой возможности, пока он не отбудет первый год наказания. Но ваш случай — исключение, поскольку вы были поощрены до окончания первого года.

— Как я могу узнать больше о сокращении срока? — нетерпеливо спросил Карл.

Динамик на секунду смолк, потом голос продребезжал снова:

— Вашего Советника зовут Присби. Он даст вам все необходимые советы и пояснения. Вы записаны к нему на прием завтра на тринадцать часов. Вот его адрес.

Машина щелкнула и выплюнула карточку. На этот раз Карл ждал наготове и подхватил ее прежде, чем она упала на пол. Он держал карточку осторожно, почти с любовью. Его срок уже уменьшился на три года, а завтра он узнает, что можно сделать, чтобы уменьшить его еще больше.

* * *

Разумеется, он пришел рано, почти на час раньше назначенного времени. Робот-секретарь промурыжил его в приемной до последней минуты. Когда Карл наконец услышал щелчок открываемой двери, он едва не бросился к ней бегом. Заставив себя шагать медленно, он вошел в кабинет.

Советник по приговорам Присби оказался похож на консервированную рыбину, смотрящую на мир сквозь донышко бутылки. Он был уродливо толст, с мертвенно-белой кожей на опухшем лице и бульдожьими щеками. Сквозь очки с толстенными стеклами на Карла уставились увеличенные линзами немигающие зрачки. В мире, где контактные линзы давно стали нормой, его зрение было настолько скверным, что не поддавалось корректировке крошечными линзами. Вместо них он носил анахроничные очки, балансирующие на кончике распухшего носа.

Когда Карл вошел, Присби не улыбнулся и не произнес ни слова. Приклеившись к нему взглядом, он наблюдал, как его подопечный подходит к столу. Глаза Присби напоминали Карлу видеосканеры, которые он ненавидел с детства, и он тряхнул головой, избавляясь от этого сравнения.

— Меня зовут... — начал он.

— Я знаю твое имя, Тритт, — прохрипел Присби. Для его мягких губ голос казался чересчур грубым. — А теперь сядь на стул — на этот.

Он ткнул ручкой в жесткий металлический стул перед своим

столом.

Карл уселся и тут же заморгал — его лицо залил свет нескольких ярких ламп. Он попытался отодвинуть стул назад, но вскоре понял, что тот привинчен к полу. Тогда он уселся спокойно и принялся ждать, когда Присби заговорит.

Наконец Присби опустил стекляшки глаз и взял со стола папку с бумагами. Он пролистывал ее целую минуту, прежде чем произнес первое слово.

— Очень странное у тебя личное дело, Тритт, — проскрипел он наконец. — Мне оно совершенно не нравится. Даже не знаю, почему Контроль позволил тебе прийти ко мне. Но раз уж ты здесь — объясни.

Карл заставил себя выдавить улыбку.

— Видите ли, меня поощрили уменьшением срока на три года. Тогда я впервые узнал о такой возможности. Контроль послал меня к вам и сказал, что вы предоставите мне более подробную информацию.

— Зря потратил время, — бросил Присби, швыряя папку на стол. — Ты не имеешь права на уменьшение срока, пока не закончится твой первый год. Тебе ждать еще почти десять месяцев. Тогда приходи, и я тебе все объясню. Можешь уходить.

Карл не шелохнулся. Он стиснул лежащие на коленях кулаки, чтобы не сорваться. Щурясь от яркого света, он разглядывал равнодушное рыло Присби.

— Но вы же видите, что мне уже сократили срок. Возможно, именно поэтому Контроль и велел мне прийти...

— Ты что, собираешься учить меня законам? — холодно прорычал Присби. — Это я здесь сижу, чтобы учить тебя уму-разуму. Ладно, объясню, хотя смысла в этом нет никакого. Когда ты отбудешь первый год приговора — реальный год и полностью отработанный, — тогда и получишь право на уменьшение срока. Через год ты получишь право просить перевода на работы, где предусмотрена скидка во времени. Это опасные работы. К примеру, на ремонте орбитальных спутников день засчитывается за два. Есть даже некоторые работы в атомной промышленности, где день идет за три, но они очень редки. При такой системе осужденный помогает сам себе, учится социальной ответственности и одновременно приносит пользу обществу. Разумеется, сейчас к тебе это не относится.

— Но почему? — Карл вскочил и замолотил кулаками по столу. — Почему я должен мучиться целый год на этой идиотской, никому не нужной работе? Она совершенно бессмысленна и бесполезна. Это пытка. Ту работу, которую я проделываю за ночь, может за три секунды сделать робот после

возвращения грузовика. И вы называете это обучением социальной ответственности? Унизительная, тупая работа, которая...

— Сядь, Тритт! — Присби сорвался на писклявый визг. — Ты что, не понял, где находишься? Или кто я такой? Это я указываю, что тебе следует делать. Ты не имеешь права говорить мне ничего, кроме «да, сэр» и «нет, сэр». И я говорю, что ты должен сперва отработать первый год, а потом являться сюда. Это приказ.

— А я говорю, что вы не правы! — заорал Карл. — Я найду на вас управу обращусь к вашему начальству. Вы не имеете права вот так запросто распоряжаться моей жизнью!

Присби тоже вскочил, его лицо исказила гримаса — карикатурное подобие улыбки.

— Ты никуда не сможешь пойти, — взревел он, — и жаловаться тебе некому, потому что последнее слово всегда за мной! Ты меня понял? Я указываю, что тебе делать. Я говорю, что ты будешь работать, — и ты станешь работать. Или ты сомневаешься? Не веришь в то, что я могу с тобой сделать? — На его бледных губах выступила пена. — Я заявлю, что ты орал на меня, выкрикивал оскорбления, угрожал, — и запись это подтвердит.

Присби пошарил на столе, отыскал микрофон, поднес трясущейся рукой ко рту и нажал кнопку:

— Говорит Советник Присби. За действия, недозволенные осужденному при обращении к Советнику, рекомендую увеличить срок Карла Тритта на одну неделю.

Ответ последовал мгновенно.

— Рекомендация одобрена, — послышался из динамика знакомый вокодерный голос Контроля приговора. — Карл Тритт, к вашему сроку добавлено семь дней, и теперь он составляет шестнадцать лет...

Динамик продолжал бормотать, но Карл уже не слушал, уставясь невидящими глазами в красный туннель ярости. Во всем мире для него сейчас существовало только мучнисто-белое лицо Советника Присби.

— Тебе.., не следовало этого делать, — прохрипел наконец Карл. — Ты сидишь здесь, чтобы мне помогать, а ты сделал мою жизнь еще хуже. — Неожиданно Карл все понял. — Но ты и не хотел мне помогать, верно? Ты наслаждаешься, сидя здесь и изображая божка перед осужденными, уродуешь их жизнь по своей прихоти...

Его голос заглушили вопли Присби, снова схватившего микрофон.., умышленные оскорбления.., рекомендую увеличить срок Карла Тритта на месяц... Карл слышал слова Присби, но ему

было уже все равно. Он изо всех сил старался играть по их правилам, но сил на это уже не осталось. Он ненавидел систему, создавших ее людей, внедренные в нее бездушные машины. Но самую сильную ненависть он испытывал к человеку перед собой, воплощению всей этой прогнившей системы. Все кончилось тем, что, несмотря на все его усилия, он оказался в лапах этого жирного садиста. Пора положить этому конец.

— Сними очки, — негромко произнес Карл.

— Что ты сказал.., что... — пробормотал Присби.

Он только что кончил кричать в микрофон и теперь тяжело дышал.

— Не важно, — ответил Карл, медленно подходя к столу. — Я сделаю это сам. — Он стянул с носа Присби очки и аккуратно положил их на стол. Только после этого Советник понял, что задумал Карл.

— Нет! — только и смог выдохнуть Присби.

Кулак Карла врезался в ненавистные губы, разбивая их и вышибая зубы. Присби ударился о спинку кресла и рухнул вместе с ним на пол. Нежная молодая кожа на руках Карла лопнула, пальцы залила кровь, но он этого даже не заметил. Карл встал над скорчившейся на полу, всхлипывающей фигурой и засмеялся, потом нетвердой походкой вышел из кабинета, сотрясаясь от хохота.

Робот-секретарь с холодным неодобрением повернул к нему лицо из стекла и металла и что-то произнес. Продолжая смеяться, Карл вывернул из пола тяжелую подставку вместе с лампой и ударил робота по поблескивающему лицу. Сжимая лампу, он вышел в холл.

Часть его сознания громко протестовала, охваченная ужасом от содеянного, но только часть. Этот слабый голосок начисто смыла горячая волна наслаждения, прокатившаяся по всему телу. На этот раз он нарушил законы — все законы сразу. Вырвался из клетки, в которой был заперт всю жизнь.

Спускаясь в автоматическом лифте, он подавил смех и вытер с лица капли пота. Откуда-то послышался тонкий голосок:

— Карл Тритт, вы нарушили правила отбывания приговора, поэтому ваш срок увеличивается на...

— Ты где? — взревел Карл. — Хватит прятаться и пищать в ухо. Выходи!

Он внимательно осмотрел стенки кабины и наконец заметил линзу телекамеры.

— Ты меня видишь, правда? — заорал он, обращаясь к камере. — Так знай, я тебя тоже вижу!

Тяжелая подставка врезалась в стекло. Второй удар пробил

тонкий металл и обнажил динамик. Когда Карл его вырывал, он что-то пискнул.

Люди на улице шарахались от Карла, но он их не замечал. Они просто жертвы, такие же, как он. Ему хотелось сокрушить главного врага. Каждый замеченный видеоглаз получал удар уже погнутой подставки. Он протыкал или вырывал каждый обнаруженный динамик. Его путь отмечали избитые и онемевшие роботы.

Поимка бунтовщика была неотвратимой, но Карл не думал о последствиях, да они его и не волновали. Ради этого момента он прожил всю прежнюю жизнь. Ему захотелось запеть боевую песнь, но он не знал ни единой, однако вскоре припомнил слегка фривольную песенку, которую распевал еще в школе. Выкрикивая ее слова во всю мочь, Карл помчался по сверкающему порядку города, оставляя за собой след хаоса и разрушений.

Динамики непрерывно обращались к Карлу, но он тут же отыскивал их и выводил из строя. После каждого такого поступка его срок заключения увеличивался.

— ..и теперь составляет двести двадцать лет, девятнадцать дней и... Голос неожиданно оборвался — какой-то контрольный механизм наконец осознал бессмысленность цифры.

Карл поднимался по эскалатору на грузовой уровень города. Присев на корточки, он стал ждать, когда голос зазвучит снова, чтобы обнаружить и уничтожить динамик.

— Карл Тритт, — услышал он и завертел головой в поисках динамика, — ваш срок превысил ожидаемую продолжительность вашей жизни и признан бессмысленным...

— Да он всегда был бессмысленным! — крикнул Карл в ответ. — Теперь я это знаю. Ну, так где же ты? Сейчас я тебя прикончу!

— ..и потому вас будут судить повторно, — монотонно бубнила машина. — За вами уже посланы офицеры полиции. Вам приказано сдаться добровольно, в противном случае...

ХРРГЛК... Лампа врезалась в динамик.

— Посылайте! — Карл плюнул в мешанину проводов и покореженного металла. Я и о них позабочусь.

Конец был предопределен. Выслеживаемый вездесущими глазами Центра, Карл не мог убегать бесконечно. Полицейские загнали его в угол на нижнем уровне, но он все же ухитрился оглушить двоих, пока ему не вкатили парализующий укол.

* * *

Тот же зал суда, тот же судья, но на этот раз за Карлом наблюдают два стоящих рядом дюжих охранника. За ним вроде бы и нет нужды присматривать, потому что он подался вперед и обессиленно прислонился к барьеру. Его ушибы и царапины прикрывают белые повязки.

Слышится легкое гудение — это оживает робот-судья.

— Оглашаю приговор, — произносит судья, ударяет молотком и ставит его на место. — Карл Тритт, суд признал вас виновным в...

— Что, опять? Неужели эта ерунда вам еще не надоела?

— Молчать, пока зачитывается приговор, — громко говорит судья и снова стучит молотком. — Вы признаны виновным в столь многочисленных преступлениях, что никакой срок наказания не будет достаточным для их искупления. Поэтому вы приговариваетесь к Смерти Личности. Психохирургия удалит из вашего тела все следы вашей личности, и она тем самым будет признана мертвой.

— Только не это! — взвыл Карл, умоляюще протягивая руки к судье. — Что угодно, только не это!

Охранники даже не успели отреагировать, когда вопль Карла сменился громким хохотом. Схватив молоток судьи, он атаковал растерявшихся охранников. Один из них, получив удар молотком за ухом, тут же рухнул, второй начал вытягивать из кобуры пистолет, но через мгновение свалился на тело напарника.

— А теперь судья! — счастливо крикнул Карл. — Молоточек-то теперь у меня. Смотри, как я умею с ним обращаться!

Он подбежал к судье и превратил его изящную металлическую голову в покореженный лом. Судья — всего лишь внешний придаток компьютеров Центра — не сделал никакой попытки защититься.

В холле послышался топот бегущих ног, кто-то начал дергать запертую дверь. Никакого плана у Карла не было, он лишь хотел остаться на свободе и нанести системе как можно больший ущерб, пока в его груди пылает бунтовское пламя. В зал суда вела единственная дверь. Карл быстро осмотрелся, и его наметанный глаз техника заметил в стене позади судьи дверпулючок. Он быстро отодвинул защелку и пинком распахнул дверцу.

За ним наблюдала видеокамера в углу под потолком зала суда, но тут он ничего поделать не мог. Машина все равно увидит его, куда бы он ни пошел. Ему остается лишь стараться как можно дольше опережать погоню. Он протиснулся в дверцу, и в ту же секунду в зал суда ворвались два робота.

— Карл Тритт, немедленно сдавайся. Новые изменения были.., были... Карл... Карл... Ка...

Карл с недоумением прислушивался к их голосам, доносящимся из-за тонкой металлической двери. Что произошло? Он рискнул выглянуть. Оба робота стояли на месте, совершая бессмысленные движения. Их динамики потрескивали, но молчали. Через несколько секунд их беспорядочное шевеление прекратилось. Роботы одновременно развернулись, подхватили все еще бессознательных охранников и вышли. Захлопнулась дверь. Карл был заинтригован. Он подождал еще несколько минут. Дверь снова открылась, на этот раз появился робот-ремонтник. Он приблизился к обломкам судьи и начал их демонтировать.

Тихо прикрыв дверцу. Карл прислонился к ее холодному, металлу и попытался понять, что же случилось. Теперь, когда непосредственная угроза преследования отпала, у него нашлось время поразмыслить.

Почему его не стали преследовать? Почему Центр повел себя так, словно не знает, где Карл находится? У этой вездесущей машины есть видеокамеры на каждом квадратном дюйме города, в этом он убедился на собственном горьком опыте. К тому же она соединена с такими же машинами в других городах. Нет такого места, где он мог бы укрыться от всевидящего ока. Кроме од него.

Мысль осенила его настолько неожиданно, что Карл даже ахнул. Потом осмотрелся. Впереди тянулся коридор, стены которого усеивали всевозможные реле и приборы управления, тускло освещенные световыми панелями. Похоже на.., да, вполне возможно. Другого и быть не может.

Существовало единственное место в мире, куда Центр не мог заглянуть, внутрь своего центрального механизма. Туда, где находились блоки памяти и схемы управления. Машина, способная принимать самостоятельные решения, не может сама ремонтировать свои логические схемы, иначе может возникнуть разрушительная негативная обратная связь. Неисправная схема может лишь испортить себя еще больше, но никак не починить.

Он оказался внутри мыслительных схем Центра. И для всезнающей и вездесущей машины попросту перестал существовать. Там, где машина могла его увидеть, его нет. Машина же могла увидеть любую точку города. Следовательно, он больше не существует. Наверняка и все сведения о нем уже стерты из памяти.

Поначалу медленно, потом все быстрее и быстрее Карл зашагал по коридору.

— Свободен! — закричал он. — По-настоящему свободен — впервые за всю жизнь. Свободен делать все, что пожелаю, наблюдать за всем миром и смеяться над ним!

Его переполняли уверенность и счастье. На ходу он распахивал дверь за дверью, обозревая свое новое царство, и громко говорил сам с собой, не в силах сдержать восторг:

— Ремонтные роботы станут приносить мне еду, мебель, одежду — все, что пожелаю. Я смогу жить так, как захочу, и делать что угодно.

От этой мысли он пришел в еще большее возбуждение. Распахнув очередную дверь, Карл застыл.

Комната была со вкусом обставлена — он сам собирался такую завести. Книги, картины на стенах, негромкая музыка из скрытых где-то колонок. Карл разглядывал ее, раскрыв от удивления рот. Пока не услышал за спиной голос:

— Конечно, здесь было бы неплохо пожить. Стать хозяином города, получать что угодно, лишь шевельнув пальцем. Но почему ты решил, дурак несчастный, что ты первый до этого додумался? И первый сюда пришел. А здесь место только для одного — сам знаешь, для кого.

Карл стал медленно, очень медленно оборачиваться, оценивая расстояние до стоящего в дверях человека с пистолетом в руке и прикидывая шансы оглушить его молотком, все еще зажатым в руке.., пока не прогремел выстрел.

МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ

У Старика было невероятно злорадное выражение лица — верный признак того, что кому-то предстоит здорово попотеть. Поскольку мы были одни, я без особого напряжения мысли догадался, что работенка достанется именно мне. И тотчас обрушился на него, памятуя, что наступление — лучший вид обороны.

— Я увольняюсь. И не утруждайте себя сообщением, какую грязную работенку вы мне припасли, потому что я уже не работаю. Вам нет нужды раскрывать передо мной секреты компании.

А он знай себе ухмыляется. Ткнув пальцем в кнопку на пульте, он даже захихикал. Толстый официальный документ скользнул из цели к нему на стол.

— Вот ваш контракт, — заявил Старик. — Здесь сказано, где и как вам работать. Эту пластину из сплава стали с ванадием не уничтожить даже с помощью молекулярного разрушителя.

Я наклонился, схватил пластину и тотчас подбросил ее вверх. Не успела она упасть, как в руке у меня очутился лазер, и от контракта остался лишь пепел.

Старик опять нажал кнопку, и на стол к нему скользнул новый контракт. Ухмылялся теперь он уже так, что рот его растянулся до самых ушей.

— Я неправильно выразился… Надо было сказать не контракт, а копия его… вроде этой.

Он быстро сделал какую-то пометку.

— Я вычел из вашего жалованья тринадцать монет — стоимость копии. Кроме того, вы оштрафованы на сто монет за пользование лазером в помещении.

Я был повержен и, понурившись, ждал удара. Старик поглаживал мой контракт.

— Согласно контракту, бросить работу вы не можете. Никогда. Поэтому у меня есть для вас небольшое дельце, которое вам наверняка придется по душе. Маяк в районе Центавра не действует. Это маяк типа «Марк-III»…

— Что это еще за тип? — спросил я Старика. Я ремонтировал маяки гиперпространства во всех концах Галактики и был уверен, что способен починить любую разновидность. Но о маяке такого типа я даже не слыхивал.

— «Марк-III», — с лукавой усмешкой повторил Старик. — Я и сам о нем услыхал, только когда архивный отдел откопал его спецификацию. Ее нашли где-то на задворках самого старого из

хранилищ. Из всех маяков, построенных землянами, этот, пожалуй, самый древний. Судя по тому, что он находится на одной из планет Проксимы Центавра, это, весьма вероятно, и есть самый первый маяк.

Я взглянул на чертежи, протянутые мне Стариком, и ужаснулся.

— Чудовищно! Он похож скорее на винокуренный завод, чем на маяк… И высотой не меньше нескольких сотен метров. Я ремонтник, а не археолог. Этой груде лома больше двух тысяч лет. Бросьте вы его и постройте новый.

Старик перегнулся через стол и задышал мне прямо в лицо.

— Чтобы построить новый маяк, нужен год и уйма денег. К тому же эта реликвия находится на одном из главных маршрутов. Некоторые корабли у нас теперь делают трюк в пятнадцать световых лет.

Он откинулся на спинку кресла, вытер руки носовым платком и стал читать мне очередную лекцию о моем долге перед компанией.

— Наш отдел официально называется отделом эксплуатации и ремонта, а на самом деле его следовало бы назвать аварийным. Гиперпространственные маяки делают так, чтобы они служили вечно… или по крайней мере стремятся делать так. И если они выходят из строя, то тут всякий раз дело серьезное — заменой какой-нибудь части не отделаешься.

И это говорил мне он — человек, который за жирное жалованье просиживает штаны в кабинете с искусственным климатом.

Старик продолжал болтать:

— Эх, если бы можно было просто заменять детали! Был бы у меня флот из запчастей и младшие механики, которые бы вкалывали без разговоров! Так нет же, все, все наоборот. У меня флотилия дорогих кораблей, а на них — чего только нет… Зато экипажи — банда разгильдяев вроде вас!

Он ткнул в мою сторону пальцем, а я мрачно кивнул.

— Как бы мне хотелось уволить всех вас! В каждом из вас сидит космический бродяга, механик, инженер, солдат, головорез и еще черт-те кто — все, что нужно для настоящего ремонтника. Мне приходится запугивать вас, подкупать, шантажировать, чтобы заставить выполнить простое задание. Если вы сыты по горло, то представьте себе, каково мне. Но корабли должны ходить! Маяки должны работать!

Решив, что этот бессмертный афоризм он произнес в качестве напутствия, я встал. Старик бросил мне документацию «Марка-III» и зарылся в свои бумаги. Когда я был уже у самой двери, он

поднял голову и снова ткнул в мою сторону пальцем:

— И не тешьте себя мыслью, что вам удастся увильнуть от выполнения контракта. Мы наложим арест на ваш банковский счет на Алголе-2, прежде чем вы успеете взять с него деньги.

Я улыбался так, будто у меня никогда и в мыслях не было держать свой счет в секрете. Но боюсь, улыбка получилась жалкой. Шпионы Старика с каждым днем работают все эффективнее. Шагая к выходу из здания, я пытался придумать, как бы мне незаметно взять со счета деньги. Но я знал, что в это самое время Старик подумывает, как бы ему обхитрить меня.

Все это не настраивало на веселый лад, и поэтому я сперва заглянул в бар, а уж оттуда отправился в космопорт.

* * *

К тому времени, когда корабль подготовили к полету, я уже вычертил курс. Ближе всех от испортившегося маяка на Проксиме Центавра был маяк на одной из планет Беты Цирцинии, и я сначала направился туда. Это короткое путешествие в гиперпространстве заняло всего лишь девять дней.

Чтобы понять значение маяков, надо знать, что такое гиперпространство. Немногие разбираются в этом, но довольно легко усвоить одно: там, где отсутствует пространство, обычные физические законы неприемлемы. Скорость и расстояния там понятия относительные, а не постоянные, как в обычном космосе.

Первые корабли, входившие в гиперпространство, не знали, куда двигаться, невозможно было даже определить, движутся ли они вообще. Маяки разрешили эту проблему и сделали доступной всю Вселенную. Воздвигнутые на планетах, они генерируют колоссальное количество энергии. Эта энергия превращается в излучение, которое пронизывает гиперпространство. Каждый маяк посылает с излучением свой кодовый сигнал, по которому и ориентируются в гиперпространстве. Навигация осуществляется при помощи триангуляции и квадратуры по маякам — только правила здесь свои, особые. Эти правила очень сложны и непостоянны, но все-таки они существуют, и навигатор может ими руководствоваться.

Для прыжка через гиперпространство надо точно засечь по крайней мере четыре маяка. Для длинных прыжков навигаторы используют семь-восемь маяков. Поэтому важен каждый маяк, все они должны работать. Вот тут-то беремся за дело мы, аварийщики.

Мы путешествуем в кораблях, в которых есть всего

понемногу. Экипаж корабля состоит из одного человека — этого достаточно, чтобы управляться с нашей сверхэффективной ремонтной аппаратурой. Из-за характера нашей работы мы проводим большую часть времени в обыкновенных полетах в обычном пространстве. Иначе как же найти испортившийся маяк?

В гиперпространстве его не найдешь. Используя другие маяки, можно подойти как можно ближе к испорченному — и это все. Далее путешествие заканчивается в обычном пространстве. И на это частенько уходят многие месяцы.

На сей раз все получилось не так уж плохо. Я взял направление на маяк Беты Цирцинии и с помощью навигационного блока стал решать сложную задачу ориентации по восьми точкам, используя все маяки, которые засек. Вычислительная машина выдала мне курс до примерного выхода из гиперпространства. Блок безопасности, который я все никак не могу размонтировать и выбросить, внес свои коррективы.

По мне так уж лучше выскочить из гиперпространства поблизости от какой-нибудь звезды, чем тратить время, ползя как черепаха сквозь обычное пространство, но, видно, технический отдел тоже это сообразил. Блок безопасности встроен в машину накрепко, и, как бы ты ни старался, погибнуть, выскочив из гиперпространства внутри какого-нибудь солнца, невозможно. Я уверен, что гуманные соображения тут ни при чем. Просто компании дорог корабль.

* * *

Прошло двадцать четыре часа по корабельному времени, и я очутился где-то в обычном пространстве. Робот-анализатор что-то бормотнул и стал изучать все звезды, сравнивая их спектры со спектром Проксимы Центавра. Наконец он дал звонок и замигал лампочкой. Я прильнул к окуляру.

Определив с помощью фотоэлемента истинную величину, я сравнил ее с величиной абсолютной и получил расстояние. Совсем не так плохо, как я думал, — шесть недель пути, плюс-минус несколько дней. Вставив запись курса в автопилот, я на время ускорения привязал себя ремнями в специальном отсеке и заснул.

Время прошло быстро. Я в двенадцатый раз перемонтировал свою камеру и проштудировал заочный курс по ядерной физике. Большинство ремонтников учатся. Компания повышает жалованье за овладение новыми специальностями. Но такие заочные курсы ценны и сами по себе, так как никогда нельзя заранее сказать,

какие еще знания могут пригодиться. Все это да еще живопись и гимнастика помогали коротать время. Я спал, когда раздался сигнал тревоги, возвестивший о близости планеты.

Вторая планета, где, согласно старым картам, находился маяк, была на вид сырой и пористой, как губка. Я с великим трудом разобрался в древних указаниях и наконец обнаружил нужный район. Оставшись за пределами атмосферы, я послал на разведку «Летучий глаз». В нашем деле заранее узнают, где и как придется рисковать собственной шкурой. «Глаз» для этой цели вполне подходит.

У предков хватило соображения сориентировать маяк на местности. Они построили его точно на прямой линии между двумя заметными горными вершинами. Я легко нашел эти вершины и пустил «глаз» от первой вершины точно в направлении второй. Спереди и сзади у «глаза» были радары, сигналы с них поступали на экран осциллографа в виде амплитудных кривых. Когда два пика совпали, я стал крутить рукоятки управления «глазом», и он пошел на снижение.

Я выключил радар, включил телепередатчик и сел перед экраном, чтобы не упустить маяк.

Экран замерцал, потом изображение стало четким, и в поле зрения вплыла… гигантская пирамида. Я чертыхнулся и стал гонять «глаз» по кругу, просматривая прилегавшую к пирамиде местность. Она была плоской, болотистой, без единого пригорка. В десятимильном круге только и была что пирамида, а уж она определенно никакого отношения к маяку не имела.

А может, я неправ?

Я опустил «глаз» пониже. Пирамида была грубым каменным сооружением, без в сякого орнамента, без украшений. На вершине ее что-то блеснуло. Я пригляделся. Там был бассейн, заполненный водой. При виде его в голове у меня мелькнула смутная догадка.

Замкнув «глаз» на круговом курсе, я покопался в чертежах «Марка-III» и… нашел то, что мне было нужно. На самом верху маяка была площадка для собирания осадков и бассейн. Вода охлаждала реактор, который питал старую уродину. Раз вода есть, значить и маяк все еще существует… внутри пирамиды. Туземцы, которых идиоты, конструировавшие маяк, разумеется, даже не заметили, заключили сооружение я великолепную пирамиду из гигантских камней.

Я снова посмотрел на экран и понял, что «глаз» у меня летает по круговой орбите всего футах в двадцати над пирамидой. Вершина каменной груды теперь была усеяна какими-то ящерами, местными жителями, наверно. Они швырялись палками, стреляли

из самострелов, стараясь сбить «глаз». Во всех направлениях летели тучи стрел и камней.

Я увел «глаз» прямо вверх, а затем, в сторону и дал задание блоку управления вернуть разведчика на корабль.

Потом я пошел в камбуз и принял добрую дозу спиртного. Мало того, что мой маяк заключен в каменную гору, я еще умудрился разозлить существ, построивших пирамиду. Хорошенькое начало для работы — такое заставило бы и более сильного человека, чем я, приложиться к бутылке.

Наш брат, ремонтник, старается обычно держаться подальше от местных жителей. Общаться с ними смертельно опасно. Антропологи, возможно, ничего не имеют против принесения себя в жертву своей науке, но ремонтнику жертвовать собой вроде бы ни к чему. Поэтому большинство маяков строится на необитаемых планетах. Если маяк приходится стоить на обитаемой планете, его обычно воздвигают где-нибудь в недоступном месте.

Почему этот маяк построили в пределах досягаемости местных жителей, я еще не знал, но со временем собирался узнать. Первым делом надо было установить контакт. А для того, чтобы установить контакт, необходимо знать местный язык.

И на этот случай я уже давно разработал безотказную систему. У меня было устройство для подглядывания и подслушивания, я его сам сконструировал. По виду оно походило на камень длиной с фут. Когда устройство лежало на земле, никто на него не обращал внимания, но когда оно еще парило в воздухе, вид его приводил случайных свидетелей в некоторое замешательство. Я нашел город ящеров примерно в тысяче километров от пирамиды и ночью сбросил туда своего «соглядатая». Он со свистом понесся вниз и опустился на берегу большой лужи, в которой любили плескаться местные ящеры. Днем здесь их собиралось довольно много. Утром, с прибытием первых ящеров я включил магнитофон.

Примерно через пять местных дней у меня в блоке памяти машины-переводчика было записано невероятно много всяких разговоров, и я уже выделил некоторые выражения. Это довольно легко сделать, если вы работаете с машинной памятью. Один из ящеров что-то пробулькал вслед другому, и тот обернулся. Я ассоциировал эту фразу с чем-то вроде человеческого «Эй!» и ждал случая проверить правильность своей догадки. В тот же день, улучив момент, когда какой-то ящер остался в одиночестве, я крикнул ему: «Эй!». Возглас был пробулькан репродуктором на местном языке, и ящер обернулся.

Когда в памяти накопилось достаточное число таких опорных

выражений, к делу приступил мозг машины-переводчика, начавший заполнять пробелы. Как только машина стала переводить мне все услышанные разговоры, я решил, что пришло время вступить с ящерами в контакт.

Собеседника я нашел весьма легко. Он был чем-то вроде центаврийского пастушка, так как на его попечении находились какие-то особенно грязные низшие животные, обитавшие в болотах за городом. Один из моих «соглядатаев» вырыл в крутом склоне пещеру и стал ждать ящера.

На следующий день я шепнул в микрофон проходившему мимо пастушку:

— Приветствую тебя, мой внучек! С тобой говорит из рая дух твоего дедушки.

Это не противоречило тому, что я узнал о местной религии.

Пастушок остановился как вкопанный. Прежде чем он пришел в себя, я нажал кнопку, и из пещеры к его ногам выкатилась горсть раковин, которые служили там деньгами.

— Вот тебе деньги из рая, потому что ты был хорошим мальчиком.

«Райские» деньги я предыдущей ночью изъял из местного казначейства.

— Приходи завтра, и мы с тобой потолкуем, — крикнул я вслед убегающему ящерку. Я с удовольствием отметил, что захватить «монеты» с собой он не забыл.

Потом дедушка из рая не раз вел сердечные разговоры с внучком, на которого божественные дары подействовали неотразимо. Дедушка интересовался событиями, которые произошли после его смерти, и пастушок охотно просвещал его.

Я получил все необходимые мне исторические сведения и выяснил нынешнюю обстановку, которую никак нельзя было счесть благоприятной.

Мало того, что маяк заключили в пирамиду, вокруг этой пирамиды шла небольшая религиозная война.

Все началось с перешейка. Очевидно, когда строился маяк, ящеры жили в далеких болотах, и строители не придавали им никакого значения. Уровень развития ящеров был низок, и водились они на другом континенте. Мысль о том, что туземцы могут сделать успехи и достичь этого континента, не приходила в голову инженерам, строившим маяк. Но именно это и случилось.

В результате небольшого геологического сдвига на нужном месте образовался болотистый перешеек, и ящеры стали забредать в долину, где находился маяк. И обрели там религию. Блестящую металлическую башню, из которой непрерывно изливался поток волшебной воды (она, охлаждая реактор, лилась

вниз с крыши, где конденсировалась из атмосферы). Радиоактивность воды дурного воздействия на туземцев не оказывала. Мутации, которые она вызывала, оказались благоприятными.

Вокруг башни был построен город, и за много веков маяк постепенно заключили в пирамиду. Башню обслуживали специальные жрецы. Все шло хорошо, пока один из жрецов не проник в башню и не погубил источник святой воды. С тех пор начались мятежи, схватки, побоища, смута. Но святая вода так больше и не текла. Теперь вооруженные толпы сражались вокруг башни каждый день, а священный источник стерегла новая шайка жрецов.

А мне надо было забраться в эту самую кашу и починить маяк.

Это было бы легко сделать, если б нам разрешали хоть чуть-чуть порезвиться. Я мог бы стереть этих ящериц в порошок, наладить маяк и удалиться. Но «местные живые существа» находились под надежной защитой. В мой корабль вмонтированы электронные шпионы — я отыскал еще не все, — и они донесли бы на меня по возвращении.

Оставалось прибегнуть к дипломатии. Я вздохнул и достал снаряжение для изготовления пластиковой плоти.

Сверяясь с объемными снимками, сделанными с пастушка, я придал своему лицу черты рептилии. Челюсть была немного коротковата — рот мой мало похож на зубастую пасть. Но и так сойдет. Мне не было нужды в точности походить на ящера — требовалось небольшое сходство, чтобы не слишком пугать туземцев. В этом есть логика. Если бы я был невежественным аборигеном Земли и встретился с жителем планеты Спик, который похож на двухфутовый комок высушенного шеллака, то я бы задал стрекача. Но если бы на спиканце был костюм из пластиковой плоти, в котором он хотя бы отдаленно походил на человека, то я бы по крайней мере остановился и поговорил с ним. Так что мне просто хотелось смягчить впечатление от своего появления перед центаврийцами.

Сделав маску, я стянул ее с головы и прикрепил к красивому хвостатому костюму из зеленого пластика. Я искренне порадовался хвосту. Ящеры не носят одежды, а мне надо было взять с собой много электронных приборов. Я натянул пластик хвоста на металлический каркас, пристегнув его к поясу. Потом я заполнил каркас снаряжением, которое могло мне понадобиться, и зашнуровал костюм.

Облачившись, я встал перед большим зеркалом. Зрелище было страшноватое, но я остался доволен. Хвост тянул мое

туловище назад и книзу, отчего походка у меня стала утиной, вперевалку, но это только усиливало сходство с ящером.

Ночью я посадил корабль в горах поблизости от пирамиды на совершенно сухую площадку, куда земноводные никогда не забирались. Перед самым рассветом «глаз» прицепился к моим плечам, и мы взлетели. Мы парили над башней на высоте 2000 метров, пока не стало светло, а потом опустились.

Наверно, это было великолепное зрелище. «Глаз», который я замаскировал под крылатого ящера, этакого картонного птеродактиля, медленно взмахивал крыльями, что, впрочем, не имело никакого отношения к тем принципам, на которых зиждилась его способность летать. Но этого было достаточно, чтобы поразить соображение туземцев. Первый же ящер, который заметил меня, вскрикнул и опрокинулся на спину. Подбежали другие. Сгрудившись, они толкались, влезали друг на друга, и к моменту моего приземления на площади перед храмом появились жрецы.

Я с царственной важностью сложил руки на груди.

— Приветствую вас, о благородные служители великого бога, — сказал я. Разумеется, я не сказал этого вслух, а лишь прошептал в ларингофон. Радиоволны донесли мои слова до машины-переводчика, которая в свою очередь вещала на местном языке через динамик, спрятанный у меня в челюсти.

Туземцы загалдели, и тотчас над площадью разнесся перевод моих слов. Я усилил звук так, что стала резонировать вся площадь.

Некоторые из наиболее доверчивых туземцев простерлись ниц, другие с криками бросились прочь. Один подозрительный тип поднял копье, но после того, как «глаз» — птеродактиль схватил его и бросил в болото, никто уже не пытался делать ничего подобного. Жрецы были народ прожженный — не обращая внимания на остальных ящеров, они не трогались с места и что-то бормотали. Мне пришлось возобновить атаку.

— Исчезни, верный конь, — сказал я «глазу» и одновременно нажал кнопку на крохотном пульте, спрятанном у меня в ладони.

«Глаз» рванулся кверху немного быстрее, чем я хотел; кусочки пластика, оборванного сопротивлением воздуха, посыпались вниз. Пока толпа упоенно наблюдала за этим вознесением, я направился к входу в храм.

— Я хочу поговорить с вами, о благородные жрецы, — сказал я.

Прежде чем они сообразили, что ответить мне, я уже был в храме, небольшом здании, примыкавшем к подножию пирамиды. Возможно, я нарушил не слишком много «табу» — меня не

остановили, значит, все шло вроде бы хорошо. В глубине храма виднелся грязноватый бассейн. В нем плескалось престарелое пресмыкающееся, которое явно принадлежало к местному руководству. Я заковылял к нему, а оно бросило на меня холодный рыбий взгляд и что-то пробулькало.

Машина-переводчик прошептала мне на ухо:

— Во имя тринадцатого греха, скажи, кто ты и что тебе здесь надобно?

Я изогнул свое чешуйчатое тело самым благородным образом и показал рукой на потолок.

— Ваши предки послали меня помочь вам. Я явился, чтобы возродить Священный источник.

Позади меня послышалось гуденье голосов, но предводитель не говорил ни слова. Он медленно погружался в воду, пока на поверхности не остались одни глаза. Мне казалось, что я слышу, как шевелятся мозги за его замшелым лбом. Потом он вскочил и ткнул в меня конечностью, с которой капала вода:

— Ты лжец! Ты не наш предок! Мы…

— Стоп! — загремел я, не давая ему зайти так далеко, откуда бы он уже не смог пойти на попятный. — Я сказал, что ваши предки меня послали… я не принадлежу к числу ваших предков. Не пытайся причинить мне вред, иначе гнев тех, кто ушел в иной мир, обратится на тебя.

Сказав это, я сделал угрожающий жест в сторону других жрецов и бросил на пол между ними и собой крохотную гранатку. В полу образовалась порядочная воронка, грохота и дыма получилось много.

Главный ящер решил, что доводы мои убедительны, и немедленно созвал совещание шаманов. Оно, разумеется, состоялось в общественном бассейне, и мне пришлось тоже залезть в него. Мы разевали пасти и булькали примерно с час — за это время и были решены все важные пункты повестки дня.

Я узнал, что эти жрецы появились здесь не очень давно; всех предыдущих сварили в кипятке за то, что они дали иссякнуть Священному источнику. Я объяснил, что прибыл лишь с одной целью — помочь им возродить поток. Жрецы решили рискнуть, и все мы выбрались из бассейна. Грязь струйками стекала с нас на пол. В саму пирамиду вела запертая и охранявшаяся дверь. Когда ее открыли, главный ящер обернулся ко мне.

— Ты, несомненно, знаешь закон, — сказал он. — Поскольку прежние жрецы были излишне любопытны, теперь введено правило, которое гласит, что только слепые могут входить в святая святых.

Я готов побиться об заклад, что он улыбнулся, если только

тридцать зубов, торчащих из чего-то вроде щели в старом чемодане, можно назвать улыбкой.

Он тут же дал знак подручному, который принес жаровню с древесным углем и раскаленными докрасна железками. Я с разинутым ртом стоял и смотрел, как он помешал угли, вытянул из них самую красную железку и направился ко мне. Он уже нацелился на мой правый глаз, когда я снова обрел дар речи.

— Порядок этот, разумеется, правильный, — сказал я. — Ослеплять необходимо. Но в данном случае вам придется ослепить меня перед уходом из святая святых, а не теперь. Мне нужны глаза, чтобы увидеть, что случилось со Священным источником. Когда вода потечет снова, я буду смеяться, сам подставляя глаза раскаленному железу.

Ему понадобилось полминуты, чтобы обдумать все и согласиться со мной. Палач хрюкнул и подбросил угля в жаровню. Дверь с треском распахнулась, я проковылял внутрь; потом она захлопнулась за мной, и я очутился один в темноте.

Но недолго… поблизости послышалось шарканье. Я зажег фонарь. Ко мне ощупью шли три жреца, на месте их глазных яблок виднелась красная обожженная плоть. Они знали, чего я хотел, и повели меня, не говоря ни слова.

Потрескавшаяся и крошащаяся каменная лестница привела нас к прочной металлической двери с табличкой, на которой архаическим шрифтом было написано: *«МАЯК „МАРК-III“ — ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН».* Доверчивые строители возлагали свои надежды только на табличку — на двери не было и следа замка. Один из ящеров просто повернул ручку, и мы оказались внутри маяка.

Я потянул за молнию на груди своего маскировочного костюма и достал чертежи. Вместе с верными жрецами, которые, спотыкаясь, шли за мной, я отыскал комнату, где был пульт управления, и включил свет. Аварийные батареи почти разрядились, электричества хватило лишь на то, чтобы дать тусклый свет. Шкалы и индикаторы, кажется, были в порядке, они сияли — уж что-что, а непрерывная чистка была им обеспечена.

Я прочел показания приборов, и догадки мои подтвердились. Один из ревностных ящеров каким-то образом открыл бокс с переключателями и почистил их. Он случайно нажал один из них, и это вызвало аварию.

Вернее, с этого все началось. Покончить с бедой нельзя было простым щелчком переключателя, отчего водяной клапан снова заработал бы. Этим клапаном предполагалось пользоваться только в случае ремонта, после того как в реактор впущена вода. Если вода отключалась от действующего реактора, она начинала

переливаться через край, и автоматическая предохранительная система направляла ее в колодец.

Я мог легко пустить воду снова, но в реакторе не было горючего.

Мне не хотелось возиться с топливом. Гораздо легче было бы установить новый источник энергии. На борту корабля у меня было устройство, по размерам раз в десять меньше старинного ведра с болтами, установленного на «Марке-III», и по крайней мере раза в четыре мощнее. Но прежде я осмотрел весь маяк. За две тысячи лет что-нибудь да должно было износиться.

Старики, предки наши, надо отдать им должное, строили хорошо. Девяносто процентов механизмов не имело движущихся частей, и износу им не было никакого. Например, труба, по которой подавалась вода с крыши. Стенки у нее были трехметровой толщины… это у трубы-то, в которую едва бы прошла моя голова. Кое-какая работенка мне все-таки нашлось, и я составил список нужных деталей.

Детали, новый источник энергии и разная мелочь были аккуратно сложены на корабле. Глядя на экран, я тщательно проверил все части, прежде чем они были уложены в металлическую клеть. Перед рассветом, в самый темный час ночи, мощный «глаз» опустил клеть рядом с храмом и умчался незамеченный.

С помощью «соглядатая» я наблюдал, как жрецы пытались ее открыть. Когда они убедились, что их попытки тщетны, через динамик, спрятанный в клети, я прогрохотал им приказ. Почти целый день они пыхтели, втаскивая тяжелый ящик по узким лестницам башни, а я в это время хорошо поспал. Когда я проснулся, ящик уже вдвинули в дверь маяка.

Ремонт отнял у меня немного времени. Ослепленные жрецы жалобно стонали, когда я вскрывал переборки, чтобы добраться до реактора. Я даже установил в трубе специальное устройство, чтобы вода приобрела освежающую рептилий радиоактивность, которой обладал прежний Священный источник. На этом закончилась работа, которой от меня ждали.

Я щелкнул переключателем, и вода снова потекла.

Несколько минут вода бурлила по сухим трубам, а потом за стенами пирамиды раздался рев, потрясший ее каменное тело. Воздев руки, я отправился на церемонию выжигания глаз.

Ослепленные ящеры ждали меня у двери, и вид у них был более несчастный, чем обычно. Причину этого я понял, когда попробовал открыть дверь — она была заперта и завалена с другой стороны.

— Решено, — сказал ящер, — что ты останешься здесь навеки

и будешь смотреть за Священным источником. Мы останемся с тобой и будем прислуживать тебе.

Очаровательная перспектива — вечное заточение в маяке с тремя слепыми ящерами. Несмотря на их гостеприимство, я не мог принять этой чести.

— Как! Вы осмеливаетесь задерживать посланца ваших предков!

Я включил динамики на полную громкость, и от вибрации у меня чуть не лопнула голова.

Ящеры съежились от страха, а я тонким лучом лазера обвел дверь по косякам. Раздался треск и грохот разваливавшейся баррикады, и дверь освободилась. Я толчком открыл ее. Не успели слепые жрецы опомниться, как я вытолкал их наружу.

Их коллеги стояли у подножия лестницы и возбужденно галдели, пока я намертво заваривал дверь. Пробежав сквозь толку, я остановился перед главным жрецом, по-прежнему лежавшим в своем бассейне. Он медленно ушел под воду.

— Какая невежливость! — кричал я. Ящер пускал под водой пузыри. — Предки рассердились и навсегда запретили входить во внутреннюю башню. Впрочем, они настолько добры, что источник вам оставили. Теперь я должен вернуться… Побыстрей совершайте церемонию!…

Пыточных дел мастер был так испуган, что не двинулся с места. Я выхватил у него раскаленную железку. От прикосновения к щеке под пластиковой кожей на глаза мне опустилась стальная пластина. Потом я крепко прижал раскаленную железку к фальшивым глазным яблокам, и пластик запах горелым мясом.

Толпа зарыдала, когда я бросил железку и, спотыкаясь, сделал несколько кругов. Признаться, имитация слепоты получилась у меня довольно неплохо.

Боясь, как бы ящерам не пришла в голову какая-нибудь новая светлая идея, я нажал кнопку и появился мой пластиковый птеродактиль. Разумеется, я не мог его видеть, но почувствовал, что он здесь, когда защелки на его когтях сцепились со стальными пластинками, прикрывавшими мои плечи.

После выжигания глаз я повернулся не в ту сторону, и мой крылатый зверь подцепил меня задом наперед. Я хотел улететь с достоинством, слепые глаза должны были смотреть на заходящее солнце, а вместо этого я оказался повернутым к толпе. Но я сделал все, что мог — отдал ящерам честь. В следующее мгновение я уже был далеко.

Когда я поднял стальную пластинку и проковырял дырки в жженом пластике, пирамида уже стремительно уменьшалась в размерах, у основания ее кипел ключ, а счастливая толпа

пресмыкающихся барахталась в радиоактивном потоке. Я стал припоминать, все ли сделано.

Во-первых, маяк отремонтирован.

Во-вторых, дверь запечатана, так что никакого вредительства, нечаянного или намеренного, больше не будет.

В-третьих, жрецы должны быть удовлетворены. Вода снова бежит, мои глаза в соответствии с правилами выжжены, у жреческого сословия снова есть дело.

И в-четвертых, в будущем ящеры, наверно, допустят на тех же условия нового ремонтника, если маяк снова выйдет из строя. По крайней мере я не сделал им ничего плохого — если бы я кого-нибудь убил, это настроило бы их против будущих посланцев от предков.

На корабле, стягивая с себя чешуйчатый костюм, я радовался, что в следующий раз сюда придется лететь уже какому-нибудь другому ремонтнику.

УЦЕЛЕВШАЯ ПЛАНЕТА

— Но ведь война кончилась, когда я еще и на свет-то не родился! И кого теперь может интересовать одна-единственная торпеда, пущенная так давно?!

Долл младший был чересчур настойчив; ему очень повезло, что командир корабля Лайан Стейн, человек спокойный и многоопытный, обладал неисчерпаемым запасом терпения.

— Прошло уже пятьдесят лет с тех пор, как мы одержали верх над Большой Рабократией, но это совсем не значит, что она уничтожена, — сказал командир. Он взглянул в иллюминатор, как бы увидев среди звезд призрачные очертания империи, которую они так долго пытались уничтожить. — Больше тысячи лет Рабократии никто не мешал захватывать все новые миры. Но и военное поражение ее не доконало, только разобщенные планеты стали для нас доступнее. Мы теперь стараемся преобразовать их экономику, вывести из состояния рабства, но еще не пройдено и полпути.

— Это я давно все знаю, — устало вздохнул Долл младший. — Я работаю на межпланетных трассах с того времени, как пришел в космический флот. Но при чем тут Мозаичная торпеда, за которой мы охотимся? Во время войны такие производили и пускали миллионами. Почему же через столько лет вдруг занялись одной этой?

— Читал бы технические отчеты, тогда не задавал бы таких вопросов, — посоветовал командир Стейн, ткнув пальцем в толстую папку на штурманском столе.

На более строгий выговор командир был попросту не способен. У Долла младшего хватило благоразумия слегка покраснеть, и он принялся слушать командира с подчеркнутым вниманием.

— Мозаичная торпеда — орудие межпланетной войны; собственно, это космический корабль, управляемый роботом. Получив задание, он отыскивает цель, если нужно — защищается, а потом, попав в корабль, погибает — там начинается неуправляемая атомная реакция.

— Понятия не имел, что ими управляли роботы, — сказал Долл. — Я всегда думал, что роботы не способны убивать людей, это заложено в их схеме.

— Точнее, запрограммировано, — поправил Стейн. — Мозг робота — всего лишь сложное устройство без моральных устоев. Их придают после. Мы уже давно не делаем роботов внешне похожими на человека, с мозгом, подобным человеческому. Наш век — век специализации, а специализировать робота гораздо легче, чем человека. «Мозг» Мозаичной торпеды не имеет моральных устоев, — она, можно сказать, психопатична, одержима жаждой убийства. Хотя, конечно, в нее встроен контрольный аппарат, она может убить не более заданного количества людей. Все торпеды, которыми пользовались противники в этой войне, были снабжены детекторами массы, которые их разряжали, если торпеда приближалась к объекту с массой типа планеты, ибо реакция, вызванная торпедой, могла уничтожить не только корабль, но с таким же успехом и целую планету. Теперь тебе, наверно, понятно, почему мы так заинтересовались, когда в последние месяцы войны напали на торпеду с зарядом, рассчитанным именно на уничтожение целой планеты. Из ее мозга извлекли все данные и недавно их расшифровали. Торпеда была нацелена на четвертую планету звезды, к которой мы с тобой сейчас приближаемся.

— А есть об этой планете какие-нибудь сведения? — спросил Долл.

— Никаких. Это неисследованная система, по крайней мере в наших записях о ней ничего нет. Но Большая Рабократия, видно, знала о ней достаточно, если задумала ее уничтожить. Для этого-то мы туда и летим — выяснить, почему.

Долл младший наморщил лоб и задумался.

— Только для этого и летим? — спросил он, помолчав. — Ведь мы не позволили им уничтожить планету, чего же нам еще надо?

— Сразу видно, что ты в нижних чинах на корабле, — рявкнул артиллерист Арнилд, входя в рубку. Арнилд ухитрился

состариться артиллеристом, а ведь на этой службе мало кто доживает до старости — и с годами стал нетерпим ко всему, кроме своих вычислительных машин и пушек. — Могу я высказать кое-какие предположения, которые даже мне пришли в голову? Во-первых, любой враг Рабократии может стать нашим другом; а может и наоборот — на этой планете засел враг, опасный для всего человечества, и тогда, пожалуй, нам самим придется запустить Мозаичную торпеду, чтобы закончить дело, которое начали рабократы. Или, может, у них тут что-нибудь осталось, какой-нибудь научный центр, и они предпочли бы его уничтожить, лишь бы мы до него не добрались. В любом случае на эту планету стоит поглядеть поближе, верно?

— Через двадцать часов мы войдем в атмосферу, — сказал Долл, скрываясь в нижнем люке. — Мне надо проверить смазку подшипников передачи.

— Ты чересчур снисходителен к мальчишке, — заметил Арнилд, хмуро глядя на приближающуюся планету, слепящий блеск который уже смягчили выдвинувшиеся фильтры.

— А ты слишком суров с ним, — возразил Стейн. — Так что мы уравновешиваем друг друга. Не забывай, ему не пришлось воевать с рабократами.

Скользя по самому краю атмосферы Четвертой планеты, корабль-разведчик мчался некоторое время по спиральной орбите, потом метнулся назад в безопасную зону космоса, а между тем мозг корабля — робот — обрабатывал и снимал копии с показаний детектора и фотографий. Копии сложили в торпеду-курьер, и, только когда ее отправили назад, на базу, командир Стейн удосужился самолично взглянуть на результаты наблюдений.

— Ну, дело сделано, теперь и без нас обойдутся, — сказал он с облегчением. — Так что, пожалуй, спустимся вниз и выясним, чем там пахнет.

Арнилд буркнул, что согласен, при этом его указательные пальцы как будто нажимали на гашетку невидимого оружия. Оба они склонились над разложенными на столе записями и фотографиями. Долл, вытянув шею, тоже глядел на стол из-за их спины и подбирал снимки, которые они уже посмотрели и отбросили. Он заговорил первым.

— Ничего особенного тут нет. Много воды, а посередине один континент, просто большой остров.

— Ничего, кроме него, пока не видно, — заметил Стейн, откладывая записи в сторону. — Ни радиации, ни крупных скоплений металла на поверхности или под нею, ни энергетических запасов. Незачем было сюда летать.

— Но раз уж мы прилетели, давайте спустимся и сами поглядим, что к чему, — угрюмо проворчал Арнилд. — Вот подходящее место для посадки. — Он ткнул пальцем в фотографию и сунул ее в увеличитель. — Пожалуй, это обыкновенная деревня, ходят люди, из хижин вьется дым.

— А вот это похоже на овец в поле, — взволнованно прервал его Долл. — А это лодки на берегу. Мы тут наверно что-нибудь да найдем.

— Конечно, найдем, — подтвердил командир Стейн. — Пристегнитесь, мы идем на посадку.

Легко и бесшумно корабль описал плавную дугу и опустился на холме над поселком, на опушке рощи. Моторы постепенно затихли, и все смолкло.

Долл глянул на циферблаты анализатора.

— Атмосфера пригодна для дыхания, — объявил он.

— Оставайся у орудий, Арнилд, — распорядился командир. — Держи нас под прикрытием, но не стреляй, пока я не прикажу.

— Или пока тебя не убьют, — с полнейшим равнодушием возразил Арнилд.

— Или пока меня не убьют, — так же равнодушно подтвердил командир. — В этом случае ты примешь командование.

Они с Доллом приладили походное снаряжение, вышли наружу через люк и задраили его за собой. Их сразу же овеяло теплым, мягким воздухом, напоенным свежестью трав и листвы.

— Ох, и здорово же пахнет! — воскликнул Долл. — Это вам не кислород из баллонов.

— Удивительная способность изрекать всем известные истины. — Голос Арнилда в наушниках казался еще более скрипучим, нежели всегда. — Видно вам, что происходит в деревне?

Долл полез за биноклем. Командир Стейн не отрывался от своего бинокля с той минуты, как они вышли из корабля.

— Никакого движения, — сказал он Арнилду. — Высылай на разведку Глаз.

Глаз со свистом обогнал их и медленно заскользил над деревней у подножья холма. Они провожали его взглядом. Внизу стояла сотня жалких лачуг, крытых соломой, и Глаз внимательно оглядывал каждую.

— Ни души, — сообщил Арнилд, всматриваясь в экран монитора. — И животные тоже исчезли — те, которых мы видели с воздуха.

— Но люди-то не могли исчезнуть, — заметил Долл. — Кругом пустые поля, нигде никакого укрытия. И от костров еще дымок идет.

— Дымок-то есть, а людей нет, — сварливо отозвался Арнилд. — Сходи туда и погляди сам.

Глаз взмыл вверх и поплыл в сторону корабля. Потом качнулся над деревьями и вдруг застыл в воздухе.

— Стоп! — рявкнул Арнилд, чуть не оглушив их. — Дома пусты, но на дереве, у которого вы стоите, кто-то есть. Метрах в десяти над вами.

Оба еле сдержались, чтобы не задрать голову. И чуть отступили, опасаясь, как бы на них чего-нибудь не сбросили.

— Тебе, хорошо, — сказал Арнилд. — Я передвину Глаз в такое место, где ему лучше будет видно.

Они услышали слабое жужжание мотора: Глаз переместился.

— Это девушка. В меховой одежде. Оружия не видно, к поясу подвешен какой-то мешок. Она уцепилась за сук, глаза закрыты. Похоже, боится упасть.

Теперь Стейн и Долл с трудом разглядели сжавшуюся в комок фигурку, прильнувшую к прямому стволу.

— Не подпускай к ней Глаз, — сказал командир. — Включи громкоговоритель. Подключи меня к цепи.

— Готово.

— Мы друзья… Слезай… Мы не сделаем тебе ничего плохого… — гулко раздалось из парящего над ними громкоговорителя.

— Она слышит, но, видно, не понимает эсперанто, — сказал Арнилд. — Когда ты заговорил, она только покрепче уцепилась за сук.

Еще во время войны командир Стейн неплохо овладел языком рабократов, и теперь он торопливо вспоминал нужные слова. Перевел все, что уже сказал, и повторил на языке из поверженных врагов.

— Вот это дошло, командир, — сообщил Арнилд. — Она так подскочила, что чуть не свалилась. А потом вскарабкалась еще выше и еще крепче уцепилась за сук.

— Позвольте, я сниму ее оттуда, сэр, — попросил Долл. — Возьму веревку и влезу на дерево. Другого выхода нет. Знаете, как снимают с дерева кошек.

Стейн поразмыслил.

— Пожалуй, другого и впрямь ничего не придумаешь, — сказал он наконец. — Принеси с корабля метров двести легкого троса и когти. Да не задерживайся, скоро совсем стемнеет.

Когти впились в ствол дерева, и Долл осторожно добрался до нижних ветвей. Девушка у него над головой зашевелилась, перед ним в листве мелькнуло белое пятно ее лица — она глядела вниз, на него. Он полез выше, но тут его остановил голос Арнилда:

— Стоп! Она лезет еще выше. Как раз над тобой.

— Что делать, командир? — спросил Долл, усаживаясь поудобнее в развилке большого сука. Карабкаться было даже весело, он вошел во вкус, кожу слегка щекотали струйки пота. Долл рывком распахнул ворот и вздохнул полной грудью.

— Полезай дальше. Выше макушки ей ведь не забраться.

Теперь лезть было легче, ветви стали меньше и росли теснее. Долл не спешил, чтобы не слишком пугать девушку, а не то она еще может сорваться. Земли уже не было видно, она осталась где-то далеко внизу. Они были тут одни, отделенные от всего остального мира колыханьем листвы и ветвей; о наблюдателях с корабля напоминала только серебряная трубка повисшего над ними Глаза. Долл приостановился и очень старательно, не спеша завязал на конце троса надежную петлю. Впервые за все время их полета он чувствовал себя полноправным членом экипажа. Те двое, старые космические волки, товарищи неплохие, но уж очень они подавляют его своим многолетним опытом. А тут, наконец, подвернулось такое дело, где он может заткнуть их за пояс! И, завязывая петлю, Долл даже тихонько насвистывал от удовольствия.

Девушка вполне могла вскарабкаться еще выше, ветви выдержали бы ее вес. Но она почему-то двинулась не вверх, а в сторону, по суку. Соседний сук оказался отличной опорой, и Долл медленно пополз вслед за ней.

— Не бойся, — весело сказал он ей и улыбнулся. — Я хочу только спустить тебя вниз и отвести к твоим друзьям. Ну-ка, хватайся за трос!

Девушка задрожала и попятилась от него. Молоденькая, недурна собой, вся одежда — короткая меховая юбка. Волосы длинные, но расчесаны аккуратно и забраны на затылке ремешком. Самая обыкновенная девушка, только уж очень перепуганная. Долл подполз поближе и увидел, что она ничего не соображает от страха. Ноги и руки так и трясутся. Губы побелели, нижняя прокушена и по подбородку сбегает струйка крови. Долл никогда не думал, что человеческие глаза могут так расшириться от ужаса и наполниться таким безмерным отчаянием.

— Да ты не бойся, — повторил он, останавливаясь чуть поодаль. Ветка была тонкая и упругая. Если он попытается схватить ее, как бы им обоим не свалиться. Нет уж, не станет он сейчас портить все дело. Долл медленно размотал конец троса, обвязал себя вокруг пояса и перекинул конец через соседний сук, закрепив его там. Краешком глаза от заметил, что девушка шевельнулась и стала дико озираться вокруг.

— Я друг, — сказал Долл, стараясь ее успокоить. Потом

перевел эти слова на язык рабократов — ведь она его, кажется, понимала. — Ноир вен!

Девушка ахнула, ноги ее судорожно дернулись. У нее вырвался ужасный вопль, точно это кричал не человек, а смертельно раненный зверь. Долл, растерявшись, рванулся к ней, чтобы удержать, но поздно.

Нет, она не упала. Она изо всех сил кинулась с ветки вниз, на верную смерть, лишь бы он ее не коснулся. На краткий миг она словно застыла в прыжке, вся изломанная судорогой и обезумевшая от страха, потом, с треском обламывая сучья, полетела вниз. За ней полетел и Долл, бессмысленно хватая руками воздух.

Его удержал трос, который он раньше благоразумно закрепил на суке. Ошеломленный, почти не сознавая, что делает, он отполз назад к стволу и ослабил трос. Потом начал спускаться с дерева, руки его дрожали. Спускался он очень долго, и, когда наконец встал на ноги, изуродованное тело в траве было уже покрыто одеялом. Незачем было спрашивать, мертва ли она, — это и так было ясно.

— Я старался ее удержать. Я сделал все, что мог.

Голос Долла срывался.

— Да, конечно, — успокоил его командир Стейн, раскладывая на траве содержимое мешка, который был привязан у девушки к поясу. — Мы все видели с помощью Глаза. Когда она решила прыгнуть, помешать ей было уже невозможно.

— Не к чему было говорить с ней на языке рабократов, — сказал Арнилд, выходя из корабля. Он хотел еще что-то прибавить, но поймал суровый взгляд командира и прикусил язык. Долл тоже заметил этот взгляд.

— Я забыл, — заговорил он, переводя глаза с одного бесстрастного лица на другое. — Помнил только, что она понимает по-рабократски. Не сообразил, что она испугается. Наверно, это была ошибка, но ведь ошибиться может кто угодно! Я не хотел ее убивать…

Зубы его стучали, он с усилием стиснул челюсти и отвернулся.

— Пойди-ка приготовь что-нибудь поесть, — сказал ему Стейн. И как только за Доллом захлопнулась дверца люка, повернулся к Арнилду. — Закопаем ее тут, под деревом. Я тебе помогу.

Перекусили на скорую руку, есть никому не хотелось. Потом Стейн сидел в штурманском кресле и задумчиво катал пальцем по столу какой-то твердый зеленый плод.

— Вот зачем она забралась на дерево. Потому и не успела

удрать, как все остальные. Собирала эти плоды. Больше ничего у нее в мешке не было. Это чистая случайность, что мы остановились под этим деревом и застали ее врасплох.

Командир мельком глянул на Долла и поспешно отвернулся.

— Уже совсем темно. Может, подождем до утра? — спросил Арнилд. Перед ним на столе лежал разобранный пистолет, Арнилд чистил и смазывал его.

Командир кивнул.

— Можно и подождать. Совсем не к чему блуждать в потемках. Оставь над деревней Глаз, включи ультракрасный прожектор и фильтр и веди запись. Может, удастся выяснить, куда они все подевались.

— Я останусь наблюдать за Глазом, — неожиданно вмешался Долл. — Я… Мне совсем не хочется спать. Может, что-нибудь и узнаю.

Командир чуть помедлил, потом кивнул.

— Если что увидишь, разбуди меня. Если нет — подними нас обоих на рассвете.

Ночь прошла спокойно, в молчаливой деревушке ничто не шелохнулось. С первым проблеском зари командир с Доллом спустился вниз с холма, а над ними, чуть впереди, неусыпно парил Глаз. Арнилд остался в наглухо закрытом корабле, он управлял Глазом.

— Сюда, сэр, — сказал Долл. — Я тут кое-что обнаружил ночью, когда посылал Глаз в разведку.

Дождь и ветер смягчили и округлили края лощины, по склонам росли исполинские деревья. В самом низу ее из небольшого пруда торчали ржавые части каких-то машин.

— По-моему, это экскаваторы, — заметил Долл. — Хотя трудно сказать наверняка, они тут, видно, давным-давно.

Глаз спустился к самой воде, подошел вплотную к ржавому остову. Потом нырнул и через минуту появился снова, с него ручьями стекала вода.

— Да, настоящие экскаваторы, — подтвердил Арнилд. — Некоторые перевернуты и наполовину зарылись в ил, точно в какую-то яму провалились. И все они сделаны в Рабократии.

Командир Стейн настороженно поднял голову.

— Ты уверен? — спросил он.

— Я видел фабричную марку.

— Пошли дальше, в деревню, — сказал командир, задумчиво покусывая губы.

Куда девались обитатели деревни, выяснил Долл младший. Секрет был очень прост, они открыли его, едва вошли в первую же хижину. Внутри оказался плотно утрамбованный земляной

пол, очагом служил выложенный из камней круг. И утварь — самая простая и грубая. Тяжелые горшки из необожженной глины, недубленые шкуры, какие-то подобия ложек и мисок, выструганные из дерева твердой породы. Долл тыкал палкой в кучу циновок за очагом и наткнулся на отверстие в полу.

— Нашел, сэр! — воскликнул он.

Отверстие было диаметром около метра и полого уходило вниз. Пол там был утрамбован так же плотно, как в хижине.

— Тут они и прячутся, — сказал командир Стейн. — Посвети-ка фонариком и погляди, глубоко ли.

Однако узнать это было не так-то просто. Под полом оказался туннель с гладкими стенами, метрах в пяти от входа он круто сворачивал в сторону. Глаз спланировал вниз и, жужжа, повис над отверстием.

— Я заглянул еще в несколько хижин, — послышался из корабля голос Арнилда. — Глаз нашел такой ход в каждой из них. Может, мне посмотреть, что там внутри?

— Да, только поосторожней, не спеши, — сказал командир. — Если там и правда прячутся люди, не надо пугать их еще больше. Пошли его и, если что-нибудь обнаружишь, тотчас вызови обратно.

Глаз нырнул в туннель и вскоре скрылся из виду.

— Там еще туннель, — сообщил Арнилд. — А вот и еще. Не пойму, куда теперь… Не знаю, удастся ли мне вывести его тем же путем, каким он попал туда.

— Ну и шут с ним, обойдемся, — ответил командир. — Пусть идет дальше.

— Вокруг сплошной камень… Сигнал становится все слабее, и мне все трудней за ним следить… Что-то вроде большой пещеры… Стоп! Тут кто-то есть! В боковой туннель метнулся человек!

— За ним! — скомандовал Стейн.

— Это не так просто, — чуть помешкав, ответил Арнилд. Похоже на тупик. Туннель перегорожен какой-то глыбой. Тот человек, верно, ее откатил, проскочил дальше и задвинул ее на прежнее место… Я отзову Глаз… А, черт!

— Что случилось?

— Еще камень, на этот раз позади Глаза. Они поймали его в ловушку. Экран погас, вижу сигнал «Вышел из строя».

В голосе Арнилда звучали досада и злость.

— Чисто сработано, — заметил командир Стейн. — Они его заманили, поймали в ловушку и потом, наверно, обрушили свод туннеля. Эти люди очень боятся чужих и здорово наловчились от них избавляться.

— Но почему? — с искренним изумлением спросил Долл, оглядывая убогое жилище. — Что у них есть такого, чего добивались от них рабократы? Ясно же, рабократы потратили уйму сил и времени, пока до них докапывались. А нашли они то, что искали? Почему они пытались уничтожить эту планету? Потому что нашли или, наоборот, потому что не нашли?

— В этом-то весь вопрос, — хмуро отозвался командир. — Знай мы это, нам было бы куда легче сегодня. Мы отправим подобный отчет в Штаб, может, они нам что-нибудь подскажут.

На обратном пути они заметили комья свежей земли в роще. Там, где они похоронили девушку, зияла яма. Вся земля вокруг была разрыта и раскидана. Стволы деревьев были исполосованы какими-то острыми лезвиями… или гигантскими когтями. Человек или зверь приходил сюда за девушкой, выкопал ее тело и, сжигаемый яростью, неистово набросился на землю и на деревья. Следы разрушений привели их к отверстию меж корнями одного из деревьев. Ход косо шел вглубь, его темная пасть была таинственна и загадочна, как и другие туннели.

В тот вечер, перед тем как улечься спать, командир Стейн дважды обошел корабль, проверяя, надежно ли задраены люки и все ли сигналы тревоги включены. Потом он лег, но долго не мог уснуть. Казалось, разгадка — вот она, совсем близко, а в руки не дается. Они видели уже так много, что можно бы и вывод сделать. А где он? Наконец командир забылся тревожным сном, так и не найдя ответа.

Когда он проснулся, в кабине было еще темно, но командир почувствовал: что-то стряслось. Что его разбудило? Он попытался вспомнить, что потревожило его сон. Словно бы вздох. Воздушная струя. Может быть, открылся воздушный люк? Стараясь побороть внезапный страх, Стейн рывком включил свет и схватил висевший у изголовья пистолет. В дверях, зевая и моргая сонными глазами, появился Арнилд.

— Что происходит? — спросил он.

— Позови Долла, кажется, кто-то вошел в корабль.

— Скорее, вышел из корабля, — хмыкнул Арнилд. — Койка Долла пуста.

— Что-о?!

Стейн бросился в рубку управления. Сигнал тревоги был выключен. На приборной доске белел листок бумаги. Командир схватил его. Там стояло одно только слово. Он не сразу понял его, а поняв, охнул и судорожно скомкал листок.

— Болван! — завопил он. — Щенок безмозглый! Выпусти Глаз! Нет, лучше два! Я буду управлять вторым.

— Да что случилось? — изумился Арнилд. — Что он такое

натворил?

— Полез под землю. В туннели. Его надо остановить!

Долла нигде не было видно, но на земле, под деревьями, у входа в туннель они заметили свежие следы.

— Я запущу туда Глаз, — сказал командир Стейн. — А ты пусти другой в ближайший ход. Включи громкоговорители. Скажи им, что мы друзья. Говори по-рабократски.

— Но… ты же видел. Долл этим и загубил несчастную девчонку, — возразил растерянный и озадаченный Арнилд.

— Все знаю, — рявкнул командир. — А как быть иначе? Давай, действуй!

Арнилд хотел было спросить что-то еще, но не отважился — командир, пригнувшийся к пульту управления весь напрягся, как сжатая пружина. Арнилд поспешно послал Глаз к деревне.

Если те, кто прятался в подземном лабиринте, и услыхали слова дружбы, они явно им не поверили. Один Глаз тут же попал в ловушку — сзади произошел обвал. Командир Стейн пытался провести его сквозь преграду, но ловушка захлопнулась прочно. Слышно было только, как рушатся, все новые и новые пласты грунта, заваливая Глаз до самого верха.

Глаз, посланный Арнилдом, обнаружил большую подземную пещеру, заполненную перепуганными, сбившимися в кучу овцами. Людей там не было, но на обратном пути груда камней обрушилась на Глаз и погребла его под собой.

В конце концов командир Стейн вынужден был признать себя побежденным.

— Теперь все зависит от них, мы больше ничего не можем сделать.

— В роще какое-то движение, командир, — вдруг резко сказал Арнилд. — Я поймал это по локатору, но теперь опять все стихло.

Они нерешительно направились к деревьям, держа пистолеты наготове. Над ними алело рассветное небо. Они шли, уже понимая, что они там увидят, но не решаясь в этом признаться, пока еще теплилась надежда.

Но надежды, конечно, никакой не было. Труп Долла младшего лежал у входа в туннель, откуда его только что выбросили. В алых отблесках зари еще ярче алела кровь. Он умер страшной смертью.

— Дьяволы, звери! — закричал Арнилд. — Недаром рабократы…

Тут он обжегся о взгляд командира и умолк.

— Наверно, рабократы так и рассуждали, — сказал Стейн. — Неужели ты не понимаешь, что тут произошло?

Арнилд, точно оглушенный, покачал головой.

— Долл начал догадываться. Только он думал — можно еще что-то исправить. По крайней мере он понимал, в чем опасность. И пошел туда потому, что чувствовал себя виноватым в гибели той девушки. Потому и написал в записке Одно только слово «рабы» — на случай, если не вернется.

— Вообще-то все очень просто, — продолжал он, устало прислонясь к дереву. — Мы искали что-нибудь посложнее, что-нибудь по части техники. А столкнулись не с техническими, но скорее с социальными проблемами. Планета эта принадлежал рабократам, они тут все и устроили, как нужно было им.

— Как так? — спросил Арнилд, все еще ошеломленный.

— Им нужны были рабы. Рабократы завоевывали все новые миры, а главной боевой силой у них были люди. Им постоянно нужны были свежие пополнения, и приходилось создавать новые источники. Эта планета была для них очень удобна, будто на заказ сделана. Суши здесь много, лесов мало, и, когда за рабами приходят корабли, спрятаться людям некуда. Рабократы привезли сюда поселенцев, решили проблему питания, а техники никакой не дали. И ушли, предоставив им плодиться и размножаться. И через каждые несколько лет являлись сюда и забирали столько рабов, сколько им требовалось, а остальным предстояло пополнять запасы. Но в одном они просчитались.

Арнилд понемногу выходил из оцепенения.

— Человек ко всему может приспособиться, — сказал он.

— Ну, конечно. Если дать ему достаточно времени, он приспособится к самым невероятным условиям. Вот тебе и отличный пример. Народ без истории, без письменности, отрезанный от всего остального пира, жаждавший лишь одного — выжить. Каждые несколько лет с неба сваливаются какие-то дьяволы и отнимают у них детей. Они пытаются бежать, но бежать некуда. Они строят лодки, но и уплыть тоже некуда. Никакого выхода.

— А потом один умник взял да и выкопал в земле яму, забросал сверху ветками и залез туда со всем своим семейством. Оказалось, это — выход.

— С этого началось, — кивнул командир Стейн. — Другие тоже стали зарываться в землю, делать туннели все глубже и все искуснее, потому что рабократы пытаются извлечь оттуда свою добычу. И наконец, рабы берут верх. Это была, наверно, первая планета, восставшая против Большой Рабократии и не потерпевшая поражения. Рабов невозможно было выкопать из-под земли. Ядовитый газ просто убил бы их, а на что рабократам мертвецы? Посланные за ними машины оказывались в западне,

как наши три Глаза. А те, кто по глупости сами спускались туда…

У командира перехватило горло. Тело убитого перед ними было красноречивее всяких слов.

— Но откуда такая ненависть? — спросил Арнилд. — Ведь девушка предпочла разбиться насмерть, только бы Долл ее не настиг.

— Туннели заменили религию, — пояснил Стейн. — Это понятно. В те годы, что проходили от набега до набега, их надо было оберегать и содержать в полном порядке. Ну и ясно, детям внушали, что с неба приходят только демоны, а спасенье — под землей! Как раз нечто противоположное всем старым земным верованиям. Ненависть и страх укоренились глубоко, и стар и млад твердо знали, что делать, если в небе появлялся корабль. Наверно, входы были повсюду, и, едва завидев корабль, все население скрывалось в своих лабиринтах. И раз мы тоже с неба, значит, мы тоже рабократы, тоже демоны.

— Видимо, Долл кое о чем догадался. Но думал, что сможет из убедить, сможет объяснить им, что рабократов уже нет и прятаться больше незачем. Что с неба прилетают добрые люди. А для них все это — ересь, они бы его убили за одни такие речи. Даже если бы стали слушать.

Космонавты бережно отнесли Долла младшего на корабль.

— Да, нелегко будет добиться, чтобы эти люди нам поверили. — Они на минуту остановились передохнуть. — И все-таки я не понимаю, почему рабократы непременно хотели взорвать эту планету.

— Мы и тут искали какие-то слишком сложные объяснения, — ответил командир Стейн. — Почему армия-победительница взрывает здания и разрушает памятники, когда ей приходится отступать? Да просто от разочарования и от злости. Извечные человеческие чувства. Уж если не мне, так пусть не достанется никому! Эта планета, видно, долгие годы стояла у рабократов поперек горла. Мятеж, который им никак не удавалось подавить. Они снова и снова пытались переловить мятежников, не могли же они признать, что рабы взяли над ними верх! А когда поняли, что проиграли войну, им только и оставалось, что взорвать эту планету, просто чтобы отвести душу. Да ведь и ты почувствовал нечто подобное, когда увидел труп Долла. Так уж устроен человек.

Оба они были старые солдаты и, когда укладывали тело Долла в особую кабину и готовили корабль к взлету, старались не давать воли своим чувствам.

ВОЙНА С РОБОТАМИ

Пол мчащегося монорельсового вагона едва заметно подрагивал. Движение совершенно не ощущалось, поскольку стенки вагона не имели окон и проносящихся мимо стен туннеля никто не видел. Пассажиры, все в аккуратно выглаженной форме с надраенными до блеска наградами, слегка покачивались на поворотах, погруженные в собственные мысли или негромко переговариваясь. Тысячи футов скальной породы над головами отделяли их от войны. Легко преодолевая полторы сотни миль в час, вагон мчал генерала Пере со штабом к боевым станциям.

Когда взревела сирена тревоги, водитель до упора нажал на тормоз и переключил моторы на реверс. Но ему не хватило времени — металлическая пуля вагона на полной скорости врезалась в перегораживающий туннель барьер из грунта и каменных обломков. Стальные листы обшивки лопнули и смялись, принимая на себя силу удара, погас свет, и в мертвой тишине, сменившей оглушительный грохот столкновения, слышались лишь слабые стоны.

Генерал Пере с трудом встал, тряхнул головой, понемногу приходя в себя, и щелкнул кнопкой фонарика. Луч тревожно заплясал вдоль прохода вагона, превращая оседающие пылинки в искорки и выхватывая из темноты испуганные бледные лица.

— Доложить о потерях, устно, — приказал он адъютанту, понизив голос, чтобы в нем не прозвучала дрожь. Нелегко быть генералом, если тебе всего девятнадцать.

Пере заставил себя стоять спокойно. Металлическая спина робота-адъютанта быстро двинулась вдоль прохода.

Хорошо закрепленные сиденья располагались в вагоне спинками вперед, поэтому оставалась надежда, что жертв окажется немного. За спинками последних кресел виделась куча породы и обломков, набившаяся в вагон через искалеченный нос и наверняка похоронившая под собой водителя. Может, оно и к лучшему — не придется устраивать военно-полевой суд.

— Один убитый, один погибший в бою, один раненый. В строю семнадцать. Адъютант опустил поднятую к голове руку и застыл, ожидая нового приказа.

Генерал Пере нервно закусил губу.

Так, «погибший в бою» — несомненно, водитель, и смерть его столь же несомненна. Убит новый капитан из Зенитного Центра. Ему не повезло — в момент столкновения он наклонился вбок и сломал шею о край кресла. Теперь его голова свисала под неестественным углом. А стонет, должно быть, раненый, к нему и следует подойти в первую очередь. Прихрамывая, Пере побрел по проходу и осветил желтое, покрытое капельками пота лицо полковника Зена.

— Моя рука, сэр, — выдохнул полковник. — Когда мы врезались, она была вытянута в сторону и ударилась о металлический край. Думаю, сломалась. Больно...

— Достаточно, полковник, — перебил его Пере немного громче, чем следовало, потому что страх раненого немного передался и ему. В проходе послышались шаги — подошла заместитель Пере, генерал Нэтайа.

— Вы прошли стандартный курс оказания первой помощи, генерал, — сказал Пере. — Перевяжите его, потом доложите.

— Да, сэр, — отозвалась Нэтайа с тем же оттенком страха в голосе.

«Черт побери, — подумал Пере, — неужели она не знает, что генерал не имеет права проявлять свои чувства? Войска не должны почувствовать наш страх — даже если нам и в самом деле страшно». Он не делал скидки на то, что Нэтайа женщина и ей только восемнадцать лет.

Позаботившись о подчиненных, он переключился на насущные проблемы. Разложив все факторы по полочкам, он испытал некоторое облегчение. Его специальностью как раз и являлось решение проблем, и избран он был для этого еще до рождения. Генетический анализ отобрал лучшие цепочки ДНК из банка спермы и яйцеклеток его родителей. Это обстоятельство вкупе с последующими тренировками сделало его идеальным командиром. Обладая мгновенными юношескими рефлексами, он становился на поле боя достойным противником и теперь предвкушал успешную карьеру в предстоящие ему до отставки четыре-пять лет.

Для человека, который вскоре станет дирижировать конфликтом глобального масштаба, проблема оказалась детски простой.

— Связь осталась? — рявкнул он, наставляя палец на майора-связиста. Теперь в его голосе звучала привычная властность, резко контрастирующая с короткой мальчишеской стрижкой и веснушками.

— Нет, сэр, — ответил офицер, отдавая честь. — Завал в туннеле перебил и подземные линии связи. Я пробовал подключить полевой телефон, но линия молчит.

— Кто-нибудь знает, насколько мы далеко от штаба? — спросил он, повышая голос, чтобы его услышали все офицеры в вагоне.

— Сейчас скажу.., секундочку, сэр, — отозвался седой полковник из компьютерных войск. Он тут же принялся перемещать движок карманной логарифмической линейки, подсвечивая себе фонариком и сосредоточенно щурясь. Мне

неизвестна вся длина туннеля или точное местонахождение штаба. Но я уже ездил туда прежде, и путь занимал чуть более трех часов. Зная время столкновения, нашу скорость и сделав поправку на торможение...

Голос полковника сбился на бормотание. Пере нетерпеливо ждал, но не шевелился. Ему требовалась эта информация, чтобы сделать следующий ход.

— До штаба от сорока до шестидесяти миль, сэр. Это крайние цифры, и я полагаю, реальное расстояние — пятьдесят миль...

— Не так уж плохо. Мне нужны два добровольца — вы и вы. Пройдите к кабине и выясните, нельзя ли пробиться через этот завал. Попробуем выбраться и продолжить путь пешком. Мы просто обязаны добраться до штаба, раз противнику удалось нанести удар столь близко от него.

Последнюю фразу он добавил, поднимая дух подчиненных, — на тренировках ему рекомендовали при малейшей возможности обращаться к их человеческим чувствам. Особенно в нештатных ситуациях. А эта ситуация как раз такая, необычная. Не очень-то многообещающее начало командирской карьеры. Он нахмурился, уставившись в темноту вагона, и, лишь сделав над собой усилие, изгнал из голоса всякие оттенки чувств, отдавая приказ собрать запасы пищи и воды. Когда приказание было выполнено, он отправил адъютанта сменить двоих людей, раскапывавших завал. На такой работе один робот стоил десяти человек, уж тем более двух.

Через барьер они пробивались почти двенадцать часов и под конец все просто выдохлись. Робот копал, а люди по очереди выгребали из прохода породу и камни. Несколько раз случались небольшие обвалы, на которые они в спешке не обращали внимания до тех пор, пока сильный обвал у самого входа не завалил робота наглухо. Люди копали, пока не показались металлические ноги, а Пере обвязал лодыжки робота кусками бесполезного теперь телефонного провода. Пришлось добавить еще несколько проволочных петель, и лишь совместными усилиями адъютанта удалось вытянуть из могилы. После этого работа пошла медленнее, потому что пришлось демонтировать в вагоне кресла и подпирать ими крышу подкопа, и, если принять во внимание все преодоленные препятствия, двенадцать часов, затраченных на такую работу, оказались не таким уж плохим результатом.

Когда все выбрались из вагона, генерал Пере разрешил получасовой отдых. Люди глотнули из фляжек и обессиленно рухнули на пол туннеля рядом с центральным рельсом. Гордость и положение не позволили Пере отдыхать, и он, сопровождаемый

адъютантом, отправился вперед проверить, свободен ли путь.

— На сколько часов хватит заряда твоей батареи при максимальном расходе? спросил Пере.

— Более чем на триста.

— Тогда беги вперед. Если встретишь новые завалы, начинай их расчищать, а мы тебя догоним и поможем. Если доберешься до штаба без помех, пусть они вышлют нам навстречу вагон. Так мы сэкономим немного времени.

Робот отдал честь, и вскоре топот его ног затих в отдалении. Пере взглянул на светящийся циферблат своих часов и объявил, что отдых закончен.

Ходьба в темноте, освещенной лишь пляшущим где-то впереди огоньком, вскоре превратилась в подобие дурного сна, притупившего все прочие чувства. Они брели уже почти восемь часов, делая короткие перерывы каждый час. Когда люди начали падать, засыпая на ходу, Пере неохотно скомандовал привал. Он заставил подчиненных поесть и лишь затем разрешил поспать четыре часа, после чего снова поднял измученных людей на ноги. Они пошли дальше — теперь еще медленнее, — и миновало еще пять часов темноты, прежде чем впереди блеснула фара вагона.

— Всем направить фонарики вперед, — приказал Пере. — Не хватало еще, чтобы нас задавили.

Робот-водитель держал небольшую скорость, высматривая людей. Они из последних сил забрались в вагон, многие тут же заснули и проспали до конца недолгого пути в штаб. Адъютант подошел к Пере с докладом:

— Я доложил об аварии, но в другом туннеле обнаружены еще два завала.

— Причины?

— Разведка еще не установила причин, но вскоре доложит.

Пере проглотил готовое вырваться мнение об уме работников разведки, поскольку даже роботам не следует выслушивать фразы, снижающие боевой дух. Он подергал прилипшую к телу рубашку и неожиданно ощутил, что в вагоне стало жарко.

— Что случилось с кондиционером? — раздраженно спросил он.

— Ничего, сэр. Просто температура воздуха в туннеле гораздо выше обычной.

— Почему?

— Причина пока неизвестна.

По мере приближения к штабу жара неуклонно росла, и Пере приказал всем расстегнуть воротнички. Затормозив, вагон остановился в огромном ангаре в конце туннеля. Когда открылась дверь, ворвавшийся внутрь воздух оказался настолько горячим,

что у всех перехватило дыхание.

— Бегом к шлюзу, — с трудом выдохнул Пере — горло его мгновенно пересохло от жары. Спотыкаясь, они побежали к большой двери у дальнего конца платформы. Роботы-пулеметчики, укрытые в боевых ячейках металлической стены, поворачивали им вслед стволы. Их опознали, и огромная металлическая дверь начала медленно открываться, не дожидаясь их приближения. Кто-то упал и вскрикнул, коснувшись рукой раскаленного металла платформы. Пере заставил себя выждать, пока все не оказались в шлюзе, и вошел последним. Когда наружная дверь закрылась, стало немного прохладнее, а по-настоящему полегчало, лишь когда люди преодолели все пять последовательных отсеков шлюза. Но и в крепости воздух оказался теплее, чем следовало.

— Вероятно, эта жара как-то связана с тем, что нас послали на неделю раньше запланированного срока, — предположила Нэтайа. — И жара, и завалы в туннелях могли стать делом рук вражеских диверсантов.

Пере и сам пришел к такому же заключению, но не стал высказывать его вслух даже своему заместителю. Ему одному было известно, что график смены командиров изменили из-за аварийной ситуации в штабе, но причина самой аварии осталась неизвестной даже для верховного командования. Сдерживаясь, чтобы не побежать, Пере повел своих людей в штабной пункт управления.

Здесь все оказалось не в порядке. Когда он, соблюдая устав, попросил разрешения войти, никто не отозвался. Обслуживающие роботы невозмутимо занимались своими делами, но ни единого офицера не было видно. На мгновение ему показалось, что все четыре боевых поста заброшены, и от волнения у него даже замерло сердце, но тут на его глазах из-за спинки кресла главного поста высунулся палец и нажал кнопку — человек сидел в кресле так низко, что его заслоняла спинка. Пере торопливо направился к посту, поднимая руку, чтобы отдать честь, но его рука замерла на полпути, а потом медленно опустилась. Глаза генерала расширились от ужаса.

Оператор в кресле наконец осознал, что рядом кто-то стоит, и с огромным усилием отвел от пульта глубоко запавшие, покрасневшие глаза. Но лишь на мгновение. Пере успел заметить в глазах, выглядывающих из обведенных темными кругами глазниц, выражение боли, словно у испуганного животного, затем они снова уставились на пульт, а худая дрожащая рука потянулась к кнопке.

— Слава богу, вы прибыли.., наконец.., спасибо...

Слова, произнесенные едва различимым шепотом, обессиленно растаяли в воздухе.

Руки офицера оспинами усеивали следы бесчисленных инъекций и струйки засохшей крови. Мешанина картонных коробочек и пузырьков на столе без слов поведала Пере историю человека, заставляющего себя бодрствовать и действовать, даже переступив порог человеческой выносливости: он колол себе стимуляторы, суррогаты сна, глюкозу, болеутоляющие, смеси витаминов. Офицер просидел в кресле несколько суток, управляя всеми четырьмя боевыми постами, подключенными к своему пульту. Оставшись по какой-то неизвестной и ужасной причине один, он вел войну, дожидаясь помощи. Пере с невольным отвращением заметил, что он даже справлял нужду, не вставая с кресла.

— Генерал Нэтайа, берите на себя свободный пост, — приказал он.

Нэтайа привычно уселась в кресло и переключила на себя показания всех пультов.

— Готово, сэр, — доложила она, быстро оценив все факторы сражения.

Пере перебросил главный тумблер, красная лампочка на пульте перед ним погасла, а такая же лампочка на пульте Нэтайи вспыхнула.

Свет этой лампочки словно был той искрой жизни, что еще поддерживала силы человека за пультом. Едва она погасла, он уронил голову на ладони и обессиленно повалился на бок. Пере стиснул плечо офицера и тряс до тех пор, пока руки того не повисли вдоль тела, а последние остатки сознания не остановили болтающуюся голову. Сделав мучительное усилие, человек приоткрыл глаза.

— Что произошло? — спросил Пере. — Где все остальные?

— Мертвы, — услышал он затухающий шепот. — Я один остался жив.., потому что лежал в постели. Мне повезло, я не касался металла — только одеяла и матраца. Роботы сказали, то был источник каких-то колебаний.., субзвуковые.., или суперзвуковые.., что-то новое. Вибрации убили всех.., белки тела свернулись. Как яйца.., вареные яйца.., все мертвы...

Когда человек снова потерял сознание. Пере подал знак стоящему наготове офицеру-медику. Генерал опустил глаза на стальной пол и вздрогнул: вибрационное оружие могло в любой момент сработать снова. Но могло ли? Роботы наверняка предприняли ответные меры. Он повернулся к командному роботу, с непоколебимым металлическим спокойствием стоящему возле компьютера. Тот был сконструирован как нормальный,

способный передвигаться механизм, и на его особые функции указывал лишь большой видеоэкран на груди да тянущаяся к компьютеру толстая пуповина металлического кабеля. Робот был, по сути, лишь внешним придатком гигантских компьютеров и их блоков логики и памяти — сердца подземного штаба.

— Ты обнаружил источник смертоносных колебаний? — спросил Пере командного робота.

— Это была машина, которая сама собралась и прикрепилась к наружной стене штаба. Ее засекли немедленно после начала работы, а излучаемые ею частоты были проанализированы и нейтрализованы в течение трех минут и семнадцати секунд. Оборудование и роботы не пострадали, поскольку частота излучения вызывала резонанс только в белках живых организмов.

Весь персонал, кроме полковника Фрея, мгновенно погиб. Большие запасы еды в кладовой...

— О еде станем волноваться потом. Где эта машина?

— Там, — ответил робот, указывая на дальнюю стену, тут же направился в нужную сторону, легко волоча за собой кабель, и сдернул покрывало со стоящего там предмета примерно в метр высотой. Пере никогда не видел машин, даже отдаленно напоминающих эту, — она больше походила на спутанную массу блестящих корешков, а застрявшие между ними комочки красной земли лишь усиливали иллюзию.

— Как она работает?

Робот вытянул руку, низко склонившись, чтобы сфокусировать свои микроскопические объективы, и осторожно отделил один из корешков. Он лежал на металлической ладони робота — восемь дюймов длиной и в одну восьмую дюйма диаметром. Приглядевшись, можно было заметить, что корешок, хотя и гибкий, состоит из плотно пригнанных и гладко отполированных сегментов. Робот начал показывать самые интересные детали:

— Генератор вибраций состоит из множества таких частей, совершенно одинаковых. На переднем конце расположено отверстие с твердыми краями, способное просверливать грунт. Частички грунта перемещаются вдоль всего тела машины и выходят здесь: ее действие сходно с принципом перемещения дождевого червя. Расположенный вот тут блок выбора направления задает курс на нашу базу, ориентируясь с помощью гравиметра. Здесь блок питания и генератор частоты. Одиночная машина безвредна, и мощность ее излучения ничтожна. Но когда они скапливаются в одном месте и одновременно включаются, возникают вибрации смертельно опасной мощности.

— Почему же их не засекли раньше?

— Индивидуальная масса каждого компонента слишком мала, а металлических частей в них нет. Кроме того, они перемещаются очень медленно, и, чтобы добраться до штаба и накопить достаточную для атаки массу, им потребовалось длительное время.

— Какое именно?

— Измерив чувствительность их гравиметров относительно массы штаба и оценив скорость перемещения, мы пришли к выводу, что компоненты начали зарываться в грунт четыре года назад.

— Четыре года!

Названная роботом цифра ошеломила генерала Пере. Мили грунта и скальных пород, окружающие штаб со всех сторон и прежде внушавшие лишь спокойствие, внезапно превратились в прибежище бесчисленных ползущих машин, приближающихся к нему с чисто механическим упорством.

— Можете ли вы их остановить и не допустить возникновения новой групповой машины?

— Теперь, когда проблема ясна, она не представляет для нас трудности. Защитные экраны и детекторы уже установлены.

Тревога медленно рассеялась. Генерал Пере повернулся к своим подчиненным, вытирая мокрое от пота лицо. Сейчас за пультом каждой из боевых станций сидел оператор, потерявшего сознание полковника Фрея унесли. Все функционировало безупречно. Вот только проклятая жара...

— Почему так жарко? — рявкнул Пере. — Из-за чего поднимается температура? Вам следовало уже давно установить причину.

— Повышение температуры вызвано наличием в грунте вокруг данной станции сильно нагретых участков. Причина возникновения локальных зон перегрева неизвестна.

Пере поймал себя на том, что нервно грызет ноготь большого пальца, и сердито выдернул его изо рта.

— Что значит «причина неизвестна»? По-моему, она очевидна. Если враги смогли изготовить сложные генераторы колебаний в виде этих кусочков пластикового спагетти, то им наверняка по силам сделать столь же компактные генераторы тепла. И эти генераторы вполне могут атаковать нас следом за коагуляторами.

— Мы приняли эту теорию во внимание как одно из весьма вероятных объяснений, но у нас нет доказательств...

— Так добудьте доказательства!

Прямолинейная логика всех роботов, несмотря на их теоретическую гениальность, неизменно выводила Пере из

равновесия. Объяснение загадочного перегрева станции показалось ему столь очевидным, что он в нем ни на секунду не усомнился. Нажав на груди робота кнопку, помеченную «*КОМАНДЫ ИНСТРУМЕНТАМ»,* он скомандовал:

— Немедленно начать поиск за пределами горячих зон. Искать любые другие специализированные роющие машины.

Позаботившись об обороне, он обратил внимание на боевые действия. Все запланированные операции выполнялись столь гладко, что скопившееся внутри напряжение начало понемногу рассасываться. На контрольных панелях перемигивались огоньки — кодированные символы логистики и разведывательных данных. Операторы делали запросы, передавая результаты на центральный пост, где сидела генерал Нэтайа — внешне невозмутимая, но напряженная внутри. Разумеется, электронная война велась с такой скоростью, что человеческий разум был не в силах за ней уследить. Все ракеты, противоракеты, перехватчики, бомбардировщики и танковые роты управлялись и направлялись роботами. Истинные боевые приказы отдавали компьютеры с различной степенью разумности и ответственности за принятые решения. Но эту войну начали люди, и им предстояло управлять ею до конца. Люди-операторы оценивали непрерывно меняющиеся факторы глобальной битвы и выбирали лучший из вариантов ее продолжения, предложенных стратегическими машинами. Война развивалась удачно. Анализ результатов показывал небольшой сдвиг к победе, достигнутый за последние девять месяцев. Если этот сдвиг удастся удержать — а тем более увеличить, — те, кто придет им на смену через одно или два поколения, станут свидетелями победы. Пере эта мысль доставляла удовольствие, смешанное с толикой печали.

Пять смен спустя удалось обнаружить и нейтрализовать первого теплового червя. Пере разглядывал его с отвращением. Такой маленький — а сколько причинил неприятностей! Все уже давно переоделись в тропическую форму, но продолжали страдать от жары. Внешне тепловой червь отличался от генератора колебаний лишь цветом пластикового тела — он был ярко-красным.

— Как он вырабатывает тепло? — спросил Пере командного робота.

— Машина имеет схему самоликвидации. Источник питания замыкается накоротко через гибкий контакт. Схемы сгорают за несколько микросекунд, но этого времени достаточно, чтобы сжать небольшую порцию водорода...

— И он взрывается! Маленькая водородная бомба?

— В определенном смысле — да. Радиация очень слабая,

большая часть энергии выделяется в виде тепла, образуя полость, заполненную расплавленной лавой. Тепло медленно рассеивается, проникая внутрь базы. Постоянно происходят новые взрывы, увеличивая вокруг нас объем расплавленной породы.

— Можешь ли ты засечь и уничтожить эти штуки до того, как они взорвутся?

— Задача трудна из-за их большого количества и объема грунта, который следует проверить. Сейчас конструируются специальные машины и детекторы. Приняв во внимание все факторы, мы выполнили экстраполяцию. Вероятность того, что температура не поднимется выше точки, выводящей базу из строя, — девяносто девять процентов.

Теперь Пере мог с радостью отбросить и другой давящий его груз тревоги: постоянная жара сильно действовала на всех людей. Интересно, лениво подумал он, насколько станет жарко перед тем, как температура начнет опускаться?

— Какой расчетный максимум температуры? — спросил он.

— Пятьсот градусов, — с механической невозмутимостью ответил робот.

Пере уставился в пустоту глаз-объективов, и ему показалось, что кто-то ударил его по голове.

— Но.., но это же в пять раз выше температуры кипения воды! — выдохнул он.

— Правильно. Вода кипит при ста градусах.

— Да ты понимаешь, о чем говоришь? — изумленно ахнул Пере. — Ведь люди не... Мы же не выживем!

Робот промолчал, поскольку за решение этой проблемы штабные роботы ответственности не несли. Пере закусил губу и перефразировал вопрос:

— Такую температуру люди вынести не смогут — даже если машины еще будут действовать. Ты должен найти способ ее понизить.

— Эта проблема уже рассматривалась, поскольку при такой температуре некоторые особо чувствительные компоненты окажутся у предела работоспособности. Воздушные кондиционеры сейчас работают с максимальной перегрузкой, и их число не может быть увеличено. Поэтому мы уже начали бурильные работы в направлении ближайших источников воды, которой будет замещен воздух в помещениях базы. Эта вода имеет низкую температуру и способна поглотить большие количества тепла.

Пусть решение не идеальное, а всего лишь компромисс, но на некоторое время поможет. Можно оставить для жилья одно герметичное помещение, а дежурные офицеры станут нести вахту

в гидрокостюмах. Неудобно, но реально.

— Какова будет максимальная температура воды? — спросил он.

— Сто сорок градусов. Запасы воды большие и позволяют снизить ее еще больше, но конструкция помещений базы обеспечивает легкую циркуляцию воздуха, а не воды. Все машины в соответствии с военными стандартами изготовлены водонепроницаемыми...

— Но люди не машины! — в сердцах крикнул Пере. — В твоей водичке из нас получится суп. Скажи мне, нам-то как выжить?

Оракул снова промолчал. В отдалении что-то зашипело, зажурчала вода.

— Что это? — ахнул Пере.

— Заливаем нижние этажи, — ответил робот. Пере увидел, что все люди смотрят на него, ожидая, как он оценит слова робота.

— У кого-нибудь есть идеи? — спросил он, даже не заметив прозвучавшей в голосе мольбы. Подчиненные промолчали.

Но решение должно существовать! Пере заставил свой усталый ум снова и снова перебирать варианты. Дистанционное управление штабом из Национального центра? Нет, слишком опасно: линии управления можно забить помехами, перерезать или даже захватить. Здесь, в помещении центрального поста, должен постоянно находиться как минимум один человек — в противном случае эту работу давно поручили бы роботам.

— Схема случайного выбора! — воскликнул он с внезапным облегчением. — Ты можешь собрать робота со встроенными схемами случайного выбора, способного управлять командной станцией? — спросил он робота.

— Да.

— Тогда начинай собирать, немедленно. Возможно, нам придется эвакуироваться, и я хочу, чтобы в этом случае робот был готов взять управление на себя.

Такая ситуация не продлится долго, им придется лишь дождаться, пока температура не снизится до переносимого людьми уровня. Все решения, принимаемые оператором боевого поста, сводились, по сути, к выбору «или-или», и редко когда нужно было выбирать из трех и более вариантов. Робот, способный правильно оценивать обстановку и принимать произвольные решения, мог на некоторое время заменить человека. Конечно, он допустит некий процент ошибок, и инкремент победы на пару пунктов упадет, но крупных неприятностей не возникнет. Перед началом реализации этого

плана ему придется получить разрешение Национального центра, но Пере не сомневался, что лучшего решения не смогут придумать и там.

Так оно и оказалось. Стареющие командиры не блистали сообразительностью и поблагодарили генерала Пере за идею. Он даже получил повышение в звании и право добавить еще одну звезду на погоны. А также приказ эвакуироваться со всеми людьми, как только командный робот начнет действовать удовлетворительно. Уровень горячей маслянистой воды на нижних этажах штаба уже достиг колен. Охватившая людей напряженность рассеялась лишь после того, как внесли нового робота. Когда машину привинтили к креслу, где только что сидел Пере, генерал нахмурился. Робота собирали наспех, не обращая внимания на несущественные детали, и его тело оказалось прямоугольной металлической коробкой со следами торопливой сварки. Два электронных глаза торчали из похожего на пенек столбика, заменявшего голову, из середины корпуса протягивалась единственная рука. Глаза робота тут же уставились на сигнальную лампочку, рука выжидательно замерла. Пере переключил на центральный пульт перед роботом управление всеми логическими схемами, бросил последний взгляд на текущую боевую обстановку и решительно перебросил главный переключатель.

Перед роботом вспыхнула красная лампочка, и он мгновенно начал действовать. Металлический палец с быстротой молнии нажал три кнопки и щелкнул переключателем, затем опустился. Пере оценил принятые решения, но придраться не смог. Возможно, стоило перебросить танковый резерв на восточный выступ линии фронта и попытаться ее удержать. Но с точки зрения тактики не менее логичным было бы отступить, выпрямить линию фронта и избежать потерь, неизбежных при первом варианте. Оба решения имели примерно одинаковый индекс вероятности успеха, потому и были выведены на панель. Да, робот справится.

Эта мысль вызвала в Пере гнев. То, что его смог заменить однорукий металлический ящик, он воспринял как личное оскорбление. Уж не в таком ли облике машины воспринимают людей? Металлические пальцы пробежались по панели и снова опустились.

— Приготовиться к выходу! — скомандовал он охрипшим голосом. Нельзя им эвакуироваться, никак нельзя. Но что еще остается делать?

— Полковника Фрея понесем на носилках, — сказал он офицеру-медику. — Как его самочувствие?

— Он мертв, — ответил врач, сохранив профессиональную ровность тона. — Его организм сильно ослабел, и жара оказалась для него смертельной. Сердце не выдержало.

— Ладно, — отозвался Пере, взяв себя в руки. — Тогда остается единственный раненый — полковник Зен, и он вполне сможет идти даже с загипсованной рукой.

Когда все офицеры собрались, генерал Нэтайа подошла к Пере и отдала честь.

— Все на месте, сэр. Каждый из нас несет дополнительный запас пищи и воды на случай, если непредвиденные обстоятельства задержат нас в возвратном туннеле.

— Да, разумеется, — ответил Пере, мысленно выругав себя за то что не подумал о столь простых мерах предосторожности. Но на него навалилось слишком много всего и сразу. Пора выступать.

— Туннель монорельсовой дороги свободен? — спросил он адъютанта.

— Там произошли еще два незначительных обвала, но путь уже расчищен.

— Прекрасно. Слушай мою команду. Смир-рно.., напра-аво.., шагом марш!

Когда его маленький отряд побрел к выходу, генерал Пере повернулся лицом к командному посту и, повинуясь какому-то анахроничному порыву, отдал честь. Машины не обратили на него ни малейшего внимания. Сидящий в его кресле робот быстро нажал кнопку, даже не обернувшись. Ощутив себя дураком, Пере быстро повернулся и вышел.

Проходя одну за другой многочисленные бронированные двери крепости, они наткнулись на робота. Он ждал во внешнем отсеке и, едва дверь открылась, протиснулся внутрь. То был один из механических работников, весь поцарапанный и покрытый грязью. Поскольку он не был снабжен речевым блоком, Пере пришлось расспросить его через адъютанта.

— Выясни, что там произошло, — рявкнул генерал. Роботы начали безмолвный разговор, установив прямой радиоконтакт между мозгами и мгновенно обмениваясь вопросами и ответами.

— Выходной туннель блокирован, — сообщил адъютант. — Свод во многих местах обрушился, а сам туннель постепенно заполняется водой. Принято решение прекратить его расчистку из-за невозможности завершения этой работы постоянно происходят новые обвалы.

— Опротестуй решение, — приказал Пере с отчаянием в голосе.

Они преодолели последнюю дверь и оказались на платформе

перед входом. Из-за ошеломляющей жары мыслить стало почти невозможно. Сквозь красный туман перед глазами Пере разглядел массивных роботов-землекопов, потоком выходящих из туннеля и направляющихся ко входу в штаб.

— Любые изменения невозможны, — доложил адъютант, и его металлический голос показался людям гласом судьбы. — В настоящий момент туннель расчистить невозможно — в нем обнаружены маленькие машины, очень похожие на тепловых диверсантов. Они проникли сквозь толщу породы к туннелю и теперь вызывают обвалы свода. Туннель будет расчищен, когда их...

— Другой выход! Тут должен быть другой выход! — крикнул Пере. Голос его был столь же напряжен, как и мысли, но робот понял и воспринял его слова как команду.

— Здесь имеется аварийный выход. Раньше он вел на верхние уровни. У меня нет полной информации. Возможно, сейчас этот выход замурован.

— Показывай дорогу — здесь мы все равно оставаться не можем.

Руки у людей были в перчатках, поэтому металлические перекладины лестницы лишь горячили ладони, не вызывая ожогов. Первым карабкался робот-адъютант, и лишь его механическая сила смогла преодолеть сопротивление проржавевшего от времени запорного колеса на двери, выводящей на верхние уровни. Следом ковыляли люди, некоторые падали и больше не поднимались. Одним из первых, должно быть, оказался полковник Зен, которому пришлось пользоваться только одной рукой. Жара в окружающей их кромешной тьме оказалась настолько сильной, что даже врач не заметил, когда его пациент потерял сознание и остался позади. Вскоре и он, уже далеко немолодой человек, тоже не выдержал.

Сперва генерал Пере пытался приказывать, а когда это не подействовало, попробовал поднимать обессилевших подчиненных сам. Но, затрачивая на них время, он отставал от отряда и, увидев где-то далеко в пыльном коридоре быстро тускнеющий свет фонаря, принял единственное правильное в этих обстоятельствах решение. Пере даже не осознал своего поступка, потому что находился на грани обморока, и лишь желание выжить погнало его вперед. Обогнав немногих уцелевших, он отодвинул Нэтайю и занял свое место за спиной возглавляющего колонну робота.

Боль вела схватку с усталостью и заставляла двигаться вперед, пока они не вышли из зоны одуряющей жары. У Пере хватило лишь сил скомандовать «стоп», глотнуть из фляжки и

свалиться на пол. Остальные рухнули вокруг него скорченными комками боли. Адъютант остался стоять, с неиссякаемым машинным терпением ожидая, когда люди встанут.

Через некоторое время стоны заставили Пере подняться и нащупать обожженными пальцами аптечку. Противоожоговая мазь облегчила страдания пяти уцелевшим, а стимуляторы снабдили иллюзией силы, позволившей двинуться дальше. Весь трудный и долгий путь генерал Нэтайа смогла держаться рядом с Пере, не отставая от трех других молодых офицеров. Впрочем, один из, них оказался недостаточно молод и во время очередного подъема просто исчез.

Над штабом оказался целый лабиринт туннелей и всевозможных помещений. Все они некогда были обитаемы, пока неослабевающее давление войны не вынудило операторов зарываться все глубже и глубже. Не окажись с ними робота, они все погибли бы. В его электронном мозгу хранились подробности планов каждого из уровней, поскольку он вобрал в себя память всех своих предшественников-адъютантов с самого начала войны. Если их путь блокировали завалы, они возвращались и отыскивали обход, шаг за шагом пробиваясь к поверхности. Время во мраке словно перестало существовать; выбившись из сил, они засыпали, потом поднимались и брели дальше. Кончилась пища, подходила к концу вода, и их силы поддерживала только твердая уверенность робота в том, что они добрались до верхнего уровня.

— Мы уже под самой поверхностью, — сказал адъютант. — Этот туннель вел на подземную батарею, но сейчас он блокирован.

Пере сел, уставившись слипающимися глазами на круглое отверстие туннеля, и заставил усталый мозг обдумать проблему. Высота железобетонного свода была чуть выше человеческого роста, и зазубренные обломки того же бетона завалили проход.

— Разбери завал, — приказал Пере.

— Не могу, — ответил робот. — Моя батарея на грани истощения. Мне не хватит энергии завершить работу.

Все, конец. Дальше им не пройти.

— Быть может, нам удастся.., взорвать завал, — робко предложила Нэтайа. Пере направил на нее луч фонаря и увидел, что Нэтайа держит на ладони горсть патронов, извлеченных из обоймы на поясе. — У них внутри мощная взрывчатка. Наверное, адъютант сумеет подорвать их одновременно.

— Сумею, — подтвердил адъютант.

Как ни удивительно, все четверо до сих не расстались с оружием и запасными обоймами, побросав по дороге все остальное снаряжение. Пока люди отходили подальше в туннель,

адъютант заложил обоймы с патронами в завал и через минуту торопливо вернулся. Все прижались к полу. Он тут же дрогнул от взрыва, грохот ударил по ушам. Пере заставил всех выждать несколько томительно долгих минут, пока оседала едкая пыль, и лишь потом разрешил двинуться вперед.

Завал так и остался на месте, зато свод туннеля обрушился. Луч света, пробившись сквозь дыру в потолке, весело заиграл на пылинках.

— Пробились наконец, — прохрипел Пере. — Помоги мне подняться.

Усевшись на плечи робота, он дотянулся до дыры и стал расширять отверстие, обрушивая вниз мягкий грунт, пока оно не оказалось достаточно широким для его плеч. К ногам оставшихся в туннеле упал кусок дерна с влажной зеленой травой. Пере высунулся из дыры и пошарил руками, отыскивая, за что ухватиться.

— Позвольте вам помочь, — произнес чей-то голос. Загорелые мозолистые руки тут же потянули генерала из дыры.

Помощь оказалась столь неожиданной, что Пере ахнул. Освободиться он не мог, и вскоре крепкие руки вытянули его наружу. Пере упал лицом вниз и потянулся к пистолету. Привыкшие к темноте глаза заболели от яркого света. Сквозь слезы боли он разглядел окружающую его цепочку ног и снял руку с рукоятки оружия. Тут же вытащили и остальных. Когда глаза приспособились, Пере смог оглядеться. С пасмурного неба моросило, он сидел на мокрой траве. Перед ним простиралось свежевспаханное поле. Пере доставило истинное удовольствие узнавать наяву то, что он прежде видел только на экране. Генерал впервые за всю жизнь оказался на поверхности.

Все виденные им записи были, разумеется, историческими и сделаны в те довоенные времена, когда люди еще жили на поверхности, а не в многочисленных подземных городах. Он всегда полагал, что поверхность стерильна и лишена жизни. Тогда кто же эти люди?

Что-то с ревом и воем промчалось высоко в небе, а генерал в первый раз заметил раздающееся со всех сторон громыхание.

— Кто вы?

Пере с трудом поднял глаза на говорящего. Им оказался тот самый человек, что помог ему выбраться из туннеля.

— Я генерал Пере, а это мои подчиненные. Кожа у человека была очень темной, а одет он в причудливо-зловещий костюм, словно собранный из механического утиля: одежда сшита из плекситкани, служившей некогда чехлом для какой-то машины, а обувь слеплена из металлических кусочков, скрепленных

металлической же сеточкой. На голове, как и у прочих, — металлический шлем.

— Генерал, — процедил мужчина. Улыбка сползла с его лица, он повернулся и пронзительно свистнул.

Пере заметил в отдалении нескольких людей, тянущих странное устройство; один из них помахал рукой в ответ на свист, и компания двинулась в их сторону.

— Вон идет Борук, — хмуро сообщил загорелый. — Поговори с ним. Может, до чего хорошего и договоритесь. Хотя сомневаюсь. — Он сплюнул и забросал плевок землей, орудуя пальцем ноги.

Где-то за облаками приглушенно громыхнул мощный взрыв. Пере поднял голову и успел заметить, как тучи на мгновение стали розовыми. Из них вывалилась черная точка и на глазах охваченного ужасом Пере приняла форму гигантского колеса. Казалось, оно падает прямо на них, но все же врезалось в землю на дальнем конце поля. Огромный обод спружинил и подбросил колесо в воздух. Оно пролетело прямо над их головами, и лишь Пере со спутниками подняли глаза, разглядывая его. Диаметр его был не менее ста футов, и генерал ясно увидел покрышку и металлическую ступицу со спицами. Из какой-то перебитой трубки еще хлестала жидкость. Колесо вновь подпрыгнуло, сотрясая землю, и скрылось за холмом.

— Что это было? — спросил Пере, но ему никто не ответил.

Группа, работавшая в поле, приблизилась, и теперь он увидел, что они тянут плуг, собранный из кусков всяческого лома. Единственными деталями, которые он смог опознать, оказались рукоятки — руки робота, приваренные к каркасу и удлиненные для удобства пахаря. Один из людей, тянувших плуг, бросил постромки и направился к Пере. Человек был обнажен до пояса, но оставил серые форменные брюки и высокие сапоги.

— Военные! — воскликнул он, увидев их форму. — Чудесно! Просто чудесно!

Он повернулся и побежал. На траву вокруг них посыпался дождь мелких металлических осколков. Пере охватило ощущение, что он сходит с ума.

Пахарь не убежал совсем, а лишь отправился на край поля за остальной одеждой. Он натянул мундир, а каску сменил на фуражку какой-то странной, но очень знакомой формы, застегнулся на все пуговицы, отряхнул с брюк пыль и лишь затем повернулся и зашагал к Пере.

— Враг! — завопил Пере, хватаясь за пистолет. Сколько раз он видел эту форму в учебных фильмах! Он вытащил пистолет, но кто-то выбил его из рук генерала, и ему осталось лишь оцепенело наблюдать, как человек подходит, печатая шаг, щелкает

каблуками и отдает честь.

— Генерал Борук, — представился он. — Направлен для переговоров о мире. Могу я узнать, кому имею удовольствие представиться?

Он опустил поднятую для приветствия руку и вытащил из кармана белый флаг на раздвижном древке. Щелкнув кнопкой, он выдвинул древко на всю длину и гордо поднял флаг над головой. Лицо его было загорелым, как и у прочих, с черными усами и остроконечной бородкой.

— Я генерал Пере, — вынужден был ответить Пере. — Кто вы? И что вы здесь делаете?

— К вашим услугам, генерал, — отозвался Борук и воткнул древко в землю. Из другого кармана он извлек объемистый бумажник. — Я доставил вам приветствия от моей гордой страны и радостную весть о том, что мы желаем сдаться и заключить мир. Здесь все документы — включая мои полномочия, — вам остается лишь передать их своему начальству. Вы заметите, что там упоминается комиссия по заключению мира, но вынужден признать, что ее члены или погибли, или вернулись. И, если быть откровенным до конца, в список комиссии я внесен как капитан Борук, но так было в самом начале. Моя решительность, а также тот факт, что я молод и силен как бык, стали причинами моей головокружительной карьеры. Генерал Граниас, лично поручивший мне возглавить комиссию, даже передал мне свой мундир с генеральскими эмблемами. И он сделал правильный выбор: как вы уже заметили, я все-таки добрался до вас, а другие — нет. Мы хотим мира и готовы на любые ваши условия. Вы согласны?

— Сядьте, — произнес Пере, сам ощутив необходимость присесть. — Почему вы запросили о мире именно сейчас.., если на секунду предположить, что ваши полномочия соответствуют действительности? Ведь вы не проигрываете войну, верно?

— Если снова говорить откровенно, генерал, мы уже и не сражаемся в ней. Борук растянулся на земле и принялся жевать травинку. — Рано или поздно вы узнаете причину нашей просьбы, так пусть это случится раньше. Фактически чем скорее, тем лучше, потому что ситуация давно вышла из-под контроля. Все сводится к тому, что мы были вынуждены оставить наш боевой штаб и передать управление роботам. Что с вами? — спросил он, когда Пере подскочил.

— Нет, ничего, — ответил Пере. — Продолжайте. — Произнесенная Боруком фраза оказалась настолько знакомой, что Пере не смог выслушать ее спокойно.

— Должен признать, ваши ученые оказались на высоте.

Полагаю, им удалось заразить помещение нашего штаба вирусом-мутантом, справиться с которым обычными методами оказалось невозможно. Штаб следовало эвакуировать, облучить и стерилизовать, а перед этим передать роботам полное управление боевыми действиями. Мы так и поступили, но когда попытались вернуться, у нас ничего не вышло. Роботы заблокировали все входы и перестали понимать наши команды. Теперь они справляются без нас, и, должен признать, совсем неплохо.

— Но есть разные способы. Вы могли попробовать...

— Все не так просто, как кажется, генерал. Уверяю вас, мы многое перепробовали. Короче говоря, чем больше мы старались, тем эффективнее становилось противодействие роботов. А под конец они начали с нами сражаться приняв нас за врагов, — и нам осталось только отступить.

— Но мы еще вернемся! — произнес Пере и, спохватившись, смолк.

- Я уже предположил нечто в этом роде, — улыбнулся Борук. Несмотря на внешнее безразличие, он внимательно наблюдал за Пере. — Когда генерал со своими подчиненными вылезает из-под земли примерно в том месте, где находится его штаб, то, принимая во внимание свой собственный опыт, я могу прийти лишь к одному заключению. Я прав? Вас тоже вынудили уйти?

— Я вам ничего не скажу.

— А тут ничего и не нужно говорить. Какая грандиозная шутка! — Борук холодно рассмеялся, порвал просьбу о капитуляции и швырнул клочки бумаги на землю. В воздухе что-то проскрежетало и взорвалось, взметнув на горизонте облако пыли. — Вас устранили точно так же, как и наших офицеров, и вам уже не вернуться. Этого следовало ожидать, поскольку все прочие функции в этой войне — кроме командования — давно переложены на роботов. А раз противники сосредоточили усилия на уничтожении вражеских штабов, то рано или поздно применение очередного оружия приведет пусть к частичному, но успеху. Роботы гораздо сильнее людей и способны работать в таких условиях, в которых люди погибают. У меня было достаточно времени размышлять на эту тему — я жду здесь уже несколько месяцев.

— Почему.., почему вы не сдались? Почему не пришли к нам?

— Поверьте мне, мой юный коллега, моя страна только этого и желала. Но как это сделать во время тотальной войны? Мы пробовали радио и прочие средства связи, но наши сигналы глушились специальными роботами. Тогда мы послали делегатов-людей — разумеется, безоружных, чтобы на них не напали роботы. Добираясь сюда, мы теряли людей просто из-за того, что

поля сражений начинены разными ловушками. А роботы нас совершенно не замечали, словно предвидя будущее — теперь уже настоящее. Сражения протекают повсюду, и есть лишь несколько спокойных районов вроде этого, расположенного над базой с мощной обороной. Но даже добравшись сюда, я не нашел никаких наземных сооружений и не смог проникнуть к вам вниз.

— Но это чудовищно! Чудовищно! — взревел Пере.

— Действительно, но к ситуации следует отнестись философски. Примите ее так, как восприняли эти добрые люди, живущие здесь под постоянной угрозой смерти. Роботы столь же эффективно продолжат войну и без нас и наверняка сделают ее гораздо более долгой, ведь силы у них примерно равны. Найдите себе женщину, устройтесь как сумеете и наслаждайтесь жизнью.

Пере поймал себя на том, что уставился на Нэтайю. Та отвернулась и покраснела. Пусть она тоже генерал, но фигурка у нее неплохая...

— Нет! — крикнул он. — Я не смирюсь. Это ужасно. Люди не могут так жить сидеть себе да поглядывать, как эти бесчувственные машины уничтожают друг друга.

— Нравится нам это или нет, друг генерал, значения не имеет. Нас обошли. Сместили. Мы слишком долго играли в разрушительные военные игры и сделали наши машины слишком эффективными. А им эти игры пришлись настолько по вкусу, что прекращать их они не собираются. А нам остается отыскать местечко, где мы попытаемся прожить, использовав свои лучшие способности. Такое, где они не наступят на нас, играясь.

— Нет, я не могу с этим смириться! — снова крикнул Пере. Его глаза жгли едкие слезы отчаяния и гнева. Нэтайа положила ладонь ему на руку, он стряхнул ее. На горизонте загремело, полыхнула красная вспышка, рядом с ними посыпались горячие осколки.

— Надеюсь, ты приятно проводишь время! — крикнул Пере и погрозил кулаком равнодушным небесам. — Очень приятно проводишь!

ДВЕ ПОВЕСТИ И ВОСЕМЬ ЗАВТРА
Two Tales and Eiqht Tomorrows

ДВЕ ПОВЕСТИ И ВОСЕМЬ ЗАВТРА

СМЕРТНЫЕ МУКИ ПРИШЕЛЬЦА

Где-то вверху, скрытый за вечными облаками планеты Вескера, гремел и ширился грохот. Услышав его, торговец Джон Гарт остановился и, приставив руку к здоровому уху, прислушался. При этом ботинки его слегка увязли в грязи. В плотной атмосфере звук то разрастался, то ослабевал, однако все более приближаясь.

— Такой же шум, как от твоего космического корабля, — сказал Итин, с бесстрастной вескерской логикой медленно расчленяя мысль, чтобы лучше обдумать ее. — Однако твой

корабль все еще стоит на том месте, где ты его посадил. Хотя мы его и не видим, он должен быть там, потому сто только ты умеешь управлять им. А если бы даже это удалось кому-нибудь еще, мы услышали бы, как корабль поднимается в небо. Но так как мы раньше ничего не слышали, а такой грохот производит только космический корабль, то это должно означать…

— Да, еще один корабль, — перебил его Гарт, слишком поглощенный своими мыслями, чтобы дожидаться, пока замкнется медлительная цепь вескерских логических построений.

Разумеется, это другой космический корабль, и его появление было лишь вопросом времени; несомненно, этот корабль идет по курсу с помощью радиолокационной установки, как в свое время ориентировался и Гарт. Его собственный корабль будет ясно виден на экране вновь прибывающего корабля, и тот, наверно, сядет как можно ближе к нему.

— Тебе лучше не задерживаться, Итин, — предупредил Джон Гарт. — Добирайся по воде, чтобы скорей попасть в деревню. Скажи всем, чтобы они шли в болото, подальше от твердой земли. Корабль приземляется, и всякий, кто очутится под ним при посадке, будет изжарен.

Маленькая вескерская амфибия почувствовала неминуемую опасность. Прежде чем Гарт кончил говорить, ребристые уши Итина сложились наподобие крыльев летучей мыши, и он молча скользнул в соседний канал. Гарт захлюпал дальше по грязи, стараясь идти как можно быстрее. Он как раз достиг края поляны, на которой стояла деревня, когда грохот перешел в оглушительный рев, и космический корабль пробился сквозь низкие слои облаков. Пламя метнулось книзу. Гарт прикрыл глаза и, испытывая противоречивые мысли, стал смотреть, как растет силуэт черно-серого корабля.

Проведя почти целый год на планете Вескера, он теперь вынужден был подавлять в себе тоску по человеческому обществу. Хотя тоска эта — глубоко похороненный пережиток стадного чувства — настойчиво напоминала Гарту о его родстве с остальным обезьяньим племенем, он по-коммерчески деловито подводил в уме черту под столбиком цифр и подсчитывал итог. Весьма вероятно, что прилетел еще один торговый корабль, и если это так, то его монополии на торговлю с жителями Вескера приходит конец. Впрочем, это мог быть и какой-нибудь иной корабль, и именно поэтому Гарт остановился в тени гигантского папоротника и вытащил из кобуры револьвер.

Космический корабль высушил сотню квадратных метров грязи, грохот замер, и посадочные ноги с хрустом вонзились в потрескавшуюся землю. Раздался скрежет металла, и корабль

застыл на месте, между тем как облако дыма и пара медленно оседало во влажном воздухе.

— Гарт, эй ты, вымогатель, грабитель туземцев, где ты? — прокричал на корабле громкоговоритель.

Очертания космического корабля были лишь слегка знакомы, но ошибиться относительно резких звуков этого голоса Гарт не мог. Выйдя на открытое место, он улыбнулся и, засунув в рот два пальца, пронзительно свистнул. Из нижней части корабля выдвинулся микрофон и повернулся к нему.

— Ты что тут делаешь, Сингх? — крикнул Гарт, обернувшись в сторону микрофона. — Неужели так обленился, что не смог найти для себя планету и явился сюда красть прибыль у честного торговца?

— Честного! — взревел усиленный громкоговорителем голос. — И это я слышу от человека, которому довелось повидать больше тюрем, чем публичных домов, а это, смею вам доложить, цифра не маленькая. Чертовски жаль, товарищ моей молодости, но я не могу присоединиться к тебе, чтобы вместе с тобой заняться эксплуатацией этой зачумленной дыры. Я держу путь к миру, где легче дышится, где ничего не стоит сколотить себе состояние. А сюда забрался лишь потому, что представился случай неплохо заработать, взяв на себя обязанности водителя такси. Я привез тебе друга, идеального товарища, человека, занятого делами совсем другого рода. А тебе он охотно поможет. Я бы вылез и поздоровался с тобой, если бы не боялся, что по возвращении меня засадят в карантин. Я выпускаю пассажира через тамбур: надеюсь, ты не откажешься помочь ему выгрузить багаж.

Итак, другого торговца на планете пока не предвидится, об этом можно не беспокоиться. Однако Гарту не терпелось поскорей узнать, что за пассажир вздумал посетить этот далекий мир, купив себе билет лишь в один конец. И что таилось за скрытой насмешкой, звучавшей в голосе Сингха? Гарт обошел космический корабль, направляясь к тому месту, откуда была спущена лестница, и, взглянув вверх, увидел в грузовом отсеке человека, безуспешно пытавшегося справиться с большой корзиной. Человек обернулся, и Гарт, увидев высокий воротник священника, понял, над чем насмехался Сингх.

— Что вам здесь нужно? — спросил Гарт: несмотря на попытку овладеть собой, он выпалил эти слова самым нелюбезным тоном.

Прибывший если и заметил, что его приняли странно, то не обратил на это внимания, так как продолжать улыбаться и протягивать руку, спускаясь по лестнице.

— Отец Марк, — представился он, из миссионерского общества Братьев. Я очень рад…

— Я спрашиваю, что вам здесь нужно? — Голос Гарта звучал спокойно и холодно. Он знал теперь, как нужно было действовать при сложившихся обстоятельствах.

— Это же совершенно очевидно, — сказал отец Марк по-прежнему добродушно. — Наше миссионерское общество впервые собрало средства для посылки духовных эмиссаров на другие планеты. Мне посчастливилось…

— Забирайте свой багаж и возвращайтесь на корабль. Ваше присутствие здесь нежелательно, к тому же вы не имеете разрешения на высадку. Вы будете обузой, а здесь, на Вескере, некому заботиться о вас. Возвращайтесь на корабль.

— Я не знаю, кто вы такой, сэр, и почему вы лжете, — ответил священник. Он все еще был спокоен, но улыбка исчезла с его лица. — Я очень хорошо изучил космическое право и историю этой планеты. Здесь нет ни болезней, ни животных, которых можно было бы опасаться. К тому же это открытая планета, и до тех пор, пока Космическое управление не изменит ее статуса, я имею такое же право находится тут, как и вы.

Закон был, конечно, на стороне миссионера, просто Гарт пытался его обмануть, надеясь, что тот не знает своих прав. Однако ничего из этого не вышло. У гарта оставался еще один весьма неприятный выход, и ему следовало прибегнуть к нему, пока не поздно.

— Возвращайтесь на корабль, — крикнул он, уже не скрывая своего гнева. Спокойным жестом он вытащил револьвер из кобуры, и черное дуло оказалось в нескольких дюймах от живота священника. Тот побледнел, но не пошевельнулся.

— Какого дьявола ты хорохоришься, Гарт! — захрипел в громкоговорителе сдавленный голос Сингха. — Парень заплатил за проезд, и ты не имеешь права прогонять его с этой планеты.

— Я имею право, — сказал Гарт, поднимая револьвер и целясь священнику между глаз. — Даю ему тридцать секунд, чтобы он вернулся на борт корабля, а не то я спущу курок.

— Ты что, рехнулся или разыгрываешь нас? — задребезжал раздраженный голос Сингха. — Если ты шутишь, то неудачно, и, во всяком случае, это тебе не поможет. В такую игру могут играть двое, только я тебя обставлю.

Послышался грохот тяжелых подшипников, и телеуправляемая четырехпушечная башня на борту корабля повернулась и нацелилась на Гарта.

— Спрячь револьвер и помоги отцу Марку выгрузить багаж, — скомандовал громкоговоритель; в голосе Сингха снова

послышались юмористические нотки. — При всем желании ничем не могу помочь, дружище. Мне кажется, тебе сейчас самое время побеседовать с отцом миссионером. А с меня довольно — я имел возможность разговаривать с ним всю дорогу от Земли.

Гарт сунул револьвер в кобуру, остро переживая свою неудачу. Отец Марк шагнул вперед; на его губах снова заиграла обаятельная улыбка; вынув из кармана библию, он поднял ее над головой.

— Сын мой, — сказал он.

— Я не ваш сын, — с трудом выдавил из себя Гарт, весь кипевший от гнева после понесенного поражения.

Ярость в нем клокотала, он сжал кулаки; однако он заставил себя разжать пальца и ударил священника ладонью. И все же тот рухнул от удара, а вслед за ним шлепнулась в густую грязь и раскрывшаяся библия.

Итин и другие вескеряне наблюдали за происходящим внимательно, но, по-видимому, бесстрастно, а Гарт не счел нужным ответить на их невысказанные вопросы. Он направился к своему дому, но, почувствовав, что вескеряне все еще неподвижно стоят, обернулся.

— Прибыл новый человек, — сказал он. — Если нужно будет помочь перенести вещи. Можете поставить их в большой склад, пока он сам что-нибудь не построит.

Гарт смотрел, как они заковыляли по лужайке к кораблю, затем вошел в дом и получил некоторое удовлетворение, хлопнув дверью так, что одна из створок треснула. С таким же болезненным удовольствием он откупорил последнюю бутылку ирландского виски, которую он хранил для особого случая. Что ж, случай, конечно, особый, хотя и не совсем такой, какого ему хотелось. Виски было хорошее и частично заглушало неприятный вкус во рту. Если бы его тактика сработала, успех оправдал бы все. Но он потерпел неудаче, и к горечи поражения примешивалась мучительная мысль о том, что он выставил себя в дурацком свете. Сингх улетел, не попрощавшись. Неизвестно, какое впечатление создалось у него об этом происшествии, но по возвращению на Землю он, конечно, будет рассказывать удивительные истории. Ладно, беспокойство за свою репутацию можно отложить и до следующего раза, когда он пожелает снова завербоваться. А теперь надо наладить отношения с миссионером. Сквозь завесу дождя Гарт разглядел, что священник старается установить складную палатку, а все жители деревни выстроились рядами и молча наблюдали. Само собой разумеется, никто из них не предложил помощи. К тому времени, как палатка была поставлена и в нее были сложены корзины и ящики, дождь

прекратился. Уровень жидкости в бутылке значительно понизился, и Гарт почувствовал себя более подготовленным к неизбежной встрече. По правде говоря, он искал повода заговорить с миссионером. Если оставить в стороне всю эту противную историю, после года полного одиночества казалось привлекательным общение с любым человеком, кем бы он ни был.

«*Не согласитесь ли вы пообедать со мной? Джон Гарт* », — написал он на обороте старой накладной. Но, может быть, старик слишком напуган и не придет? Пожалуй, это не лучший способ наладить отношения. Пошарив под койкой, он нашел подходящий ящичек и положил в него свой револьвер. Когда Гарт открыл дверь, Итин, конечно, уже поджидал своего учителя, так как сегодня была его очередь исполнять обязанности Собирателя Знаний. Торговец протянул ему записку и ящик.

— Отнеси-ка это новому человеку, — приказал он.

— Нового человека зовут Новый Человек? — спросил Итин.

— Нет! — резко ответил Гарт. — Его зовут Марк. Но ведь я прошу тебя только отнести это, а не вступать в разговор.

Каждый раз, когда Гарт выходил из себя, вескеряне с их педантичным мышлением выигрывали раунд.

— Ты не просишь вступать в разговор, — медленно произнес Итин, — но Марк, может быть, и попросит. А другие интересуются, как его зовут, и если я не буду знать его име…

Он осекся, так как Гарт захлопнул дверь. Впрочем, это не имело значения: при следующей встрече с Итином — через день, через неделю или даже через месяц — монолог будет возобновлен с того самого слова, на котором он кончился, и мысль будет разжевываться до полной ясности. Гарт выругался про себя и залил водой две порции самых вкусных из еще сохранившихся у него концентратов.

Раздался торопливый стук в дверь.

— Войдите, — проговорил Гарт. Вошел священник и протянул ящик с револьвером. — Благодарю вас за то, что вы дали его взаймы, мистер Гарт, я ценю тот дух, который пробудил вас послать его. Я не имею никакого понятия о том, что послужило причиной неприятностей, сопровождавших мое прибытие, но, пожалуй, лучше всего их позабыть, если мы собираемся некоторое время жить вместе на этой планете.

— Пьете? — спросил Гарт, взяв ящик и показывая на бутылку, стоявшую на столе. Он налил два стакана дополна и протянул один священнику. — Я думаю примерно так же, как и вы, но я должен, однако, вам объяснить, почему это произошло. — Он секунду хмуро смотрел на свой стакан, затем поднял его, приглашая выпить. — Это большой мир, и мне кажется, что мы

должны устроиться в нем как можно лучше. За ваше здоровье.

— Господь да пребудет с вами, — сказал отец Марк и тоже поднял стакан.

— Не со мной и не с этой планетой, — твердо заявил Гарт. — Вот в чем вся загвоздка. — Он выпил с полстакана вина и вздохнул.

— Вы говорите так, чтобы шокировать меня? — с улыбкой спросил священник. — Уверяю вас, на меня это не действует.

— И не собирался шокировать. Я сказал буквально то, что имел в виду. Я принадлежу, вероятно, к тем, кого вы называете атеистами, а потому до религиозных взглядов мне нет никакого дела. Здешние жители, простые необразованные существа каменного века, умудрялись до сих пор обходиться без всяких суеверий и без зачатков религии, и я надеялся, что они и дальше смогут жить так.

— Что вы говорите? — нахмурился священник. — Вы хотите сказать, что у них нет никакого божества, никакой веры в загробную жизнь? По-вашему, они должны умереть…

— И умирают, и превращаются в прах, как все остальные живые существа. У них есть гром, деревья, вода, но нет бога-громовержца, лесных духов и русалок. У них нет табу и заклинаний и уродливых божков, которые мучили бы их кошмарами и разными ограничениями. Они единственный первобытный народ из всех виденных мною, который совершенно свободен от суеверий и благодаря этому гораздо счастливее и разумнее других. Я хочу, чтобы они такими и остались.

— Вы хотите удержать их в дали от бога… от спасения? — Глаза священника расширились, и он слегка отшатнулся от Гарта.

— Нет, я хочу удержать их от суеверий, — возразил Гарт. — Пусть вескеряне сначала пополнят свои знания и научаться реалистически судить о явлениях природы.

— Вы оскорбляете церковное учение, сэр, приравнивая его к суеверию…

— Пожалуйста, — перебил Гарт, поднимая руку, — никаких теологических споров. Не думаю, чтобы ваше общество понесло расходы по этому путешествию лишь ради попытки обратить меня. Учтите то обстоятельство, что к своим взглядам я пришел путем серьезных размышлений на протяжении многих лет, и целой толпе студентов-богословов последнего курса не удастся их изменить. Я обещаю не пытаться обратить вас в свою веру, если вы пообещаете то же по отношению ко мне.

— Согласен, мистер Гарт. Вы мне напомнили, что моя миссия здесь заключается в спасении душ вескерян, и этим я должен заняться. Но почему моя деятельность могла так нарушить ваши

планы, что вы старались удержать меня от высадки? Даже угрожали мне револьвером и… — священник умолк и стал смотреть в свой стакан.

— И даже больно ударил вас? — спросил Гарт, внезапно нахмурившись. — Для этого нет никакого оправдания, и я готов просить у вас прощения. Просто плохие манеры, а характер и того хуже. Поживите долго в одиночестве, и вы сами начнете вести себя так. — Он задумчиво разглядывал свои большие руки, лежавшие на столе; шрамы и мозоли напоминали ему о прошлом. — Назовем это крушением надежд, за неимением лучшего выражения. Занимаясь своей профессией, вы не раз имели случай заглянуть в темные закоулки человеческой души и должны кое-что знать о побуждениях к действию и о счастье. Я вел слишком занятую жизнь, и мне ни разу не пришла в голову мысль осесть где-нибудь и завести семью; и вплоть до недавнего времени я не жалел об этом. Может быть, радиация размягчила мой мозг, но я стал относиться к этим волосатым рыбообразным вескерянам так, словно они в какой-то мере мои собственные дети, и я отчасти отвечаю за них.

— Мы все Его дети, — спокойно заметил отец Марк.

— Ладно, здесь живут те из его детей, которые даже не имеют представления о его существовании, — сказал Гарт, внезапно обозлившись на себя за то, что расчувствовался. Однако он тут же позабыл о своих переживаниях и весь подался вперед от охватившего его возбуждения. — Можете ли вы понять, как это важно? Поживите с вескерянами некоторое время, и вы увидите простую и счастливую жизнь, не уступающую состоянию благодати, о которой вы постоянно твердите. Они наслаждаются жизнью… и никому не причиняют вреда. В силу случайности они достигли своего теперешнего развития на бесплодной планете, так что им ни разу не представилась возможность подняться выше материальной культуры каменного века. Но в умственном отношении они не уступают нам… возможно, даже превосходят. Они выучили наш язык, так что я легко могу объяснить им все, что они хотят знать. Знание и приобретение знаний доставляют им полное удовлетворение. Иногда они могут вас раздражать, так как имеют обыкновение связывать каждый новый факт со всем, что им уже известно, но чем больше они узнают, тем быстрей происходит этот процесс. Когда-нибудь они во всем сравняются с человеком, может быть, превзойдут нас. Если только… Вы согласны оказать мне услугу?

— Все, что в моих силах.

— Оставьте их в покое. Или же, если это так уж необходимо, учите их истории и естественным наукам, философии,

юриспруденции, всему, что поможет им при столкновении с действительностью более широкого мира, о существовании которого они раньше даже не знали. Но не сбивайте их с толку ненавистью и страданиями, виной, грехом и карой. Кто знает, какой вред…

— Ваши слова оскорбительны, сэр! — воскликнул священник, вскочив с места. Его седая голова едва доходила астронавту до подбородка, но он бесстрашно защищал то, во что верил.

Гарт, который тоже встал, уже не казался кающимся грешником. Они гневно смотрели друг на друга в упор, как всегда смотрят люди, непоколебимо защищающие то, что считают правильным.

— Это вы оскорбляете, — крикнул Гарт. — Какое невероятное самомнение думать, что ваши неоригинальные жалкие мифы, лишь слегка отличающиеся от тысячи других, которые все еще тяготеют над людьми, могут внести что-то иное, кроме сумятицы, в их неискушенные умы! Неужели вы не понимаете, что они верят в правду и никогда не слышали о таком явлении, как ложь? Им никто еще не пытался внушить, что можно мыслить иначе. И вы хотите изменить…

— Я исполняю свой долг, то есть Его волю, мистер Гарт. Здесь тоже живут божьи создания, и у них есть души. Я не могу уклоняться от своего долга, который состоит в том, чтобы донести до них Его слово и тем спасти их, введя в Царствие небесное.

Когда священник открыл дверь, ветер рванул ее и распахнул настежь. Отец Марк исчез в кромешной тьме, а дверь то открывалась, то захлопывалась, и брызги дождя залетали в комнату. Гарт медленно пошел к двери, затворил ее и так и не увидел Итина, терпеливо, безропотно сидевшего под ливнем в надежде на то, что Гарт, быть может, на секунду задержится и поделится с ним одной частицей своих замечательных знаний.

С молчаливого обоюдного согласия об этом первом вечере больше никогда не упоминали. После нескольких дней, проведенных в одиночестве, еще более тягостным от того, что каждый знал о близости другого, они возобновили беседы, но на строго нейтральные темы. Гарт постепенно упаковывал и прятал свои приобретения, не допуская, однако, и мысли о том, что его работа закончена и он может в любое время уехать. У него было довольно много редких лекарств и растительных препаратов, за которые ему дали бы хорошие деньги. А вескерские произведения искусства должны были вызвать сенсацию на космическом рынке с его высокими требованиями. До прибытия Гарта продукция художественных ремесел на этой планете ограничивалась

главным образом резными изделиями, выполненными из твердого дерева с помощью осколков камня. Гарт снабдил вескерян инструментами и металлом из своих собственных запасов, вот и все. Через несколько месяцев вескеряне не только научились работать с новыми материалами, но и воплотили свои замыслы и образы в самые странные — но и самые прекрасные — произведения искусства, которые он когда-либо видел. Гарту оставалось выбросить их на рынок, чтобы создать первоначальный спрос, а затем вернуться за новой партией. Вескерянам нужны были взамен лишь книги, инструменты и знания, и Гарт не сомневался, что скоро наступит время, когда они собственными силами смогут добиться приема в Галактический союз.

На это Гарт и надеялся. Но ветер перемен задул по поселку, который вырос вокруг его корабля. Теперь уже не Гарт был центром внимания и сосредоточием всей жизни деревни. Он только усмехался, думая об утрате власти; однако его улыбку нельзя было назвать добродушной. Серьезные и внимательные, вескеряне все еще по очереди исполняли обязанности Собирателя Знаний, но Гарт им давал только голые факты, и это резко контрастировало с атмосферой интеллектуальной бури, окружавшей священника.

В то время как Гарт заставлял отрабатывать за каждую книгу, каждый инструмент, священник раздавал их бесплатно. Гарт пытался соблюдать постепенность в передаче знаний, относясь к вескерянам как к способным, но невежественным детям. Он хотел, чтобы они одолели одну ступеньку, прежде чем перейти к следующей, чтобы они сначала научились ходить и лишь затем бегать.

Отец Марк просто принес им все благодеяния христианства. Единственной физической работой, которой он потребовал, была постройка церкви — места для богослужения и проповедей. Из беспредельных, раскинувшихся по всей планете болот вышли новые толпы вескерян, и через несколько дней крыша, покоившаяся на столбах, была готова. Каждое утро паства немного работала, возводя стены, затем спешила внутрь, чтобы узнать многообещающие, первостепенной важности факты, объяснявшие устройство Вселенной.

Гарт никогда не говорил вескерянам, какого он мнения об их новом увлечении, и это происходило главным образом потому, что они никогда не спрашивали его. Гордость или чувство собственного достоинства мешали ему вцепиться в покорного слушателя и излить ему свои обиды. Возможно, все случилось бы иначе, если бы обязанности Собирателя Знаний по-прежнему

лежали на Итине; он был самый сообразительный из всех. Но на следующий день после прибытия священника очередь Итина кончилась, и с тех пор Гарт с ним не разговаривал.

Поэтому для него было сюрпризом, когда через семнадцать вескерских дней — они в три раза длиннее, чем на Земле, — выйдя из дома после завтрака, он увидел у своих ворот делегацию. Итин должен был говорить от ее имени, и его рот был приоткрыт. У многих других вескерян рты были тоже открыты, один как будто даже зевал, так что был явственно виден двойной ряд острых зубов и пурпурно-черное горло. Завидя эти рты, Гарт понял, что предстоит серьезная беседа. Открытый рот означал какое-то сильное переживание: счастье, печаль или гнев. Обычно вескеряне были спокойны, и он никогда не видел такого количества разинутых ртов, каким теперь был окружен.

— Помоги нам, Джон Гарт, — начал Итин. — У нас есть к тебе вопрос.

— Я отвечу на любой ваш вопрос, — сказал Гарт, предчувствуя недоброе. — В чем дело?

— Существует ли бог?

— Что вы понимаете под «богом»? — в свою очередь спросил Гарт. Что им ответить?

— Бог — наш небесный отец, создавший всех нас и охраняющий нас. Кому мы молимся о помощи, и кто, если мы спасемся, уготовил нам…

— Довольно, — отрезал Гарт. — Никакого бога нет.

Теперь они все, даже Итин, раскрыли рты, глядя на Гарта и обдумывая его ответ. Ряды розовых зубов могли бы показаться угрожающим, если бы Гарт не знал этих созданий так хорошо. На одно мгновение ему почудилось, что они уже восприняли христианское учение и считают его еретиком; но он отбросил эту мысль.

— Спасибо, — ответил Итин, и они повернулись и ушли.

Хотя утро было еще прохладное, Гарт с удивлением заметил, что он весь в поту.

Последствий не пришлось долго дожидаться. Итин вновь пришел к Гарту в тот же день.

— Не пойдешь ли ты в церковь? — спросил он. — Многое из того, что мы изучаем, трудно понять, но нет ничего трудней, чем это. Нам нужна твоя помощь, так как мы должны услышать тебя и отца Марка вместе. Потому что он говорит, что верно одно, а ты говоришь, что верно другое, а то и другое не может быть одновременно правильным. Мы должны выяснить что верно.

— Конечно, я приду, — сказал Гарт, стараясь скрыть внезапно охватившее его возбуждение. Он ничего не предпринимал, но

вескеряне все же пришли к нему. Возможно, есть еще основания надеяться, что они останутся свободными.

В церкви было жарко, и Гарт удивился, как много собралось там вескерян, больше, чем ему когда-либо приходилось видеть. Вокруг было множество открытых ртов. Отец Марк сидел за столом, заваленным книгами. Вид у него был несчастный. Он ничего не сказал, когда Гарт вошел. Гарт заговорил первый.

— Надеюсь, вы понимаете, что это их идея… что они по своей доброй воле пришли ко мне и попросили меня явиться сюда?

— Знаю, — примирительно ответил священник. — Временами с ними бывает очень трудно. Но они учатся и хотят верить, а это главное.

— Отец Марк, торговец Гарт, нам нужна ваша помощь, — вмешался Итин. — Вы оба знаете много такого, чего мы не знаем. Вы должны помочь нам прийти к религии, а это не так-то легко. — Гарт хотел что-то сказать, затем передумал. Итин продолжал: — Мы прочли библию и все книги, которые дал нам отец Марк, и пришли к общему мнению. Эти книги сильно отличаются от тех, что давал нам торговец Гарт. В книгах торговца Гарта описывается Вселенная, который мы не видели, и она обходится без всякого бога, ведь о нем нигде не упоминается; мы искали очень тщательно. В книгах отца Марка он повсюду, и без него ничего не происходит. Одно из двух должно быть правильно, а другое неправильно. Мы не знаем, как это получается, но после того, как выясним, что же верно, тогда, может быть, поймем. Если бога не существует…

— Разумеется, он существует, дети мои, — сказал отец Марк проникновенным голосом. — Он наш небесный отец, который создал всех нас…

— Кто создал Бога? — спросил Итин, и шепот умолк, и все вескеряне пристально посмотрели на отца Марка. Он чуть отпрянул под их взглядом, затем улыбнулся.

— Никто не создавал бога, ибо он сам создатель. Он был всегда…

— Если он всегда существовал, то почему Вселенная не могла существовать, не нуждаясь в создателе? — прервал его Итин потоком слов. Важность вопроса была очевидна. Священник отвечал неторопливо, с безграничным терпением.

— Я хотел бы, чтобы все ответы были так же просты, дети мои. Ведь даже ученые не согласны между собой в вопросе о происхождении Вселенной. В тоже время как они сомневаются, мы, узревшие свет истины, ЗНАЕМ. Мы можем видеть чудо созидания повсюду вокруг нас. А возможно ли созидание без создателя? Это Он, наш отец, наш бог на небесах. Я знаю, вы

сомневаетесь; это потому, что у вас есть души и ваша воля свободна. И все же ответ очень прост. Имейте веру — вот все, что вам надо. Только верьте.

— Как можем мы верить без доказательств?

— Если вы не можете понять, что сам этот мир является доказательством Его существования, тогда я скажу вам, что вера не нуждается в доказательстве… если вы в самом деле верите!

Церковь наполнилась гулом голосов; у большинства вескерян рты были раскрыты: эти существа пытались пробиться через паутину слов и отделить нить от истины.

— Что ты можешь сказать нам, Гарт? — спросил Итин, и при звуке его голоса шум стих.

— Я могу посоветовать вам, чтобы вы пользовались научным методом, с помощью которого можно изучить все — включая самый метод — и получить ответы, доказывающие истинность или ложность любого утверждения.

— Так мы и должны поступить, — ответил Итин. — Мы пришли к тому же выводу. — Он схватил толстую книгу, и по рядам присутствующих пробежала зыбь кивков. Мы изучили библию, как нам посоветовал отец Марк, и нашли ответ. Бог сотворит для нас чудо и тем докажет, что он бдит над нами. И по этому знаку мы узнаем его и придем к нему.

— Это грех ложной гордости, — возразил отец Марк. — Бог не нуждается в чудесах для доказательства своего существования.

— Но мы нуждаемся в чуде! — воскликнул Итин, и, хотя он не был человеком, в его голосу зазвучала жажда истины. — Мы прочли здесь о множестве мелких чудес — о хлебах, рыбах, вине… Некоторые из них были совершены по гораздо более ничтожным поводам. Теперь ему надо сотворить еще одно чудо, и он всех нас приведет к себе… И это будет чудом преклонения целого нового мира перед его престолом, как ты нам говорил нам, отец Марк. И ты говорил нам, насколько это важно. Мы обсудили этот вопрос и решили, что есть одно чудо, наиболее подходящее для такого случая.

Скука, которую Гарт испытывал от теологических споров, мгновенно испарилась. Он не дал себе труда подумать, иначе сразу понял бы, к чему клонится дело. На той странице, на которой Итин раскрыл библию, была какая-то картинка; Гарт заранее знал, что там было изображено. Он медленно встал со стула, как бы потягиваясь, и обернулся к священнику, который сидел позади него.

— Приготовьтесь! — прошептал Гарт. — Выходите с задней стороны и идите к кораблю; я задержу их здесь. Не думаю, чтобы они причинили бы мне вред.

— Что вы хотите сказать? — спросил отец Марк, удивленно моргая.

— Уходите вы, глупец! — прошептал Гарт. — Как вы думаете, какое чудо они имеют в виду? Какое чудо, по преданию, обратило мир в христианство?

— Нет! — пробормотал отец Марк. — Не может быть. Этого просто не может быть!…

— Быстрее! — крикнул Гарт, стаскивая священника со стула и отшвыривая его к задней стене.

Отец Марк, споткнувшись, остановился, затем повернул назад. Гарт ринулся к нему, но опоздал. Амфибии были маленькие, но их собралось так много! Гарт разразился бранью, и его кулак опустился на Итина, отбросив его в толпу. Когда он стал прокладывать себе путь к священнику, другие вескеряне тесно окружили его. Он бил их, но это было все равно, что бороться с волками. Мохнатые, пахнущие мускусом тела затопили и поглотили его. Он не прекратил сопротивления даже тогда, когда его связали и стали бить по голове. Но амфибии вытащили его наружу, и теперь он мог лишь лежать под дождем, ругаться и наблюдать.

Вескеряне были чудесные работниками и все до последней подробности сделали так, как на картинке в библии: крест, прочно установленный на вершине небольшого холма, блестящие металлические гвозди, молоток. С отца Марка сняли всю одежду и надели на него тщательно сложенную складками набедренную повязку. Они вывели его из церкви.

При виде креста миссионер едва не лишился чувств. Но затем он высоко поднял голову и решил умереть так, как жил — с верой.

Но это было тяжело. Это было невыносимо даже для Гарта, который только смотрел. Одно дело говорить о распятии и разглядывать при тусклом свете лампады красиво изваянное тело. Другое — видеть обнаженного человека, с веревками, врезавшимися в тех местах, где тело привязано к деревянному брусу. И видеть, как берут остроконечные гвозди и приставляют к мягкой плоти — к его ладони, как спокойно и равномерно ходит взад и вперед молоток, словно им размеренно работает мастеровой. Слышать глухой стук металла, проникающего в плоть.

А затем слышать вопли.

Немногие рождены для мученичества; отец Марк не принадлежал к их числу. При первых же ударах он закусил губу; из нее потекла кровь. Потом его рот широко раскрылся, голова запрокинулась, и ужасные гортанные крики то и дело врывались в

шепот падающего дождя. Они вызывали немой отклик в толпе наблюдавших вескерян; какого бы характера не было волнение, от которого раскрывались их рты, теперь оно терзало их с огромной силой, и ряды разверстых пастей отражали смертные муки распятого священника.

К счастью, он лишился чувств, как только был вбит последний гвоздь. Кровь бежала из свежих ран, смешиваясь с дождем и бледно-розовыми каплями стекая с ног, по мере того, как жизнь покидала его. Почти в тоже время Гарт, рыдавший и пытавшийся разорвать свои путы, потерял сознание, оглушенный ударами по голове.

Он пришел в себя на своем складе, когда уже стемнело. Кто-то перерезал плетеные веревки, которыми он был связан. Снаружи все еще слышался шум дождевых капель.

— Итин, — сказал Гарт. Это мог быть только он.

— Да, — прошептал в ответ голос вескерянина. — Остальные все еще разговаривают в церкви. Лин умер после того, как ты его ударил по голове, а Инон очень болен. Некоторые говорят что тебя тоже надо распять, и я думаю, так и случится. Или, может быть, тебя забросают камнями. Они нашли в библии место, где говорится…

— Я знаю. — Бесконечно усталый, Гарт продолжал: — Око за око. Вы найдете кучу таких изречений, стоит только поискать. Это изумительная книга!

Голова Гарта разламывалась от боли.

— Ты должен уйти, ты можешь добраться до своего корабля так, что никто не заметит тебя. Хватит убийств. — В голосе Итина тоже прозвучала усталость, охватившая его впервые в жизни.

Гарт попытался встать. Он прижимался головой к шершавой деревянной стене, пока тошнота не прекратилась.

— Он умер. — Это прозвучало как утверждение, а не как вопрос.

— Да, недавно. Иначе я не смог бы уйти тебе.

— И, разумеется, похоронен, не то им не пришло бы в голову приняться за меня.

— И похоронен! — В голосе вескерянина звучало что-то похожее на волнение, отголоски интонаций умершего священника. — Он похоронен и воскреснет на небесах. Так написано, значит так и произойдет. Отец Марк будет очень счастлив, что все так случилось. — Итин издал звук, напоминавший человеческое всхлипывание.

Гарт с трудом побрел к двери, то и дело прислоняясь к стене, чтобы не упасть.

— Мы правильно поступили, не правда ли? — спросил Итин.

Ответа не последовало. — Он воскреснет, Гарт, разве он не воскреснет?

Гарт стоял уже у двери, и в отблесках огней из ярко освещенной церкви можно было разглядеть его исцарапанные руки, вцепившиеся в дверной косяк. Совсем рядом из темноты вынырнуло лицо Итина, и Гарт почувствовал, как нежные руки с многочисленными пальцами и острыми когтями ухватились за его одежду.

— Он воскреснет, ведь так, Гарт?

— Нет, — произнес Гарт, — он останется там, где вы его зарыли. Ничего не произойдет, потому что он мертв и останется мертвым.

Дождь струился по меху Итина, а рот его был так широко раскрыт, что, казалось, он кричит в ночь. Лишь с большим усилием смог он вновь заговорить, втискивая чуждые ему мысли в чуждые слова.

— Стало быть, мы не будем спасены? Мы не станем безгрешными?

— Вы были безгрешными, — ответил Гарт, и в голосе его послышалось не то рыдание, не то смех. — Ужасно неприглядная, грязная история. Вы были безгрешными. А теперь вы…

— Убийцы, — сказал Итин. Вода струилась по его поникшей голове и стекала куда-то в темноту.

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА

«***В 11:00!!!*** — взывала записка, приколотая к правому верхнему углу чертежной доски. — ***В КАБИНЕТ МАРТИНА!!!»*** Он сам написал ее кистью седьмого размера похоронной черной тушью на толстом желтом листе бумаги — большие буквы, большие слова.

Все кончено. Пэкс попытался убедить себя, что это была просто очередная накачка Мартина: нотация, выговор, предупреждение. Именно об этом думал он, выписывая буквы, когда большие водянистые глаза мисс Финк прищурились и хриплый голос прошептал: «*Мистер Пэкс, заказ уже сделан, прибывает сегодня, я сама видела уведомление на столе. Модель «Марк-IX».»*

Модель «Марк-IX». Он знал, что когда-нибудь это случится, знал, но не решался отдать в этом отчет и только обманывал сам себя, утверждая, что без него им не обойтись. Его руки легли на поверхность стола, старческие руки, покрытые морщинами и темными пятнышками, неизменно запачканные чернилами и с вечной мозолью на внутренней стороне указательного пальца.

Сколько лет сжимали эти пальцы карандаш или кисть? Ему не хотелось вспоминать. Наверное, слишком много… Он стиснул руки, притворяясь, что не видит, как они трясутся.

До визита к Мартину оставался еще час — уйма времени, он еще успеет закончить рассказ, над которым работал. Он взял с верха пачки лист с иллюстрациями, подвинул к себе и отыскал сценарий. Страница третья рассказа, озаглавленного *«Любовь прериш»,* для июльского номера *«Подлинные любовные истории Рэйнджлэнда».* Книги про любовь с массой иллюстраций всегда шли у него очень легко. К тому времени, когда мисс Финк отпечатала бесконечные заголовки и диалог на своем большом плоском веритайпере, по крайней мере половина работы была уже сделана. Первый лист сценария:

«Семейная сцена: Джуди плачет, Роберт в ярости.»

На переднем плане — голова Джуди, РАЗМЕР ТРИ, — он быстро нарисовал синим карандашом овал нужного размера, затем контуры фигуры Роберта на заднем плане. Рука поднята, кулак сжат — вот вам гнев. Робот «Марк-VIII» — художник комиксов — докончит за него работу. Пэкс сунул лист в держатель машины, затем быстро выдернул обратно. Он забыл нарисовать контуры для диалога. Голова садовая! Несколькими штрихами синего карандаша он нанес шаровидные контуры и наметят место для хвостиков.

Когда он нажал кнопку, машина загудела и ожила, внутри ее темного кожуха засветились электронные лампы. Он нажал кнопку для голов. Сначала девушка — *ЖЕНСКАЯ ГОЛОВА В ФАС, РАЗМЕР ТРИ, ПЕЧАЛЬНАЯ, ГЕРОИНЯ.* Конечно, в комиксах у всех девушек одинаковые лица, и примечание *ГЕРОИНЯ* означало только команду машине не писать волосы. Для *ПРЕСТУПНИЦЫ* они были бы окрашены в черный цвет: ведь у всех преступниц волосы черные, а у преступников и усы, чтобы их можно было отличить от героев. Машина загудела, перебирая свой запас штампов, затем щелкнула и шлепнула по нарисованному им овалу резиновым штампом требуемого размера. *МУЖСКАЯ ГОЛОВА, В ФАС РАЗМЕР ШЕСТЬ, ПЕЧАЛЬНЫЙ, ГЕРОЙ* — резиновый штамп меньшего размера опустился на бумагу, оставив свой отпечаток на вершине кружка, увенчивающего контуры фигурки. Правда, в сценарии говорилось о ярости, однако для этой цели служит поднятый кулак: ведь лица в комиксах бывают только счастливыми или печальными.

«В жизни все не так просто», — подумал он про себя. Эта мало оригинальная мысль возникала у него по крайней мере раз в день, когда он сидел за машиной. *«МУЖСКАЯ ФИГУРА, ДЕЛОВОЙ КОСТЮМ»,* — установил он на циферблате, затем

нажал кнопку ***«Рисуй!».*** Мгновенно на бумагу опустилась механическая рука с пером на конце и начала проворно рисовать фигуру человека в костюме по нанесенным контурным линиям. Мигая, Пэкс следил за тем, как перо нарисовало сеть морщин на лбу человека по образцу, который не менялся вот уже пятьдесят лет, затем быстрым движением начертило воротник и галстук, а потом двумя штрихами соединило аккуратно нарисованное туловище с отштампованной головой. В следующее мгновение перо перепрыгнуло на рукав и замерло над бумагой. Раздался звонок, и на пыльной красной панели загорелись слова: *«ПОЖАЛУЙСТА, ИНСТРУКЦИИ!»* Художник свирепо ткнул в кнопку с надписью *«КУЛАК».* Панель погасла, и перо послушно нарисовало кулак.

Пэкс посмотрел на аккуратно выполненный рисунок и вздохнул. Девушка казалась недостаточно несчастной; он окунул перо в бутылочку с тушью и пририсовал в углу каждого глаза по слезе. Теперь лучше. Однако задний план казался слишком пустым, несмотря на шаровидные контуры с текстом, как бы приклеенные ко рту каждой фигурки. Пэкс машинально нажал кнопку *«КОНТУРЫ»,* и механическое перо, устремившись вниз, начертило два шаровидных контура для текста, пририсовав к каждому из них маленький хвостик на требуемой дистанции от рта говорящего. Да, нужно чем-то заполнить задний план. Палец художника опустился на кнопку 473, которая, как он знал из многолетнего опыта, давала изображение *«ОКНА ДОМА С КРУЖЕВНЫМИ ЗАНАВЕСКАМИ».* Перо быстро опустилось на бумагу и принялось за работу, автоматически настроившись на тот масштаб, который подходил для стоящей перед окном мужской фигуры. Пэкс взял сценарий и стал читать дальше:

«Джуди падает на диван, Роберт пытается ее успокоить, мать врывается в комнату с сердитым лицом.»

В этом кадре нужно было написать четыре строчки, и после того как на рисунке появится три шаровидных контура, останется место только для одного небольшого крупного плана. Пэкс не стал раздумывать над рисунком, как сделал бы в другое время, а пошел по шаблонному пути. Сегодня он чувствовал себя усталым, очень усталым. *«ДОМ, МАЛЕНЬКИЙ, СЕМЬЯ»* — и на бумаге появился маленький коттедж, из которого лезли вверх хвостики трех шаровидных контуров. Пусть эти чертовы читатели сами разбираются, кто что говорит.

Рассказ был окончен как раз к одиннадцати часам. Пэкс аккуратно сложил листы с рисунками, спрятал сценарий в папку и очистил перо машины от туши — если он об этом забывал, тушь всегда засыхала на кончике пера.

Но вот уже одиннадцать — пора идти к Мартину. Пэкс попытался оттянуть страшный момент: он то закатывал рукава, то опускал их, то вешал свой зеленый козырек на ручку бестеневой лампы, то снимал его; однако избежать встречи с Мартином было невозможно. Слегка расправив плечи, он прошел мимо мисс Финк, трудолюбиво барабанящей на своем веритайпере, и вошел через открытую дверь в кабинет Мартина.

— Ну что вы, Луи, — говорил Мартин в телефонную трубку медовым голосом. — Если все дело в том, чтобы заручиться честным словом какого-то нищего распространителя в Канзас-Сити, то почему бы не поверить моему честному слову? Совершенно верно… конечно… правильно, Луи. Тогда я позвоню еще раз завтра утром… и тебе тоже… привет Элен. — Он бросил телефонную трубку и сердито посмотрел на Пэкса своими маленькими глазками.

— В чем дело?

— Мне сказали, что вы хотите поговорить со мной, мистер Мартин.

— Верно, верно, — пробормотал Мартин. Концом изжеванного карандаша он стряхнул перхоть с затылка и стал покачиваться в кресле из стороны в сторону.

— Бизнес есть бизнес, Пэкс, тебе это хорошо известно, а накладные расходы непрерывно растут. Бумага… Ты знаешь, сколько стоит тонна бумаги? Нам приходится идти на все ухищрения…

— Если вы думаете о том, чтобы снова срезать мне зарплату, мистер Мартин, то я не думаю, что смогу… может быть, если совсем немного…

— Я собираюсь отпустить тебя на все четыре стороны. Я купил «Марка-IX», чтобы сократить расходы, и уже нанял девушку для работы на нем.

— Вам совсем не нужно делать это, мистер Мартин, — поспешно заговорил Пэкс, чувствуя, что слова набегают одно на другое и что в его голосе звучит мольба. — Я уверен, что справлюсь с машиной, только дайте мне несколько дней, чтобы подучиться…

— Совершенно исключено. Во-первых, я плачу девушке гроши, потому что она совсем еще ребенок и это ее первое жалованье, а во-вторых, она кончила школу, где обучали работе на этой машине; она может гнать комиксы как по конвейеру. Ты знаешь, Пэкс, я не мерзавец, но бизнес есть бизнес. Вот что я для тебя сделаю: сегодня вторник, а я заплачу тебе до конца недели. Ну как? И можешь уходить прямо сейчас.

— Очень великодушно с вашей стороны, особенно после

восьми лет работы, — сказал Пэкс, прилагая все силы к тому, чтобы голос его звучал спокойно.

— Совершенно верно, уж это-то я должен был сделать. — Мартин от рождения обладал иммунитетом к сарказму.

Внезапно Пэкса охватило всепоглощающее чувство утраты, в груди у него что-то оборвалось. Все кончено! Мартин уже снова говорил по телефону, и Пэксу больше нечего было сказать. Он вышел из кабинета, стараясь держаться прямо, и услышал позади себя, как стук пишущей машинки мисс Финк на мгновение прекратился. Ему не хотелось видеть ее сейчас, не хотелось смотреть в эти влажные нежные глаза. И вместо того чтобы идти обратно в студию — тогда пришлось бы пройти мимо ее стола, — он открыл дверь и вышел в коридор. Медленно прикрыл за собой дверь и замер, прислонившись к ней спиной, затем сообразил, что матовое стекло позволяет видеть его силуэт, и торопливо пошел вперед.

За углом находился дешевый бар, в котором Пэкс пил пиво после каждой зарплаты, и он направился к бару.

— Доброе утро, добро пожаловать… э-э-э… мистер Пэкс, — произнес робот-бармен механическое приветствие, на мгновение заколебавшись в выборе имени клиента. — Что вам налить? Как всегда?

— Нет, не как всегда, ты, штукенция из пластика и проводов, дешевая имитация опереточного ирландца, — дай мне двойное виски.

— Конечно, сэр, вы, как всегда, в ударе, — ответил робот, кивнув головой с электронной вежливостью, так что его конская грива подскочила. В его механической руке появилась бутылка, и в стакан полилась точно отмеренная порция виски.

Пэкс одним глотком проглотил содержимое стакана, и по его телу разлилась непривычная теплота, растопившая оболочку холодного равнодушия, в которую он старался себя заключить. Господи, все кончено, все кончено. Теперь его удел — только Дом для престарелых, и он все равно что мертв.

Есть вещи, о которых лучше не думать. Это одна из них. За первым двойным виски последовало второе. Деньги уже не имели значения, потому что после этой недели он больше не будет зарабатывать. Необычно большая доза алкоголя немного притупила боль. Нет, лучше вернуться обратно в студию, пока эта мысль полностью не овладела им. Забрать свои вещи из стола и взять чек на недельную зарплату у мисс Финк. Он знал, что чек был уже подготовлен; когда кто-то больше не был нужен Мартину, он любил избавляться от балласта как можно быстрее.

— Какой этаж? — раздался голос из кабины лифта, откуда-то

сверху.

— Убирайся к дьяволу! — рявкнул Пэкс. Раньше он никогда не задумывался над тем, какое множество роботов окружает его повсюду. Как он ненавидел их сейчас!

— Извините, сэр, но нужная вам фирма в этом здании не размещается. Вы проверили по справочнику?

— Двадцать третий, — сказал он, и его голос дрогнул. Хорошо, что больше никого в лифте не было. Дверцы захлопнулись.

Дверь, ведущая из коридора в студию, была раскрыта настежь — он уже вошел в комнату, когда понял, почему, но теперь было поздно поворачивать назад. «Марк-VIII», которого он лелеял в течение стольких лет, лежал на боку в углу. Одна его сторона — та самая, которая раньше прислонялась к стене, была вся в пыли.

«Хорошо», — подумал он, понимая, что глупо ненавидеть машину, но все-таки радуясь тому, что ее тоже выбрасывают вон. На ее месте торчал какой-то аппарат в сером кожухе. Он вытянулся почти до самого потолка и выглядел внушительно, совсем как сейф.

— Все подключено, мистер Мартин, можно приступать к работе, и, как вам известно, вы имеете стопроцентную пожизненную гарантию. Мне бы только хотелось дать вам представление, насколько разносторонней является ваша машина.

Говорящий был одет в комбинезон такого же серого цвета, что и машина; блестящую отвертку он использовал как указку. Мартин, нахмурившись, смотрел на машину, а сзади него виднелась мисс Финк. В студии был еще один человек — тоненькая молодая девушка в розовом свитере, с отсутствующим выражением на лице жевавшая резинку.

— Дайте «Марку-IX» какое-нибудь трудное задание, мистер Мартин. Обложку для одного из ваших журналов, что-нибудь такое, что, по вашему мнению, ни одна машина не могла сделать раньше, а обычные машины не могут и сейчас…

— Финк! — рявкнул Мартин, и секретарша подбежала к нему с пачкой иллюстраций и маленьким цветным наброском.

— У нас осталась одна обложка, мистер Мартин, — сказала она тихим голосом, — но вы поручили работу мистеру Пэксу…

— К черту, — проворчал Мартин, выдергивая лист из ее руки и внимательно разглядывая его. — Это обложка нашей лучшей книги, понятно? Мы не можем допустить, чтобы какой-то ремесленник заляпал ее своими резиновыми штампами. По крайней мере не обложку *«Боевых асов в настоящей войне».*

— У вас нет никаких оснований для беспокойства, сэр, честное слово, — сказал человек в сером комбинезоне, осторожно

вытягивая лист из пальцев Мартина. — Сейчас я продемонстрирую вам многосторонность «Марка-IX» — этому трудно поверить, пока вы не увидите его в работе. Квалифицированный оператор может дать всю необходимую информацию на ленту «Марка» на основе наброска или описания, и всякий раз вы будете поражены результатами. — Сбоку в машину была вмонтирована панель с массой клавишей, как у пишущей машинки; он подсел к ней и начал печатать. Перфорированная лента белой струйкой потекла из аппарата, собираясь к корзине.

— Ваш новый оператор знаком с машинным языком и может превратить любое художественное представление или идею в стандартные символы, нанесенные на ленту. Перфолента может быть проверена или исправлена, сохранена или модифицирована и может использоваться снова, если возникнет такая необходимость. Вот здесь я записал, какое содержание нужно вложить, и теперь у меня последний вопрос — в каком стиле должен быть исполнен рисунок?

Мартин недоуменно хрюкнул.

— Вы удивлены, сэр, правда? Так я и думал. «Марк-IX» хранит в своей памяти характерные стили всех великих мастеров Золотого века. Вы можете пользоваться стилем Каберта или Каниффа, Гуинта или Барри. Для работы над фигурами в вашем распоряжении стиль Раймонда, для любовных интриг хорошо дух Дрейка.

— Как относительно стиля Пэкса?

— Извините, он мне неизвестен…

— Ха-ха, просто шутка. Ладно, действуйте. Мне хотелось бы стиль Каниффа.

Пэкса бросило в жар, затем в холод. Мисс Финк встретилась с ним взглядом и отвернулась, глядя на пол. Он сжал кулаки и потоптался на месте, переступил с ноги на ногу, собираясь уйти, но вместо этого прислушался к разговору. Он не мог уйти, по крайней мере сейчас.

— …и лента заправляется в машину, лист бумаги размещается как раз в самом центре стола. Вы нажимаете кнопку цикла. Стоит только подготовить перфоленту, и все так просто, что машиной может управлять трехлетний ребенок. Нажимаете кнопку и отходите в сторону. Сейчас внутри этой гениальной машины анализируются приказы и создается изображение. В электронной памяти машины собраны изображения всех предметов и явлений, когда-либо нарисованных или увиденных человеком. Необходимое для данного рисунка отбирается в нужном порядке и передается на экран коллатора. Когда

окончательный вариант рисунка готов, появляется сигнал — как раз вот он, — и мы можем увидеть рисунок вот на этом экране.

Мартин наклонился, посмотрел на экран и одобрительно хмыкнул.

— Идеально, не правда ли? Но если по каким-нибудь причинам оператору не нравится полученное изображение, оно может быть изменено с помощью вот этих контрольных рукояток. После того как искомое изображение получено, нажимается кнопка печати, рисунок переносится на ленту из пластика — ее можно использовать сколько угодно раз — она заряжена статическим зарядом для удержания порошкообразной туши, одно прикосновение — и изображение переносится на лист бумаги.

С неестественным стоном пневматический механизм машины послал вниз прямоугольный ящичек на блестящей оси и прижал его к листу бумаги. Раздалось шипение, и сбоку появилась струйка пара. Затем штамп снова поднялся, и человек в комбинезоне взял готовый рисунок.

— Разве это не шедевр? — спросил он улыбаясь.

Мартин хрюкнул.

Пэкс посмотрел на рисунок и не смог оторвать взгляда: ему чуть не стало плохо. Обложка была не просто хороша, это был настоящий Канифф, как будто рисунок только что вышел из-под пера великого мастера. Но самым ужасным было то, что это была обложка Пэкса, его набросок. Улучшенный. Он никогда не был тем, кого называют гениальным художником, но он был хорошим иллюстратором. В области комиксов он пользовался известностью и в течение ряда лет считался одним из лучших. Однако поле деятельности сокращалось, а с появлением машин для художников не осталось иной работы, кроме как случайной или операторской при рисовальной машине. Он удержался дольше многих — сколько лет? — ибо какой старомодной ни была его работа, он был все-таки гораздо лучше, чем любая машина, рисующая головы с помощью резинового штампа.

Теперь другое дело. Он не мог даже притвориться перед самим собой, что он нужен или даже просто полезен.

Машина была лучше.

Он почувствовал, что сжал пальцы в кулак с такой снятой, что ногти врезались в мякоть ладоней. Он разжал руки, потер их одна о другую и заметил, что они дрожат. Машина была выключена, и все вышли из студии; он слышал, как в приемной стучала каретка мисс Финк. Молодая девушка говорила Мартину о том, что нужно приобрести некоторые детали для машины, и когда Пэкс закрыл дверь, он успел услышать возмущенный ответ, что ему никто не

говорил о дополнительных расходах.

Пэкс согрел пальцы под мышками, и скоро дрожь утихла. Тогда он тщательно приколол лист бумаги к рисовальной доске и поправил лампу, чтобы ее свет не падал в глаза. Размеренными движениями он отчертил кадры стандартного листа комиксов, разделив его на шесть частей, причем шестая часть была большой, во всю ширину страницы. Взяв в руку карандаш, он принялся за наброски, только однажды разогнув спину, чтобы подойти к окну и посмотреть вниз. Потом он снова вернулся к столу и, когда дневной свет начал исчезать, закончил работу в туши. Тщательно вымыл свою старую, но все еще любимую кисть «Виндзор и Ньютон» и бережно положил в пенал.

В приемной послышалось какое-то движение, как будто мисс Финк собиралась уходить, а может, это была новая девушка, вернувшаяся с необходимыми деталями. Во всяком случае, было уже поздно, и его время пришло.

Быстро, чтобы не передумать, он подбежал к окну, всем весом своего тела разбил стекло и полетел с высоты двадцать третьего этажа вниз.

Мисс Финк услышала звон разбитого стекла и пронзительно вскрикнула, затем, когда вошла в студию, вскрикнула еще раз. Мартин, ворча, что шум не дает ему работать, вошел вслед за ней, но замолчал, увидев, что отучилось. Осколки стекла хрустнули у него под ногами, когда он выглянул в разбитое окно. Кукольная фигурка Пэкса была отчетливо видна в центре собравшейся толпы — его тело, лежавшее на краю тротуара, у самой мостовой, было неестественно согнуто.

— Боже мой, мистер Мартин. Боже мой, взгляните на это… — раздался дрожащий голос мисс Финк.

Мартин подошел к девушке и взглянул из-за ее плеча на лист, все еще приколотый к рисовальной доске. Рисунки были аккуратно исполнены, раскрашены с любовью и мастерством.

На первом был нарисован автопортрет самого Пэкса, согнувшегося над рисовальной доской. На втором рисунке он сидел и аккуратно мыл кисть, на третьем — стоял. На четвертом рисунке художник стоял перед окном — четкая фигура с выразительным освещением сзади. Пятый рисунок представлял собой перспективу из воображаемой точки сверху — человеческая фигура, летящая вниз вдоль стены здания к мостовой.

Последний рисунок, — с четкими, ужасными подробностями — фигура старика, распростертого на капоте автомобиля, согнутом и залитом кровью; зрители с испуганными лицами.

— Только взгляните сюда, — сказал с отвращением Мартин, постукивая по рисовальной доске большим пальцем. — Когда он

бросился из окна, он упал не меньше чем в двух ярдах от автомобиля. Разве я не говорил, что он никогда не умел правильно рисовать детали?

СПАСАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Это рассказ о реальном событии, произошедшем в реальном месте. Все персонажи, за исключением одного, реальны, и со всеми я встречался на самом деле. Я ходил по тому острову и купался в том море. И именно тогда созрела идея этого рассказа.

Югославия, вероятно, наиболее примитивная страна Европы. Дикая, заброшенная, предмет многовековых военных споров, населенная всевозможными группами людей и нациями, вечно раздираемая на людской памяти сепаратизмом. Когда немцы захватили ее во время Второй мировой войны, в горы ушли вооруженные партизаны. И принялись сражаться друг с другом, лишь потом обратив оружие против общего врага. Вначале той же войны в стране (если не считать городов) имелось всего четырнадцать миль дорог с твердым покрытием.

Во времена маршала Тито все начало стремительно меняться. Теперь страну пересекают широкие шоссе, по которым в страну едут туристы с твердой валютой. Югославия прочно вошла в двадцатый век.

Мне довелось стать одним из первых послевоенных путешественников, добравшихся до весьма отдаленных уголков страны, и мне подвернулась хорошая возможность наблюдать жизнь такой, какой она текла здесь столетиями. Сами понимаете, восхитительной ее не назовешь. Зато теперь в стране есть Институт ядерных исследований.

Югославия — микрокосм, отражающий весь мир. И под горячими лучами ее солнца я внезапно увидел, как можно расширить ее границы на всю планету, добавив лишь знакомое всем любителям фантастики устройство.

— Тяни! Тяни! Да не останавливайся ты!.. — крикнул Драгомир, хватаясь за смоленые сети.

Рядом с ним в душной темноте Прибислав Поляшек, напрягая все силы, выбирал мокрый невод. Сеть была невидима в черной воде; захваченный ею голубой огонек поднимался все ближе и ближе к поверхности моря.

— Боже мой, он выскальзывает из сети... — в отчаянии простонал Прибислав и схватился рукой за шероховатый планшир их небольшой лодки.

На мгновение он успел увидеть голубую лампочку на шлеме,

прозрачное забрало и тело в скафандре — затем оно выскользнуло из сети и скрылось в темноте. Ему лишь удалось рассмотреть цилиндры на спине, перед тем как оно исчезло.

— Ты заметил? — произнес он. — Перед тем как выскользнуть из сети, он махнул рукой.

— Ну не знаю, может, у него просто шевельнулась рука и задела сеть. Или он еще жив?

Драгомир перегнулся за борт, его лицо почти касалось стеклянной поверхности моря, но ничего рассмотреть ему не удалось.

— Думаю, он жив.

Рыбаки сели на банки, глядя друг на друга в резком свете шипящего ацетиленового фонаря на носу. Между этими двумя мужчинами не было ничего общего — и все-таки они очень походили друг на друга: оба в испачканных мешковатых шароварах и выцветших хлопчатобумажных рубашках. Их руки покрывали глубокие шрамы и мозоли от многолетнего труда, а мысли были неторопливыми и размеренными, соответствуя числу прожитых лет и ритму местной жизни.

— Мы не сможем вытащить его неводом, — заметил наконец Драгомир, который, как всегда, заговорил первым.

— Значит, нам понадобится помощь, — рассудил Прибислав. — Мы поставили буй и сумеем снова найти это место.

— Да, помощь нам понадобится, — согласился Драгомир. Он разжал большие сильные руки и наклонился через борт, чтобы втащить в лодку всю сеть. Ныряльщик, который живет в доме вдовы Кореч, знает, как поступить. Его фамилия Кукович; Петар говорит, он доктор наук из университета в Любляне.

Друзья вставили весла в уключины, и тяжелая лодка медленно заскользила по гладкой поверхности Адриатического моря. Еще до того как они достигли берега, небо посветлело, а когда рыбаки привязали носовой линь к ржавому рыму в стенке причала деревни Брбинчи, солнце уже встало над горизонтом.

Джозе Кукович смотрел на поднимающийся солнечный шар. Было раннее утро, однако становилось жарко. Он зевнул и потянулся. Вдова, шаркая, подошла к нему, пробормотала: «Доброе утро» — и поставила на каменные перила крыльца поднос с утренним кофе. Кукович отодвинул поднос, сел рядом на перила и вылил содержимое маленького кофейника с длинной ручкой в чашку. Густой кофе по-турецки окончательно разбудит его, несмотря на такой ранний час. Сидя на перилах, он взглянул на немощеную пыльную улицу, ведущую к порту.

Деревня уже просыпалась. Две женщины, несущие воду в медных кувшинах на головах, остановились поболтать. Крестьяне

везли на рынок продукты — корзины с капустой и картофелем, подносы помидоров были прикреплены к спинам маленьких осликов. Один из них пронзительно закричал — резкий неприятный звук разорвал тишину утра и отразился эхом от стен выбеленных солнцем домов. Жарко.

Деревня Брбинчи находилась в середине глухого края, настоящий медвежий угол, отгороженный от остального мира морем и голыми высохшими холмами. Казалось, деревня спала на протяжении веков, постепенно умирая. Здесь не было ничего привлекательного — если не считать моря.

Под зеркальной голубой поверхностью моря таился иной мир, неотразимо привлекавший к себе Джозе. Прохладные тенистые равнины, глубокие долины здесь скрывалось больше жизни, чем на выжженных солнцем берегах, окружавших залив. А сколько интересного: накануне ему удалось найти римскую галеру, наполовину занесенную морским песком. Правда, это произошло уже в конце дня, и было слишком поздно для того, чтобы внимательно обследовать ее. Он спустится к ней сегодня — первый человек за последние две тысячи лет. Один Бог знает, что находится внутри галеры. Рядом с ней Джозе заметил осколки разбитых амфор — не исключено, что внутри находятся и целые.

С удовольствием глотая обжигающий кофе, он следил за небольшой лодкой, причалившей к пирсу. «Интересно, куда спешат эти два рыбака?» — подумал он. Они почти бежали, а ведь здесь никто не бегает летом. Рыбаки направились по улице в его сторону. Остановившись у крыльца, старший обратился к Джозе:

— Доктор, можно подняться к вам? У нас срочное дело.

— Да, конечно. Заходите. — Кукович был немало удивлен. Уж не принимают ли его за врача?

Драгомир поднялся по ступенькам и замешкался, не зная, с чего начать. Потом указал в сторону моря:

— Он упал прошлой ночью. Мы видели его своими глазами — это спутник, вне всякого сомнения.

— Путник?

Джозе Кукович наморщил лоб. Ему показалось, что он не правильно понял старого рыбака. Когда местные жители волновались и говорили очень быстро, ученому было трудно разобраться в их диалекте. Для такой маленькой страны, как Югославия, в ней было слишком много языков и наречий.

— Нет, не путник, а спутник, один из русских космических кораблей.

— Или американский, — в первый раз открыл рот Прибыслав, но на его, слова не обратили внимания.

Джозе улыбнулся и помешал ложкой густую кофейную массу.

— А вы уверены, что не метеорит? В это время года наблюдается обильный метеоритный поток.

— Спутник, — упрямо настаивал Драгомир. — Сам корабль упал далеко от нас в Ядранском море и исчез под водой, мы видели. А космонавт опустился совсем рядом с нами и пошел на дно...

— Что вы сказали? — изумленно воскликнул Джозе и вскочил. Медный поднос со звоном упал на каменную поверхность крыльца, дребезжа покатался кругами и замер. — В нем был человек — и ему удалось спастись?

Оба рыбака кивнули, и Драгомир продолжил свой рассказ:

— Когда спутник пролетал над нами, от него отделился огонек, опустившийся недалеко от нас. Мы не видели, что это такое, и стали грести изо всех сил по направлению к огоньку. Он погружался в воду, но мы успели закинуть сеть и поймали его...

— Вам удалось спасти космонавта?

— Нет, но когда мы подтянули сеть к самой поверхности, то увидели, что он одет в тяжелый скафандр, а в шлеме впереди окошко — как у водолазов. Кроме того, на спине у него было что-то похожее на баллоны, с которыми вы ныряете.

— Он успел махнуть нам рукой, — добавил Прибыслав.

— Мы не успели его рассмотреть. К вам мы пришли за помощью.

Наступила тишина, и Джозе понял, что он — единственный человек, способный оказать эту помощь, и что теперь ответственность за спасение космонавта лежит на нем. С чего начать? У космонавта могут быть кислородные баллоны — Кукович не имел представления, что предусмотрено при спуске космонавтов на воду. Если в баллонах действительно кислород, он еще жив.

Джозе расхаживал по крыльцу и размышлял. Он был невысоким коренастым мужчиной, одетым в шорты цвета хаки и сандалии. Его нельзя было назвать привлекательным: нос слишком велик, и зубы выступали вперед, — но от него исходило ощущение силы и власти. Внезапно Джозе остановился и ткнул пальцем в сторону Прибыслава.

— Нужно поднять его на поверхность. Вы можете найти это место?

— Да, мы поставили там буй.

— Отлично. Нам может понадобиться врач. В деревне врача нет, но, может быть, есть в Осоре?

— Доктор Братош, правда, он совсем старый...

— Пока не умер, он нам понадобится. Есть в деревне кто-нибудь, умеющий управлять автомобилем?

Рыбаки подняли глаза к небу и задумались. Джозе с трудом сдерживал нетерпение.

— По-моему, есть, — произнес наконец Драгомир. — Петар был когда-то в партизанах...

— Совершенно верно, — подтвердил Прибыслав. — Он все время рассказывает о том, как они крали у немцев грузовики и как он сидел за рулем...

— Ну что ж, пусть один из вас отправится к этому Петару и передаст ему ключи от моей машины. Это немецкий автомобиль, так что он должен справиться. Передайте ему: пусть везет врача — и как можно быстрее.

Драгомир взял ключи из протянутой руки Куковича и тут же передал их Прибыславу, который быстро сбежал с крыльца.

— А теперь постараемся поднять со дна этого космонавта, — сказал Джозе, схватил снаряжение для плавания под водой и стремительными шагами направился к лодке.

Спасатели взялись за весла и, делая гребки, поплыли к бую Было заметно, что основную часть работы выполняет Драгомир.

— Какова глубина в том месте? — спросил Джозе. Он уже обливался потом, и солнечные лучи жгли его голую спину.

— Пролив Кварнерич становится глубже в направлении острова Раб, но мы ловили рыбу недалеко от Тристеника, а там гораздо мельче. Думаю, не больше четырех саженей. Смотрите, мы уже рядом с буем.

— Четыре сажени — это семь метров. Пожалуй, найти его будет нетрудно.

Джозе встал на колени и просунул руки в лямки баллонов. Проверил действие клапанов, потуже затянул ремни и, перед тем как вставить в рот загубник, повернулся к рыбаку:

— Удерживайте лодку у буя — я буду пользоваться ею в качестве ориентира. Если мне понадобится линь или какая-нибудь другая помощь, я всплыву прямо над космонавтом и вы подплывете ко мне.

Он включил подачу кислорода и опустился в воду. Прохлада приятно обняла его разгоряченное тело. Энергично двигая ногами, он плыл ко дну, опускаясь вдоль троса, ведущего к якорю буя, — и сразу увидел космонавта, распростертого на белом песке.

Несмотря на растущее волнение, Джозе заставил себя двигаться осторожно. По мере приближения к лежавшему на дне человеку Джозе различал все больше деталей. На скафандре не было никаких опознавательных знаков, он мог принадлежать в равной степени как американскому, так и русскому космонавту. Скафандр казался жестким, сделанным из металла или

армированного пластика и был окрашен в зеленый цвет. На шлеме было одно плоское забрало.

Зная, что расстояния и размеры предметов под водой искажаются, Джозе опустился на песок рядом с распростертой фигурой и лишь в это мгновение понял; что длина скафандра меньше четырех футов. Он открыл рот от изумления и едва не захлебнулся.

Затем он заглянул в стекло шлема и понял, что существо, заключенное в скафандр, не является человеком.

Джозе закашлялся, выпустив изо рта струю воздушных пузырьков, сразу устремившихся к поверхности, — он сдерживал дыхание и не замечал этого. Медленно двигая ногами, ученый плавал над лежавшей на дне фигурой, стараясь сохранять положение, и смотрел на лицо в шлеме.

Оно было неподвижным, словно сделанным из воска, зеленого воска, с шероховатой кожей и большим тонкогубым ртом. Выпуклые глазные яблоки были закрыты веками. Черты лица в общем напоминали человеческие, но у людей никогда не было такого цвета лица, равно как и гребня, начинавшего расти над закрытыми глазами и исчезавшего из поля зрения Джозе на макушке. Ученый смотрел на скафандр, сделанный из какого-то неизвестного материала, и на компактный аппарат регенерации атмосферы, необходимой для дыхания космонавта, расположенный на груди инопланетянина. Но чем дышит пришелец? Джозе перевел взгляд на лицо инопланетянина и увидел, что тот открыл глаза и следит за ним.

Ученого охватил страх, он рванулся к поверхности, как испуганная рыба, и тут же рассердился на себя и вернулся. Инопланетянин слабым движением поднял и бессильно уронил руку. Джозе посмотрел через прозрачное забрало шлема — глаза снова закрылись. Пришелец был жив, но не мог двигаться, может быть, пострадал при приземлении и испытывал мучительную боль. То, что космический корабль инопланетянина свалился в море, говорило о том, что он был неисправен. Протянув руки, Джозе осторожно поднял маленькое тело инопланетянина с морского дна, пытаясь не обращать внимания на чувство отвращения, охватившее его, когда холодный материал скафандра коснулся голых рук. «Это всего лишь металл или пластик, — подумал Джозе, — нужно сохранять самообладание исследователя». Когда он выпрямился, глаза пришельца все еще оставались закрытыми, и, ученый поплыл к поверхности, держа неподвижное, почти невесомое тело.

— Ну-ка ты, мужик, помоги мне! — крикнул он, выплюнув изо рта загубник и энергично работая ногами, чтобы вновь не

погрузиться. Однако Драгомир лишь испуганно покачал головой и отодвинулся на самый нос лодки, увидев, что поднял со дна ученый.

— Это пришелец из другого мира! Он не причинит тебе зла! — снова крикнул Джозе, но рыбак отодвинулся еще дальше.

Ученый громко выругался и с трудом поднял инопланетянина в лодку, затем вскарабкался сам. Несмотря на то что он был гораздо меньше и слабее Драгомира, с помощью угроз ему удалось заставить рыбака сесть за весла — но и тут рыбак выбрал самую дальнюю от кормы пару уключин, хотя грести здесь было намного труднее.

Джозе снял акваланг, бросил баллоны на дно лодки и внимательно посмотрел на быстро высыхающий материал, из которого был сделан скафандр инопланетянина. Его охватило любопытство исследователя, и ученый забыл о своем страхе перед неизвестным. По профессии Кукович был атомным физиком, но у него хватало знаний в области химии и механики, чтобы понять, что светло-зеленый скафандр изготовлен из материала, совершенно неизвестного на Земле. Судя по всему, он был прочен и тверд, как сталь, и в то же время эластичен и легко сгибался в суставах — Джозе убедился в этом, подняв и опустив безжизненную руку инопланетянина. Он окинул взглядом крошечную фигурку пришельца: посреди его тела, там, где у человека поясница, находилось жесткое утолщение, с которого свисал объемистый мешок, похожий на большой шотландский спорран. Весь скафандр казался цельным, без соединений — тут взгляд Джозе упал на правую ногу инопланетянина. Боже мой! Она была искалечена, словно ее сжали гигантскими плоскогубцами. Возможно, поэтому инопланетянин и не приходил в сознание. Может быть, он страдает от болевого шока?

Глаза пришельца снова открылись, и Джозе внезапно с ужасом понял, что шлем наполнен водой. Она, по-видимому, просочилась внутрь, и инопланетянин задыхается, захлебывается в этой воде. Ученый в панике схватился руками за шлем, пытаясь открутить и снять его. Огромные глаза гостя из космоса безучастно следили за его движениями.

Джозе взял себя в руки. Прежде всего надо обдумать свои действия, решил он. Инопланетянин лежит спокойно, с открытыми глазами, из носа или рта не выходят пузырьки воздуха. Дышит ли он? Вода просочилась внутрь шлема — или всегда была там? Да и вода ли это? Кто знает, чем дышит инопланетянин метаном, хлором, двуокисью серы, а может быть, водой? Жидкость действительно находилась внутри скафандра и не просачивалась наружу. Существо внутри скафандра не

подавало никаких признаков беспокойства.

Джозе поднял голову и увидел, что лодка, влекомая могучими гребками перепуганного Драгомира, уже достигла берега, где собралась толпа.

Лодка едва не перевернулась, когда рыбак в панике выскочил, при этом оттолкнув ее от берега. Джозе увидел, что берег удаляется, взял со дна лодки швартовочный трос и свернул его в кольцо.

— Эй, вы! — крикнул он. — Ловите трос и привяжите его к рыму!

Никто на берегу не шелохнулся. Люди стояли, глядя на фигурку в зеленом скафандре, распростертую на дне лодки. В толпе раздался шепот — словно ветер пронесся через сосновый бор, шевеля ветки. Женщины прижимали руки к груди и крестились.

— Ну, ловите! — снова крикнул Джозе, стиснув зубы и стараясь не давать воли гневу.

Он швырнул трос на берег, и толпа отпрянула от него; только один мальчишка схватил трос и медленно продел его через ржавое кольцо. Его руки дрожали, голова склонилась набок, изо рта капали слюни. Он был слабоумным и не понимал, что происходит; мальчик всего лишь исполнил приказ.

— Помогите мне вынести его на берег, — произнес Джозе и тут же понял, что его просьба бесполезна.

Крестьяне отступили назад — темная толпа с одинаковыми, широко открытыми глазами, женщины, похожие на огромных кукол, в длинных широких юбках, черных чулках и высоких фетровых ботинках. Никто не придет на помощь, решил Джозе, и все придется делать самому. С трудом сохраняя равновесие в неустойчивой лодке, он поднял инопланетянина и осторожно опустил его на грубые камни портовой стенки. Толпа отпрянула еще дальше. Несколько женщин застонали и бросились бежать; среди мужчин послышался ропот. Джозе не обратил на это никакого внимания.

Ему не только не помогут, понял он, но могут даже помешать. Самое безопасное место — его комната в доме вдовы Кореч; там его вряд ли решатся беспокоить. Джозе наклонился, поднял легкое тело инопланетянина, и в этот момент сквозь толпу кто-то протолкнулся.

— Дайте посмотреть — что это? Святая дева Мария, злой дух!

Старый священник с ужасом смотрел на инопланетянина в руках ученого и пятился назад, держась за распятие обеими руками.

— Ну что это за предрассудки, суеверия какие-то! —

огрызнулся Джозе. — Это не дьявол, а пришелец из дальних миров, разумное существо. А теперь прочь с дороги!

Кукович двинулся вперед, и толпа расступилась. Он старался идти как можно быстрее, в то же время не создавая впечатления, что спешит. Толпа осталась позади. За спиной ученого слышался звук быстрых шагов; он оглянулся. Его догонял священник, отец Перч. Грязная сутана развевалась, и он задыхался от непривычной спешки.

— Скажите мне, доктор Кукович, что вы собираетесь делать с этим существом? Что это? Скажите...

— Я уже объяснил вам, святой отец. Это — инопланетянин. Два местных рыбака нынче ночью видели, как в море опустился космический корабль. Этот.., инопланетянин прилетел на нем, а корабль утонул. — Джозе старался говорить как можно спокойнее. Население деревни может причинить ему массу неприятностей, но если священник окажется на его стороне, их можно избежать. — Это — существо из другого мира, святой отец, оно дышит в воде. Оно получило повреждения во время катастрофы, и наш долг помочь ему.

Отец Перч бежал рядом с Джозе, поспешно семеня и глядя на инопланетянина с очевидным отвращением.

— Не богоугодное это дело, — бормотал он. — Это нечистый, злой дух...

— Неужели вы не можете понять, что это не демон и не дьявол? Церковь признает возможность существования разумных существ на других планетах иезуиты даже настаивают на этом, — почему бы и вам не согласиться с такой точкой зрения? Даже папа римский считает, что на отдаленных планетах есть жизнь.

— Вот как? Неужели? — Старый священник недоуменно моргнул красными веками.

Джозе прошел мимо него и поднялся по ступенькам в дом вдовы Кореч. Хозяйки нигде не было видно. Он прошел в свою комнату и осторожно опустил инопланетянина, все еще не приходящего в сознание, на кровать. Священник неуверенно топтался на пороге, перебирая четки дрожащими пальцами. Положив инопланетянина на кровать, Джозе выпрямился и посмотрел на него с такой же неуверенностью, как и священник. Что делать дальше? Гость из космоса ранен, может быть, даже умирает. Он должен спасти инопланетянина, что-то предпринять.

Внезапно издалека донесся звук мотора. В душной комнате словно повеяло свежим воздухом, и Кукович с облегчением вздохнул. Он узнал свой автомобиль, который должен был привезти доктора. Машина остановилась у крыльца, хлопнули дверцы, но шагов не было слышно. Джозе замер, напряженно

прислушиваясь. Врач разговаривает с жителями деревни, которые рассказывают ему о происшедшем, понял он. Прошла минута, показавшаяся ему вечностью. Джозе пошел к выходу, но остановился перед священником, все еще стоящим на пороге. «Чего они не идут, черт их побери?» — подумал Джозе. Окно его комнаты выходило во двор, и он не видел улицу перед домом. Затем наружная дверь открылась, а он услышал шепот вдовы: «Проходите сюда, доктор, прямо по коридору».

Вошли двое мужчин, покрытых пылью после поездки. Один из них был явно врачом — невысокий полный мужчина, лысая голова покрыта капельками пота. В руке он держал потрепанный черный саквояж. Рядом с ним был другой мужчина с загорелым и обветренным лицом, одетый как рыбак-Джозе понял, что это и есть Петар, бывший партизан.

Петар первый подошел к кровати; врач остановился посреди комнаты, сжимая черный саквояж и нервно оглядываясь до сторонам.

— Что это такое? — спросил Петар, затем наклонился, упершись руками в колени, и заглянул в прозрачное забрало шлема. — Безобразное существо, это уж точно.

— Я не знаю, кто это. Единственное, что нам известно, — это существо прилетело с какой-то другой планеты. А теперь отойдите — пусть на него посмотрит врач.

Джозе сделал приглашающий жест, и врач неохотно шагнул вперед.

— Вы, должно быть, доктор Братош? Меня зовут Джозе Кукович, я профессор атомной физики из Люблянского университета.

Джозе решил, что некоторый престиж не повредит ему, может быть, удастся заручиться поддержкой врача, пусть и против его желания.

— Здравствуйте. Для меня большая честь встретить профессора из университета. Но я не понимаю, что от меня требуется?

Когда врач говорил, его голова тряслась, и Джозе понял, что он очень стар, ему далеко за восемьдесят. «Да, — подумал ученый, — придется проявить терпение».

— Этот инопланетянин — кем бы он ни был — пострадал во время посадки и не приходит в себя. Нужно сделать все, что в наших силах, чтобы спасти его.

— Но что я могу? Это существо заключено в металлический скафандр наполненный водой, по-видимому. Я врач, медицина — моя профессия, но я не лечу животных и таких вот существ.

— И я тоже не специалист в этой области — на Земле вообще

нет ни единого специалиста по инопланетянам. Но нужно постараться, сделать все возможное. Мы должны снять с него скафандр и выяснить, как ему помочь.

— Но это невозможно! Внутри находится жидкость, она тут же вытечет.

— Да, конечно, поэтому нужно принять меры предосторожности. Постараемся определить состав жидкости, затем наполнить ею ванну в соседней комнате. Я внимательно осмотрел скафандр, и у меня создалось впечатление, что шлем не составляет с ним единое целое, а просто закреплен на скафандре. Если мы ослабим крепления, то сможем взять образец жидкости.

В течение нескольких драгоценных секунд доктор Братош размышлял, беззвучно шевеля губами.

— Да, можно попробовать, но во что мы соберем жидкость? Все это так необычно и странно.

— Черт побери, какая разница, во что собрать жидкость? — огрызнулся Джозе, чувствуя, что спокойствие покидает его. Он повернулся к Петару, стоявшему рядом и молча курившему сигарету:

— Помогите нам. Найдите что-нибудь на кухне — суповую тарелку, наконец.

Петар кивнул и вышел из комнаты. Из кухни донеслись еле слышные возражения вдовы, но Петар тут же вернулся, держа в руках ее лучшую кастрюлю.

— Отлично, — произнес Джозе, наклонился и приподнял голову инопланетянина, — теперь подсуньте кастрюлю под шлем.

Установив кастрюлю, он повернул одну из защелок; та открылась — и только. В месте соединения появилась тоненькая щелка, но она осталась сухой. Однако, когда Джозе повернул второе крепление, внезапно хлынул поток прозрачной жидкости под давлением, и, пока он пытался закрыть защелку, кастрюля наполнилась до половины. Джозе снова приподнял голову инопланетянина, и Петар уже без подсказки достал из-под нее кастрюлю и поставил на стол у окна.

— Жидкость горячая, — заметил он. Джозе коснулся рукой стороны кастрюли.

— Теплая, но не горячая. Градусов сорок — сорок пять. Это из теплого океана на горячей планете.

— Но.., вы полагаете, что это вода? — нерешительно спросил доктор Братош.

— Думаю, что вода, — но разве не вам предстоит дать заключение? Это пресная вода или соленая?

— Я не химик.., как можно высказывать свое мнение.., это очень сложно.

. Петар засмеялся и взял с тумбочки стакан Джозе.

— Выяснить нетрудно, — оказал он и зачерпнул полстакана жидкости из кастрюли, поднял его перед глазами, понюхал, сделал глоток и наморщил лоб.

— На вкус — самая обыкновенная морская вода, но с каким-то привкусом, горьким. Джозе взял стакан из его руки.

— Но это опасно! — воскликнул врач.

Джозе не обратил на его протест никакого внимания. Да, соленая вода, теплая соленая вода с горьковатым привкусом. — Похоже, в ней больше йода, чем обычно. Вы не могли бы установить уровень содержания йода в этой воде, доктор?

— В таких условиях.., нет, все это слишком сложно. В лаборатории с соответствующим оборудованием... — Он замолчал, открыл черный саквояж и заглянул внутрь. — Нет, только в лаборатории.

— У нас нет лаборатории и никакой посторонней помощи, доктор. Придется удовлетвориться тем, что у нас есть, — обычной морской водой.

— Я возьму ведро и наполню ванну, — предложил Петар.

— Хорошо. Но пока не наливайте — принесите воду в кухню, сначала нагреем ее и затем выльем в ванну.

— Понятно. — Петар прошел мимо застывшего в дверях священника и сбежал по ступенькам. Джозе посмотрел на отца Перча и вспомнил о деревенских жителях.

— Не уходите, доктор, — сказал он. — Этот инопланетянин теперь ваш пациент, и мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь, кроме вас, подходил к нему. Садитесь рядом с кроватью.

— Да, конечно, вы совершенно правы, — с облегчением произнес доктор Братош, придвинул стул и сел.

Огонь, на котором готовили завтрак, все еще ярко пылал в большой печи, и Джозе подбросил туда охапку сучьев. Затем снял висевшее на стене медное корыто для стирки и со звоном опустил его на плиту. Позади него приоткрылась дверь, за которой располагалась спальня вдовы, но, когда Джозе обернулся, она снова захлопнулась. Появился Петар с ведром воды и вылил ее в корыто.

— Что делают жители? — спросил Джозе.

— Толкутся возле дома и шушукаются. Они не будут мешать нам. Если у вас есть опасения, профессор, я могу съездить в Осор и привезти полицейских или позвонить куда-нибудь.

— Нет, спасибо. Об этом мне нужно было подумать раньше. Сейчас вы нужны мне здесь. Вы — единственный, не страдающий от старческого слабоумия или полного невежества.

— Пойду принесу еще воды, — улыбнулся Петар. Ванна была

маленькой, а корыто — большим. Когда нагретую воду вылили в ванну, она наполнилась больше чем наполовину — вполне достаточно, чтобы целиком покрыть водой маленького инопланетянина. В ванне был сток, но отсутствовали краны: обычно ее наполняли из шланга, надетого на кухонный кран. Джозе поднял инопланетянина, словно ребенка, и поднес к ванне. Глаза пришельца снова открылись, он следил за каждым движением ученого, но не протестовал. Джозе осторожно опустил инопланетянина в ванну, быстро выпрямился и глубоко вздохнул.

— Сначала снимем шлем, затем попытаемся выяснить, как открыть скафандр.

Он наклонился и медленно, одно за другим, повернул крепления шлема. Джозе приоткрыл щель между шлемом и скафандром, готовый закрыть ее при малейшей опасности. В шлем стала вливаться морская вода и смешиваться с находившейся там жидкостью — однако инопланетянин не выражал беспокойства. Спустя минуту Джозе осторожно снял шлем, придерживая одной рукой голову инопланетянина, чтобы она не ударилась о ванну.

Как только шлем сняли, гребень на голове пришельца выпрямился наподобие петушиного вдоль всей длины. От шлема к блестящему кусочку металла, прикрепленного с одной стороны к голове инопланетянина, тянулся провод. Там была какая-то впадина, и Джозе осторожно выдернул металлический контакт, по-видимому, что-то вроде наушника. Инопланетянин открывал и закрывал рот, внутри которого виднелись желтые костяные выступы. Послышалось низкое гудение.

Петар прижал ухо к наружной части металлической трубки.

— Это существо что-то говорит, я отчетливо слышу.

— Дайте мне ваш стетоскоп, доктор, — сказал Джозе, но врач не шевельнулся, и тогда он сам достал его из черного саквояжа. Действительно, когда ученый прижал стетоскоп к металлу, он услышал то усиливающееся, то замирающее гудение, — по-видимому, какая-то речь.

— Пока мы не можем понять, что он говорит, — произнес Джозе, возвращая стетоскоп врачу; тот автоматически взял его. — Надо попытаться снять с него скафандр.

На поверхности скафандра не было видно никаких швов или креплений. Джозе пробежал пальцами по гладкой поверхности, но ничего не обнаружил. Инопланетянин понял, должно быть, его намерения, потому что с трудом поднял дрожащую руку и коснулся герметического металлического кольца у воротника. Скафандр плавно открылся на груди; шов раздваивался и проходил по каждой из ног. Из обнажившейся раненой ноги

внезапно хлынул поток синей жидкости.

Джозе успел заметить странное зеленое тело и тут же повернулся к врачу:

— Доктор, быстро беритесь за свой саквояж. Пришелец ранен, эта жидкость, по-видимому, его кровь — нужно остановить кровотечение.

— Но я бессилен, — произнес доктор Братош, не двигаясь с места. — Своими лекарствами и антисептическими препаратами я могу погубить его — ведь нам ничего не известно о химическом строении его тела.

— Тогда не применяйте эти препараты. У него травма ноги, постарайтесь наложить повязку, перебинтовать рану.

— Да-да, конечно.

— Старый врач наконец-то сообразил, что может осуществить знакомые операции. Он извлек из саквояжа бинты, стерильную марлю, клейкий пластырь и ножницы.

Джозе опустил руки в теплую и теперь уже мутную воду и заставил себя коснуться горячей зеленой ноги инопланетянина. Ощущение было непривычным — но не ужасным. Он поднял ногу из воды, и все увидели огромную рану, из которой сочилась густая синяя жидкость. Петар отвернулся, однако врач привычными движениями наложил на рану подушечку из марли и обмотал ее бинтом. Кровотечение как будто прекратилось. Инопланетянин шарил в снятом с него космическом скафандре, и от его движений раненая нога поворачивалась в руках Джозе. Ученый посмотрел вниз и увидел, что пришелец достал что-то из большой сумки. Его губы снова начали шевелиться, и Джозе расслышал негромкое жужжание голоса.

— Что это? Что вы хотите? — спросил Джозе. Инопланетянин обеими руками прижимал к груди какой-то предмет, похожий на книгу. Да, это могла быть книга; впрочем, с таким же успехом это могло быть что-то другое.

Но предмет был покрыт каким-то блестящим материалом с темными знаками; с края было видно, что он состоит из множества страниц, скрепленных вместе. Наверное, это все-таки книга. Нога инопланетянина дергалась в руках Джозе, его рот широко открылся, словно в крике.

— Если мы опустим ногу в ванну, повязка промокнет, — сказал врач.

— А вы не могли бы обмотать ее пластырем, сделать повязку водонепроницаемой?

— Да, конечно, — мне понадобится много пластыря, он лежит в саквояже.

Пока они разговаривали, пришелец начал раскачиваться взад

и вперед, выплескивая воду из ванны. Наконец ему удалось вырвать раненую ногу из рук Джозе. Сжимая книгу в одной тонкой руке с множеством пальцев, другой инопланетянин начал срывать повязку с только что перебинтованной ноги.

— Остановите его, он навредит себе, это ужасно, — пробормотал врач, отпрянув от ванны.

Джозе поднял с пола обрывок повязки.

— Идиот! Какой невероятный дурак! — закричал он в приступе ярости. — Эти компрессы, которые вы наложили на рану, пропитаны сульфаниламидом!

— Но я всегда пользуюсь ими. Это самые лучшие компрессы, сделанные в Америке, они предупреждают заражение и инфекцию.

Джозе оттолкнул его, опустил обе руки в воду, чтобы снять повязку, но инопланетянин вырвался и поднялся над водой, открыв рот в молчаливом ужасном вопле. Его глаза были широко открыты — и тут изо рта хлынула струя воды. Послышался хрип, струя превратилась в тонкую струйку, затем в капли, и когда воздух коснулся наконец голосовых связок инопланетянина, раздался ужасный крик боли. Этот крик эхом отразился от стен и потолка, выразив сверхчеловеческую агонию пришельца из далеких миров. Широко раскинув руки, инопланетянин упал в воду вниз лицом. Тело лежало неподвижно, и Джозе, даже не осматривая его, понял, что астронавт мертв.

Его рука, свисавшая из ванны, по-прежнему сжимала книгу. Медленно, один за другим, пальцы разжались, и, пока Джозе смотрел на инопланетянина, будучи не в силах пошевелиться, книга упала на пол.

— Помогите мне, — послышался голос Петара. Джозе обернулся и увидел, что врач лежит на полу и рядом на коленях стоит Петар. — Он потерял сознание.., может быть, это сердечный приступ. Что нам делать?

Забыв о своем гневе, Джозе наклонился к врачу. Тот дышал, казалось, нормально, его лицо сохраняло естественный цвет, — по-видимому, это был всего лишь обморок. Его веки дрогнули. Подошел священник и через плечо Куковича посмотрел на лежавшего врача.

Доктор Братош открыл глаза, взглянул на склонившиеся над ним лица.

— Извините меня... — с трудом пробормотал врач и снова закрыл глаза, словно был не в силах смотреть на окружавших его людей.

Джозе выпрямился и почувствовал, что весь дрожит. Священник исчез. Неужели все кончилось? Может быть, им все

равно не удалось бы спасти инопланетянина, но так или иначе можно было бы действовать лучше.

Увидев на полу мокрое пятно, Джозе сообразил, что книга исчезла.

— Отец Перч! — яростно завопил он.

Священник забрал книгу, эту бесценную вещь, доставленную с другой планеты Джозе выбежал в коридор и увидел священника, выходящего из кухни У него в руках ничего не было Охваченный внезапной догадкой, ученый бросился на кухню, оттолкнув отца Перча. Наклонившись, Джозе открыл дверцу печи.

Там, среди пылающих дров, лежала книга. От нее поднимался пар Да, конечно, это книга, на ее страницах виднелись странные знаки, рисунки и чертежи. Джозе повернулся, чтобы схватить кочергу, и в это мгновение позади него в печи полыхнуло пламя, выбросившее в кухню раскаленный белый язык Огонь едва не коснулся Джозе, но ученый не думал об этом Горящие угли были разбросаны по полу, а внутри печи догорали остатки драгоценной книги. Вещество, из которого она была сделана, оказалось горючим, и, едва книга высохла, она тут же воспламенилась.

— Все это от лукавого, — послышался голос священника, стоящего в кухонных дверях. — Злой дух, порождение дьявола. Нас предупреждали об этом, подобные события уже случались раньше, и поэтому правоверные христиане должны бороться со злом...

Петар вошел на кухню, протиснувшись мимо священника. Он смахнул горячие угли с обожженной кожи Джозе, помог ему встать и усадил на стул. Ученый не чувствовал ожогов — его охватила какая-то невероятная усталость.

— Ну почему здесь? — тихо спросил Джозе. — В таком огромном мире он совершил посадку именно тут. Несколько градусов к западу — и пришелец опустился бы рядом с Триестом, где находятся научные центры и отлично оборудованные больницы, опытные врачи, хирурги; А если бы продолжал полет по тому же курсу — увидел бы огни и приземлился в Риеке. Там можно было бы что-то сделать. Но почему именно здесь? — Ученый вскочил и потряс сжатым кулаком, словно угрожая кому-то. — Здесь, в этом медвежьем углу, среди людей, полных суеверий и религиозных предрассудков! В каком мире мы живем, если всего в сотне миль от деревни, населенной слабоумными и примитивными жителями, находится ускоритель элементарных частиц? Этот инопланетянин пролетел бесчисленные миллионы — может быть, миллиарды — миль и совершил посадку совсем рядом с цивилизацией.., совсем рядом... Но почему, почему?

Почему?

Джозе опустился на стул, чувствуя себя совсем старым и бесконечно усталым. Сколько можно было бы узнать из сожженной книги...

Он вздохнул, и вздох был таким глубоким, что все его тело задрожало, словно охваченное ужасной лихорадкой.

КАПИТАН БЕДЛАМ

— Что такое космос? Как на самом деле выглядят звезды? На это нелегко ответить. — Капитан Джонатан Борк обвел взглядом серьезные напряженные лица, ждущие его слов, и опустил глаза на свои руки, опаленные космическим загаром. — Иной раз ты словно падаешь в бездонную яму, протянувшуюся на миллионы и миллиарды миль, а бывает, что ты чувствуешь себя мошкой, затерявшейся в сверкающей паутине вечности, беспомощным обнаженным существом под безжалостным светом звезд. И звезды там совсем другие: они не мерцают, как вы привыкли видеть; это точки, откуда льется пронзительный свет.

Произнося эти слова, капитан Борк в тысячный раз проклинал себя за ту ложь, что льется из его уст. Он, капитан Борк, межзвездный пилот, на деле — гнусный лжец. Даже после пяти орбитальных полетов на Марс он не имел представления, как на самом деле выглядят звезды. Его тело вело корабль, но сам Джонатан Борк командную рубку корабля видел только на Земле.

Он просто не мог в этом признаться. И когда люди задавали ему вопросы, он произносил заученные фразы.

Он вернулся к столу, окруженному друзьями и родственниками. Прием, устраивался в его честь, и надо было выдержать до конца. Помогло бренди. За час он осушил бутылку, и когда пришло время выбираться из-за стола, его извинения были приняты с участливым пониманием.

Он вышел во двор — да, их старинное «семейное гнездо» имело даже свой небольшой садик. Прислонился к темной каменной стене, еще хранившей дневное тепло. Бренди разливало тепло по всему телу, и, когда он посмотрел на мерцающие круги звезд и закрыл глаза, под веками продолжали танцевать сверкающие точки.

* * *

Звезды. С детства они влекли и манили его. Всю свою жизнь он подчинил им. Он жаждал стать одним из немногих, кто прокладывает путь по звездным дорогам. Стать пилотом.

В семнадцать он поступил в Академию, оказавшись самым молодым курсантом. И уже через год понял, что звезды — это самый большой обман в истории человечества.

Сначала он прилагал все усилия, чтобы уйти от этой нелегкой мысли; он настойчиво искал другие объяснения. Но ничего не получалось. Все, что он знал, все, что изучал, подтверждало его странное предположение.

Он никуда не мог уйти от терзавших его мыслей и наконец решился найти им подтверждение. Это случилось во время занятий по психологии, когда курсанты, используя теорему Паллея, разбирали проблемы взаимной ориентации в пространстве и уровня сознания при ускорении. Он нерешительно и робко поднял руку, но профессор Черник, обладавший орлиным зрением, сразу же увидел ее и пригласил юношу встать. Прежде чем Борк осознал, что делает, слова хлынули из него потоком.

— Профессор, если мы признаем справедливость теоремы Паллея, то даже минимальное ускорение отрыва подведет нас к порогу сознания. И, следовательно, фактор ориентации, как мне кажется… ну, он…

— Господин курсант, что вы там мямлите? — холодный голос Черника резал, как лезвие бритвы.

Джон разозлился:

— Из этого следует единственный вывод! Любой навигатор, взявшийся пилотировать космический корабль, окажется в таком беспомощном состоянии, что не сможет контролировать свои действия.

Класс разразился смехом, и Джон почувствовал, что его лицо заливает горячая краска стыда. Даже Черник, прежде чем ответить, позволил себе едва заметную улыбку.

— Отлично. Но если это правда, то полеты в космос невозможны, а мы, заметьте, летаем туда едва ли не каждый день. Я думаю, вам все станет ясно, когда в следующем семестре мы приступим к изучению вопроса о пороге стрессовых ситуаций…

— Нет, сэр, — прервал его Джон. — Тексты не отвечают на эти вопросы, а скорее избегают их. Я тщательно проштудировал весь последующий курс.

— Господин Борк, не хотите ли вы назвать меня лжецом? — Голос Черника был так же холоден, как его глаза. В аудитории наступила мертвая тишина. — Прошу вас покинуть помещение. Отправляйтесь к себе в комнату и оставайтесь там, пока не получите нового приказа.

С трудом переставляя окаменевшие ноги, Джон пересек аудиторию и вышел. Никто не спускал с него глаз, и он чувствовал себя, как приговоренный на пути к эшафоту. Похоже,

вместо того чтобы получить ответы на свои вопросы, он сам выгнал себя из Академии.

Теперь ему уже не быть пилотом. Пилотом становится один из сотни, остальные довольствуются работами по обслуживанию космического флота. Мало кому из поступивших удается успешно пройти весь курс Академии; кажется, он оказался среди неудачников…

* * *

Когда наконец зуммер интеркома сообщил, что курсанта Борка вызывают в апартаменты Президента Академии, он почти смирился со своей участью. Он вскочил с первым же сигналом и быстро прошел к эскалатору, который поднял его на нужный уровень. Секретарь с каменным лицом кивнул ему, открыл дверь, и Джон оказался лицом к лицу с Адмиралом.

— Профессор Черник сообщил мне об инциденте. Кроме того, я прослушал запись вашего… гм… диспута.

Это удивило Джона: он не предполагал, что аудитории оснащены записывающими устройствами. Меж тем Адмирал продолжал:

— Поздравляю вас, мистер Борк. Вы допущены к тренировкам по пилотированию космических кораблей. Конечно, если вы еще желаете стать пилотом. — Джон попытался что-то сказать, но Адмирал остановил его движением руки. — Не торопитесь, я хотел бы, чтобы вы меня выслушали. Как вы уже поняли, космические полеты — отнюдь не то, что знает о них обычный человек.

Когда мы начали осваивать космос, то столкнулись с тем, что теряем девять из десяти кораблей. Девять из десяти! И не техника подводила нас, нет. Телеметрическая аппаратура, при помощи которой мы следили за состоянием пилотов, показала, в чем причина неудач: полеты с околосветовой скоростью ввергают человека в состояние, близкое к ступору. Если даже он не теряет сознания и сохраняет какой-то контроль над своими действиями, неспособность ориентироваться в огромном количестве возникающих факторов совершенно лишает его возможности управлять кораблем.

Вы скажете: а как же техника, автоматы, компьютеры? Они стали неплохими помощниками в штатных ситуациях, но стоит обстановке измениться, что в космосе происходит постоянно, как они моментально «сходят с ума».

Мы оказались в тупике. Корабль должен был пилотировать

человек, но именно человек не мог этого сделать. В доках стояло множество отличных лайнеров, но некому было вести их в космос. Мы пробовали и медикаменты, и гипноз, и множество других вещей, стараясь приспособить людей к существованию в космосе. Но все наши попытки приводили к одному и тому же эффекту — пилот переставал четко контролировать свои действия. Правда, теперь уже из-за воздействия лекарств.

Решил проблему доктор Моше Коэн, вы должны были слышать о нем.

— Кое-что: кажется, он был первым директором Психологической службы?

— Да, только в этом качестве он и известен широкой публике. Может быть, в свое время ему будет воздано должное. Доктор Коэн открыл дверь в Космос.

Его теория заключалась в том, что Хомо сапиенс как биологический вид не приспособлен для существования в космосе — полностью и бесповоротно. Доктор Коэн приступил к созданию Хомо ново. Под воздействием мысленного внушения и специальных процедур человеческое тело способно к невероятным свершениям — например, ходить по огню или проявлять совершенно немыслимую реакцию. Доктор Коэн пришел к выводу, что потенциальные возможности человеческого тела очень велики, и единственное, что необходимо, это — воздействовать на мозг Хомо ново, раскрыв его резервы. В результате всех этих операций человек обретает как бы две индивидуальности.

— Я не понимаю, сэр, — прервал его Джон, — а не проще ли работать с младенцами, изначально готовя их к иной среде обитания?

— Конечно, — ответил Адмирал, — но, к счастью, у нас есть законы, запрещающие такие исследования. Доктор Коэн никогда даже не обсуждал такой подход; он работал только с добровольцами. Кстати, психиатрия ведь тоже рассматривает случаи раздвоения личности, но там это аномалия, а у нас — результат направленного воздействия на «пациента». И то, что кажется ужасным и нестерпимым для «земного» человека, является нормальной жизненной средой для его космической ипостаси. Именно это второе «я» ведет корабль от планеты к планете. А пассажиры находятся в анабиозе, который избавляет их от столкновения с жестокой реальностью околосветовых перелетов.

Программа экспериментов была строго засекречена — на то существовали свои веские причины. Я могу представить, какие поднялись бы вопли, узнай люди, что космонавт, пилотирующий

корабль, по сути, пребывает в бессознательном состоянии. — «Наши жизни вручены безумцу!» — всполошились бы они. Поэтому о программе знают только инструкторы, пилоты и несколько высоких должностных лиц.

Как вы убедились, даже студенты Академии не представляют себе истинной сущности космических пилотов. И если курсантам удается пробиться сквозь дымовую завесу, в изобилии рассеянную по страницам наших учебников, им предлагается какая-нибудь другая работа в Космофлоте. Если же они одарены способностью анализировать и делать выводы — как вы — они поймут необходимость таких программ. Они получат возможность узнать, что им придется делать, если они добровольно изберут этот путь.

Полагаю, я сумел ответить на все ваши вопросы.

Джон задумался.

— Если позволите, еще один вопрос. Что представляют собой эти самые «специальные процедуры»? То есть, на самом ли деле я несколько…

— Сойдете с ума? Ну конечно же, нет. Ваша новая индивидуальность, Джон-2, может существовать только в космосе, в командной рубке корабля. Подлинная же индивидуальность, Джон-1, будет жить и действовать на Земле. Единственное неудобство — полная амнезия в отношении того, что происходит в космосе. Индивидуальности действуют совершенно независимо друг от друга. И когда доминирует одна, второй на этот момент словно не существует.

Джон напряженно думал. Ему потребовалось немного времени, чтобы принять решение.

— Я хочу стать пилотом. Адмирал. Факты не меняют существа дела.

Они пожали друг другу руки. Адмирал был слегка печален. Он делал это уже много раз. Он знал, что все будет не совсем так, как представляли себе молодые добровольцы.

* * *

Джон оставил Академию в тот же день, даже не успев попрощаться со своими приятелями. Тренировочная Школа пилотов, хотя и была частью той же самой базы, представляла замкнутый и вполне автономный мир.

Наконец пришло то, о чем он так долго мечтал. Теперь к нему относились не как к зеленому курсанту, а как к равному среди равных. Он оказался среди немногих избранных. Их было двенадцать, будущих пилотов, а весь персонал Школы составлял

полторы тысячи человек. Скоро стало ясно, для чего это нужно.

Первые несколько недель он подвергался разнообразному тестированию. Проводил бесконечные часы в гипнокамере. Сначала его посещали ночные кошмары, и много дней он пребывал в странном полусонном состоянии. Потом это, казалось, прошло. Первый этап программы — отделение друг от друга двух индивидуальностей — был завершен. И когда это случилось, Джон-1 ничего не узнал о Джоне-2.

Но он узнал второе «я» другого пилота — это было частью программы. Дженкинс, так звали коллегу, внешне оставался прежним — стройным пареньком примерно на год старше Джона. Он проходил тест «Проверка исправности двигателя в условиях постоянных ускорений». Джон с трудом верил своим глазам. У Дженкинса-2 были бесстрастное лицо и стремительные молниеносные движения, на которые Дженкинс-1 никогда не был способен. Он сидел в гравитационной капсуле, которую то и дело швыряло в самых неожиданных направлениях. И в то же самое время Дженкинс-2 моментально перекидывал тумблеры, нажимал клавиши и кнопки, повинуясь огонькам на контрольной панели. Его пальцы двигались стремительно и точно, и даже когда капсула описала неожиданную дугу с ускорением в 3 «g», он ни на мгновение не вышел из ритма. Обостренное восприятие моментально реагировало на каждое перемещение капсулы, на любое изменение ситуации, и тело с покорностью и быстротой автомата слушалось пилота.

Когда Джон-2 обрел свою сущность, с Джоном-1 произошла неприятность. Однажды, вместо того чтобы отправиться в психорубку, он обнаружил себя в госпитале. На ладони была глубокая рана, а два пальца оказались сломанными.

— Это случается при тренировках, — сказал доктор. — Что-то произошло с гравитационной камерой, и вы спасли себя, вовремя схватившись за распорный брус. Немного повредили себе руку, вот и все. Посмотрите на брус.

Доктор улыбался, протягивая пациенту кусок металла, и, взглянув на обломок, Джон понял причину улыбки. Это был стальной стержень, толщиной в полдюйма, но согнутый и обломившийся. Джон-1 с трудом мог бы сделать это даже при помощи молота.

Однако тренировки приносили пользу не только Джону-2. Когда вторая индивидуальность утвердилась достаточно прочно, время тренировок было разделено в соотношении 50:50. Джон-1 изучал все, что должен был знать космонавт, но лишь до той поры, пока он не входил в командную рубку. Он обслуживал корабль — осмотр, ремонт, загрузка, функционирование систем,

общение с пассажирами. Джон-1 был пилотом, и все обязаны были верить в него. Они не должны были догадаться, что стоит ему переступить порог рубки, как он проваливается в темноту.

Много раз он пытался уловить этот момент, но тщетно. Сама командная рубка теперь являлась тем кодовым словом, которое мгновенно приводило к трансформации личности. Как только Джон делал шаг за порог рубки или хотя бы бросал взгляд внутрь, тут же появлялся второй. Джон-2 сразу же занимал свое место и немедленно приступал к делу.

День окончания подготовки оказался самым важным и в то же время самым волнующим и тревожным в его жизни. Здесь не существовало выпускных классов. Как только пилот завершал обучение, он покидал Школу. Адмирал в присутствии персонала Школы лично вручал пилоту платиновые крылья — древний символ человека в полете. Забыть этот момент было невозможно.

Он едва успел попрощаться с домашними, потому что корабль уже был готов к старту — еще одна традиция. Новый пилот совершал свой первый полет в день выпуска. Всего лишь короткий прыжок к Луне на корабле с грузом — но все же это был полет. Джон вскарабкался по трапу к входному люку, повернулся и помахал близким, едва различимым отсюда. И вошел в командную рубку.

Затем он вышел из люка на поверхность Луны.

У него исчезло ощущение времени. Только что он находился на Земле, а следующий вдох сделал уже на Луне. Правда, сейчас он был в скафандре, мускулы ныли, и печаль терзала его. Это был самый грустный опыт в его жизни…

* * *

В саду на Земле, глядя на молодую Луну, Джон вспомнил о прошлом и почувствовал, как оно сухим жаром свело ему рот. В доме кто-то смеялся, и пилот явственно слышал перезвон бокалов. Тогда он собрал волю, заставив себя вспомнить, где находится.

Это их фамильный дом, и это вечер в его честь. Все было еще хуже, чем он себе представлял. Одно дело всю жизнь врать самому себе и совершенно другое быть фальшивым героем в своем собственном доме.

Расправив плечи и сбив щелчком невидимую пылинку с пиджака, он вошел в дом.

* * *

На следующее утро он уже прибыл на базу, где его ждали изнурительные 48-часовые испытания, предшествовавшие каждому полету. Все его физические способности были доведены до предела, прежде чем доктор дал разрешение на полет. Путешествие обещало быть самым длинным и самым важным из всех, что совершал Джон.

— Долгая дорога, — сказал дежурный офицер, готовя звездные карты. — К Юпитеру или, точнее, к восьмому спутнику. Придется догонять его. На нем, как вы знаете, теперь база и обсерватория, и надо снять новую группу наблюдателей. Астрофизики измеряли гравитационное поле Юпитера. Их двенадцать человек вместе с оборудованием. Немалый груз. Ваша главная забота — пояс астероидов. Вы не должны удаляться слишком далеко от плоскости эклиптики, иначе можете попасть в метеоритный поток. Желаю удачи!

Джон пожал руки пассажирам, когда они поднялись на борт, и проверил техников, запечатывавших камеры анабиоза. Затем, завершив обход, направился к командной рубке. Прежде чем открыть дверь, он на мгновение помедлил. Это было последнее его действие, прежде чем на свет появится Джон-2. Он замешкался лишь на секунду, затем рванул дверь на себя, успев подумать: следующая остановка — Юпитер.

* * *

Но это был не Юпитер. Это был ад.

Он не мог ни видеть, ни слышать. Тысячи ощущений обрушились на него, и все они несли боль. Она была больше, острее и страшнее всего, что ему приходилось испытывать до этого. Но она заставила его сделать попытку открыть глаза.

Прямо перед ним оказался иллюминатор, а за ним — звезды. Джон был в космосе, в командной рубке. На мгновение он почти забыл о боли, увидев расстилавшиеся перед ним звездные просторы. Затем боль снова вернулась, и он попытался понять, что произошло и как ему необходимо действовать, чтобы прекратить эту невыносимую пытку. В рубке было темно, освещалась только гигантская панель управления. Она мигала разноцветными огоньками, подрагивала стрелками датчиков, но он не имел представления, что они означают.

Боль достигла таких размеров, что он застонал и потерял сознание.

На эти несколько минут Джон-1 вернулся в свое тело, откуда Джон-2 испарился в легкой панике. Он потерял контроль над собой и провалился в черноту. И не мог допустить, чтобы это случилось снова. Тренированная нервная система нейтрализовала часть болевых ощущений, но их оставалось еще достаточно, чтобы сознание мутилось от боли. Метеорит — да, это, должно быть, метеорит.

На передней переборке образовалась дыра размером с кулак, сквозь которую со свистом вырывался воздух. Пробив дыру, метеорит ударился в переборку за ним. Когда он испарился при ударе, здесь, должно быть, произошла ослепительная вспышка и взрыв, наделавший немало бед, — повсюду был разбрызган расплавленный металл и покорежено основание кресла пилота. Джон-2 с трудом дышал, так как компрессоры, надсадно гудя, не могли справиться с изменившимся давлением, резким падением температуры и утечкой воздуха.

В шкафчике в десяти футах от него хранился скафандр. Но Джон был не в состоянии отстегнуть привязные ремни, державшие его в кресле. Электрический разъем вышел из строя, а механический был покорежен. Он рванул пряжку, но тщетно.

Дышать становилось все труднее. Снова нахлынула паника, побороть которую он не сумел.

Джон-2 сделал судорожный глоток и закрыл глаза.

Открыл их Джон-1.

Захлестнувшая его боль казалась невыносимой. В бегстве от нее он рухнул в темноту.

И снова пилот открыл помутневшие глаза. Первое мгновение он ничего не видел, но потом ему удалось сфокусировать взгляд. Он смотрел прямо перед собой, и в глазах его не было и следа здравого смысла.

Ибо Джон-3 был ближе к своему животному естеству, нежели человек разумный, когда-либо ступавший по Земле. Выжить — вот и все, что он хотел. Выжить и спасти корабль. Он смутно помнил о Джоне-1 и Джоне-2, но в случае необходимости мог прибегнуть к их памяти. Сам он не вспоминал и не мыслил ни о чем, кроме боли. Рожденный в боли и существующий в боли: всем его миром правила одна сплошная боль.

Джон-3 был глубоко имплантирован в сознание Джона-1. Когда даже второе «я» не может спасти корабль, когда все усилия оказываются тщетны, в последнем рывке на помощь должен прийти Джон-3.

Он был предназначен не для решения тонких и сложных проблем. Увидеть — сделать. Память Джона-1 подсказала ему: «Добраться до скафандра!» Он попытался встать и понял, что не может этого сделать. Двумя руками он рванул ремни, но они не поддались. Дело в застежке; он должен открыть ее!

Из всех инструментов у него оставались только руки. Он засунул палец в пряжку и рванул ее. Палец согнулся, хрустнул и сломался. Джон-3 не почувствовал боли. Он вообще ничего не почувствовал. Он пустил в дело второй палец и снова потянул. Второй палец почти справился с задачей, но Джон ободрал его до кости. Он ухватился за пряжку третьим пальцем. Пряжка наконец сломалась, когда он зацепил ее большим пальцем. Изуродованная и переломанная кисть безвольно повисла. Он с усилием выдрался из кресла. Бедро правой ноги сломалось в тот момент, когда лопнул нижний ремень. Подтягиваясь на правой руке и отталкиваясь левой ногой, он пополз к скафандру.

Дышать становилось все труднее. Он непрестанно моргал, стряхивая ледяные кристаллы, налипавшие на ресницы. Его сердце билось вчетверо быстрее, доставляя кислород борющемуся телу.

Джона-3 не беспокоило то, что с ним происходит. Его мир всегда был только таким. Единственное, что он мог сделать, чтобы снова впасть в счастливое забытье, это завершить начатое. Только так. Он никогда не знал и его никогда не учили тому, что смерть — тоже путь к спасению.

Он старательно освободил скафандр от зажимов и влез в него. Повернул тумблер подачи кислорода и застегнул

последнюю молнию. И со вздохом облегчения закрыл глаза.

Джон-2 открыл глаза и почувствовал боль. Но теперь ее можно было терпеть, ибо ситуация изменилась. Аварийная заплата прекратила утечку воздуха, и, пока компрессоры повышали давление, пилот изучал контрольную панель. Корабль должен был переходить на вспомогательную орбиту. Джону надо было брать управление в свои руки. Это все, что от него требовалось.

Когда давление достигло семи фунтов, он расстегнул скафандр и оказал себе первую помощь. Он был удивлен, увидев, в каком состоянии находится его правая рука. Он не помнил, как это произошло. Поспешив закончить перевязку, он вернулся к ремонту.

Джон так никогда и не узнал о существовании Джона-3, этого безвестного спасителя, способного на смертельный рывок и теперь покойно спящего в глубинах его существа. Джон-1 был уверен, что вытащил их из этой передряги Джон-2. Джон-2 даже не задумывался над такими вещами. Его дело — вести корабль.

Джон медленно восстанавливал силы в госпитале на Юпитере-8. Он был потрясен, увидев, как изуродовано его тело, но опасность, по мнению врачей, миновала. Боль еще долго мучила его, но он не обращал на нее внимания. Это была недорогая цена за все, что ему досталось.

Он больше не был лжецом. Он был пилотом — пусть даже на несколько секунд.

Он видел звезды.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Глава 1

Хаутамяки посадил корабль на маленьком участке поверхности, покрытом обломками скал, остатке древнего лавового потока рядом с ледником. Чьонд подумала, что можно было бы совершить посадку и поближе, но командовал разведывательным кораблем Хаутамяки, и он принимал все решения. Конечно, она могла бы остаться на корабле: никто не заставлял ее пускаться с мужчинами в это ужасное, изматывающее и опасное путешествие по ледяной поверхности, здесь и там усеянной глубокими трещинами. С другой стороны, она не могла остаться и не принять участия в подъеме.

Там, высоко на склоне, находился какой-то радиомаяк, с этой ненаселенной планеты непрерывно посылающий сигналы на дюжине различных частот. Ей было необходимо присутствовать

при его осмотре.

Гальяс помог ей перебраться через самый трудный участок, и она благодарно поцеловала его в обветренную щеку.

Было трудно рассчитывать, что радиомаяк установлен здесь кем-то, кроме людей, несмотря на то что корабль вел разведку участка Галактики, где люди еще не бывали. И все-таки существовала крошечная вероятность, что радиомаяк построен инопланетянами, не принадлежащими к человеческой расе. Чьонд решила обязательно присутствовать при его осмотре. Подумать только, сколько столетий искало человечество контакта с иными цивилизациями, сколько веков, исчезнувших во мраке прошлого...

Ей захотелось отдохнуть, она не привыкла к такому напряжению. Чьонд была в одной связке с двумя мужчинами — один находился выше ее, другой позади, — и когда она остановилась, пришлось остановиться и им. Почувствовав ее нерешительный рывок, Хаутамяки замер на месте, медленно обернулся и посмотрел на нее сверху. Он молчал, но все его тело — с могучими мускулами, загорелое и совершенно обнаженное под прозрачным герметическим скафандром — выражало его чувства. Хаутамяки дышал легко и свободно, бесстрастно и презрительно глядя на ее широко открытый рот, хвативший воздух, и тяжело вздымавшуюся грудь. Что ты за человек, Хаутамяки, если с таким презрением относишься к женщине?

Смириться с присутствием Чьонд оказалось для Хаутамяки самым трудным. Когда два незнакомца поднялись по трапу на его корабль, он почувствовал себя оскорбленным.

Это был его корабль, его и Киискинена. Но Киискинен был мертв, а вместе с ним мертв ребенок, которого они так хотели. Мертв до рождения, даже до зачатия. Мертв потому, что погиб Киискинен и Хаутамяки больше никогда не захочет иметь ребенка. Однако работа еще не была закончена — они едва успели завершить половину обследования, порученного им, когда произошел несчастный случай. Хаутамяки решил не возвращаться на базу, что привело бы к колоссальной и ненужной трате топлива и времени, и попросил помощи. В результате прибыло подкрепление — новая исследовательская группа, совершенно неопытная.

Эта экспедиция оказалась для новичков первой — и хоть у них недоставало опыта, они все же были неплохо подготовлены. Да, они справятся с работой, которую им поручат, можно не беспокоиться. К тому же эти двое представляли собой группу, тогда как он, Хаутамяки, был всего лишь половиной группы, а значит, он обречен на одиночество, которое может превратиться в

ужасную муку.

Если бы Киискинен был на корабле, Хаутамяки с радостью встретил бы новичков. Но Киискинен погиб, и Хаутамяки ненавидел пришельцев.

Первым к нему подошел мужчина и протянул руку:

— Меня зовут Гальяс, как вам уже известно, а это моя жена Чьонд.

Он кивнул в сторону женщины, стоявшей рядом, и улыбнулся. Его рука все еще была протянута.

— Добро пожаловать на борт моего корабля, — произнес Хаутамяки и стиснул руки за спиной. Если этот кретин незнаком с обычаями Мужчин, он, Хаутамяки, не собирается учить его.

— Извините, я забыл, что вы не обмениваетесь рукопожатиями и не прикасаетесь к незнакомцам.

Все еще улыбаясь, Гальяс сделал шаг в сторону и пропустил жену внутрь корабля.

— Как поживаете, капитан? — спросила Чьонд и тут же покраснела, увидев, что Хаутамяки совершенно обнажен.

— Я провожу вас в каюту.

Капитан повернулся и пошел по коридору, зная, что прибывшие последуют за ним. Боже мой, женщина! Ему приходилось видеть их на разных планетах, даже разговаривать с ними, но он никогда не думал, что одна из них окажется на его корабле. Какие они безобразные со своими распухшими телами! Неудивительно, что в других мирах носят одежду, чтобы скрыть под ней эти жирные, свисающие части тела.

— Ты заметил — на нем нет даже ботинок! — с негодованием воскликнула Чьонд, как только за ними закрылась дверь каюты.

Гальяс рассмеялся:

— С каких это пор тебя беспокоит вид обнаженного тела? Ты вроде бы не испытывала подобного возмущения, когда мы проводили отпуск на Хью. К тому же обычаи Мужчин должны быть тебе известны.

— Но там все было по-другому! Все были одеты — или раздеты — одинаково. А здесь — это почти неприлично!

— То, что неприлично у одних, вполне прилично у других.

— Готова поспорить, что ты не сможешь произнести эту фразу три раза подряд.

— И все-таки это правда. Если взглянуть непредвзято, он тоже, наверно, полагает, что мы не правильно воспринимаем обычаи общества, так же, как и мы считаем его поведение неприличным.

— Тем не менее я уверена в правильности своего поведения! — сказала она, встала на цыпочки И куснула мужа за мочку уха

белыми, идеальной формы зубами, похожими на зернышки риса. — Сколько времени мы женаты?

— Шесть дней, девятнадцать стандартных часов и сколько-то там минут.

— Сколько-то лишь потому, что ты не целовал меня ужасно долго.

Гальяс с улыбкой взглянул на маленькую прелестную фигурку, провел ладонью по теплой гладкой поверхности безволосой головы своей жены и по всему стройному телу, коснувшись крошечных, едва выступавших, почти рудиментарных грудей.

— Ты прекрасна, — прошептал он, наклонился и поцеловал ее.

Глава 2

Когда они перебрались через ледник, двигаться по плотному снегу стало гораздо легче. Не прошло и часа, как они добрались до подножия отвесной скалы. Она возвышалась в зеленоватом небе над их головами, черная, рассеченная трещинами. Чьонд запрокинула голову, взглянула на вершину скалы, и ей захотелось плакать.

— Она такая высокая! Нам никогда на нее не забраться! Но с помощью антигравитационных саней мы без труда поднимемся наверх.

— Мы уже говорили об этом, — ответил Хаутамяки, глядя на Гальяса — он всегда так делал, разговаривая с ней. — До тех пор пока мы не определим, что это за источник излучения, я запрещаю приближаться к радиомаяку с любым радиационным прибором. В результате аэрофотосъемки нам удалось всего лишь выяснить, что это, по-видимому, какой-то автономный маяк. Я стану подниматься первым. Если хотите, можете следовать за мной. Не думаю, что подъем будет особенно трудным — скала покрыта трещинами.

Действительно, подъем оказался не трудным, а практически невозможным. Чьонд цеплялась за трещины, карабкалась, срывалась и не сумела продвинуться к вершине даже на высоту своего тела. Наконец она отстегнула свой карабин. Мужчины продолжали подъем, а она осталась у основания скалы, беспомощно рыдая и закрыв лицо руками. По-видимому, Гальяс услышал ее плач или почувствовал, что она прекратила подъем, потому что наклонился и крикнул вниз:

— Как только мы доберемся до вершины, я сброшу веревку с петлей на конце. Закрепи ее под мышками, и я подниму тебя

наверх.

Чьонд была уверена, что это ему не под силу, но решила все-таки попытаться. Ведь маяк на вершине мог быть сооружен и не руками человека!

Петля впилась в тело Чьонд, и, к своему изумлению, она начала подниматься вверх. Стараясь смягчить удары о почти вертикальную поверхность скалы, Чьонд отталкивалась от нее руками. Наконец Гальяс протянул руку и втащил ее наверх. Хаутамяки сматывал веревку. Чьонд вдруг поняла, что на вершину скалы ее подняла сила этих могучих, словно свитых из стальных тросов, мускулов.

— Хаутамяки, я очень благодарна тебе...

— Сейчас мы осмотрим это устройство, — прервал ее капитан, глядя на Гальяса. — Вы оба оставайтесь здесь, рядом с моим рюкзаком. И не подходите, пока не позову.

Он повернулся и решительными шагами направился к высокому выступу, у которого находился маяк. Приблизившись к нему, Хаутамяки опустился на одно колено и оставался в этом положении несколько бесконечных минут, закрывая прибор своим огромным телом.

— Что он делает? — прошептала Чьонд, прижимаясь к плечу мужа. — Что это? Что он там увидел?

— Можете подойти, — произнес Хаутамяки, вставая. В его голосе звучало волнение — им еще не приходилось слышать подобных эмоций в голосе своего капитана. Они подбежали, скользя на обледеневших камнях, — и остановились, натолкнувшись на его вытянутую руку.

— Что вы думаете об этом? — произнес Хаутамяки, не сводя глаз с приземистого устройства, намертво прикрепленного к скале.

* * *

Маяк представлял собой полусферу из желтоватого металла, нижняя часть которой прилегала к скальной поверхности, огибая все неровности. Это была центральная часть устройства. Из полусферы выступали короткие стержни из того же металла, похожие на обрубки, прикрепленные по окружности у самого основания. На концах стержней торчали еще более короткие металлические трубки различной формы, похожие на что-то ищущие пальцы. Из полусферы выходил кабель толщиной в человеческую руку, змеившийся вверх по скале. В одном месте он внезапно выпрямлялся и поднимался вертикально в небо над

головами людей. Гальяс указал на него.

— Я не знаю, каково назначение остальных частей, но готов поспорить, что это антенна, посылавшая сигналы, которые мы приняли, когда вошли в эту систему.

— Возможно, — согласился Хаутамяки, — но каково предназначение остальных частей устройства?

— Одна из трубок, направленных в небо, напоминает маленький телескоп, заметила Чьонд. — Думаю, так оно и есть.

Хаутамяки сердито пробормотал что-то и попытался остановить женщину, когда та встала на колени перед маяком, но опоздал. Она приникла к основанию трубки и закрыла один глаз, пытаясь что-то рассмотреть.

— Ну, конечно, это телескоп! — Она открыла глаз и взглянула в небо. — Я отчетливо вижу там край облаков!

Гальяс оттащил ее в сторону, но никакой опасности, похоже, не было. Чьонд оказалась права — это был телескоп, и ничто иное. Они по очереди заглянули в объектив. И тут Хаутамяки обнаружил, что он медленно поворачивается.

— В таком случае должны поворачиваться все остальные, поскольку их оси параллельны друг другу, — сказал Гальяс, указывая на металлические трубки на конце каждого стержня. На одном из них был еще один объектив, похожий на объектив телескопа, но когда он заглянул туда, то ничего не увидел. — Ничего не видно, — покачал головой Гальяс.

— Может быть, он сделан таким образом, что ты и не должен ничего видеть, пробормотал Хаутамяки, глядя на загадочное устройство и задумчиво Дотирая подбородок. Он склонился над рюкзаком, достал из коробки мультирадиационный тестер и приложил его к объективу, в который только что смотрел Гальяс. Только инфракрасная радиация. Все остальные виды излучения отсекаются.

Соседняя трубка пропускала одни ультрафиолетовые лучи, а открытая сетка из металлических пластин служила источником радиоволн. И тут Чьонд выразила общую догадку:

— Если я смотрю в телескоп, то, может быть, все остальные приборы тоже являются телескопами, только приспособленными для глаз инопланетян! Что, если те, кто поставил здесь это устройство, не знали, кто прилетит сюда и станет изучать приборы? И позаботились о том, чтобы телескопы работали на самых различных длинах волн. Значит, наши поиски закончены! Мы — человечество — не одиноки во Вселенной!

— Не следует делать поспешных выводов, — нравоучительно заметил Хаутамяки, но тон его голоса противоречил словам.

— Почему? — воскликнул Гальяс, прижимая к себе жену в

порыве восторга. Разве мы не можем оказаться теми, кто сумел обнаружить представителей инопланетной расы, отличающейся от человеческой? Если они существуют, то не могут не предполагать, что когда-нибудь мы нападем на их след! Галактика так велика — и одновременно конечна. Ищите и найдете — сказано в древних книгах. Именно эта фраза высечена над входом в академию!

— Но у нас нет веских доказательств, — возразил Хаутамяки, безуспешно пытаясь скрыть растущий энтузиазм. Ведь он руководитель экспедиции, напоминал себе Хаутамяки, и должен отстаивать противоположную точку зрения. — Это устройство могло быть изготовлено руками человека.

— Вот доказательства, — начал Гальяс, загибая пальцы на руке. — Первое устройство не похоже ни на что, когда-либо виденное нами. Второе — оно изготовлено из необыкновенно прочного, неизвестного нам сплава. Наконец, третье — мы находимся в той части Вселенной, которая еще никогда не исследовалась нашими кораблями. До ближайшей населенной системы много сотен световых лет, а корабли, способные совершать подобный перелет и возвращаться, появились относительно недавно...

— А вот и настоящее доказательство, безо всяких предположений! воскликнула Чьонд, и мужчины подбежали к ней.

Она прошла вдоль толстого кабеля до того места, где он переходил в антенну. У ее основания, там, где кабель крепился к скале, виднелись высеченные на скальной поверхности знаки. Их было, вероятно, несколько сотен; от подножия скалы они поднимались вверх высоко над головами путешественников, причем каждый знак был четким и ясно различимым.

— Эти знаки не принадлежат представителям человеческой расы, торжествующе заявила Чьонд. — Они ничем не напоминают ни один алфавит, известный человечеству!

— Почему ты в этом так уверена? — спросил Хаутамяки, взволнованный до такой степени, что обратился прямо к ней.

— Потому, капитан, что это — моя профессия. Я изучала сравнительную филологию и специализируюсь в аббикиологии — истории алфавитов. Думаю, это единственная наука, тесно связанная с Землей...

— Но это невозможно!

— Возможно. Земля находится на другом конце Галактики. Насколько я помню, требуется примерно четыреста лет, чтобы получить ответ на посланный туда запрос. Аббикиология — это наука, способная развиваться на самых удаленных окраинах

Галактики; мы изучаем четкие, весомые, неизменные факты. Алфавиты древней Земли составляют часть истории и не могут меняться коренным образом. Я изучила каждый из них, все буквы и остальные подробности, а также рассматривала их изменение на протяжении тысячелетий. Мы обратили внимание на то, что, как бы ни менялись алфавиты, они сохраняют основные элементы своих прототипов. Возьмем букву «л», адаптированную для программирования компьютеров. — Чьонд нацарапала букву на скале острием ножа, затем начертала рядом другую букву — волнистыми линиями. — А вот это — «ламед», буква «л» в древнееврейском алфавите. Видите, как они похожи очертаниями? Древнееврейский язык — иврит — является протоалфавитом, настолько древним, что этому почти невозможно поверить. И тем не менее общая форма схожа. А взгляните на эти знаки — они ничем не напоминают любой алфавит, который мне когда-либо встречался.

* * *

Воцарилась тишина. Хаутамяки смотрел на женщину, словно по выражению ее лица пытался понять, насколько правдивы только что произнесенные слова. Наконец он улыбнулся.

— Хорошо, верю на слово. Не сомневаюсь, что ты хорошо знаешь свою профессию.

Он нагнулся к рюкзаку и начал доставать оттуда всякие приборы.

— Ты обратил внимание? — прошептала Чьонд на ухо мужу. — Он улыбнулся мне!

— Чепуха. Это была, по-видимому, невольная гримаса: у него замерзли губы, — пошутил в ответ Гальяс.

Хаутамяки приладил отвес к корпусу телескопа и замерил скорость его вращения.

— Гальяс, — окликнул он, — ты помнишь, каково время обращения этой-планеты вокруг своей оси?

— Примерно восемнадцать стандартных часов. Наши расчеты не были слишком уж точными. А зачем это тебе?

— Да, похоже на то. Мы находимся сейчас в районе восьмидесяти пяти градусов северной широты, что соответствует углу этих стержней, тогда как движение телескопов...

— ..компенсирует вращение планеты, движущейся с такой же скоростью, но в противоположном направлении. Ну конечно! Как я сразу не догадался!

— О чем вы говорите? — недоуменно спросила Чьонд.

— Они постоянно направлены на одну и ту же точку в небе, — продолжал Гальяс. — На звезду.

— Это, возможно, какая-то планета в этой системе, — заметил Хаутамяки, потом покачал головой. — Нет, не может быть. Точка, на которую направлены телескопы, где-то очень далеко, за пределами этой звездной системы. Как только наступит темнота, все станет ясно.

В атмосферных скафандрах все трое чувствовали себя удобно. У них было достаточно воды и пищи. Они сфотографировали неизвестное устройство со всех возможных ракурсов, осмотрели его и даже обсудили природу источника питания. И все-таки часы перед наступлением темноты казались нескончаемыми. Появились облака, но исчезли до заката. Когда на небе загорелась первая звезда, Хаутамяки наклонился к окуляру телескопа.

— Ничего не вижу, только небо. Слишком светло... Ага, вот в поле зрения появилась какая-то светящаяся координатная сетка — пять тонких линий, радиально уходящих от окружности. Вместо того чтобы пересечься в центре, по мере сближения они угасают.

— Может быть, таким образом линии указывают на звезду, которая появится в центре, дабы не мешать обзору?

— Пожалуй. Да, я вижу звезду.

Это оказалась звезда седьмой величины, одиноко светившаяся рядом с краем Галактики. Она выглядела как обычное небесное тело, если не считать того, что поблизости от нее не было никаких звезд. Исследователи по очереди смотрели на нее, определяя координаты, чтобы не ошибиться и не перепутать с какой-нибудь другой.

— Значит, мы отправляемся туда? — спросила Чьонд, хотя ее слова звучали больше как утверждение, чем вопрос, на который требуется ответ.

— Разумеется, — ответил Хаутамяки.

Глава 3

Как только корабль покинул пределы атмосферы, Хаутамяки послал сообщение на ближайшую ретрансляционную станцию. Ожидая ответа, путешественники занялись анализом собранного материала.

У них были все основания для энтузиазма. Металл оказался ничуть не тверже, чем применяемые ими прочные сплавы, но его химический состав был совершенно незнаком, как и процесс обработки металла, в результате которого молекулы поверхностного слоя уплотнились до удивительной твердости.

Знаки, из которых была составлена надпись, ничем не напоминали известные человечеству алфавиты. Да и звезда, на которую был направлен маяк, находилась далеко за пределами пространства, исследованного кораблями Галактики.

Как только пришел ответ, гласивший: «*Сообщение получено»,* корабль немедленно совершил прыжок по заранее рассчитанному и введенному в компьютер курсу. Еще перед вылетом в экспедицию были получены инструкции, согласно которым им надлежало исследовать все, что можно, и докладывать о полученных результатах. Именно этим астронавты сейчас и занимались. Передав на базу сообщение о своих планах, теперь они были свободны. Им, только им предстояло вступить в первый контакт с представителями инопланетной расы — ведь эти трое людей уже изучили один из приборов, созданных инопланетянами. Неважно, что произойдет дальше, — заслуга этого величайшего открытия принадлежала отныне только им. И потому вполне естественно, что обед превратился в праздничный. Хаутамяки смилостивился до того, что выдал из корабельного погреба несколько бутылок вина. Последствия оказались едва ли не катастрофическими.

— Хочу произнести тост! — Чьонд поднялась из-за стола, с трудом сохраняя равновесие. — Выпьем за Землю и человечество, которое больше не одиноко во Вселенной!

— Больше не одиноко во Вселенной! — хором повторили все, и тут лицо Хаутамяки омрачилось, а наигранное веселье исчезло.

— Прошу вас вместе со мной выпить за человека, которого вы не знали, но который должен был быть сейчас здесь, вместе с нами, чтобы отпраздновать это величайшее достижение, — торжественно произнес он.

— За Киискинена! — поднял бокал Гальяс. Он уже познакомился с архивными материалами и знал о трагедии, еще жившей в памяти Хаутамяки.

— Спасибо. Итак, за Киискинена. Все трое дружно подняли бокалы.

— Он был хорошим человеком, — сказал Хаутамяки, не в силах удержаться теперь, когда имя его бывшего партнера было впервые упомянуто вслух. — Один из самых лучших. Мы провели с ним на этом корабле двенадцать лет.

— У вас были.., дети? — спросила Чьонд.

— Твое любопытство неуместно! — резко оборвал Гальяс жену. — Думаю, будет лучше, если мы оставим этот...

Хаутамяки поднял руку:

— Нет, пожалуйста. Мне понятен ваш вполне естественный интерес. Мы, Мужчины, заселили пока всего дюжину планет, и

наши обычаи, по-видимому, непонятны для вас: пока мы все еще в меньшинстве. И если эта тема вас смущает, ищите причину у самих себя. Скажите, вам кажутся необычными двуполые отношения? Вот ты, Гальяс, смог бы поцеловать свою жену в присутствии других?

— Конечно, — кивнул он и тут же подтвердил свои слова, поцеловав Чьонд.

— Тогда ты понимаешь, что я имею в виду. Мы испытываем такие же чувства и ведем себя точно так же, хотя наше общество является однополым. В этом нет ничего странного. Таков естественный процесс эктогенеза.

— Вовсе нет, — возразила Чьонд, покраснев. — Естественный эктогенез нуждается в оплодотворенной яйцеклетке. Яйцеклетки вырабатываются в женском организме, поэтому эктогенетическое общество по своей природе должно быть женским. Чисто мужское общество, где отсутствуют женщины, неестественно.

— Все наше поведение является неестественным, — спокойно ответил Хаутамяки. — Человек — это животное, меняющееся в зависимости от окружения. Все люди, живущие за пределами Земли, находятся в «неестественном» окружении. В подобных условиях эктогенез представляет собой ничуть не более неестественное явление, чем наша жизнь здесь, в этой металлической скорлупке, без влияния космического времени. Таким образом, проявление эктогенеза, при котором оплодотворенная плазма создается в результате слияния двух мужских клеток вместо оплодотворения яйцеклетки мужской спермой, является столь же обычным, как твои рудиментарные груди.

— Как ты смеешь оскорблять меня! — залилась краской Чьонд.

— Это совсем не оскорбление. Женские груди утратили свою первоначальную природную функцию, следовательно, они дегенерируют. Вы, двуполые существа, ничуть не более естественны, чем мы. Мужчины. Никто из нас не является жизнеспособным за пределами «неестественной» окружающей среды, созданной нами.

Волнение недавнего открытия все еще владело людьми; может быть, алкоголь и раздражение тоже содействовали тому, что Чьонд утратила контроль над собой.

— Да как ты смеешь называть меня неестественным созданием.., ты, который...

— Ты забываешься, женщина! — прозвучал резкий голос Хаутамяки, заглушивший последние слова Чьонд. Он вскочил из-за стола. — Ты хочешь проникнуть в интимные подробности моей

жизни и считаешь себя оскорбленной, когда я затрагиваю некоторые ваши запрещенные темы. Мужчины были правы, отказавшись от таких, как ты! — Он сделал глубокий вдох, повернулся и вышел.

После этого вечера Чьонд не выходила из своей каюты почти неделю. Она изучала буквы незнакомого алфавита, а Гальяс приносил ей еду. Хаутамяки ни словом не обмолвился о происшедшем, а когда Гальяс попытался извиниться за поведение жены, резко его оборвал. Однако когда Чьонд снова, спустя неделю, появилась в рубке управления, он не высказал никаких возражений и вернулся к своему обычаю говорить только с Гальясом, не обращаясь прямо к Чьонд.

* * *

— Неужели он действительно захотел, чтобы я тоже присутствовала, и сказал об этом? — недоверчиво спросила Чьонд, выдергивая щипчиками волосок, портивший совершенно гладкий череп и лоб цвета слоновой кости. — Ты заметил, какие у него брови? Прямо здесь, над глазами? И даже у основания черепа и на голове растут волосы. Отвратительно, правда? Готова поспорить, что одной из главных характеристик их генетического кода является волосатость и Мужчины специально выбирают для продолжения своего рода наиболее ярких представителей. Но ты не ответил на мой вопрос — он пригласил меня?

— Ты не дала мне рта открыть, — произнес Гальяс, улыбкой смягчая резкость ответа. — Нет, он не назвал твоего имени — нельзя ожидать слишком многого. Просто сказал, что в девятнадцать часов состоится совещание всей команды.

Чьонд наложила на мочки ушей бледно-розовый крем, прикоснулась к крошечным ноздрям и закрыла косметичку.

— Я готова. Ну что, пойдем узнаем, что хочет от нас капитан?..

— Через двадцать часов мы выйдем из субпространства — наш прыжок заканчивается, — начал Хаутамяки, когда все трое собрались в рубке управления. — И вполне возможно, что мы встретим инопланетян — незнакомых нам существ, оставивших на той планете радиомаяк. Будем исходить из того — если не будет доказательств противоположного, — что они настроены к нам дружелюбно. У тебя вопрос, Гальяс?

— Капитан, на протяжении длительного периода шли дискуссии относительно намерений тех гипотетических рас, которые могут встретиться с нашими экспедициями. Единое

мнение так и не было достигнуто...

— Это не имеет значения. Я — командир экспедиции. Доказательства, имеющиеся в нашем распоряжении, указывают на то, что эта раса стремится установить контакт с другими, которые могут населять Вселенную. Не думаю, что у них господствует стремление покорить других. Я смотрю на эту проблему таким образом. У нас богатое и древнее прошлое, культура, уходящая корнями в тысячелетия. Пока мы пытались найти во Вселенной иную разумную форму жизни, одновременно во время экспедиций мы регистрировали огромное количество информации. Не такая многочисленная и богатая раса, как человеческая, может испытывать нехватку разведывательных кораблей, которые можно отправить в космос, — отсюда установка автоматических радиомаяков. Один корабль может легко установить множество автономных маяков в разных уголках Вселенной. Нет сомнения в том, что где-то, на других планетах, куда еще не ступала нога человека, установлены и другие. И все они должны привлечь внимание исследователей к одной-единственной звезде, установить там место рандеву.

— Но это совсем не значит, что у инопланетян мирные намерения. А вдруг это ловушка?

— Сомневаюсь. Существует немало более простых способов удовлетворить инстинкт завоевания, чем подобные изощренные ловушки. Короче говоря, по моему мнению, у них мирные намерения — и лишь это имеет значение. Поэтому я уже принял меры и сбросил в космос все корабельное вооружение...

— Ты разоружил корабль?

— ..И теперь прошу вас сдать личное оружие, которое у вас имеется.

— Ты подвергаешь опасности наши жизни — даже не поинтересовавшись, что мы думаем об этом, — недовольно заметила Чьонд.

— Нет, — ответил Хаутамяки, не глядя на нее. — Вы подвергли свои жизни опасности в тот момент, когда приняли служебную клятву в Исследовательском корпусе. Теперь ваша обязанность — исполнять мои приказы. Все личное оружие должно быть сдано не позже чем через час; нужно, чтобы корабль был полностью разоружен еще до того, как мы покинем субпространство. Мы встретимся с инопланетянами, вооруженные только миролюбивыми намерениями, свойственными человеческой расе... Вот вы думаете, наверно, что мы, Мужчины, ходим обнаженными по какой-то причине извращенного характера, но это не так. Мы отказались от одежды, поскольку считаем, что она мешает полному общению с окружающей нас

средой — наша нагота одновременно символична и практична.

— Надеюсь, ты не предложишь и нам раздеться? — язвительно поинтересовалась Чьонд, все еще рассерженная.

— Это ваше дело. Поступайте, как считаете нужным. Я всего лишь пытался объяснить свою мотивировку, чтобы попробовать достичь единодушия перед встречей с разумными существами, установившими маяк. Мы сообщили на базу о своей находке, и Исследовательский корпус знает, где мы находимся. Если мы не вернемся, за нами последует другая экспедиция, которая будет защищена всеми вооруженными силами человечества. Так что предоставим нашим инопланетянам все возможности убить нас — если они стремятся именно к этому. Расплата последует немедленно. А вот если у них нет враждебных намерений, мы установим с ними мирные отношения. Во имя этого стоит сто раз рисковать жизнью. Думаю, не нужно объяснять вам колоссальную важность первого контакта человечества с инопланетянами.

По мере приближения момента выхода из субпространства напряжение нарастало. Коробка с личным оружием, разрывные заряды, яды из лаборатории, даже большие кухонные ножи — все давно было выброшено за борт. Трое астронавтов находились в рубке управления, когда раздался негромкий звонок корабль вернулся в обычное пространство. Здесь, на самом краю Галактики, звезды концентрировались с одной стороны. Впереди корабля, в черном мраке, сияла одинокая звезда.

— Вот она, — произнес Гальяс, направляя на нее спектральный анализатор, но мы слишком далеко — на таком расстоянии не удастся произвести точные наблюдения. Совершим еще один прыжок?

— Нет, — покачал головой Хаутамяки. — Сначала определим координаты.

* * *

Как только давление уменьшилось, экраны чувствительных приборов начали светиться. На их поверхности здесь и там возникали вспышки света — это в датчики попадали редкие молекулы воздуха. Передний экран стал таким же темным, как космическое пространство, и в его центре появилось изображение звезды, увеличенное во много раз.

— Но этого не может быть! — воскликнула Чьонд, сидевшая в кресле наблюдателя позади мужчин.

— Почему же не может? — ответил Хаутамяки. — Разумные существа в состоянии создать что угодно, вот только природа не

способна на такое. Существование подобной конструкции подтверждает, что и это удивительное сооружение рукотворно. Продолжим работу.

Увеличенное изображение звезды горело прямо перед ними. Сама звезда не представляла собой ничего необычного — но как объяснить три пересекающихся кольца, окружающих ее? Их размеры соответствовали орбитам планет, вращавшихся вокруг звезды. Даже если они состояли из материала, такого же разреженного, как хвосты комет, соорудить подобные кольца было невероятно трудно, и они представляли собой исключительное достижение разума. А что могли означать цветные огни в этих кольцах, мчавшиеся вокруг звезды словно обезумевшие электроны вокруг атомного ядра?

По экрану пробежали искры, и изображение погасло.

— Возможно, это всего лишь маяк, — заметил Хаутамяки, снимая шлем. — Его назначение — привлечение к себе внимания, как у того радиомаяка, который заинтересовал нас и заставил совершить посадку на далекой планете. Какая раса, способная построить космические корабли, сможет устоять перед соблазном взглянуть на подобное украшение?

Гальяс продолжал вводить поправки к предстоящему курсу в бортовой компьютер.

— И все-таки это кажется мне странным, — пробормотал он. — Если жители этой звездной системы могли создать такие гигантские кольца, почему бы им не построить огромный космический флот и не отправиться в путешествие по Вселенной с целью установления контакта с разумными существами — так же, как поступили мы?

— Надеюсь, мы получим ответ на этот вопрос достаточно скоро. Не исключено, что причиной является психология местных жителей. Возможно, им больше нравится привлекать внимание к себе, вместо того чтобы исследовать далекие звезды. Согласись, что их метод оказался успешным — мы прибыли к ним, а не наоборот.

Глава 4

На этот раз, когда корабль вынырнул из субпространства, сияющие кольца были видны в иллюминаторы невооруженным глазом. Хаутамяки включил радиоприемники, автоматически ищущие и регистрирующие все частоты.

И тут же послышался оглушительный шум сразу на нескольких волнах. Гальяс протянул руку и уменьшил громкость.

— Это похоже на ту передачу, которую мы приняли от

радиомаяка, — заметил он. — Узкий пучок направленного радиоизлучения, исходящий от вон того золотого планетоида. Он огромного размера, но далеко не достигает величины планеты.

— Начнем сближение, — решил Хаутамяки. — Я принимаю на себя управление кораблем, а ты постарайся установить визуальную связь по видеоконтурам.

— Ничего, одни помехи, — сказал Гальяс через несколько мгновений. — Но я посылаю на планетоид видеосигнал — изображение нашей рубки управления. Если у них имеется соответствующее оборудование, они примут его, произведут анализ частот и выберут необходимую... Смотри, изображение на экране меняется! Действительно, они не теряют времени.

По экрану побежали цветовые волны, появилось изображение, расплылось и появилось снова. Чьонд покрутила ручки фокусировки, и оно стало удивительно четким. Раздался общий возглас изумления.

— По крайней мере, это не змеи и не насекомые! — воскликнула Чьонд.

Существо, появившееся на экране, смотрело на них с таким же пристальным вниманием. Трудно было оценить его размеры, но, вне всякого сомнения, оно являлось гуманоидом. Три длинных пальца с перепонками, большой палец торчит в сторону. На экране виднелась только верхняя часть тела; к тому же она была скрыта под одеждой, так что рассмотреть особенности телосложения оказалось невозможно. Однако на экране отчетливо выделялось лицо инопланетянина золотистого цвета, безволосая голова, с большими, почти круглыми глазами. Его нос, если бы он принадлежал человеку, сочли бы сломанным — он был плоским, с широкими, выступающими вперед ноздрями. Это, а также раздвоенная верхняя губа придавали лицу угрожающее выражение.

Однако нельзя применять к инопланетянам человеческие мерки. С их точки зрения лицо могло быть красивым.

— Ш'бб'тиб, — произнес инопланетянин. Теперь визуальный канал дополнялся звуковым. Голос звучал резко, даже визгливо.

— Мы тоже приветствуем тебя, — ответил Хаутамяки. — Нам обоим известно, что мы в состоянии говорить, так что нужно научиться языку друг друга. Мы прибыли с мирными намерениями.

— Может быть, мы действительно прибыли с мирными намерениями, — вмешался Гальяс, — однако этого не скажешь про инопланетян. Взгляни на экран номер три.

На нем появилось изображение, принятое одним из передних датчиков, расположенных в носовой части корабля. Этот датчик

передавал увеличенное изображение планетоида, к которому они приближались. На золотистой поверхности выделялась группа темных зданий, увенчанных лесом антенн. Вокруг зданий были расположены круглые объекты с приземистыми башенками на вершине, напоминающие артиллерию крупного калибра. Сходство усиливалось от того, что трубы большого диаметра поворачивались, следуя за приближавшимся кораблем.

— Уменьшаю скорость приближения, — произнес Хаутамяки, быстро нажимая на ряд кнопок. — Гальяс, установи видеорекордер с многоразовыми кассетами и снимай эти объекты в сильно увеличенном изображении. Сейчас мы узнаем, каковы их намерения.

* * *

Как только скорость движения корабля стала синхронной со скоростью вращения планетоида, Хаутамяки повернулся и указал на экран с изображением орудий, направленных на корабль. Затем он постучал указательным пальцем по своей груди и поднял перед собой руки, широко растопырив пальцы, показывая, что в руках ничего нет. Инопланетянин следил за движениями человека блестящими золотистыми глазами. Он покачал головой из стороны в сторону и повторил жест Хаутамяки, указав пальцем себе на грудь, а затем на экран.

— Он сразу понял, что мы имеем в виду, — произнес Гальяс. — Смотрите, орудия исчезают внутри планетоида!

— Будем продолжать сближение. Ты записываешь все это на пленку?

— Да, конечно. Изображение, звук — все, что показывает каждый прибор. Записывающие аппараты были включены с того момента, когда мы впервые увидели звезду, и пленки автоматически опускаются в бронированное хранилище, как ты распорядился! Что дальше?

— Они уже сделали следующий шаг — смотри. Существо на экране протянуло руку куда-то за его пределы и достало небольшой шар. Из металлической сферы выступал стержень с небольшим рычагом. Когда инопланетянин нажал на рычаг, послышалось шипение.

— Баллончик с газом, — пробормотал Гальяс. — Интересно, что бы это значило? Впрочем, нет — не газ. Внутри сферы вакуум. Видите, в трубку втягиваются зернышки, рассыпанные на столе.

Инопланетянин удерживал рычаг в опущенном положении, пока шипение не прекратилось.

— Остроумно, — заметил Хаутамяки. — Он дал нам понять, что внутри шара находится проба их атмосферы.

...У шара не было никакого видимого движителя, но он мчался к их кораблю, вращавшемуся по орбите вокруг золотого планетоида. Затем остановился на расстоянии нескольких метров, отчетливо видимый в иллюминаторы.

— Какой-то силовой луч, — решил Хаутамяки, — хотя ни один из приборов с наружными датчиками не зарегистрировал поля. Надеюсь, мы узнаем секрет этого луча. Сейчас я открою наружную дверцу шлюза.

Как только дверца открылась, шар влетел внутрь, и астронавты увидели через телевизионную камеру, установленную внутри шлюза, как он мягко опустился на палубу. Хаутамяки закрыл наружную дверь и повернулся к Гальясу.

— Надень перчатки с термоизоляцией и отнеси шар в лабораторию. Там проведи анализ газа, содержащегося внутри. Как только закончишь, выпусти из шара остатки газа, наполни его нашим воздухом и выброси через шлюз.

Корабельные анализаторы гудели, выясняя состав атмосферы планетоида, и инопланетяне занимались, по-видимому, тем же. Анализ был сделан быстро, поскольку представлял собой обычную процедуру, — и через несколько минут на контрольной панели появились цифры.

— Непригодно для дыхания — по крайней мере для нас, — заметил Гальяс. Достаточное количество кислорода, даже более чем достаточное, но сернистые соединения мгновенно разъедят наши легкие. У них, должно быть, совершенно иной метаболизм — иначе как они дышат? Можно определенно сказать, что мы никогда не сможем соперничать с ними за обладание одними и теми же мирами...

— Смотрите! Изображение меняется, — воскликнула Чьонд, глядя на экран.

Инопланетянин исчез, и появилось изображение прозрачного выступа на поверхности планетоида. У них на глазах инопланетянин вошел внутрь откуда-то снизу. Картинка на экране снова изменилась — теперь они смотрели на инопланетянина из этого прозрачного помещения. Инопланетянин пошел по направлению к видеокамере, остановился посреди помещения, протянул руку и словно оперся на воздух.

— Купол разделен пополам прозрачной перегородкой, — заметил Гальяс. Начинаю понимать, что он хочет.

Видеокамера плавно повернулась и остановилась на противоположной стене купола, где была видна дверь, открытая

настежь.

— Ну что ж, все достаточно очевидно, — произнес Хаутамяки, поднимаясь. Перегородка в центре купола герметична, таким образом, его можно использовать для переговоров. Я отправляюсь на планетоид. Записывайте на пленку все происходящее.

— Мне кажется, это ловушка. — Чьонд смотрела на купол с открытой дверью, неуверенно шевеля пальцами. — Ты рискуешь...

Хаутамяки рассмеялся — впервые с тех пор, как они прибыли на корабль.

— Ловушка? Неужели ты думаешь, что все это они проделали лишь для того, чтобы заманить меня в такую изощренную ловушку? Подобное самомнение смехотворно. Но даже если и так, неужели я мог бы отказаться?

* * *

Хаутамяки надел герметический скафандр, вошел в шлюз, подождал, пока давление выровняется, и открыл наружную дверь. Встал в проеме и оттолкнулся от корабля. Гальяс и Чьонд видели в иллюминатор, как исчезает вдали, становится все меньше и меньше одетая в космический скафандр фигура.

Молча, даже не осознавая этого, они прижались друг к другу, наблюдая за встречей. Хаутамяки медленно влетел в открытую дверь купола и коснулся ногами пола. Потом повернулся и увидел, как дверь закрылась. По радио раздавалось шипение, сначала едва слышно, затем все громче и громче.

— Похоже, они повышают давление в той части купола, где ты находишься, пробормотал Гальяс.

— Да, я слышу шипение, и на наружном датчике регистрируется повышение давления, — кивнул Хаутамяки. — Как только оно достигнет нормального, я сниму шлем.

Чьонд начала было протестовать, но ее муж предупреждающе поднял руку, и она умолкла. Решение должен принять сам Хаутамяки, и никто не может помешать ему.

— Воздух самый обычный, хотя ощущаю едва заметный металлический запах, послышался голос Хаутамяки.

Он положил рядом с собой шлем и принялся снимать скафандр. Инопланетянин стоял у прозрачной перегородки, разделявшей две части купола. Хаутамяки подошел к нему. Они стояли, глядя друг на друга, почти одного роста. Инопланетянин приложил ладонь к перегородке, и человек прижал руку к тому же месту со своей стороны. Наконец они встретились друг с другом, и теперь их разделял всего один сантиметр прозрачной перегородки. Без нее обойтись невозможно. Глаза человека и инопланетянина встретились, и они долго смотрели друг на друга, пытаясь понять чужие намерения и прочесть мысли. Наконец инопланетянин отвернулся и подошел к столу, на котором лежало множество разных предметов. Он взял один из них и показал Хаутамяки.

— Килт, — произнес инопланетянин.

Предмет походил на обломок скалы.

Хаутамяки только теперь заметил, что и на его половине купола находится стол с разложенными на нем предметами. По-видимому, на обоих столах лежали одни и те же предметы. Он увидел осколок, похожий на тот, что держал инопланетянин, взял его и поднял над головой.

— Камень, — сказал Хаутамяки и повернулся к невидимому видеопередатчику. Судя по всему, — произнес он, обращаясь к оставшимся на корабле, — мы начинаем с урока языка. Это очевидно. Проследите, чтобы все фиксировалось на пленке. Позже мы разработаем программу машинного перевода для компьютера — если это не сделают инопланетяне.

После того как истощились запасы предметов, которые тут же демонстрировались, урок языка пошел медленнее. Инопланетяне стали показывать фильмы — Хаутамяки стало ясно, что они были приготовлены заранее, иллюстрирующие простые действия. Постепенно осваивались глаголы с временными формами. Инопланетянин даже не старался научиться чужому языку, а всего лишь следил за точностью передачи. Люди тоже записывали все происходящее. По мере того как продолжался урок, лицо Гальяса становилось все более озадаченным. Он начал делать заметки и вдруг прервал урок.

— Хаутамяки, это очень важно. Спроси своего партнера: они просто накапливают словарный запас или программируют компьютер для машинного перевода?

На вопрос Гальяса ответил сам инопланетянин. Он повернул голову в сторону, словно прислушиваясь к доносящемуся издалека голосу, затем начал говорить в чашевидное приспособление, от которого тянулся провод. Через мгновение послышался голос Хаутамяки, монотонный и бесстрастный, поскольку каждое его слово было записано отдельно.

— Я говорю через машину.., говорю на своем языке.., машина говорит с вами на вашем языке.., меня зовут Лием.., нам нужно записать больше слов, прежде чем будем говорить хорошо...

— Надо сделать кое-что без промедления, — заявил Гальяс, когда инопланетянин закончил. — Скажи им, что нам нужен образец их мышечной ткани. Я знаю, что они могут не понять тебя, но все-таки постарайся объяснить.

У инопланетян не было никаких возражений. Они даже не настаивали на том, чтобы им предоставили образец мышечной ткани с человеческими клетками, но приняли его. Герметически запечатанный контейнер с замороженным клочком мышечной ткани инопланетянина прилетел к двери шлюза по силовому лучу. Гальяс извлек его оттуда и направился в лабораторию.

— А ты следи за записью, — велел он жене. — Не думаю, что на этот раз мне потребуется много времени.

Глава 5

Действительно, времени потребовалось немного. Не прошло

и часа, как Гальяс вернулся в рубку управления, двигаясь так тихо, что Чьонд, увлеченная уроком языка, не замечала его, пока муж не остановился рядом с ней.

— У тебя мрачное лицо, — сказала она, взглянув на Гальяса. — Что случилось? Что тебе удалось выяснить? Его лицо исказила мучительная гримаса.

— Уверяю тебя, ничего страшного. Однако ситуация совсем не такая, как мы предполагали раньше.

— В чем дело? — Лицо Хаутамяки на экране повернулось в их сторону.

— Насколько успешным был урок языка? — спросил Гальяс. — Ты хорошо понимаешь нас, Лием?

— Да, — ответил инопланетянин, — теперь мне понятны почти все слова. Однако машина может работать всего с несколькими тысячами слов, поэтому постарайтесь говорить попроще.

— Хорошо. То, о чем я буду говорить, совсем несложно. Сначала хочу задать вопрос. Твой народ прилетел с планеты, находящейся на орбите этой звезды?

— Нет, мы прилетели сюда издалека, долго искали место, где можно поселиться. Нашей родиной является очень далекий мир, среди вон тех звезд.

— И все вы живете в этом мире?

— Мы живем во многих мирах, но являемся детьми детей тех, кто когда-то жил в одном мире — очень давно.

— Мы тоже заселили многие миры, но у всех нас одна родина, — сказал Гальяс и посмотрел на листки бумаги, которые держал в руке. Он улыбнулся инопланетянину, смотрящему с экрана, но в его улыбке было что-то поразительно печальное. — Мы все когда-то жили на планете по имени Земля. И твой народ переселился оттуда же. Мы — братья, Лием.

— Что за безумие! — воскликнул Хаутамяки. Его лицо покраснело от гнева. Лием — гуманоид, он не принадлежит к человеческой расе. Он даже не может дышать нашим воздухом!

— Он — или она — действительно не может дышать воздухом, которым дышим мы, — спокойно ответил Гальяс. — Мы не занимаемся генной инженерией, но знаем, что это возможно. Не сомневаюсь, что когда-нибудь узнаем, как соотечественники Лиема изменили свой генетический код до такой степени, что стали в состоянии жить в тех условиях, в которых живут сейчас. Нельзя исключить вероятности, что это результат естественного отбора и обычной мутации. Однако перемены, происшедшие с ними, кажутся мне слишком радикальными для подобного объяснения. Но не это важно. Разгадка заключается вот в чем. —

Он протянул листы с расчетами и фотографиями. — Можете убедиться сами. Вот цепочка дезоксирибонуклеиновой кислоты ядра одной из моих клеток. А вот цепочка Лиема. Они идентичны. Лием и его соплеменники — такие же люди, как и мы.

— Но этого не может быть! — Чьонд озадаченно покачала головой. — Ты только посмотри на него — он совершенно не похож на нас! Да и их письменность — что ты скажешь о ней? Неужели я могла так ошибиться?

— Ты не приняла во внимание одну возможность — появление совершенно нового алфавита. Ведь ты сама говорила мне, что между китайской письменностью и западными алфавитами нет ни малейшего сходства — китайские иероглифы ничуть не походят на западные буквы. Если народ, к которому принадлежит Лием, пережил культурную катастрофу, в результате которой им пришлось заново изобретать письменность, то у них вполне мог появиться свой собственный инопланетный алфавит, не похожий ни на какой другой. А что касается их внешнего вида подумай о тысячах столетий, миновавших с тех пор, как человечество покинуло древнюю Землю и расселилось по всей Галактике. Подумай и увидишь, что различия не такие уж и значительные. Некоторые из них являются естественными, другие искусственного происхождения, но самое главное в ином — генетический код не может лгать. Мы и они — дети одних предков.

— Да, это возможно, — впервые послышался голос Лиема. — Мне сообщили, что наши биологи согласны с такими выводами. Различий между вами и нами несравненно меньше, чем сходных черт. А где находится эта Земля у наша общая родина?

Хаутамяки указал на небо над головой, на гигантское пространство Млечного пути, заполненное бесчисленными звездами.

— Вон там, на противоположной стороне Галактики, примерно на полпути от ее центра.

— Да, центр Галактики дает нам частичное объяснение случившегося, произнес Гальяс. — Он представляет собой ядро диаметром в тысячи световых лет и с температурой, превышающей десять тысяч градусов. Мы сумели исследовать только его наружную часть. Ни один корабль не может проникнуть внутрь его или хотя бы приблизиться на относительно небольшое расстояние, потому что ядро Галактики окружено пылевыми облаками. Поэтому мы начали двигаться от центра к окраинным областям, медленно огибая края Галактики и все время удаляясь от Земли. Если бы у нас было время подумать,

мы поняли бы, что человечество двигалось и в противоположную сторону, тоже огибая центральное ядро — но в другом направлении.

— И наступило время нашей встречи, — послышался голос Лиема. — Я приветствую вас, братья по разуму. И в то же время эта встреча печальна, потому что я понимаю, что она означает.

— Да, мы, представители человечества, одиноки в этой Галактике. Хаутамяки поднял голову и взглянул на триллионы звезд. — Мы завершили путь — и встретили самих себя. Галактика принадлежит нам, но мы в ней одиноки.

Он повернулся, не заметив, что Лием, золотистый инопланетянин, тоже повернулся, и оба посмотрели в противоположные стороны.

Они глядели в бесконечную глубину и темноту межгалактического пространства, которое не нарушал свет ни одной звезды. Где-то в колоссальной глубине смутно виднелись тускло светившиеся точки — но то были не звезды, а бесконечно далекие галактики, звездные острова, на краю одного из которых они находились.

Эти два разумных существа отличались друг от друга во многом: у них были разные дыхательные системы, цвет кожи, язык, традиции, культура. Они отличались друг от друга, как день от ночи: человечество, умевшее приспосабливаться к самым разным условиям, за многие тысячелетия изменилось так, что его представители не узнали друг друга. Однако время, расстояние и мутации не смогли изменить главного — они остались людьми.

— Значит, сомнений нет — мы одиноки в Галактике, — заметил Хаутамяки.

— Одиноки в этой Галактике.

Они посмотрели друг на друга — и отвернулись. За короткое мгновение они измерили свои человеческие качества одинаковыми мерками и поняли, что равны.

Они смотрели в межгалактическое пространство, в сторону бесконечно удаленного островка света — еще одной Галактики.

— Нам будет нелегко добраться туда, — послышался чей-то голос.

Битва была проиграна. И все-таки это не было поражением.

ИСТОЧНИК ОПАСНОСТИ

— Двенадцать, замок шлема, — задребезжал голос Робсона из наружного динамика его герметизированного скафандра.

— Двенадцать, — отозвался Сонни Грир, глядя на красные стрелки, которые соприкасались остриями на шлеме и плече

скафандра, затем ударил кулаком по замку. — Выровнен и заперт.

— Тринадцать, предохранительный клапан, — Робсон читал, глядя на список проверки, прикрепленный к переборке.

— Тринадцать, закрыт. — Сонни постучал костяшками пальцев по скафандру.

— Четырнадцать, сумка для аварийного ремонта.

— Четыр...

— Что ты делаешь, Сонни? Что, черт побери? — раздался голос капитана Хегга, вошедшего через воздушный шлюз.

— Помогаю профессору проверить готовность к выходу из корабля. Мне кажется, это очевидно, капитан.

— Помогаешь ему как можно скорее погибнуть, вот как я считаю. Ты должен относиться к этому серьезнее. Почему не проверил предохранительный клапан?

— Я осмотрел его: ручка поднята вверх и повернута вниз, как всегда. Клапан закрыт — но мне еще ни разу не приходилось видеть открытый клапан.

— Но ведь ты не можешь знать, что он действительно закрыт, пока не проверишь, — произнес Хегг терпеливо. — Может быть, ручка сломана или повернута только на пол-оборота.

— Нет, капитан, посмотрите сами. — Крошечная ручка не шевельнулась, когда Сонни нажал на нее. — Видите, я прав.

— Нет, Сонни. Ты не следуешь предписанной процедуре, а это самое главное.

— Меа сшра, — согласился Сонни. — Моя вина, — и он поднял руки над головой в шутливом жесте повиновения, обезоруживающе улыбаясь. — Примите во внимание мою молодость, капитан. Обещаю, что это не повторится.

— Надеюсь.

* * *

— Вы ведь не считаете, профессор, что я собираюсь убить вас? — спросил Сонни, печально глядя на удалявшуюся спину капитана. — Если вы умрете, у кого мне удастся иногда выигрывать в шахматы?

— Хегг привык к точному исполнению всех правил. — Через толстое стекло шлема была заметна улыбка Робсона. — Он хороший человек, хотя и ужасно пунктуален. Но капитан считает, что только в этом случае удастся соблюсти полную безопасность.

— Но почему тогда в капкан каждый раз попадает именно моя шея?

Робсон пожал плечами:

— Давай не будем медлить и закончим проверку готовности. Мне хочется забрать ловушки до наступления темноты.

— Вы совершенно правы, профессор. Итак, начинаем с пункта четырнадцатого.

...Сонни следил через иллюминатор, как капитан Хегг и Робсон, медленно и неуклюже двигаясь в герметических скафандрах, перевалили через ближайший хребет и исчезли среди деревьев, как-то странно похожих на земные. Уже не в первый раз он встряхнул головой при мысли о неразумности всего этого.

— Может, сыграем? — предложил Аркадий со своей койки, держа в руке карманные шахматы. — Согласен дать фору — буду играть без ладьи.

— Думаешь, мне приятно совершать самоубийство? В прошлый раз ты выиграл у меня без ферзя.

— Тебе просто не повезло, Сонни. Играя с противником, у которого отсутствует ферзь, ты сумеешь победить даже великого Ботвинника — пусть будет вечной его память, — если будешь просто разменивать фигуры.

— Пожалуй, но я все время забываю об этом. Посмотри, Аркадий, какой прекрасный солнечный день на Кэссиди-2. В деревьях проносится ветер, растет трава — вот только едва заметный зеленоватый оттенок в атмосфере отличает ее от земной. Неужели тебе не хочется сбросить одежду, выйти из купола и прогуляться?

— Чтобы задохнуться через пять секунд? — пробормотал Аркадий, расставляя на доске шахматные фигуры, соответствующие очередной позиции. — Воздух снаружи наполнен смертельными ядовитыми газами, а смесь водорода и метана будет гореть в этом помещении ярким пламенем. И не только в помещении, но и в твоих легких. Даже камни воспламенятся в такой атмосфере. Посмотри, как искусно выиграл Решевский у Эйве в средние века, в 1947 году.

— Да перестань, Аркадий, ты знаешь, что я хочу сказать. Я мог бы читать тебе лекции о прекрасной природе этой планеты. Не забудь, что я — минералог экспедиции, а ты всего лишь туго мыслящий русский горный инженер...

— Завтра утром и я примусь за работу.

— ..Я имею в виду романтику, эмоции, искусство. Взгляни в иллюминатор. Иной мир отделен от нас только этой толстой стеной, но он более недоступен, чем Земля, находящаяся на расстоянии многих световых лет. Неужели ты не чувствуешь? Разве тебе не хочется выйти из этого проклятого купола?

— Если я покину купол без скафандра, через пять секунд мне конец.

— Ты — болван, лишенный воображения. Если славная русская революция в конечном итоге создала таких людей, как ты, пусть уж лучше царь вернется на престол.

— Это верно. Сегодня твоя очередь готовить еду.

— Неужели я могу забыть об этом? Не спал всю ночь, думая, что бы состряпать на ужин. Как по-твоему, осетровая икра пойдет с бефстроганов? Хорошо ли охладилась водка?

— Бифштекс из обезвоженного мяса и кофе — вот предел моих мечтаний, равнодушно ответил Аркадий, не отрывая взгляда от шахматной доски. — Не мучай себя, Сонни.

* * *

— Меня беспокоит молодой Грир, — произнес капитан Хегг, предварительно убедившись, что радиосвязь отключена и он говорит по связному контуру скафандров.

— Сонни — хороший парень, — ответил Робсон, шагая рядом. — К тому же он не так молод, как кажется. Он защитил докторскую диссертацию, провел весьма интересные исследования. Мне приходилось читать его работы.

— Меня беспокоит совсем не его исследовательская деятельность. Если бы он был плохим ученым, Космическая инспекция не предложила бы ему эту работу. Не сомневаюсь, он найдет месторождения полезных ископаемых на этой планете — если они существуют, — а Барабашев изыщет возможности их добычи. С этими проблемами я совсем незнаком, но знаю свою работу, которая заключается в руководстве экспедицией. Моя задача состоит в том, чтобы все ее члены были живы и здоровы. А вот Грир ведет себя слишком беззаботно — особенно если принять во внимание условия на этой планете.

— У него есть опыт работы в полевых экспедициях.

— На Земле, — презрительно фыркнул Хегг. — В Антарктике, джунглях, пустынях. Детские игрушки. Это его первая космическая экспедиция на отдаленной планете, а он ведет себя безответственно. Надеюсь, профессор, вы меня понимаете.

— Отлично понимаю — это моя восьмая экспедиция на дальние планеты. Я не так уж необходим здесь — по крайней мере вы куда нужнее. Единственная причина, по которой начальство включает меня в состав каждой из них — меня или другого эколога, потребляющего изрядное количество пищи, — состоит в том, что оно хочет подчеркнуть научную ценность

исследований на вновь открытой планете и в следующий раз потребовать выделения более значительных средств. Я теперь очень спокойно отношусь к таким экспедициям — хоть и находишься в их составе, но не занимаешь ведущего положения, так сказать, где-то с краю. Нужно дать ему время освоиться и следить за ним. Неужели вы не помните, каким я был во время моей первой экспедиции? На Танарике-4?

Хегг рассмеялся:

— Да разве кто-нибудь из нас сможет это забыть? Прошло, должно быть, не меньше месяца, прежде чем выветрился запах.

— Тогда вы понимаете, что я имею в виду. Все вначале зеленые, как трава. И с ним все образуется.

— Пожалуй, вы правы.

— Смотрите, кто-то попался в мою ловушку! Серпентоид, клянусь всевышним! У него шесть ног!

В двух из остальных ловушек тоже находились образцы местной фауны, и Робсону потребовалось время, чтобы отравить их и поместить в герметический контейнер. Не было никакой возможности доставить образцы на Землю живыми или хотя бы содержать их в куполе — условия не позволяли. Животных придется препарировать и хранить в запечатанных пластиковых пакетах.

Когда они отправились в обратный путь с тяжелым контейнером, солнце начало садиться, и темнота наступила задолго до того, как они подошли к куполу. Однако направленный луч вел их прямо домой, и они заметили прожектор на вершине радиомачты с расстояния в два километра. У них могли возникнуть трудности с воздухом — обоим уже пришлось перейти на резервные баллоны, однако, чтобы добраться до корабля, запаса было более чем достаточно.

Наружная дверь воздушного шлюза открылась. Хегг захлопнул ее за собой, повернул, колесо герметизации и включил насосы, удалившие из помещения шлюза смертоносный воздух планеты. Робсон включил душ, чтобы смыть со скафандров и контейнера ядовитый осадок и частицы почвы.

Из душа с ревом хлынула струя дезинфицирующей жидкости, но тут же прекратилась, и из сетки выпало несколько капель.

— Резервуар пуст, — заметил Хегг, взглянув на индикатор. — Кто должен был наполнить его?

— По-моему, Сонни, — неуверенно ответил Робсон. — Но я не помню списка дежурств.

— Зато я помню, — мрачно произнес Хегг. Он повернулся к аппарату внутренней связи, установленному на стене воздушного шлюза, и нажал на кнопку.

— В чем дело? — послышалось из крошечного динамика. — Этот пост работает днем и но...

— Ты не наполнил резервуар душа, Сонни. Сегодня это твоя обязанность.

— Вы совершенно правы, капитан. Совсем выскочило из головы — все время думал только о приготовлении ужина. Как только вы войдете в купол, я тут же займусь этим.

— Тогда объясни мне, как попасть в купол, если мы не можем очистить и продезинфицировать себя?

Наступила тишина. Через несколько секунд из динамика снова донесся голос Сонни:

— Мне очень жаль. Это всего лишь случайность. Как теперь поступить?

— Ты совершенно прав: предпринять что-то необходимо. Возьми дрель, установи в ней сверло диаметром чуть меньше шланга, находящегося в резервном контейнере. Обточи конец шланга, затем пусть один из вас встанет у резервуара, а другой начнет сверлить отверстие в переборке. Как только сверло проникнет внутрь шлюза, тут же выдерни его и воткни в отверстие конец шланга — и как можно быстрее. Давление с вашей стороны избыточное, так что с вами ничего не случится. Мы по-прежнему в скафандрах. После этого пустите по шлангу жидкость из резервуара. Мы вымоемся под струей из шланга.

— Мне это представляется опасным, капитан. Неужели нет иного выхода?

— Нет. Делай так, как я сказал, и принимайся за работу немедленно.

— Мне кажется странным, что в воздушном шлюзе не поставили бак, который можно было бы наполнять из купола.

— При строительстве купола руководствовались тем, чтобы в герметической переборке, отделяющей внутренние помещения от воздушного шлюза, было как можно меньше отверстий — но давай обсудим недостатки проекта в другое время. Берись за дрель сейчас же!

Капитан Хегг терпеливо ждал. Время шло. Робсон не обладал бесконечным терпением капитана, и им все больше и больше овладевало беспокойство. Он то и дело поглядывал на индикатор, показывавший, сколько воздуха осталось в баллонах, и постукивал по нему пальцем. Стрелка уже достигла нулевого деления. Внезапно раздался пронзительный визг дрели, вгрызающейся в переборку из силиконовой бронзы, и Робсон едва не подпрыгнул от неожиданности. Визг превратился в равномерный рев, и из переборки появился черный наконечник сверла. Затем он исчез, и послышалось шипение воздуха,

проникающего в шлюз. Шипение прекратилось, когда в отверстии показался наконечник шланга, из которого брызнула жидкость.

— Старайтесь вымыться как можно лучше — и перестаньте смотреть на указатель воздуха, — произнес Хегг. — В баллонах находится аварийный запас, не помеченный на индикаторе. Времени у нас вполне достаточно.

Они быстро вымыли друг друга грубыми щетками, стараясь проникнуть в укромные части скафандров. Робсону казалось, что он задыхается. Несмотря на то что он понимал — это чувство лишь воображаемое, ему с трудом удавалось удержаться от панического крика, пока капитан методично, тщательно и не спеша мыл под струей контейнер с образцами, переворачивал его на бок и чистил дно. Наконец Хегг принялся мыть сам воздушный шлюз, после чего проверил чистоту специальным прибором. Обнаружил пару подозрительных мест на полу рядом с дренажным отверстием и заставил Робсона помыть еще раз.

— Ну, теперь все в порядке. — Капитан выпрямился. — И выкачаны все газы, проникшие в шлюз вместе с нами. Включайте подачу воздуха, а я открою дверь.

В помещение шлюза с шипением ворвался воздух, но внутренняя дверь, хоть и не была запертой, не открывалась из-за разницы давлений. Нетерпеливо сжимая и разжимая потные руки в армированных перчатках, Робсон стоял перед ней, стараясь казаться таким же спокойным, как Хегг, стоявший рядом. Наконец шипение поступающего воздуха прекратилось, и капитан открыл дверь. Робсон поспешно снял шлем. Хегг аккуратно поставил свой шлем на полку и подошел к бледному Сонни Гриру, замершему у дальней переборки.

— Ты понимаешь, что натворил? Имеешь хоть малейшее представление?

Слова, вырвавшиеся из уст капитана, удивили его самого, потому что он совсем не собирался произносить их. В равной степени он не хотел никакого насилия, но его кулак сам сжался и приготовился к удару. «Боже мой, — подумал Хегг, — неужели я хочу убить юношу?» Мышцы капитана были удивительно развиты в результате пребывания на множестве планет с повышенной силой тяжести, а его кулак в металлической перчатке мог сломать челюсть Сонни, а может быть, даже шею. Потребовалось немалое напряжение воли, чтобы успокоиться и опустить руку.

Хегг снял перчатки и принялся растирать шею, чтобы снять напряжение.

— Я ведь уже сказал, капитан, что сожалею о случившемся. Видите ли...

— Неужели ты не можешь понять, Сонни? Никакие сожаления

не помогут, если я погибну. У тебя есть опыт участия в полевых экспедициях на Земле. Как ты думаешь, что произойдет в проклятой пустыне Гоби — или где еще там ты побывал, — если ты забудешь наполнить бак душа?

— Я...

— Так вот, ничего не произойдет. Просто кто-то не сможет принять душ и будет ходить некоторое время грязным, вот и все. А что случится здесь в такой же ситуации? Два человека могли погибнуть, вот что! Неужели ты не замечаешь разницы, мистер школьник?

Лицо Сонни Грира покраснело, а затем внезапно побледнело от ярости, но он сдержался. Робсон стоял в дверном проеме, держа шлем в руках, и следил за происходящим.

— Успокойтесь, капитан, — тревожно произнес он. — Не надо заходить слишком далеко.

— Нет, профессор, капитан совершенно прав, — вмешался Сонни. Его голос дрожал — трудно сказать, от гнева или каких-то других эмоций. — Я полностью заслужил эти упреки. — Да я и сам вышел бы из себя, окажись я в подобной ситуации.

Аркадий смотрел на них со своей койки и молчал. Капитан Хегг повернулся к ним спиной — чтобы не видели его лица — и расстегнул герметический скафандр. Он чувствовал, как его зубы оскалились, словно у зверя, готового укусить. Хладнокровная часть его мозга оценивала поведение, и капитан удивлялся своей жестокости по отношению к юноше. Хегг заставил себя снять скафандр и медленными, выверенными движениями уложил его на место. Все в порядке, он снова контролирует свое поведение, держит себя в руках. Аркадий помогал Робсону убрать скафандр в шкафчик; они слышали слова капитана, но не вмешивались.

— Послушай, Грир. Против тебя лично я ничего не имею, надеюсь, тебе это понятно. — Голос капитана звучал спокойно и размеренно.

— Я знаю, капитан. Иногда вы бываете жестоким, но всегда справедливым.

Хегг решил не обращать внимания на едва заметные насмешливые нотки в словах Сонни.

— Очень приятно, что ты согласен со мной. Значит, поймешь, что мои действия продиктованы не личными чувствами, а существующими правилами и заботой о благе экспедиции. Тебе приходилось слышать об оценке поведения всех, кто работает за пределами Земли?

— Нет.

— Я так и думал. Такая система не является секретом, но ее просто не хотят рекламировать. Правила очень просты. Два

выговора — и ты больше никогда не будешь работать в планетарных экспедициях, да и вообще в Космической инспекции. Сегодня ты получил свой первый выговор.

— Что вы хотите этим сказать?..

— Именно то, что сказал. Завтра я пошлю на Землю еженедельный отчет о работе экспедиции. Там будет указано, что по твоей вине остальные члены экспедиции оказались в опасном положении; мое мнение будет отмечено в твоей характеристике. Это не слишком хорошо, но и стыдиться тоже не следует — немало сотрудников Космической инспекции получали подобные выговоры. Важность такой системы двойная: убедить тебя в необходимости точно соблюдать правила и инструкции, а также заставить следить за своим поведением, чтобы не подвергать опасности жизнь остальных членов экспедиции. Если произойдет еще одна такая ошибка, я запрошу замену.

— Боже мой, капитан, но ведь ничего не произошло! Обещаю, что подобного больше не случится. Я буду стараться изо всех сил — только не сообщайте на Землю.

— Ты будешь стараться изо всех сил именно потому, что я сообщу о твоем промахе. Если бы я был достаточно крут, то послал бы первое сообщение, когда ты не проверил предохранительный клапан на скафандре Робсона, и уже сейчас речь шла бы о твоей замене. Я считаю, что из тебя не получится хорошего космического исследователя.

Капитан повернулся и пошел прочь — насколько это было возможно в ограниченном пространстве купола. Сонни смотрел на его спину и беззвучно шевелил губами.

— Я проголодался, — заметил Аркадий, заглядывая в кастрюлю, стоявшую на электрической плите. В ней что-то булькало. — Как всегда, пахнет очень вкусно. Кто-нибудь составит мне компанию?

— Положи мне, Аркадий, — произнес Робсон, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно.

* * *

— У меня создалось впечатление, капитан, что ваше суровое обращение возымело эффект, — сказал Робсон, глядя в иллюминатор и ожидая возвращения Аркадия и Сонни. — Прошло уже больше двух недель, и наш молодой ученый изменил свое поведение, относится к исполнению обязанностей серьезно и очень внимательно.

— Боюсь, не так уж серьезно. Он снова принимается шутить.

— Капитан Хегг пошевелил длинными пальцами, уставшими от работы на принтере. Он готовил отчет. — Ему следовало бы все время быть серьезным.

— Думаю, капитан, вы напрасно беспокоитесь. Человек может обладать чувством юмора и все-таки серьезно относиться к исполнению своих обязанностей. Боже мой, капитан, вы никогда не жалуетесь на мои шутки, хоть и не считаете их смешными.

— Здесь ситуация совершенно иная, профессор. Независимо от вашего самочувствия вы всегда исполняете свою работу одинаково — методично и правильно.

— Некоторые называют такое поведение скучным, как у старой девы.

— На Земле такой термин, может быть, и считался бы правильным — там трудно совершить критически важные ошибки. Здесь же речь идет о том, чтобы выжить. А посему человек может вести себя должным образом либо потому, что это заложено в его характере, либо заставить себя научиться правильному поведению. Есть люди, которым это никогда не удается, тогда они остаются на Земле и работают там. Я спал бы куда спокойнее, если бы наш минералог был в их числе.

— Легок на помине. Вон они возвращаются, волокут огромный контейнер. Надеюсь, капитан, вы не забыли наполнить бак.

— Нет, конечно. Ведь сегодня моя очередь... Хегг взглянул на Робсона и заставил себя улыбнуться, хотя и считал, что шутка не слишком остроумная.

За переборкой заревел душ. Хегг посмотрел на заплату, которую они наложили на просверленное отверстие, и решил завтра же заменить ее — постоянная смена давлений не способствовала прочности эластичного материала, из которого она была сделана. Уже не в первый раз он пожалел, что грузоподъемность корабля, доставившего их на планету, не позволяла захватить слесарные инструменты. Шум воды прекратился, открылась внутренняя дверь, и два человека в скафандрах ворвались в купол, с триумфом указывая на тяжелый контейнер, который едва тащили за собой.

— Настолько чистый, что не понадобится даже обогащения! — воскликнул Аркадий, едва сняв шлем.

— Огромное месторождение, настоящее золотое дно, самая крупная находка в истории человечества — нет, в истории всей Галактики!

Сонни принял торжественную позу, поставил одну ногу на контейнер и широко раскинул руки.

— Из всего этого я делаю вывод, что вы нашли новую рудную

жилу, — сухо заметил Робсон.

— Вы проверяли чистоту шлюза перед тем, как впустить в него воздух?

— Разумеется, капитан, старый вы сторожевой пес! — Сонни был настолько охвачен энтузиазмом, что осмелился фамильярно хлопнуть капитана по плечу и даже не заметил, как угрожающе сузились глаза Хегга. — С этого момента наша экспедиция будет считаться невероятно успешной!

— Корабль прибудет за нами только через три месяца. Нам придется еще немало потрудиться...

— Скучная бумажная работа, капитан, старый мой друг! Целью нашей экспедиции было обнаружить достаточно богатые месторождения титана, бериллия и натрия, чтобы затем начать их добычу с помощью промышленных роботов, поскольку экономически невыгодно доставлять сюда кислород для людей.

— Мы нашли его, — вмешался Аркадий. — Целая гора руды! Чистый металлический натрий. Я уже вижу действующий рудник — работающие экскаваторы, роботы-шахтеры, конвейеры, гул могучих машин, космический порт...

— Стоит русскому ощутить поэтическое настроение, как речь сразу заходит о тракторах или могучих машинах, — заметил капитан Хегг, невольно заразившись их энтузиазмом. — А теперь вылезайте из скафандров. Мне хотелось бы получить письменный доклад о сделанном вами открытии — если вы способны на это. Нужно отправить сообщение как можно быстрее.

Этим вечером они на несколько часов забыли о ненадежности своего хрупкого воздушного пузырька с тонкими стенами, расположенного во враждебном мире, потому что праздновали. Их исследовательская работа оказалась успешной гораздо более успешной, чем можно было надеяться в самых оптимистических прогнозах. Планета Кэссиди-2 будет вынуждена отдать людям хранящиеся в ее недрах металлы, и члены экспедиции получат награды за удивительную находку.

Капитан Хегг залез на самое дно контейнера с обезвоженной рыбой, которую все ненавидели, и достал оттуда четыре бифштекса, припрятанных для особо торжественного случая. Робсон, исполнявший обязанности врача, выдал из своих запасов бутылку медицинского бренди. Алкоголь только улучшил приподнятое настроение; члены экспедиции вполне могли бы обойтись без него. Это был вечер, который запомнится надолго. Спать легли поздно, переговариваясь в темноте и заливаясь хохотом, когда Робсон принялся заливисто храпеть во сне. Затем уснули один за другим...

Капитан Хегг проснулся от внезапного предчувствия чего-то

страшного. Он потряс головой, проклиная последствия выпитого бренди, пытаясь Понять, почему проснулся. В помещении было темно — светились только огоньки контрольной панели, следящей за происходящим в куполе. Даже с верхней койки капитан видел, что все лампочки были зелеными. Значит, дело не в этом. Стоило хотя бы одной из лампочек стать красной, контрольная панель, включенная на автоматическое ночное дежурство, тут же подала бы пронзительный сигнал тревоги, способный пробудить мертвого. Так что же произошло? Он кашлянул и прочистил горло.

И вдруг капитана охватила паника — он глубоко вздохнул и зашелся в приступе кашля. Дым! Но в куполе не может быть дыма. Курение было запрещено, несмотря на то что здесь почти не было предметов, способных воспламениться...

Контейнер с образцами натрия!

* * *

— Подъем! — крикнул капитан Хегг, не то прыгнув, не то упав с верхней койки.

Вскочив, он бросился к выключателю. В тот момент, когда его рука коснулась выключателя, капитан увидел светящуюся красную полоску под крышкой контейнера.

— Всем вставать! Быстро!

Хегг стащил Сонни с верхней койки и одновременно пнул Аркадия в бок. Больше времени не оставалось. Он услышал шаркающие шаги Робсона у себя за спиной и бросился к контейнеру.

— Робсон! Открывайте дверь в шлюз!

Профессор схватился за колесо, открывающее дверь, еще до того, как Хегг закончил свою команду. Капитан уперся плечом в контейнер и стал толкать его к двери шлюза — и в это мгновение боковая стенка контейнера отвалилась. Ревущее пламя вырвалось наружу. Клубы густого белого дыма заполнили помещение, и ослепительный свет залил переборку. Хегг упал на спину, содрогаясь в приступе кашля и рвоты. Сонни перепрыгнул через него и накрыл контейнер охапкой одеял и простыней. Жаростойкий материал на мгновение погасил пламя и прекратил распространение дыма. Сонни с Аркадием принялись тащить контейнер к открытой двери шлюза.

В следующее мгновение пламя прорвалось сквозь тонкие одеяла, но контейнер был уже у самой двери. Из пылающего ящика капал расплавленный натрий. Аркадий поскользнулся и

упал на колени в самую середину лужи жидкого металла. Молча, не издав ни единого звука, Аркадий откатился в сторону и принялся сбивать пламя с пижамных брюк голыми руками. И тут Сонни с Робсоном последним отчаянным усилием вытолкнули пылающий ящик в помещение шлюза. Робсон закрыл дверь.

— Откачивающий.., насос... — пробормотал Хегг, сдерживающий приступ кашля, но Аркадий уже сумел подползти к панели, и мотор заработал.

Дым становился все гуще, пока последняя капля расплавленного металла не была собрана и сброшена в герметический контейнер для образцов. Контейнер изнутри был покрыт металлом; прежде чем металлические листы прогорели, туда успели закачать инертный газ — гелий. Пламя погасло, поскольку кислород, быстро окисляющий натрий, был удален из контейнера. Заработали вентиляторы, и с каждой секундой атмосфера в помещении купола становилась все чище. Дым исчезал.

— Что случилось? — спросил Аркадий, потрясенный стремительностью происшедшего.

По его ногам текла кровь, но ни он, ни остальные не замечали этого.

— Один из замков на контейнере с образцами металлического натрия не был закрыт, — хрипло произнес Робсон. — Я заметил это, когда выталкивал контейнер через дверь шлюза. Правый замок не был защелкнут до конца. Достаточно, чтобы внутрь просочился воздух...

— Кто закрывал контейнер? — загремел голос капитана Хегга — приступ кашля у него или прошел, или он сумел перебороть его.

— Я, — ответил Аркадий и мрачно добавил:

— Но Сонни снова открыл его, чтобы положить последний образец.

Все трое повернулись в сторону Сонни словно по команде.

— Но я не хотел.., может быть, совершенно случайно... — пробормотал тот, все еще не пришедший в себя от внезапности случившегося.

Робсон стоял ближе всех к Сонни.

— Ты.., ты... — начал он, но не смог подобрать слов.

Низенького роста, с блестящей от пота лысой головой и обвислыми щеками, он должен был выглядеть смешным в приступе ярости, но ничего смешного в нем не было. Словно по своей воле его правая рука размахнулась и ударила по щеке молодого человека. Сонни отшатнулся, прижав пальцы к появившемуся красному отпечатку ладони на бледной щеке.

С трудом передвигая ноги, Аркадий подошел к нему и, изо всех сил ударив тяжелым кулаком в лицо, опрокинул его на пол. И тут все трое накинулись на лежащего, избивая его руками и ногами.

Капитан Хегг еще раз пнул неподвижное тело в бок и лишь тут понял, кто он и что здесь происходит. Он сделал шаг назад и попытался громким окриком остановить избиение. Но ни Робсон, ни Аркадий не слышали его. Тогда капитан стал оттаскивать их — тоже тщетно. Наконец сильным ударом, нанесенным ребром ладони, Хегг усмирил Аркадия и, когда тот потерял сознание, сумел оттащить маленького профессора к его койке и держал его там до тех пор, пока Робсон не прекратил сопротивляться.

— Дайте ключ от аптечки, — сказал капитан, когда понял, что профессор слышит его голос.

Никто не обсуждал события этой ночи. Наутро была произведена уборка помещения. Сонни Грир в течение трех суток лежал в кровати, перебинтованный и молчаливый, и закрывал глаза всякий раз, когда к нему подходили. Ожоги Аркадия были серьезными, их лечили, но он старался исполнять нетрудную работу, с трудом передвигаясь по куполу. Капитан Хегг начинал кашлять, стоило ему только взяться за тяжелую работу. Профессор Робсон, хотя и не пострадал физически, казалось, постарел, уменьшился ростом, и кожа на его лице обвисла еще больше. Все трое искали одиночества, и когда им приходилось разговаривать, делали это тихими голосами.

До прибытия космического корабля с новой сменой на борту оставалось тринадцать недель.

На четвертый день Сонни Грир встал с кровати. Если не принимать во внимание синяки на лице и бинты на различных частях тела, он выглядел способным исполнять свои обязанности.

— Могу я чем-нибудь помочь? — спросил он. Услышав его голос, Аркадий и Робсон отвернулись. Капитан Хегг заставил себя ответить:

— Вы можете помочь нам только следующим образом. Аркадий не может надеть скафандр, поэтому вам придется еще раз выйти вместе со мной из купола, чтобы собрать образцы. После этого вы освобождаетесь от исполнения всех обязанностей. Я требую, чтобы вы находились в своей кровати или рядом с ней. Категорически запрещаю прикасаться к приборам или панели управления. Пищу вам будут приносить.

После этого никто не разговаривал с Сонни, даже передавая ему пищу. С каждым днем напряжение в маленьком куполе нарастало, и Хегг опасался, что может произойти что-то непоправимое.

Один раз, по пути от кровати к туалету, Сонни споткнулся и случайно оперся на консоль контроля воздуха внутри купола. Аркадий тут же ударил его, отбросив к противоположной переборке. Хегг все откладывал поход за образцами и наконец был вынужден назначить его на следующий день.

«Может быть, — подумал он, — если увести Сонни от двух остальных членов экспедиции на целый день, это поможет разрядить обстановку».

— Завтра мы выходим за образцами руды, — объявил он.

Воцарилась гнетущая тишина.

— Разрешите мне помочь вам в проверке скафандра, капитан, — произнес наконец Аркадий.

— И мне тоже, — вскочил Робсон. — Если мы с Аркадием будем проверять друг друга, ничего случайного произойти не сможет.

Хегг был вынужден согласиться. Теперь события развивались только таким образом. Все трое проверяли и перепроверяли друг друга, испытывая чуть ли не панический страх перед опасностями, ждущими их на поверхности планеты. Капитан Хегг не мог себе представить, как им удастся провести здесь оставшиеся три месяца. Когда Аркадий и Робсон отошли от шкафчика капитана, проверив его скафандр, Хегг почувствовал, что Сонни смотрит на него.

— Вы разрешите мне проверить свой скафандр, капитан? — спросил он.

До сих пор никто не подходил к его скафандру. Казалось, Сонни просто не существует.

— Давайте, — кивнул Хегг.

Когда Сонни принялся осматривать скафандр, капитан стоял позади него, следя за каждым движением. Это было его привычкой, и он не мог отказаться от нее.

* * *

Утро следующего дня было еще хуже. Сонни пришлось натягивать скафандр самому, потому что остальные не обращали на него внимания и в то же время три раза проверили скафандр капитана, прежде чем признали Хегга готовым к выходу на поверхность планеты. Хеггу пришлось закрыть внутреннюю дверь шлюза, после чего он заставил себя подойти к Сонни и проверить его скафандр. Капитан, казалось, испытывал чувство отвращения при мысли, что ему нужно прикоснуться к Сонни.

— Один, — произнес Сонни. — Запасной баллон с

кислородом полон.

— Один, — повторил Хегг и усилием воли заставил себя постучать пальцами по металлу скафандра, принадлежащего человеку, которого он ненавидел.

Они продолжили проверку.

— Тринадцать, предохранительный клапан.

— Тринадцать, клапан закрыт. И вдруг пальцы Хегга шевельнулись и приоткрыли клапан на пол-оборота.

— Одну минуту! Вот, теперь все в порядке.

Дрожащей рукой капитан снова закрыл предохранительный клапан.

«Что это нашло на меня? — подумал Хегг, когда они вышли из шлюза и направились к отдаленным холмам. — Почему я попытался сделать это?» Капитан не испытывал сознательного желания убить Сонни, хотя понимал, что лучше бы ему было умереть, пока он, ставший источником постоянной опасности, не убил каким-то образом их всех.

Ситуация была простой. Сонни Грир ежедневно, ежеминутно угрожал всем. От него исходила смертельная угроза. Он не был больше их соратником. Сонни заключил союз с этой враждебной планетой, встал на ее сторону в борьбе против трех остальных. Именно поэтому Аркадий и Робсон сторонились его, как Ионы, презревшего Бога. Сонни и был Ионой, даже хуже Ионы. Он был связан со всемогущими силами, старающимися уничтожить их, и оба, по-видимому, чувствовали, как и сам капитан, что Сонни было бы лучше умереть.

В этот момент Сонни отпустил ручку контейнера для образцов, который нес вместе с Хеггом, споткнулся и упал.

Потрясенный, капитан смотрел, как Сонни беззвучно корчится, схватившись за шлем. Контур связи между скафандрами был отключен, и сквозь плотную атмосферу доносились только едва слышные звуки. Хегг склонился над ним, не понимая, что произошло. Тело Сонни изогнулось и безжизненно обмякло. Хегг перевернул его на спину и посмотрел через прозрачное забрало шлема на мертвое, искаженное смертельными страданиями лицо.

Охватившее капитана чувство жалости тут же сменилось невероятным облегчением.

Сонни погиб, по-видимому, вдохнув ядовитую атмосферу планеты. Но как мог смертельный газ проникнуть в его герметический скафандр? В нем не могло быть трещин или порезов. Капитан был готов поклясться в этом — ведь он сам проверял скафандр Сонни. Затем он вспомнил про свои предательские пальцы, попытавшиеся открыть

предохранительный клапан скафандра и, наклонившись, проверил его. Нет, клапан был закрыт.

Впрочем, действительно ли он закрыт? Ручка клапана поднята вверх вертикально вверх — но почему виден такой большой кусок винтовой резьбы? Хегг повернул мертвое тело, чтобы солнце освещало предохранительный клапан.

Он был наполовину заклинен металлической крошкой. Воздух был вытеснен из скафандра, и, когда давление упало, внутрь начали просачиваться ядовитые пары снаружи. Нет, не начали — а просочились, потому что Сонни Грир был мертв, действительно мертв.

И снова чувство облегчения охватило капитана, но вместе с ним возник назойливый вопрос: как металлическая крошка попала в предохранительный клапан? Случайно? Удивительный случай — крошка застряла в таком месте, что открытый клапан выглядел внешне и при проверке закрытым.

— Причина смерти — несчастный случай, — произнес капитан Хегг громче, чем следовало.

Он встал, стряхнул пыль с перчаток, затем потер их о бедра скафандра.

— Придется назвать это несчастным случаем, — обратился Хегг к неподвижному телу. — Я ведь не могу занести происшествие в журнал как самоубийство. В общем-то, можно назвать его актом самозащиты, или убийством в пределах необходимой самообороны, а может быть, еще как-нибудь. Но зачем осложнять дело, правда, Сонни?

Теперь, когда смерть устранила опасность, капитан впервые почувствовал жалость, которая раньше подавлялась стремлением выжить.

— Прости меня, Сонни, — тихо прошептал он и прикоснулся к безжизненному плечу. — Тебе не следовало быть здесь. Как бы мне хотелось, чтобы ради всех нас мы узнали об этом раньше... Но главным образом ради тебя, — сказал он, вставая. Затем более твердым голосом произнес:

— Нужно вернуться на корабль, уладить формальности, попытаться восстановить нормальную жизнь.

И начать понемногу забывать о Сонни.

РАССЛЕДОВАНИЕ

Капитан Рисби, коренастый, широкоплечий, сидел за своим письменным столом, словно вырос на этом месте. От него исходило ощущение силы и решительности, что полностью соответствовало действительности, а также медлительности и

глупости, что было совершенно обманчивым. Сейчас, почесывая голову с коротко остриженными седыми волосами толстым указательным пальцем, он выглядел каким-то особенно тупым.

— Если бы я знал, какова цель вашего расследования, почтенный сэр Питеон, я сумел бы принести вам значительно больше пользы...

Худой альбинос, сидевший напротив, резко прервал попытку капитана узнать что-то.

— Здесь я занимаюсь порученным мне делом — мне, а не вам. Вы обязаны помочь мне, не задавая никаких вопросов. Когда придет время, вам сообщат о цели моего приезда. Подчеркиваю — когда придет время, — сейчас мне не до этого. А пока помогите мне. Прежде всего — вы можете организовать для меня посещение королевского дворца, не возбуждая подозрений относительно моего визита?

Почтенный сэр Джордж Суваров Питеон не любил пользоваться своим высоким положением, однако в данном случае это оказалось необходимо. При исполнении обязанностей ему приходилось прибегать к этому, поскольку иногда обстоятельства требовали проявления властности и высокомерия, равно как при осмотре изуродованных до неузнаваемости трупов — одной из неприятных обязанностей сэра Питеона. Он выбрал подобный тон для разговора с капитаном Рисби не из чувства гнева, а потому, что так подсказал ему опыт. Только таким способом можно подчинить себе упрямых выходцев с планеты Такора, у которых почти полностью отсутствует воображение. Эти люди были самыми преданными солдатами империи — и требовалось принимать во внимание их уважение к общественному положению и редкостное чинопочитание. Разговаривая таким образом с капитаном Рисби, сэр Питеон сразу расставил все по своим местам — как по своим личным качествам, так и по занимаемому положению он намного превосходил собеседника, отныне его взаимоотношения с капитаном Рисби и его подчиненными будут хорошими.

Говоря по правде, резкий тон сановника не оскорбил капитана Рисби. Он сделал попытку оспорить авторитет сэра Питеона, и теперь оба знали, как им относиться друг к другу. Беловолосый мужчина, сидевший напротив капитана, был одним из тех, кто сохранял порядок в империи и не давал ей развалиться. Капитан с готовностью исполнит все его приказы. Сэр Питеон не принадлежал к числу розовоглазых паразитов, живших за счет других. Когда наступит время, приехавший сановник сообщит ему о цели приезда, а пока капитан проявит терпение.

Капитан Рисби не сказал, что догадывается о цели приезда сэра Питеона. Королевский дворец, именно здесь таилась разгадка тайны. Слегка повернув свое кресло, он видел его над крышами казарм, на вершине холма за пределами города. Странное сооружение, целиком покрытое керамическими плитками, перекрывающими одна другую, каждая нежно-голубого цвета. Похож на сахарный замок. Создавалось впечатление, что стоит его как следует пнуть — и замок рассыплется на тысячи обломков.

— Вы сможете попасть во дворец безо всякого труда, почтенный сэр, произнес капитан. — Как только ваше имя и звание станут известны королевской семье, вас сразу пригласят туда. Нашу заброшенную планету редко посещают такие знатные люди, поэтому приглашение последует немедленно. Если хотите, я бы мог... — Он не договорил, дав возможность сэру Питеону самому принять решение.

Сановник продемонстрировал, что ничуть не сердится на командира гарнизона, и кивнул.

— Отложим это на более позднее время. Сначала мне хотелось бы кое-что выяснить. Мне понадобится ваша помощь, но никто не должен об этом знать. До тех пор пока не наступит подходящий момент, лишь один вы будете в курсе, что я веду расследование.

— Слушаюсь, сэр Питеон. Я буду исполнять все ваши приказы.

Капитан выпрямился и щелкнул каблуками. Сэр Питеон вышел из кабинета начальника гарнизона.

Кэй ждал его на середине казарменной площади, массивный и приземистый, похожий на дубовый пень. Даже коренастые солдаты с Такоры были выше его ростом, потому что сила притяжения на их планете, в полтора раза превышавшая земную, оказала малозаметное влияние на строение их тел. А вот Кэю четырехкратное земное притяжение казалось нормальным: безжалостный генетический отбор превратил его и всех его соплеменников в массивные невысокие фигуры, состоявшие сплошь из костей, мышц и сухожилий. Физическая сила Кэя была поразительна.

В походке сэра Питеона не было заметно спешки, казалось, он шел без определенной цели. Рассеянность и дилетантизм имперской знати были общеизвестны и потому представляли собой великолепное прикрытие для действий следователя. Проходя мимо Кэя, он громко щелкнул пальцами. Приземистый мужчина подбежал к нему удивительно быстро.

— Ну, что тебе удалось узнать? — спросил сэр Питеон, не

глядя на Кэя.

— Все, что нужно, Джорджи, все, что нужно, — пробормотал Кэй низким голосом. — Пока служащий отсутствовал, я успел снять копию всего дела.

Кэй работал с почтенным сэром Питеоном еще с того времени, когда перед именем: его начальника не было титула «сэр». Дружеские отношения между ними служили бы предметом зависти многих — если бы о них кто-то знал.

— Значит, тебе уже известно имя преступника? — Питеон широко зевнул.

Подслушать их разговор было невозможно, и они поддерживали видимость беседы хозяина и слуги, чтобы обмануть тех, кто решит наблюдать за ними издалека.

Кэй низко поклонился и пробурчал в ответ:

— Я знаю свое дело, старый приятель, но не настолько хорошо. Мы высадились на этой планете, где сила притяжения ничтожна, всего два часа назад. За это время я успел снять копии расследования, показаний свидетелей, мнений экспертов — словом, все. Для первого шага неплохо.

— Тогда настало время сделать второй, — произнес сэр Питеон, направляясь к выходу. — Начнем теперь от ворот королевского дворца.

Кэй поспешил за ним, быстро семеня короткими мощными ногами.

Через несколько минут они подошли к воротам королевского дворца. Прохожих на улицах было немного, к тому же у местных жителей — андриаданцев — почти отсутствовал интерес к происходящему вокруг. Они уступали дорогу беловолосому землянину, но делали это чисто автоматически, шагая в сторону длинными похожими на ходули ногами.

— Орясины! — пробормотал Кэй, оскорбленный удивительной длиной их ног и худобой.

Любой из местных жителей мог перешагнуть через него, даже не обратив на это внимания.

Свои записи Кэй держал в путеводителе по столице Андриады. Казалось, он читает строки книги, кивая в сторону стены дворца, покрытой нежно-голубыми пластинами.

— Это — главные ворота, те самые, из которых выехал автомобиль. Судя по журналу привратника, это произошло ровно в 21.35. Затем автомобиль свернул на улицу, что позади нас.

— И в машине, кроме водителя, сидел один принц Мелло? — спросил Питеон.

— Водитель утверждает, что принц был в машине один. Таковы же показания привратника. Один шофер, один пассажир.

— Хорошо. И куда они поехали дальше? Питеон направился вдоль по улице.

— Вот до этого угла, — пробормотал Кэй, делая жест в сторону абстрактной керамической конструкции, украшенной колокольчиками, висящей у здания. Колокольчики раскачивались, издавая звон. — Здесь принц крикнул: «Стой!», и водитель нажал на тормоза. Еще до того, как автомобиль полностью остановился, принц открыл правую дверцу, выпрыгнул из машины и побежал по этому проходу.

Они последовали вдоль прохода, по которому побежал несчастный принц год назад. Кэй смотрел в путеводитель и шел вперед в соответствии со своими записями.

— Принц выскочил из автомобиля, не оставив указаний водителю. Назад он тоже не вернулся. Прошло несколько минут, и водитель забеспокоился. Он вышел из машины и пошел по тому же проходу — вот до этого маленького перекрестка — и нашел принца лежащим.

— Принц был мертв — удар ножом в сердце. Он лежал здесь один, залитый кровью, — добавил Питеон. — Никто не видел и не слышал, что произошло, и никто не имеет ни малейшего представления о случившемся.

Он медленно повернулся, глядя по сторонам. Здания, окружающие перекресток, выходили сюда задними стенами, и лишь несколько дверей виднелось в них. Не было видно ни одного прохожего. От крошечной площади уходили две улицы.

Послышался скрип несмазанной двери, и Питеон мгновенно обернулся. Одна из дверей приоткрылась, и в щели показалась фигура высокого андриаданца, который, мигая, смотрел на него. На мгновение их взгляды встретились. Затем местный житель сделал шаг назад и закрыл дверь.

— Интересно, эта дверь заперта? — поинтересовался Питеон.

Кэй не упустил ничего из происшедшего. Он мгновенно поднялся по двум ступенькам и нажал плечом на дверь. Она затрещала, но не поддалась.

— Надежный замок, — заметил Кэй. — Может быть, нажать посильнее?

— Пока не надо. Подождем с этим. Не исключено, что дверь не имеет никакого отношения к убийству принца.

Они вернулись к дворцу другим путем, наслаждаясь теплом золотистого вечера. Андриадское солнце ярко сияло на небе, заливая все вокруг желтыми лучами. Керамические стены зданий отбрасывали нежно-пастельный свет на улицы. Воздух, напитанный ароматом цветов, негромкий городской шум, доносящийся словно издалека, — все это создавало мирную

атмосферу, которая казалась им необычной после рева машин в центральных мирах империи.

— Никогда бы не подумал, что здесь может произойти убийство, — еле слышно пробормотал Кэй.

— И я придерживаюсь такой же точки зрения. Но ты уверен, что эти люди такие добродушные, как кажется с первого взгляда? Знаю, их считают мирными и спокойными. Тихие, законопослушные аграрии, ведущие жизнь, полную исключительной нежности и домашнего уюта. Действительно ли они таковы — или у них существует скрытая тенденция к насилию?

— Вроде той приятной старой дамы, хозяйки пансионата на Вестериксе-4, вспомнил Кэй. — Той самой, что прикончила семьдесят четыре постояльца, прежде чем нам удалось накрыть ее. А какой склад чемоданов оказался в подвале пансионата!..

— Не надо совершать ошибку и искать сходство между двумя преступлениями, опираясь только на похожие обстоятельства. Множество планет — вот как эта Андриада — оказались отрезанными от главного потока галактической культуры. У них появились свои традиции, характерные черты, особенности, о которых нам ничего не известно. Если мы хотим успешно завершить дело, необходимо все это выяснить.

— Тогда почему бы не заняться подобными исследованиями прямо здесь? — Кэй ткнул большим пальцем в сторону ближайшего ресторана, где вокруг мирно плещущего фонтана были расставлены столики и стулья. — Мне ужасно хочется пить.

Андриадское пиво оказалось холодным и великолепным на вкус. Его подали в больших керамических кружках. Усевшись за стол напротив Питеона, — здесь их никто не знал, и не было никакой необходимости продолжать притворяться хозяином и слугой, — Кэй осушил кружку едва ли не одним глотком. Затем он громко стукнул пустой кружкой по столу и, потребовав новую порцию, что-то сердито забормотал под нос, наблюдая, как длинноногий официант медленно подходит и ставит на стол две полные кружки. На сей раз Кэй не спешил и с наслаждением пил пиво маленькими глотками, оглядываясь по сторонам.

— Смотри, посетителей почти нет, — заметил он. — Не сомневаюсь, что кухня работает, — я чувствую доносящийся оттуда запах. Давай попробуем местную стряпню. Армейский харч все еще сидит у меня в желудке после завтрака — мой организм отказывается его переваривать.

— Заказывай, если хочешь, — ответил Питеон, глядя на улицу через резную деревянную перегородку. — Впрочем, местная пища вряд ли тебе понравится. Если ты еще не прочитал

в путеводителе, напоминаю тебе, что андриаданцы едят исключительно вегетарианскую пищу.

— Значит, никаких бифштексов? — застонал Кэй. — Если бы я не умирал с голода, то даже не подумал бы прикоснуться к местной жратве. Заказывай уж сам — если ты сможешь есть здесь, я тоже выдержу.

Питеон предоставил выбор блюд официанту — тот принес и поставил на стол большой поднос с тарелками самой странной формы. Их содержимое отличалось запахом и внешним видом, но вкус еды был одинаковым.

— Совершенно безвкусно, — пробурчал Кэй и посыпал все блюда слоем сухой приправы.

Затем принялся за еду, поглощая одно блюдо за другим, надеясь компенсировать качество количеством. Питеон ел медленно, наслаждаясь разнообразием запахов.

— У различных блюд свое очарование, — заметил он. — Однако их аромат очень тонок, ничего резкого вроде лука или чеснока. Если постараться, начинаешь понимать местные вкусы.

— Ужасно! — фыркнул Кэй, отодвигая от себя пустые тарелки и громко рыгая.

Теперь его внимание привлекла ваза с экзотическими фруктами.

...Крик не был особенно громким или страшным. Скорее он оказался неожиданным и удивительно не соответствовал мирной атмосфере, царившей в городе. Внезапный дикий вопль рассек негромкие разговоры, доносящиеся с улицы, и деликатную музыку керамических колокольчиков, раскачиваемых ветром. Кэй едва не подавился куском чего-то, похожего на грушу, но вкусом напоминавшего дыню. Стеклянный нож выпал из его руки и разбился о каменный пол — тут же в этой руке появился черный пистолет. Питеон сидел неподвижно, как статуя. Он только следил за происходящим.

Официанты и посетители с быстротой, необычной для андриаданцев, сгрудились у деревянной решетки, отделяющей ресторан от улицы. На тротуарах вокруг оказалось множество людей, заполнивших обе стороны улицы. Все смотрели в одном направлении: на лицах застыло выражение ожидания, смешанного со страхом.

— Что здесь происходит? — спросил Кэй. Пистолет уже исчез под рубашкой, но Кэй все еще посматривал по сторонам с настороженностью дикого зверя. Снова послышался вопль — на этот раз ближе и громче. Было ясно, что его издает какое-то животное.

— Скоро узнаем, — ответил Питеон. — Смотри, вот и они.

Множество людей тянули за канаты, привязанные к большой деревянной клетке, другие толкали бревна, прикрепленные к ней. Клетка двигалась очень медленно, раскачиваясь на длинных деревянных полозьях, — в этом было что-то необычное, ведь весь транспорт на Андриаде передвигался на колесах. Устройство клетки, а также испуганное выражение лиц зрителей, взгляды которых были прикованы к странному зрелищу, свидетельствовали о том, что происходит важное событие.

Внутри клетки находилось животное — пятнистый хищник с огромными клыками и острыми когтями, он превосходил размерами земного льва. Хищник расхаживал по клетке, озадаченно глядя на зевак. Он снова открыл пасть и издал страшный рев. По толпе андриаданцев пробежала дрожь.

— Что это за зверь? — спросил Питеон стоявшего рядом официанта.

— Ссинд, — произнес тот и вздрогнул.

— Что с ним собираются делать?

Судя по всему, это был неудачный вопрос, потому что андриаданец изумленно посмотрел на землянина, затем покраснел, что-то пробормотал и отвернулся.

— Заплати по счету, — велел Питеон Кэю, — и пошли за клеткой. Думаю, мы будем свидетелями того, о чем уж точно не упоминается в путеводителях.

Рев ссинда, глухо доносившийся издалека, отдавался эхом в опустевших улицах. Когда Питеон и Кэй догнали медленно движущуюся клетку, та уже почти достигла места назначения — широкого поля чуть ниже королевского дворца. Клетку втащили на возвышение, и ее окружили люди с веревками в руках. Пробиться поближе оказалось совсем нетрудно, потому что местные жители были, казалось, поглощены одновременно любопытством, смешанным с ужасом, и отвращением. Здесь и там в толпе виднелись большие просветы, а сама толпа непрерывно двигалась и перемещалась, словно в непрерывном броуновском движении. У самого возвышения было пусто — никто не решался подойти близко к клетке. Питеон и Кэй встали в первый ряд и стали наблюдать, как странная церемония приближалась к развязке.

Паутина прочных веревок теперь удерживала ссинда внутри клетки и не давала ему двигаться. Когда наброшенная на шею зверя петля подняла вверх его голову, обнажив горло, он издал рев, полный ужаса. Происходящее казалось Питеону совершенно бессмысленным.

— Смотри! — прошипел Кэй. — Человек в белой рубашке. Ты помнишь его по фотографиям?

— Да, это король, — кивнул Питеон. — Все интереснее и интереснее.

С возвышения не доносилось ни единого слова; события развивались с удивительной быстротой. Не прошло и тридцати секунд, как все закончилось. Король посмотрел на толпу и опустил голову. Тысячи зрителей кивнули в ответ. Затем король повернулся и взял из рук служителя нож. Молниеносным движением он вонзил нож в середину шеи хищника, обвязанной белой тканью.

По толпе пронеслась немая дрожь. Казалось, тысячи зрителей одновременно вздохнули. Связанный ссинд рванулся, пытаясь разорвать удерживавшие его веревки, издал последний ужасный рев, полный смертной боли, и рухнул на пол клетки. Король вытащил нож из горла хищника, и белая ткань на шее животного окрасилась в ярко-багровый цвет. Стоявший рядом с Питеоном зритель упал на колени, сотрясаясь в приступе рвоты.

И он оказался не единственным — отвращение и ужас охватили всю толпу. Среди зрителей было всего несколько женщин, и все они упали в обморок при виде страшного зрелища. Немало мужчин последовали их примеру. Друзья и знакомые поспешно выносили их из толпы.

Поле опустело с подозрительной быстротой, даже король и придворные поспешили уйти. Не прошло и минуты, как на поле остались лишь два пришельца из другого мира и клетка с мертвым зверем.

— Черт меня побери! — изумленно воскликнул Кэй. — Я не вижу в случившемся ничего страшного. Мне приходилось видеть и более ужасные сцены. Помню, однажды...

— Избавь меня от своих мрачных воспоминаний, — прервал его Питеон. — Я уже слышал их много раз. А ты прав. Я тоже не вижу в происшедшем ничего особенно страшного — зверю даже шею обернули белой тканью, чтобы закрыть рану.

Он подошел к клетке и задумчиво посмотрел на мертвого ссинда, избавленного точным ударом ножа от мирских страданий.

— Но что все это значит? — спросил Кэй.

— Придется выяснить. Нам происшедшее кажется бессмысленным, однако для местных жителей оно представляет, по-видимому, огромное значение. Давай вернемся на базу и поговорим с Рисби. Он прибыл сюда девять лет назад и не может не знать, в чем дело.

* * *

— Значит, вам удалось раскопать местный секрет, — заметил капитан Рисби. Мне трудно сказать, гордятся они этим или стыдятся. Как бы то ни было, они не мешают зрителям наблюдать за происходящим, хотя решительно возражают против рекламы или какого-либо официального внимания. На протяжении девяноста шести лет оккупации планеты мы старались не обращать на эту странную традицию никакого внимания.

— Может быть, это нечто вроде религиозной церемонии? — спросил Питеон.

— Вполне возможно, достопочтенный сэр. Как-то здесь оказалась антропологическая экспедиция, проявившая к ритуалу немалый интерес, и вскоре мы получили официальную просьбу удалить ее с Андриады. Так вот, один из антропологов рассказал мне, что церемония была исторической необходимостью, которая затем превратилась в ритуал изгнания нечистой силы.

— Каким образом?

— Я не знаю, насколько хорошо вы знакомы с историей этой планеты, достопочтенный сэр Питеон... — Рисби заколебался, не решаясь продолжать.

— Ради великой императрицы, расскажите нам обо всем, капитан! — рявкнул Кэй. — Если вам кажется, что у сэра Питеона достаточно времени, чтобы изучать историю каждой планеты, входящей в состав империи, — особенно такой отдаленной, как ваша, — уверяю вас, вы ошибаетесь. Он знает лишь то, о чем я сообщаю ему, потому что мне приходится заниматься практической стороной расследований и вести записи. На его долю выпадает одно — решение проблемы. Нам почти ничего не известно о вашем обломке скалы, летающем в космосе, — мы прибыли сюда сразу после завершения предыдущего расследования и не успели ознакомиться с архивами.

— Тогда вы извините меня за короткое вступление, — равнодушно произнес капитан Рисби, сознавая свое положение в иерархии и отношение к этим двум пришельцам. — Ранняя история Андриады малоизвестна, но нет сомнений в том, что после заселения планета прошла период простой аграрной экономики. Это был почти каменный век, поскольку на Андриаде нет тяжелых металлов. Если бы достопочтенный сэр счел необходимым заняться изучением антропологии, он бы узнал, что среди различных теорий эволюции человека на Земле есть одна, согласно которой человеку нужны были длинные ноги для того, чтобы скрываться, убегать от хищников. На этой планете это и случилось. На Андриаде нет высоких гор или обширных лесов; планета представляет собой идеальное место обитания для травоядных. Вы уже обратили внимание на гигантские стада,

пасущиеся на лугах? Разумеется, как часть экологической системы здесь должны быть и хищники. Среди них почти доминировал один вид — те самые ссинды, представителя которых вы видели сегодня.

— Но люди намного более опасные хищники, — заметил Кэй. — Следовательно, они истребили ссиндов и стали питаться травоядными сами?

— Как раз наоборот. Они убегали от ссиндов вместе с остальными животными. — Кэй презрительно фыркнул, однако остальные двое не обратили на него внимания. — Жители этой планеты стали вегетарианцами — и остаются ими сегодня. Период собирательства и бегства от хищников продолжался, должно быть, длительное время.

— Но он не был вечным, — прервал его Питеон, — в противном случае этот город так и не был бы построен. Рано или поздно андриаданцы должны были остановиться и избрать иной способ борьбы с хищниками.

— Разумеется. Они обнаружили, что ссиндов можно ловить живьем, заманивая в выкопанные в грунте глубокие ямы. К этому времени у них выработалось глубокое отвращение к лишению других живых существ жизни, и им стало трудно убивать пойманных хищников. Нет, не трудно — невозможно. Но они сознавали, что существует еще более страшное преступление, чем убийство, — оставлять пойманных хищников в ямах, где они умирали бы от голода. И вот тогда Грем предок нынешнего короля, основатель королевской династии — убил пойманного ссинда. Таковы древние легенды, и в данном случае можно предположить, что они соответствуют действительности. Конечно, остальные андриаданцы пришли в ужас при известии о том, что человек способен на такое злодейство, но в то же время что-то болезненно притягивало их к нему. Грем быстро укрепил свою власть по-видимому, он был самым сильным на планете — и передал ее своим детям, от которых и произошел правящий сейчас король Грем. Интересно, что королевское имя тоже передается по наследству.

— Не только имя, но и обязанности, — кивнул Питеон. — Все короли убивают ссиндов. И часто это случается?

— Всего несколько раз в году, когда ссинды совершают нападения на какой-нибудь из городов. Большинство не трогает людей и предпочитает охотиться за стадами травоядных. Пойманный ссинд перевозится в столицу, где его умерщвляют, как заведено. Профессор, который рассказал мне все это, утверждал, что убийство ссинда является также избавлением от злого духа, ритуалом. Король, защитник народа, уничтожает

одновременно и символического, и реального дьявола.

— Похоже на правду, — задумчиво произнес Питеон. — Несомненно, это объясняет многое из того, что мы видели сегодня. Не считайте наши вопросы глупыми, капитан. Все на этой планете связано — тем или иным способом — с ведущимся расследованием. Полагаю, вы догадываетесь, почему я оказался здесь?

— Не уверен, но кое о чем я подумал... — вежливо пробормотал капитан Рисби.

— Мне поручено расследовать убийство принца Мелло.

— Да, конечно, убийство принца Мелло, — согласился капитан, не проявляя особого удивления.

— Расскажите мне о принце Мелло. Как его приняли на этой планете?

Капитан Рисби утратил значительную долю своего хладнокровия. Он что-то пробормотал, внезапно воротничок мундира показался ему слишком тугим, и ему пришлось провести под ним пальцем.

— Говорите погромче, капитан, — произнес сэр Питеон.

— Принц Мелло.., как же, принц был, разумеется, благородным человеком, представителем императорской фамилии. Все восхищались и гордились им...

— Перестаньте молоть чепуху, капитан! — рявкнул Питеон, в первый раз по-настоящему рассердившись. — Я веду расследование и не пытаюсь восстанавливать никуда не годную репутацию никчемного человека и прожигателя жизни! Как вы думаете, почему особа императорской крови, восемьдесят второй кузен императрицы, оказался на такой заброшенной планете, как ваша, в таком медвежьем углу? Да потому, что интеллект погибшего принца едва был выше уровня слабоумного идиота — он с трудом писал собственное имя. Из-за глупости и невероятного высокомерия он причинил империи больше неприятностей, чем целая армия республиканцев!

Лицо и шея Рисби густо покраснели. Он выглядел словно бомба, готовая взорваться, и Питеон пожалел его.

— Вам все это известно, капитан, — или, по крайней мере, вы подозревали это, — произнес он более спокойным тоном. — Вы не можете не понимать, что, если империя должна процветать и дальше — а мы оба хотим, чтобы она процветала, — необходимо как-то избавиться от неприятных последствий узкородственного инбридинга, влияющего нередко на умственные способности последующих поколений. Смерть принца Мелло была скорее благословением, чем трагедией. Но обстоятельства его гибели дурно влияют на императорскую фамилию, и потому их нужно

расследовать. Вы провели немало лет на воинской службе и не можете не знать этого, капитан. А теперь расскажите мне, чем занимался принц на этой планете.

Капитан Рисби открыл рот, но не смог произнести ни единого слова преданность боролась в нем с честностью. Питеон с уважением относился к подобным чувствам, зная, насколько редко они встречаются, и решил разговаривать со старым воином мягко, постараться убедить его.

— Поверьте мне, капитан, обсуждение недостатков членов императорской фамилии не будет преступлением, потому что никто не сомневается в вашей лояльности. Со мной вы можете разговаривать совершенно откровенно.

Питеон поднес руку к одному глазу, и, когда убрал ее, капитан увидел, что радужная оболочка глаза стала коричневой и резко контрастировала с розовым альбинизмом другого глаза. Рисби вздрогнул от изумления.

— Широко известно, — заметил Питеон, — что наградой за особо выдающиеся заслуги является включение в императорскую фамилию. Императрица высоко оценила мои заслуги в расследовании преступлений и службе в полиции и, будучи воплощением доброты, произвела меня в рыцари. Вместе с дворянским званием присваивают честь королевского альбинизма. Мне сделали операцию, которая изменила окраску кожи и даже генетический код, поэтому дарованное мне почетное звание будет передаваться по наследству. Но у меня нет времени на глазную операцию — пришлось бы провести несколько месяцев в постели, — поэтому я вынужден носить контактные линзы. Так что, капитан, я наполовину принадлежу к одному миру, наполовину к другому. Прошу вас быть со мной откровенным. Итак, расскажите мне о принце Мелло.

Рисби быстро пришел в себя, с решительностью, свойственной профессиональному военному.

— Благодарю вас, сэр Питеон, за проявленное доверие. Надеюсь, теперь вы поймете, что, говоря о.., непопулярности принца Мелло на Андриаде, я совсем не хотел оклеветать его или распустить вредные слухи...

— Вы считаете, что «непопулярность» — самое резкое слово, характеризующее отношение местного населения к принцу Мелло?

— Ну.., пожалуй, будет правильнее сказать, что принц Мелло вызывал у жителей столицы омерзение. Мне больно говорить об этом, но такова правда. Мои солдаты чувствовали отношение местного населения к принцу, и только строжайшая дисциплина сдерживала их. Принц насмехался над местными обычаями, не

обращая ни малейшего внимания на чувства жителей планеты, вмешивался в дела, к которым не имел отношения, и, в общем, можно сказать, он...

— Все время ставил себя в дурацкое положение?

— Так точно. Андриаданцы терпели его присутствие здесь лишь из-за знатного происхождения и близости к королевской семье. Он часто бывал во дворце короля. Принц Мелло ухаживал за дочерью короля Грема, принцессой Мединой, и мне известно, что она отвечала ему взаимностью. Его смерть так повлияла на принцессу, что она слегла и провела в постели несколько недель. Я сам навестил ее и выразил соболезнования от имени императрицы. Она была потрясена и все время плакала.

— Значит, в королевском дворце все было спокойно? — спросил сэр Питеон.

— Да, у меня создалось такое впечатление. Король Грем — очень сдержанный человек, и трудно сказать, какие чувства он испытывал. Но если он не поощрял отношений принцессы и принца Мелло, то, по крайней мере, не предпринимал никаких шагов, чтобы помешать их роману.

— А как относительно города? — вмешался Кэй. — Может быть, у принца Мелло появились враги? Или он играл в азартные игры? Посещал девушек с дурной репутацией? Ему никто не угрожал?

— Ну что вы! — негодующе воскликнул Рисби. — У принца имелись недостатки, но он был все-таки знатного рода! Он редко появлялся в городе, и, уж конечно, у него не было знакомых.

— И все-таки он с кем-то встречался в городе, — заметил Питеон. — Кого-то принц знал настолько хорошо, что узнал в темноте из движущегося автомобиля. Выскочил из него и бросился навстречу, даже не думая, что подвергает риску свою жизнь. И этот человек, по-видимому, убил его. Мне нужны сведения о том, чем занимался принц за пределами королевского дворца. Может быть, он бывал в городе, и вы ничего не знали об этом. У вас есть платные осведомители? Надежные, на которых я мог бы положиться?

— Разведывательный отдел может представить более подробную информацию, хотя вряд ли она вам понадобится. У нас есть один осведомитель, никогда нас не подводивший. Всего один, к сожалению. Он любит только деньги, и мы хорошо ему платим. Он расскажет вам обо всем. Вот только придется идти к нему, потому что он не хочет, чтобы его видели рядом с расположением нашего гарнизона.

— Как его зовут?

— Беспалый. У него изуродована одна рука, изуродована от

рождения. И весьма необычно — на ней лишь один палец. Этому человеку принадлежит дешевый отель и пивной бар в старом городе. Я распоряжусь, чтобы для вас подготовили соответствующую одежду, и пошлю с вами своего человека.

* * *

Никакое переодевание не помогло бы Кэю стать неузнаваемым, поэтому ему пришлось остаться на базе. Он ворчал, глядя, как Питеон переодевается в свободные одежды такоранского торговца. Сотрудник разведывательного отдела капитан Лангруп поправил складки профессиональным жестом.

— Через этот город проходит немало торговцев, — заметил он, — так что появления еще двух никто не заметит. Многие купцы останавливаются в гостинице Беспалого, таким образом, у нас будет превосходная крыша.

— Ты не забыл вызывающее устройство — так, на всякий случай? — спросил Кэй, извлекая из кармана небольшой высокочастотный приемник.

Питеон кивнул и протянул вперед руку с замысловатым кольцом. Когда он нажал на камень и повернул его, из приемника донесся пронзительный вой. Его тон повышался и понижался по мере того, как Кэй менял угол антенны направленного действия.

— Сомневаюсь, что это нам понадобится, — заметил Питеон. — Мы просто отправляемся в город за информацией и не подвергаемся никакой опасности.

— Так ты говорил и на Серви-4, — фыркнул Кэй, — а потом провел четыре месяца в госпитале. На этот раз я буду поблизости и в случае чего прибегу спасать тебя.

...Идя по улицам старого города, Питеон и капитан, начальник разведывательного отдела, даже не замечали коренастую фигуру, следующую за ними как тень. Кэй был опытным полицейским и не упускал их из виду даже в узких извилистых переулках, временами походивших на темный лабиринт. Когда Лангруп свернул в неосвещенный проход, Питеон уже полностью утратил ориентировку и не представлял, где находится. Узкий проход оказался боковым входом в пивную.

Это был плохо освещенный зал, в котором пахло едким дымом наркотической травки, заменявшей табак местным жителям, и пролитым пивом. Лангруп заказал две кружки лучшего пива, и Питеон внимательно посмотрел на мужчину, который поставил кружки на стол. Его кожа была желтовато-бледной и сморщенной и висела на тонких костях

андриаданского тела, делая хозяина пивной похожим на ходячий скелет. То ли в результате несчастного случая, то ли с рождения на левой руке остался всего один — указательный — палец. Впрочем, он казался очень сильным, и мужчина умело пользовался им.

— У нас есть товары, которые могут представлять для тебя интерес, негромко произнес Лангруп. — Хочешь посмотреть?

Беспалый что-то буркнул и стал озираться по сторонам.

— Они не слишком дорогие? — спросил он наконец, водя единственным пальцем по поверхности стола, словно ожидая денег.

— Не беспокойся, ты останешься доволен. Лангруп откинул полу плаща и показал туго набитый бумажник, висевший на поясе. Беспалый снова что-то буркнул и отошел от стола.

— Отталкивающий тип, но дает ценную информацию, — сообщил Лангруп. Допивайте пиво, сэр Питеон, и следуйте за мной.

Они направились по коридору к главному выходу, но в середине прохода свернули в боковую дверь и молча, стараясь не шуметь, поднялись по лестнице на второй этаж. Там Лангруп вошел в маленькую комнату. Через несколько минут появился осведомитель.

— За информацию надо платить, — сказал он, усаживаясь за стол, и единственный палец на искалеченной руке принялся царапать поверхность стола, как маленькое животное, ждущее подачки.

Лангруп выложил на стол перед ним десять прозрачных монет.

— Расскажи нам о принце Мелло, — потребовал он. — Принц приезжал сюда, в город?

— Много раз. В своем автомобиле. По дороге во дворец или в загородное имение...

— Не пытайся увильнуть от четкого ответа! — резко бросил Лангруп. — Мы платим только за факты, конкретные факты. Приезжал ли он в твое заведение? Ездил ли по другим адресам в городе? Может быть, у него были друзья, которых принц навещал.., или девушки?

Беспалый издал сухой резкий смешок.

— Девушки? Да какая из них выдержит запах мужчины, пахнущего хуже ссинда? Однажды принц приехал в мое заведение, после чего мне пришлось провести полную дезинфекцию первого и второго этажей. А он еще заявил, что у меня здесь дурно пахнет! Он побывал у меня, навещал другие заведения и никогда не приезжал во второй раз. У него здесь не

было друзей... — андриаданец прикрыл глаза, ..или врагов.

— Что значит «пахнет хуже ссинда»? — недоуменно спросил Питеон капитана.

— Это местное убеждение, — ответил Лангруп, не обращая внимания на осведомителя, словно тот был частью мебели в комнате. — И я не знаю, соответствует оно действительности или нет. Андриаданцы считают, что все, кто прилетает сюда из других миров, пахнут подобно ссинду — это местный хищник. Утверждают, что не могут слишком долго находиться рядом с ними. У Беспалого сейчас, наверно, тампоны в носу.

— Это правда? — повернулся к осведомителю Питеон. Беспалый не ответил, только ухмыльнулся и откинул назад голову. Длинный палец постучал по ноздре, в глубине которой виднелась затычка из белой ваты.

— Очень интересно, — задумчиво произнес Питеон.

— Я считаю это оскорблением! — огрызнулся капитан. — И если ты собираешься заработать деньги, которые мы тебе предлагаем, расскажи нам что-то по-настоящему интересное. Когда год назад я вел расследование, ты заявил, что не имеешь представления, кто убил принца Мелло. А сейчас какое у тебя мнение? Прошло немало времени. Ты наверняка слышал какие-то разговоры, что-то разузнал.

Было очевидно, что Беспалый страдает. Казалось, он извивался внутри своей кожи, ручейки пота стекали по его лицу. Палец нерешительно протянулся к деньгам и тут же отдернулся.

— У тебя могут быть крупные неприятности за сокрытие сведений, — напомнил осведомителю Лангруп, с трудом сдерживая гнев. — Мы можем арестовать тебя, посадить в тюрьму и даже выслать...

Беспалый, казалось, даже не слышал угроз — он был смертельно испуган.

— Предложите ему побольше денег, — шепнул офицеру Питеон. — Если потребуется, я дам необходимую сумму.

Лангруп начал медленно выстраивать перед Беспалым высокие столбики монет крупного достоинства, и, по мере того как на столе появлялось все больше и больше денег, осведомитель терял контроль над собой. Он не отводил глаз от денег.

— Вот здесь, — произнес Лангруп, — больше, чем ты зарабатываешь за год. И все твои. Только скажи нам...

— Но я не знаю, кто убил принца! — хрипло воскликнул Беспалый, упал грудью на деньги и сгреб их руками. — Этого я не могу вам сказать. Но кое-что мне известно... — Он перевел дыхание и пробормотал:

— Это был человек.., не из города!

— Нам мало этого!

Лангруп вскочил, стиснул плечи Беспалого и тряхнул его так, что монеты рассыпались по полу. Лицо андриаданца исказилось от страха, но он молчал.

— Оставьте его, — тихо сказал Питеон. — Ничего больше мы не услышим. Кроме того, он уже сказал нам, что требуется.

Лангруп заставил себя разжать руки, и Беспалый осел на стул, словно кости растворились внутри его тела. Они вышли из комнаты, и Питеон закрыл за собой дверь.

— Мы заплатили огромную сумму и получили такую ничтожную информацию, недовольно пробормотал Лангруп.

— Того, что сказал Беспалый, для меня достаточно, — ответил Питеон. — Даже больше, чем я рассчитывал. А теперь прошу вас отправиться на базу и сообщить начальнику, что мне хотелось бы побеседовать с вами обоими у него в кабинете примерно через два часа.

— Но я не могу оставить вас одного, сэр, — запротестовал Лангруп.

— Как видите, я не один, — улыбнулся Питеон. В тот момент, когда они вышли из здания, он повернул камень в перстне, и коренастая приземистая фигура появилась из темноты. Капитан вздрогнул от неожиданности. — Уверяю вас, что мы с Кэем сейчас ничем не рискуем, — добавил Питеон.

— Ты можешь найти площадь, на которой произошло убийство? — спросил Питеон, когда офицер ушел.

— С закрытыми глазами, — буркнул Кэй и повел Питеона по лабиринту темных переулков. — Ну и что ты узнал?

— Сам не знаю — может быть, очень мало, а может быть, и нашел ключ к разгадке тайны убийства принца. Все это еще не переварилось у меня в голове. Перед тем как сделать окончательный вывод, нужно выяснить еще одно обстоятельство.

Они вышли на площадь, и Питеон оглянулся вокруг.

— Это и есть та самая площадь?

— Да, перекресток Изрезанного Трупа, — кивнул Кэй. Питеон медленно обвел взглядом двери, выходящие на площадь.

— Вон та дверь, которая открывалась вчера, когда мы были здесь, — он указал на одну из них. — Я не люблю полагаться на совпадения, но иногда они случаются. Кроме того, эта дверь ближе остальных к королевскому дворцу, так что сначала заглянем именно сюда. Теперь можешь навалиться на нее — только постарайся не шуметь.

На площади было еще достаточно светло, и Питеон увидел белозубую улыбку Кэя. Широкоплечий низенький гигант

неслышно поднялся по ступенькам и прижался плечом к двери, ухватившись железными пальцами за каменную ручку. Легким движением могучих мускулов Кэй всем телом подался на несколько сантиметров вперед, но этого было достаточно — казалось, что на дверь навалился гидравлический домкрат. Что-то щелкнуло, и дверь распахнулась. Спутники быстро вошли и закрыли за собой дверь. В здании царила тишина.

— Сейчас нам нужно найти потайную дверь — или люк, — сказал Питеон. Отверстие может быть замаскировано в стене или в полу. Я пойду вдоль этой стороны, а ты осматривай другую.

Лучи их фонариков отбрасывали яркие круги на пол и стены. Прошло всего несколько минут, и Кэй негромко произнес:

— Вот она. Чисто дилетантская работа. Луч его фонаря остановился на каменной плите пола. Щели между ней и другими плитами были чистыми, без следов песка или пыли.

Для того чтобы выяснить, как открывается потайной люк в полу, времени потребовалось еще меньше. Толстая каменная плита скользнула в сторону, и перед ними появилось темное отверстие. Питеон осветил уходящий вдаль подземный коридор лучом фонаря.

— Интересно, куда ведет этот ход? — спросил Питеон. Кэй наклонился и осмотрел ход, насколько доставал луч фонаря.

— Если в нем есть повороты, коридор может вести куда угодно. Но если он продолжается так, как начался, то приведет к самому центру королевского дворца.

— Вот и я об этом подумал, — пробормотал Питеон.

* * *

— Мне следовало бы сказать об этом раньше, — произнес Питеон, глядя на обоих офицеров гарнизона. — Я требую, чтобы не осталось никаких записей об этой нашей беседе и вообще о проведенном расследовании. Я представлю доклад императрице — в единственном экземпляре.

— Извините меня, сэр Питеон, — сказал капитан Лангруп, выключил магнитофон и положил его в карман.

Рисби молча смотрел перед собой, ожидая дальнейшего развития событий.

Питеон стал расхаживать взад и вперед по кабинету начальника базы, сопровождаемый взглядами присутствующих.

— Мне стали известны некоторые важные обстоятельства, — продолжил Питеон. — Одно из наиболее интересных сообщил нам сегодня ваш платный осведомитель. Если он говорил правду, число подозреваемых резко сокращается. Убийца принца Мелло должен принадлежать к одной из следующих групп. — Питеон начал перечислять их, загибая пальцы. — Первая — андриаданцы, живущие в городе или его окрестностях. Поскольку принц не был знаком ни с кем из этой группы, он никак не мог узнать кого-то из них и остановить автомобиль. Вторая группа те, кто прибыл на планету из других миров.

— Их тоже можно исключить, — заметил капитан Лангруп. — Я руководил расследованием, проведенным сразу после убийства. Каждого путешественника допрашивали тщательно и весьма подробно. Ни один из них не мог убить принца Мелло.

— К третьей группе относятся военные, расквартированные на планете...

— Сэр! — потрясенным голосом воскликнул капитан Рисби. — Уж не полагаете ли вы...

— Нет, капитан, успокойтесь. Ваших солдат, прибывших сюда с Такоры, можно заподозрить во множестве преступлений, но к ним не относится убийство члена королевской фамилии. Помимо этого, я не сомневаюсь, что вы проверили, где находились все ваши солдаты в тот вечер.

— Конечно — и проверка устранила даже малейшие сомнения, — ответил Рисби, начиная успокаиваться. Наконец Питеон загнул четвертый палец.

— Таким образом, логика подсказывает нам, что преступление совершено представителем четвертой группы — кем-то из обитателей королевского дворца. Он улыбнулся, увидев

потрясенные лица офицеров. — Перед тем как вы скажете мне, что такое невозможно, поскольку никто не покидал дворца до отъезда принца, позвольте сообщить об открытии, сделанном нами вчера вечером.

— Подземный туннель, — произнес Кэй. — Похоже, что он ведет из дворца к тому месту, где зарезали Мелло.

— Ну конечно, это вполне могло произойти! — воскликнул капитан Лангруп, от волнения вскакивая со стула. — Ссора, столкновение во дворце — нам известно, что Мелло уехал раньше обычного, — и пока он едет из дворца, убийца опережает его. Ждет на площади, привлекает внимание принца, заманивает в темный переулок — и убивает!

— Логичное умозаключение, — кивнул Питеон, — однако оно не отвечает на все вопросы. Я не собираюсь отнимать у вас, капитан, время, объясняя недостатки такой версии, просто скажу, что на самом деле все произошло не совсем так. Действительность оказалась несколько более сложной. Мне понадобится выяснить еще кое-что. Я могу поговорить с водителем автомобиля, который видел принца живым в тот момент, когда он на ходу выскочил из автомобиля?

На лице начальника гарнизона появилась унылая гримаса.

— Боюсь, это невозможно, сэр Питеон, — произнес Рисби. — Шесть месяцев назад, когда завершился срок его службы, вместе со своим подразделением солдат был откомандирован в другую часть.

— Впрочем, это не так уж важно, — небрежно махнул рукой Питеон. — От него я все равно ждал отрицательного ответа. Осталось лишь одно обстоятельство, на которое вы можете пролить свет, и все станет ясным. Расскажите мне об отношении принца Мелло к еде.

За этими словами последовала тишина. Оба офицера недоуменно переглянулись, а Кэй широко улыбнулся. Он не понимал, куда ведут рассуждения Питеона, но гораздо лучше остальных знал ход мыслей своего патрона.

— Ну что с вами — это достаточно простой вопрос, — нахмурился Питеон. Стоит взглянуть на фотографию принца Мелло и познакомиться с соотношением между его ростом и весом — как тут же становится ясным, что он был излишне полным. Если хотите, я прибегну к другому, более грубому термину — принц был просто жирным. Остается выяснить, является ли это следствием привычки слишком много есть или причина в не правильном обмене веществ.

— Он слишком много ел, — ответил капитан Лангруп, стараясь не улыбаться. Если вам нужна вся правда, то это было

единственным положительным качеством принца в глазах солдат. Такоранские солдаты любят поесть, и то количество пищи, которое поглощал принц, внушало им глубокое уважение.

— Во время завтрака, обеда и ужина или в промежутках между ними?

— И то и другое. Главный повар стал его лучшим другом. Принц не любил разговаривать, но всякий раз, когда я видел его, челюсти Мелло постоянно двигались. Он чуть ли не тропинку протоптал от своих апартаментов к задней двери кухни.

— Вызовите сюда главного повара — мне нужно поговорить с ним. — Питеон повернулся к начальнику базы. — Постарайтесь договориться, чтобы завтра меня пригласили в королевский дворец. Мне хотелось бы присутствовать там на ужине в то же самое время, когда принц Мелло ужинал с королем и его приближенными в последний раз.

Капитан Рисби кивнул и протянул руку к телефону.

— В этой одежде я чувствую себя идиотом! — недовольно прошептал Кэй на ухо Питеону, стоя позади него.

Одетый в разноцветный ливрейный костюм слуги, он походил на ярко раскрашенный дубовый пень.

— Не расстраивайся, ты и выглядишь ничуть не лучше, — тихо ответил Питеон. — А теперь не отвлекайся и будь настороже. Как только мы закончим есть, я задам королю несколько вопросов. Можешь быть уверенным, от этих молодцов можно ждать каких угодно неприятностей. Посмотрим, что из этого выйдет.

Банкетный стол во дворце был составлен в виде подковы, в центре которой сидела королевская семья. Питеон, как почетный гость, находился между королем Гремом и принцессой Мединой. Королева умерла при родах, и молодой принц был слишком юн, чтобы сидеть за столом вместе со взрослыми. В соответствии с андриаданскими обычаями только женщины, принадлежащие к королевской семье, имели право присутствовать на подобных банкетах, и потому за столом сидела одна принцесса. Она была привлекательной девушкой, и Питеон не мог понять, что нашла принцесса в этом идиоте Мелло. Возможно, ее ослепил престиж члена императорской фамилии и то, что принц был гостем на планете.

Король и принцесса оставались для Питеона непонятными людьми. Придерживаясь протокола, они разговаривали только о пустяках. Правда, у Питеона создалось впечатление, что король Грем ведет себя слишком уж настороженно. Впрочем, его можно было понять — предыдущий почетный гость был убит через несколько минут после того, как вышел из-за этого стола.

Питеон попробовал множество разных блюд, получив при этом немалое удовольствие. Для того, кто не хотел есть мясо за ужином, еда была достаточно вкусной. На стол были поданы самые разнообразные приправы и специи, даже стручки острого красного перца, горевшие у Питеона во рту. Он ничуть не удивился, когда заметил, что принцесса положила на свою тарелку внушительную порцию перца и ела его с удовольствием. Кроме того, она явно пересаливала еду.

Питеон понял, как и почему погиб принц Мелло. Сразу после ужина принцесса извинилась, встала из-за стола и вышла. Питеон остался этим доволен. Предстоящие события не предназначались для чувствительного женского воображения.

— Ваше королевское величество, — произнес Питеон, отодвигая тарелку. — Я отужинал с вами, и мне хотелось бы, чтобы мы стали друзьями. — Король кивнул. — Надеюсь, вы извините меня, если мои слова покажутся вам оскорбительными. Я поступаю так лишь потому, что нужно открыть наконец правду — ту правду, которая оставалась скрытой слишком долго.

— Вы имеете в виду смерть принца Мелло, — произнес король.

Это был не вопрос, а, скорее, констатация факта. Питеон понял, что, когда речь заходит о суровой действительности, король смело смотрит ей в глаза.

Внезапно разговор за столом стих, словно застольная беседа велась лишь для того, чтобы провести время перед решающим моментом. Дюжина дворян устремила взгляды на высокого альбиноса, сидевшего рядом с королем. Питеон услышал за спиной шорох одежды Кэя и понял, что его помощник наготове и его рука, опущенная в карман, сжимает рукоятку пистолета.

— Совершенно верно, — кивнул Питеон. — Мне не хочется злоупотреблять вашим гостеприимством, однако нужно снять пятно с отношений между нашими народами. Если вы согласитесь выслушать меня, я расскажу, что произошло тем вечером чуть больше года назад.

После окончания моего рассказа мы решим, как поступить.

Он протянул руку, взял кружку и отпил глоток великолепного королевского пива. Ни один из сидевших за столом не шевельнулся, все взгляды были устремлены на Питеона. «Как хорошо, — подумал он, — что за моей спиной стоит верный Кэй».

Питеон повернулся к королю:

— Надеюсь, вы извините меня, ваше королевское величество, за вмешательство в личную жизнь вашей семьи, но я должен задать вопрос весьма щекотливый. Это правда, что принцесса

Медина страдает от небольшого врожденного недостатка...

— Сэр!!!

— Этот вопрос очень важен, иначе я не задал бы его. Скажите, действительно ли у принцессы отсутствует — полностью или частично — обоняние? И потому она выносила присутствие принца Мелло, даже получала удовольствие от общения с ним...

— Ни слова больше! — прервал его король. — Вы оскорбляете память погибшего принца — и мою дочь!

— Я совсем не собирался оскорблять их, — бесстрастно произнес Питеон, и присутствующие почувствовали сталь в его холодном голосе. — Но уж если мы заговорили об оскорблениях, мне хотелось бы указать на то, что сейчас у вашего величества в нос вставлены ватные тампоны, позволяющие вам терпеть мое присутствие за столом. Это можно назвать серьезным оскорблением...

Король Грем покраснел и больше не прерывал Питеона, когда тот продолжил.

— Этот небольшой физический недостаток не является постыдным, и уж тем более в нем нельзя винить принцессу. Недостаточно острое обоняние — всего лишь простой факт. Все животные, питающиеся мясом, издают острый запах, который легко ощущают те, кто не ест мяса. Народу, населяющему вашу планету, люди из других миров представляются дурно пахнущими. Не надо этого отрицать, нет сомнений, что дело обстоит именно так. Принцесса Мелина, у которой отсутствует острое обоняние, не знала о своем физическом недостатке. Она познакомилась с принцем Мелло, и между ними установились хорошие отношения. Принцесса даже приглашала его обедать во дворец, и все вы были вынуждены мириться с этим ради нее. Так продолжалось до того вечера, когда он совершил.., то, что он совершил. И был убит за омерзительность своего преступления.

Заключительные слова Питеона прозвучали в гробовом молчании. Он высказал вслух нечто непроизносимое. Затем послышался скрип отодвигаемого стула, и бледный как смерть молодой дворянин вскочил из-за стола. Но рядом с Питеоном возник Кэй с пистолетом в руке.

— Немедленно сядьте, — прозвучал в тишине зала ледяной голос Питеона. — Вы и все остальные будете молчать до тех пор, пока я не кончу. Мы находимся сейчас в очень сложном положении, и мне не хотелось бы, чтобы случилось что-то непоправимое. Выслушайте меня до конца.

Он не сводил взгляда с молодого дворянина, пока тот не опустился на стул, затем продолжил:

— Принц Мелло совершил преступление, и его постигла

смерть. Все вы были тому свидетелями и по закону несете ответственность в равной степени. Вот почему я обращаюсь одновременно ко всем. Принца убили, и вы вступили в сговор, чтобы перевезти его тело в другое место и скрыть совершенное преступление.

Теперь не все смотрели на Питеона. Взгляды некоторых устремились куда-то в пространство. Люди заново переживали события той ночи, которые пытались забыть. Голос Питеона будил память.

— Вы остановили кровотечение, но принц был уже мертв. Тогда начались споры о том, как поступить дальше, и в конце концов все пришли к единому мнению: каким бы ужасным ни было преступление, его нужно скрыть. Единственной альтернативой было разрушение всего, чем вы жили. Вы пришли к выводу, что монархия не выдержит такого удара. Тогда вы раздели труп, один из вас надел одежду принца Мелло и вышел к автомобилю. В темноте, царившей во дворе, было нетрудно сесть на заднее сиденье автомобиля — водитель не обратил внимания на внешность пассажира. По словам шофера, он не ждал от своего пассажира распоряжения куда ехать — его и не требовалось. Принц Мелло мог направляться только в одно место — на военную базу, в свои апартаменты. Переодетый мужчина просто сидел в машине, пока она не доехала до условленного места. Тогда он крикнул: «Стоп!», открыл дверцу и выскочил из автомобиля. Он добежал до площади, где его уже ждали сообщники с трупом принца Мелло, который они пронесли по подземному туннелю. Времени у них было больше чем достаточно, чтобы снова надеть на труп принца его одежду, прежде чем водитель машины заподозрил неладное. Дело было закончено. Мелло вышел из дворца живым и здоровым и погиб от руки неизвестного. Это была, конечно, трагедия, но от нее не наступил конец света.

— Все это верно, — произнес король Грем, медленно вставая из-за стола. Правду скрывали слишком...

— Не надо больше защищать меня, ваше величество! — раздался пронзительный вопль. Тот самый молодой дворянин снова вскочил. — Я совершил преступление и должен заплатить за него. Вы напрасно защищали меня...

— Кэй! — скомандовал Питеон. — Останови его!

С невероятной скоростью коренастое тело пролетело над столом и сбило говорящего с ног. Однако Кэй запоздал всего на секунду. Мужчина успел поднести ко рту руку и что-то проглотить. Когда Кэй схватил его за кисти, мужчина не сопротивлялся.

— Ваше величество... — произнес он и улыбнулся. Затем по его телу пробежала судорога, и оно изогнулось в предсмертных конвульсиях. Кэй отпустил его, и мужчина упал на пол, уже мертвый.

— Это было совершенно не нужно! — крикнул Питеон, поворачиваясь к королю. Его лицо исказилось от гнева. — Зачем напрасные жертвы?

— Но я не знал... — пробормотал король Грем, опустившись в кресло. Казалось, он внезапно состарился.

— Мы могли бы придумать что-то.., только не это! Для того я и приехал сюда.

— Я не знал, — повторил король, закрыв лицо руками.

Питеон сел, измученный приступом гнева.

— Ну хорошо, так и будет, — тихо произнес он. — Этот человек убил принца Мелло, а затем совершил самоубийство, когда возникла опасность наказания за сделанное. Жизнь одного за жизнь другого. Все остальные, виновные в сокрытии убийства, подвергнутся наказанию, и налоги, выплачиваемые вашей планетой в имперскую казну, увеличатся на два процента — на срок в десять лет. Согласны?

Король кивнул, не отрывая ладоней от лица. Капитан Рисби был очень удивлен, когда прочитал доклад Питеона и выслушал его рассказ о происшедшем во время ужина. Питеон невероятно устал, но держал себя в руках.

— Убийца — молодой человек? — недоуменно спросил Рисби. — Ничего не понимаю. Почему они просто не передали его нам для суда и последующего наказания?

— По той простой причине, что он не убивал принца, — объяснил Питеон. Это преступление совершил король. Это его дочь подверглась оскорблению прямо на его глазах. Все андриаданцы испытывают ужас при одной мысли о лишении кого-то жизни насильственным путем. Однако король является убийцей — правда, ритуальным убийцей, но животные, которых он умерщвляет, все равно гибнут. Он убивает ножом — Мелло был убит ударом ножа. Вероятно, король был вне себя от ярости и не понимал, что делает. Он осознал всю тяжесть совершенного им лишь тогда, когда все было кончено. Не сомневаюсь, что он хотел признаться в содеянном, но придворные отговорили его. Это означало бы конец регентства и, может быть, закат всей королевской династии. Ради благополучия жителей планеты — не для себя — он согласился с необходимостью сокрытия преступления. Когда я приехал во дворец на ужин, знать заподозрила, по-видимому, что мне удалось докопаться до разгадки убийства принца Мелло, и приняла меры. Они,

наверное, тянули жребий, кому признаться в совершенном преступлении и покончить с собой, даже не поставив короля в известность. Как видите, за одну жизнь заплатили еще одной, а империя даже не пошатнулась. Этим ядом пользуются для эвтаназии, достижения легкой безболезненной смерти.

— Значит, король?.. — спросил Рисби.

— Да, убийца. И вне всякого сомнения, безжалостно винит себя во всем. Я решил рассказать вам все это для того, чтобы после моего отъезда вы не попытались довести расследование до конца и сами догадаться о том, что произошло в действительности. Тогда вы могли бы послать донесение. В моем окончательном докладе не будет ни строчки о виновности короля. Если об этом будет написано хотя бы единое слово, его придется арестовать. А сейчас все хорошо и гладко — по крайней мере на бумаге. Разумеется, в личной беседе я обо всем расскажу императрице, как сейчас рассказываю вам. От нее мне не придется требовать клятвы о неразглашении услышанного, как от вас. Поднимите руку и коснитесь Священного свитка...

— Клянусь никогда... — послушно повторял капитан Рисби слова клятвы, слишком потрясенный, чтобы задавать дальнейшие вопросы. Внезапно он вздрогнул и постучал пальцем по докладу. — Но вот это — жареная баранья нога, которую принц Мелло вынес с кухни. Что здесь преступного?

— Напрягите воображение, капитан Рисби, — произнес Питеон, едва скрывая неудовольствие по поводу тупости офицера. — Он принес в королевский дворец этот дымящийся кусок мяса, еще горячий, завернутый в фольгу, развернул его за столом и положил прямо перед принцессой. Принц был настолько глуп, что решил, будто делает ей приятный сюрприз, угощает чем-то по-настоящему вкусным.

— Да... Я знаю, что сделал принц. Но почему король убил его из-за такой безобидной вещи?

— Безобидной? — Питеон откинулся на спинку кресла и засмеялся. — Местные жители строго соблюдают вегетарианские традиции и приходят в ужас при мысли о том, что едим мы. Попробуйте поставить себя на место короля. Представьте себе, что вы пригласили к себе домой на ужин каннибала — он как будто отказался от своих дурных привычек, но в душе все еще остается каннибалом. И потому просто не понимает, почему традиции его предков кажутся нам отвратительными. Так вот, он решает угостить вас чем-то вкусным, пытается ввести в мир новых кулинарных привычек. Разворачивает и кладет перед вами на стол хорошо прожаренную, еще теплую человеческую руку — в разгар дружеского ужина.

Как вы поступите в этом случае, капитан?

КАПИТАН ГОНАРИО ХАРПЛЕЙЕР

Сцепив за спиной руки и стиснув зубы в бессильной ярости, капитан Гонарио Харпплейер взад и вперед расхаживал на крошечном юте корабля Ее Величества «Чрезмерный». Впереди медленно двигалась по направлению к гавани изрядно потрепанная французская флотилия; на ветру громко хлопали разорванные паруса, а за бортом по воде волочился рангоут; разбитые в щепки корпуса зияли пробоинами после его залпов, с грохотом разносивших их хрупкие деревянные борта.

— Будьте добры, пошлите двух матросов на бак, мистер Шраб, — сказал он, и прикажите им облить водой грот. Мокрые паруса добавят к ходу одну восьмую узла, и мы еще сможем догнать этих трусливых лягушатников.

— Н-но, сэр, — запинаясь и пасуя перед одной мыслью о несогласии со своим любимым капитаном, произнес его первый помощник, флегматичный Шраб. — Если мы снимем с помп еще нескольких матросов, мы потонем. Нас продырявили в тринадцати местах ниже ватерлинии, и…

— Будь проклято ваше зрение, сэр! Я отдал вам приказ, а не просьбу, чтобы вы тут затеяли дебаты. Выполняйте, что вам приказано.

— Есть, сэр! — смиренно пробормотал Шраб, костяшками пальцев быстро смахнув слезу из печального, как у спаниеля, глаза.

На паруса плеснули водой, и «Чрезмерный» сразу осел. Харпплейер сцепил за спиной руки. Он ненавидел сейчас себя за то, что не сумел сдержаться и нагрубил верному Шрабу. Но точно так же, как он вынужден был носить широкий кушак, чтобы хоть немного подтянуть выступающий живот, и бандаж — из-за грыжи, он был вынужден постоянно поддерживать образ капитана, радеющего за строгую дисциплину на корабле, перед своей командой — отбросами общества, собранными в тысяче мест на побережье. Он был обязан выглядеть подтянуто, будучи капитаном этого судна — самого малого из кораблей блокадной флотилии с пост-капитаном [2] на борту и в то же время играющего не последнюю роль во флотилии, которая удушающей петлей обвилась вокруг Европы, заперев все выходы сумасшедшему тирану. Наполеон даже в мечтах не мог помыслить о завоевании Англии, пока на его пути стоят эти крошечные деревянные суденышки.

— Молитесь за нас, капитан, чтобы мы поскорее

пришвартовались на небесах, потому как мы тонем! — донесся до него возглас из толпы матросов, трудившихся у помпы.

— Узнайте имя этого крикуна, мистер Доглег, — обратился Харпплейер к гардемарину, мальчику семи-восьми лет, которому столь юный возраст не мешал, однако, нести сейчас вахту. — Лишить его рома на целую неделю!

— Есть, сэр! — пискнул Доглег, лишь недавно научившийся говорить.

Корабль тонул, и этот печальный факт можно было считать делом свершившимся. Из трюма на палубу полезли крысы. Не обращая внимания на сыплющих проклятиями моряков, крысы ловко увертывались от тяжелых ботинок и бросались в море. Впереди французская флотилия добралась наконец до безопасного места — под защиту береговых батарей мыса Пьетфе. Зияющие жерла орудий нацелились на «Чрезмерного», готовые плевать огнем и смертью, как только хрупкое суденышко подойдет на расстояние выстрела.

— Приготовьтесь убрать паруса, мистер Шраб, — приказал Харпплейер и затем громко — так, чтобы слышала вся команда, — добавил:

— Эти трусливые французишки сбежали и лишили нас миллиона фунтов призовых денег.

Матросы зарычали. Больше всего на свете они любили ром, а после него фунты, шиллинги и пенсы, на которые они могли купить этот самый ром. Рев внезапно оборвался, сменившись сдавленными воплями, когда грот-мачта, подрубленная французским ядром, рухнула прямо на толпу людей, работающих у помп.

— Что ж, нужда в исполнении моего приказа отпала, мистер Шраб. Верные холуи нашего друга Бонапартишки убрали паруса за нас, — сказал Харпплейер, буквально принуждая себя выдавить одну из тех редких острот, от которых команда приходила в восторг. Но сам он ненавидел себя в такие минуты за вынужденную неискренность чувств, когда ему приходилось подобным способом добиваться расположения этих невежественных людей. Ему, впрочем, ничего иного не оставалось, ведь в его обязанности входило поддержание на судне неукоснительного порядка. Кроме того, если бы он время от времени не шутил, матросы вскоре возненавидели бы такого жестокого, хладнокровного и рискового капитана. Они его, разумеется, все равно ненавидели, но при этом хотя бы смеялись.

Они смеялись и сейчас, разрезая спутавшийся такелаж и вытаскивая из-под него мертвые тела, которые затем аккуратно складывали в ряд на палубе. Корабль осел еще глубже.

— Отставить покойников, — приказал капитан, — и живо к помпам, иначе обедать мы будем на дне морском.

Матросы вновь разразились хриплым смехом и поспешили выполнять приказание.

Их было легко ублажить, и Харпплейер даже позавидовал их непритязательной жизни. Несмотря на изнурительную работу, протухшую воду и плетку, время от времени гулявшую по их спинам, жизнь матросов казалась ему лучше собственной, заполненной мучительным одиночеством на вершине, с которой он командовал людьми. Ему приходилось взваливать бремя решений только на себя, что для такого человека, как он, — болезненно впечатлительного и истеричного, делало жизнь совершенно невыносимой. Это была даже не жизнь, а сущий ад. Офицеры на судне — все до единого ненавидевшие его — были вопиюще безграмотны в своем деле. Даже Шраб, его верный и многострадальный Шраб, имел недостаток: один только факт, что его I.Q. не превышал 60, означал, учитывая его низкое происхождение, что ему никогда не подняться выше контр-адмиральского чина.

Предаваясь размышлениям о пестрых событиях дня, Харпплейер снова начал мерить шагами маленький ют, что стало у него чуть ли не маниакальной привычкой. Люди, находившиеся в это время на юте, прижались к правому борту, чтобы не мешать ему. Четыре шага в одном направлении, затем три с половиной в обратном; его колено, поднимаясь для последующего шага, каждый раз с глухим стуком натыкалось на пушку. Однако Харпплейер не замечал этого: в мозгу заядлого картежника бешено крутились мысли, взвешивая и оценивая планы; содержащие хоть каплю здравого смысла напрочь отвергались и лишь безумные и невыполнимые принимались к дальнейшему обдумыванию. Неудивительно поэтому, что на флоте его прозвали Дятел Харпи и восхищались как человеком, всегда способным вырвать победу из пасти поражения — и всегда ценой огромных человеческих потерь. Но война есть война. Вы отдаете приказы — и гибнут отличные парни, шайкам газетчиков на суше это только и подавай. Длинный и тяжелый день подошел к концу, однако Харпплейер все еще не мог позволить себе расслабиться. Напряжение и сильнейшие душевные переживания не разжимали своей поистине церберской хватки с самого рассвета, когда впередсмотрящий объявил, что видит паруса на горизонте. Их было всего десять, французских линейных кораблей, и не успел утренний туман рассеяться, жаждущий мести «Чрезмерный» уже находился среди них, как волк в стаде овец. Грохочущие бортовые залпы точно наведенных английских орудий следовали один за

другим, выпуская по десять ядер в ответ на каждый жалкий хлопок французской пушки. У их лафетов стоял трусливый сброд восьмой и девятой статей призыва 1812 года — седобородые патриархи и младенцы в пеленках, желавшие одного: поскорее оказаться на своих семейных виноградниках, а не сражаться за Тирана, лицом к лицу встречая ярость сеющей смерть пушки их неприятеля с острова — крошечной страны, брошенной в одиночку биться против мощи целого континента. Вражеские корабли преследовались упорно и неумолимо, лишь близость французской гавани предотвратила разгром всей неприятельской эскадры. Как бы там ни было, четыре ее корабля покоились среди морских угрей на дне океана, а оставшиеся шесть нуждались в основательном ремонте, прежде чем они смогут покинуть гавань и осмелиться еще раз пренебречь карательной мощью кораблей, опоясавших их берега.

Харпплейер знал, что следует делать.

— Будьте любезны, мистер Шраб, прикажите развернуть рукав. Полагаю, сейчас самое время для купания.

Измученные работой матросы приветствовали его предложение. Даже в самый разгар зимы или в невероятно холодных северных водах Харпплейер неукоснительно настаивал на привычном для матросов купании. Рукава быстро подсоединили к работающим помпам, и вскоре на палубу обрушились целые потоки ледяной воды.

— В воду! — закричал Харпплейер и отступил назад, оберегая себя от случайной капли и почесывая длинным указательным пальцем немытую с прошлого лета кожу. Капитан с улыбкой смотрел, как дурачатся Шраб и другие офицеры, прыгая нагишом под струями воды, и подал знак остановить помпы, лишь когда белая кожа у каждого приобрела прелестный небесно-голубой оттенок.

С северного горизонта послышалось громыхание, напоминающее отдаленный гром, но резче и громче. Харпплейер обернулся и на фоне темных облаков увидел на мгновение огненный прочерк; тот исчез с неба, оставив глазам лишь воспоминание. Капитан тряхнул головой, проясняя мозги, и несколько раз моргнул. Он готов был поклясться, что огненная полоска не поднималась, а вопреки всем правилам опускалась, но такого просто не могло быть. Слишком часто он засиживается до глубокой ночи, играя с офицерами в бостон; стоит ли удивляться, что зрение стало сдавать.

— Что это было, капитан? — спросил лейтенант Шраб. Зубы его при этом так стучали, что слов почти не было слышно.

— Сигнальная ракета или одна из тех новомодных военных

ракет Конгрива. Там что-то произошло, и мы отправляемся выяснить, в чем дело. Будьте добры, пошлите матросов на брасы, разверните верхний грот и положите судно на правый галс.

— Могу ли я сначала натянуть на себя брюки?

— Не дерзите, сэр, или я прикажу заковать вас в кандалы!

Шраб выкрикнул команды через рупор. Матросы так и покатились со смеху, глядя на его дрожащие голые ноги. Но уже через несколько секунд, видя, как быстро управлялась со всем вымуштрованная команда, не верилось, что еще шесть дней назад ее члены праздно шатались по далеким от военных забот улицам городишек на побережье, без удержу пьянствовали в кабаках и вовсе не помышляли о том, что вскоре окажутся в открытом море благодаря потугам грязных шаек газетчиков. В мгновение ока матросы вскарабкались на брасы, вышвырнули за борт сломанный рангоут и обрывки такелажа, наложили надежные заплаты на пробоины, похоронили мертвых, выпили грог за упокой их душ и еще у некоторых из них осталось достаточно сил и энергии, чтобы сплясать веселый матросский танец.

Корабль накренился, меняя галс, и вода под форштевнем вспенилась. Судно легло на новый курс и стало отдаляться от берега. Капитан горел желанием хоть что-то выяснить о смутившем его недавнем явлении в небе, а заодно дать этим французишкам почувствовать, что его корабль является представителем самого могущественного флота, какой когда-либо знал мир.

— Корабль по курсу, сэр, — крикнул впередсмотрящий с топа мачты. — Два румба по правому борту.

— Бить общий сбор, — приказал Харпплейер. Тревожный рокот барабанов и торопливое шлепанье по палубе босых матросских пяток, твердых, как подошва, почти заглушил голос впередсмотрящего, — На нем нет ни парусов, ни рангоута, сэр, а размерами примерно с наш баркас.

— Отставить сбор! Когда тот малый спустится после вахты вниз, заставьте его повторить пятьсот раз: лодка — это нечто, которое можно поднять и разместить на корабле.

Подгоняемый свежим бризом с суши, «Чрезмерный» вскоре приблизился к лодке настолько, что с палубы можно было разглядеть на ней даже мелкие детали.

— Ни мачт, ни рангоута, ни парусов… Что же движет ее? — спросил лейтенант Шраб, раскрыв от изумления рот.

— Нет смысла заранее строить предположения, мистер Шраб. Это судно может оказаться французским или принадлежащим какой-либо нейтральной стране, поэтому я не буду рисковать. Прикажите зарядить и выкатить пушки. И пожалуйста, пусть

моряки на вантах взведут затворы ружей и будут наготове. Стрелять только по моей команде; а того, кто выстрелит раньше времени, я прикажу сварить в масле и подать мне на завтрак.

— Ну и шутник же вы, сэр!

— Разве? А помните рулевого, который вчера перепутал полученные распоряжения?

— С душком был, сэр, осмелюсь сказать, — ответил Шраб и выковырнул застрявший между зубами кусочек хряща. — Все будет сделано, как приказываете, сэр.

Странное судно не походило ни на одно, виденное Харпплейером ранее. Оно двигалось вперед словно само по себе, что наводило на мысль о спрятанных внутри гребцах с подводными веслами, но в такой лодке разместились бы разве что карлики. Ее сплошь покрывала палуба с единственной надстройкой вроде стеклянного колпака. В общем, довольно странная конструкция, и уж определенно не французская. Подневольные рабы парижского Осьминога никогда не смогли бы овладеть столь точными техническими приемами и создать подобную диадему моря. Нет, это судно — явно из какой-то далекой чужой страны — возможно, где-то за Китаем или на загадочных восточных островах. Судном кто-то управлял: сквозь стекло был ясно виден сидящий человек. Он тронул один из рычагов, верхнее окно откатилось назад. Человек встал и помахал им рукой. Зрители дружно ахнули: все, кто был на корабле, не отрывались от странного зрелища, представшего перед их глазами.

— В чем дело, мистер Шраб? — вскричал Харпплейер. — Здесь что, балаган или рождественская пантомима? Дисциплина, сэр!

— Н-но, сэр, — запинаясь, произнес верный Шраб, неожиданно потеряв дар речи. — Тот человек, сэр, — он зеленый!

— И слышать не хочу всякой там чепухи, которую вы несете, сэр, — в раздражении огрызнулся Харпплейер, как всегда досадуя на болтовню людей о «цвете», реальном только в их воображении. Картины, закаты и прочий вздор. Чепуха. Мир сотворен из разумных оттенков серого, и все тут. Один тупой докторишка, шарлатан с Харли-стрит, однажды намекнул было о какой-то болезни, которую он сам и выдумал, под названием «цветовая слепота», или «дальтонизм», но сразу перестал твердить свои бредни, едва Харпплейер упомянул о выборе секундантов.

— Какая мне разница, что за оттенок серого у этого парня — зеленый, розовый или фиолетовый? Бросьте ему линь и помогите взобраться на борт. Думаю, здесь нам будет удобнее выслушать его рассказ.

Незнакомец ловко поймал брошенный ему линь и крепко привязал его к кольцу на лодке. Затем он тронул рычаг, тем самым снова закрывая свою стеклянную каюту, и легко вскарабкался на возвышавшуюся над ним палубу «Чрезмерного».

— Зеленая шерсть… — начал было Шраб, но тут же заткнулся от свирепого взгляда Харпплейера.

— Довольно, мистер Шраб. Он иностранец, и мы будем относиться к нему с должным почтением — по крайней мере, пока не выясним, чего он стоит. Он несколько волосат, тут я с вами согласен, но у некоторых народностей на севере Японских островов есть что-то схожее с ним. Возможно, оттуда он и прибыл. Я вас приветствую, сэр, — обратился он к незнакомцу. — Я — капитан Хонарио Харпплейер, командир корабля Ее Величества «Чрезмерный».

— Квл-кке-вррл-кл…!

— Ручаюсь, это не французский язык, — пробормотал Харпплейер, — а также не латинский и не греческий. Вероятно, один из тех ужасных балтийских языков. Попробую-ка я на немецком. Ich rate Ihnen, Reiseschnecks mitzunehmen? Или, может, на итальянском наречии? E proibito, pego qui si vendono cartoline ricordo.

В ответ незнакомец в сильном возбуждении принялся подпрыгивать, затем указал на солнце, завертел рукой вокруг своей головы; указал на облака, а под конец стал обеими руками изображать движение вниз и пронзительно выкрикивать:

— М-ку, м-ку!

— Спятил парень, — заметил один из офицеров. — К тому же у него слишком много пальцев.

— Я умею считать до семи без вашей помощи, — сердито сказал ему Шраб. Думаю, он хочет сообщить нам, что скоро пойдет дождь.

— В своей стране он, наверное, предсказывает погоду, — с уверенностью произнес Харпплейер, — но здесь он всего лишь еще один иностранец.

Офицеры согласно закивали, и эти их движения, казалось, еще больше возбудили незнакомца, так как он неожиданно прыгнул вперед, выкрикивая свою невразумительную тарабарщину. Бдительный караульный шарахнул его по затылку прикладом тяжелого мушкета, и волосатый человек упал на палубу.

— Пытался напасть на вас, капитан, — сказал офицер. — Протащить его в наказание под килем, сэр?

— Нет. Бедняга забрался слишком далеко от дома и, должно быть, нервничает. Мы должны учесть и языковой барьер. Просто

прочтите ему Военный кодекс и завербуйте на службу, хочет он того или нет. В последней стычке мы потеряли много матросов.

— Вы очень великодушны, сэр, пример для всех нас. Что будем делать с его кораблем?

— Я осмотрю его. Некоторые принципы его работы могут заинтересовать Уайтхолл. Спустите трап, я сам ознакомлюсь с ним.

Немало повозившись, Харпплейер обнаружил наконец рычаг, которым сдвигалась стеклянная будка, и, когда она послушно скользнула в сторону, он спустился в кокпит.

Прямо напротив уютной тахты находилась панель, сплошь усеянная странной коллекцией рукояток, кнопок и разных устройств, причем все они прятались в кристально прозрачные чехольчики. Чрезмерно пышное убранство помещения являло собой идеальный пример восточного декадентства. Вместо всех этих украшений можно было просто обшить стены панелями из хорошего английского дуба и установить вращающуюся металлическую болванку, чтобы было куда прикреплять предписания для рабов, сидящих за веслами. Впрочем, не исключено, что панель скрывала какое-то животное, — когда он тронул определенный рычаг, послышалось глухое рычание. Движение рычага, безусловно, являлось сигналом для раба-гребца — или животного, — поскольку его утлый кораблик, вспарывая воду, сейчас мчался на приличной скорости. В коклит стали залетать брызги, Харпплейер поспешно закрыл колпак — и вовремя. Другая кнопка подействовала, должно быть, на спрятанный руль, потому что лодка опустила нос и стала погружаться, а вода поднялась и заплескалась над стеклянным колпаком. К счастью, судно было сделано добротно и не давало течь. Нажатие еще на одну кнопку заставило лодку снова всплыть.

Именно в этот момент к Харпплейеру пришла идея. Он замер. Его мозг лихорадочно перебирал все варианты. Да, вполне возможно, что получится, должно получиться! Он ударил кулаком по раскрытой ладони, и только потом до него дошло, что пока он предавался размышлениям, его кораблик развернулся и вот-вот врежется в «Чрезмерный», над бортом которого замелькали лица с округлившимися от ужаса глазами. Уверенно коснувшись нужной кнопки, он подал спрятанному животному (или рабу) команду остановиться, и соприкосновение судов прошло как нельзя мягче.

— Мистер Шраб! — позвал Харпплейер.

— Сэр?

— Мне нужен молоток, шесть гвоздей, шесть бочонков с

порохом — каждый с двухминутным фитилем и веревкой с петлей. И потайной фонарь.

— Но, сэр, — зачем? — перепуганный Шраб впервые забылся до такой степени, что осмелился расспрашивать капитана.

Однако задуманный план настолько воодушевил Харпплейера, что он не разгневался на эту нечаянную фамильярность. Напротив, он даже незаметно улыбнулся, а неверный свет угасающего дня скрыл выражение его лица.

— Шесть баррелей [3] пороха — потому что кораблей тоже шесть, — ответил он с необычной для него скромностью. — Ну, за работу!

Канонир и его подручные быстро справились со своей задачей и, обвязав стропом заполненные порохом бочонки, опустили их в лодку. В крошечном кокпите едва осталось место, чтобы сесть. Молоток — и тот некуда было положить, и Харпплейеру пришлось зажать его в зубах.

— Мисчер Шраб, — невнятно произнес он с молотком в зубах, внезапно впав в уныние. Он очень ясно представил себе, как всего через несколько мгновений он выставит свое бренное, непрочное тело против своры, нанятой узурпатором, удар хлыстом которого поставил на колени целый континент. Он вздрогнул от своей опрометчивости — вот так, запросто, бросить вызов Тирану Европы, и тут же содрогнулся от отвращения к собственной бренности. Никто и никогда не должен узнать о подобных мыслях, о том, что он слабейший из всех.

— Мистер Шраб, — позвал он снова. В голосе его не осталось и следа от недавней бури чувств. — Если к рассвету я не вернусь, принимайте командование кораблем на себя, потом напишете подробный рапорт. Прощайте. И помните — в трех экземплярах.

— О сэр… — начал Шраб, но Харпплейер уже не слышал его. Стеклянный колпак захлопнулся, и почти игрушечное судно устремилось навстречу мощи всего континента.

Позднее Харпплейер посмеялся над проявленной в первые минуты слабостью. Поистине осуществить сумасбродную затею оказалось не труднее, чем тихим воскресным утром прогуляться по Флит-стрит. Чужеземный корабль погрузился в воду и, проскользнув мимо береговых батарей на мысе Пьетфе (английские моряки обычно называли его мысом Питфикс), очутился в охраняемых водах Сьенфика. Ни один страж не заметил на воде легкую рябь, ничей глаз не увидел смутный контур лодки, всплывшей рядом с высокой деревянной стеной — корпусом линейного французского корабля. Два сильных удара молотком надежно прикрепили к нему первый бочонок с порохом, потайной фонарь коротко вспыхнул, на мгновение

осветив поджигаемый фитиль. И не успели озадаченные часовые высоко на палубе подбежать к борту, таинственный посетитель исчез. Они не заметили предательски искрящий фитиль его загораживал собой целый баррель смерти, к которой тот неторопливо подползал. Еще пять раз Харпплейер повторил этот простой, но смертоносный прием. Когда он заколачивал последний гвоздь, со стороны первого корабля донесся приглушенный взрыв. Не открывая колпак, он осторожно выбрался из гавани. Позади него шесть кораблей, гордость военно-морского флота Тирана, пылали огненными колоннами, превращаясь в обугленные корпуса, медленно оседающие на дно океана.

Миновав береговые батареи, капитан Харпплейер открыл стеклянный колпак и с удовлетворением оглянулся на полыхающие корабли. Он выполнил свой долг и внес свою скромную лепту в окончание ужасной войны, которая опустошила целый континент и еще за несколько лет сведет в могилу такое множество лучших людей Франции, что даже среднестатистический рост французов уменьшится более чем на пять дюймов. Угас последний погребальный костер, и Харпплейер развернул свой кораблик в ту сторону, где находился «Чрезмерный». В глубине души он чувствовал жалость к погибшим кораблям, потому что то были превосходные корабли, хоть и в ленном владении Безумца из Парижа.

К своему кораблю он подошел на рассвете и только тогда ощутил навалившуюся на него безмерную усталость. Он ухватился за брошенный сверху трап и с трудом поднялся на палубу. Барабаны отбивали дробь, фалрепные отдавали ему честь, а боцманские дудки заливались радостной трелью.

— Отлично сработано, сэр, отлично сработано! — воскликнул Шраб, бросаясь к Харпплейеру и помогая тому взобраться на палубу. — Мы даже отсюда видели, как они горели.

В воде позади них послышалось утробное ворчание — точно так булькает вода, когда из раковины вытаскивают пробку. Харпплейер стремительно обернулся и успел увидеть, как необычное судно погружается в море и уходит в пучину.

— Ну и сглупил же я! — пробормотал он. — Совсем забыл закрыть люк. Должно быть, волна плеснула.

Пронзительный крик внезапно и грубо прервал его печальные размышления. Обернувшись, Харпплейер увидел, как волосатый незнакомец подбежал к борту и с ужасом уставился на исчезающее в глубине судно. Воочию убедившись в том, что действительно лишился своего сокровища, человек страшно закричал и целыми пригоршнями стал рвать на голове волосы,

благо их у него было предостаточно. Затем, прежде чем его смогли остановить, взобрался на борт и вниз головой бросился в море. Он камнем пошел ко дну — то ли он не умел плавать, то ли не пожелал всплыть. Очевидно, между ним и его судном имелась некая странная связь, поскольку на поверхности он больше не появился.

— Бедняга, — произнес Харпплейер с сочувствием сентиментального человека, — оказался в одиночестве так далеко от дома. Наверное, в смерти он стал счастливее.

— Да, наверное, — пробормотал флегматичный Шраб, — но у него были задатки стать хорошим марсовым, сэр. Запросто бегал по рангоуту: а знаете, что помогало ему так здорово держаться на всех этих реях и ступеньках? Ногтищи у него на пальцах ног оказались такие длинные, что аж в дерево впивались. А на пятках вдобавок еще по пальцу — он ими за перекладины цеплялся.

— Попрошу не обсуждать физические недостатки покойного. Когда будем писать рапорт, внесем его в список Погибших в море. Как его звали?

— Не успел сказать, сэр. Но мы запишем его под именем мистера Грина.

— Что ж, справедливо. Хоть он и был иностранного происхождения, он, несомненно, гордился бы тем, что умер, получив славное английское имя.

Отпустив верного, но недалекого Шраба, Харпплейер возобновил свое бесконечное хождение по юту. Он молча страдал. Страдания эти были его, и только его, и пребудут с ним до тех пор, пока орудия Корсиканского Людоеда не замолчат навсегда.

ОТ КАЖДОГО — ПО СПОСОБНОСТЯМ

— Вы только взгляните на ствол — в него палец можно засунуть, — сказал Арам Бриггс и тут же подтвердил свои слова делом. Неосознанно сладострастным движением он пропихнул в дуло огромного пистолета волосатый указательный палец и медленно его покрутил. — Его пуля уложит наповал любое животное из-за гидростатического шока, а если пуля будет разрывная, то она запросто свалит дерево или пробьет стену.

— Мне кажется, после первого же выстрела отдача такого пистолета просто сломает человеку кисть, — с нескрываемым отвращением заметил доктор ДеВитт, близоруко вглядываясь в змею, готовую нанести удар.

— Да где вы прожили всю жизнь, ДеВитт — в доме? Ничего она вам не сломает, отдача пистолета такого калибра оторвала бы вам руку, не будь у него амортизатора. Это же 25-

миллиметровая безоткатная модель. Вместо того чтобы ударить назад, энергия выстрела рассеивается, проходя через щели…

— Избавьте меня, пожалуйста, от неточного описания принципа действия безоткатного огнестрельного оружия — я знаю о нем столько, сколько пожелал узнать. Я предложил бы вам пристегнуться, потому что скоро начнется торможение перед посадкой.

— Что это вы разнервничались, док? Раньше-то вы поменьше сюсюкали. — Улыбка Бриггса была больше садистской, чем искренней, и ДеВитту пришлось перебороть неприятное чувство, которая она в нем непроизвольно вызвала.

— Извините. Нервы, наверное. — Снова та же улыбка. — Но я вовсе не утверждаю, что привык к подобным миссиям, и не притворяюсь, будто посадка на планету, где полно враждебно настроенных туземцев для меня хоть немного привлекательна.

— Вот поэтому здесь я, ДеВитт, и вы должны быть чертовски этому рады. Вы, яйцеголовые, вляпались в неприятности, поэтому вам пришлось позвать кое-кого, кто не боится взять в руки пистолет, чтобы он вас из них вытянул. — Загудел сигнал, и на контрольной панели тревожно замигала красная лампочка. — Вы позволили Заревски сесть в галошу, и не в состоянии сами его спасти…

— Через шестьдесят секунд нас запускают, это были сигнал пристегнуться. — Разумеется, ДеВитт уселся в кресло сразу, едва они перешли из большого корабля в маленький посадочный катер, и тут же аккуратно пристегнулся. Теперь он нервно переводил взгляд в крупного плавающего в невесомости тела Бриггса на мигающую лампочку. Бриггс двигался медленно, игнорируя предупреждение, и ДеВитт сжал кулаки.

— Посадочный курс уже задан? — спросил Бриггс, медленно засовывая пистолет в кобуру и еже медленнее отталкиваясь в сторону кресла. Он еще затягивал пояс, когда сработали двигатели. Первый тормозной импульс вышиб воздух из их легких, и всякие разговоры стали невозможны, пока двигатели не смолкли.

— Курс задается автоматически, — выдавил ДеВитт, с трудом делая вдох и с содроганием ожидая следующего торможения. — Компьютер выведет нас в точку неподалеку от деревни, в которой держат Заревски, но садиться придется самим. Думаю, мы сядем на поляне возле реки, помните, я ее показывал на карте. От нее до деревни недалеко.

— Фигня. Сядем прямо в центре городишки, там у них то ли площадь, то ли футбольное поле, черт их разберет.

— Вы не имеете права этого делать! — ахнул ДеВитт, почти

не обращая внимания на корректирующий тормозной импульс, вдавивший его в скрипнувшее кресло. — Там же будут туземцы, вы их убьете.

— Вряд ли. Мы пойдем прямо вниз, включим сирену и посадочные огни, а над самым грунтом немного зависнем. Когда мы сядем, все эти морды будут уже за километр от нас. А любого болвана, что решит остаться, мы просто поджарим, и хрен с ним.

— Но… это слишком опасно.

— А еще хуже садиться у реки. Хотите, чтобы они решили, будто мы их боимся? Коли сядете так далеко, не видать вам больше Заревски. Садимся в городе!

— Пока что не вы тут командуете, Бриггс. Мы еще не сели. Но, возможно, вы и правы насчет реки…

— Конечно прав, черт меня подери!

— Мне пришли на ум и другие причины, по которым не следует садиться слишком далеко, — продолжил ДеВитт, проигнорировав грубость Бриггса. — Тем не менее посадка в городе совершенно неприемлема. Мы не можем гарантировать, что кто-нибудь из них не угодит под ракетный выхлоп, а этого следует избегать любой ценой. По-моему, если вы взглянете на карту и найдете квадрат 17-Л, то увидите участок, годящийся как хороший компромисс. Он примыкает к поселку и скорее всего является полем, на котором что-то растет. И ни на одной из фотографий не видно, что на нем есть туземцы.

— Ладно, годится. Раз уж не можем поджарить их самих, сделаем для них кукурузные лепешки. — Его смех был таким коротким и утробным, что прозвучал, как отрыжка. — В любом случае нагоним на них страху, пущай эти заразы усекут, что у нас на уме и что пятки смазать им уже не удастся.

ДеВитт неохотно кивнул. — Да, конечно. Вам, наверное, лучше знать. — Бриггс, действительно, разбирался в подобных вещах лучше, и поэтому ему предстояло руководить операцией после посадки, а он, ДеВитт, с близорукими глазами и покатыми плечами человека, привыкшего находиться в лаборатории, а не в инопланетных джунглях, становился в команде вторым. Не так-то уж приятно выслушивать команды из уст такой личности, как Бриггс, но это было решение Совета, и он ему подчинился.

Посылка двух человек была оправданным риском, при котором шансы на успех, тщательно определенные компьютером, клонились в сторону удачи. Единственной альтернативой было небольшое военное вторжение безо всякой гарантии на успех. Среди атакующих в худшем случае было бы лишь несколько погибших, зато туземцев наверняка оказалось бы убито множество, а Заревски, скорее всего, был бы зарезан еще до того,

как удалось бы до него добраться. И даже если бы это само по себе не служило достаточным аргументом, Космический Поиск в любом случае был всегда морально и конституционно против насилия по отношению к инопланетным расам. Они согласились рискнуть жизнью двоих людей, двоих вооруженных людей, которые станут сражаться, лишь защищая свою жизнь, но не больше. Были выбраны Арам Бриггс и Прайс ДеВитт.

— А какая там внизу житуха? — неожиданно спросил Бриггс, и впервые за все время из его голоса исчез оттенок автоматического авторитета.

— Холодно, что-то вроде особенно сырой и ненастной осени, которая тянется без конца. — ДеВитт с трудом сдержался, чтобы не проявить естественное удовлетворение от слегка увядшей заносчивости своего компаньона. — Планета холодная, и туземцы держатся поближе к экватору. Климат их вроде бы устраивает, но во время первой экспедиции у нас было чувство, что мы никогда не отогреемся.

— Вы говорите на их языке?

— Конечно, поэтому я и лечу с вами, вам ведь, разумеется, об этом говорили. Мы все его выучили, он достаточно прост. Нам пришлось это сделать, раз уж мы хотели работать с туземцами, поскольку они категорически отказались выучить хотя бы одно наше слово.

— Почему вы продолжаете называть их туземцами? — спросил Бриггс с кривой усмешкой, искоса поглядывая на ДеВитта. — У них же есть какое-нибудь имя, так ведь? И у планеты должно быть имя.

— Только идентификационный номер, Д2-594-4. Вы ведь знаете политику Поиска в отношении имен.

— Но должно же у вас быть какое-то прозвище для туземцев, как-то вы их называете…

— Не пытайтесь притворяться дурачком, Бриггс, у вас плохо получается. Вы прекрасно знаете, что большинство из нас называет туземцев «мордами», и столь же хорошо знаете, что сам я никогда это слово не произношу.

Бриггс усмехнулся.

— Конечно, док. Морды. Обещаю не говорить это слово при вас — даже если они и в самом деле морды.

Он снова засмеялся, но ДеВитт не отозвался, погруженный в свои мысли и в тысячный раз размышляя, есть ли у их плана спасения шансы на удачу. Заревски не получил разрешения отправиться на планету, нарушил запрет, каким-то образом разозлил туземцев и был захвачен в плен. За те дни, что прошли после его последнего радиосообщения, его уже могли убить.

Несмотря на это было решено, что следует сделать попытку его спасти. ДеВитт ощутил к нему естественную ревность, неужели ксенолог мог стать настолько важной персоной, что даже нарушив все правила и законы, продолжал оставаться ценным специалистом, ради спасения которого шли на все. Десятилетняя карьера самого ДеВитта в Космическом Поиске не была отмечена ничем, кроме медленного продвижения в должностях и ежегодной прибавки к жалованию. Спасение эксцентричного Заревски из ловушки, которую тот сам себе устроил, наверняка станет самой важной записью в его досье — если им повезет. А уж это зависело от Бриггса, специалиста, человека с нужными способностями. Назойливый сигнал прервал его мысли.

— Сигнал, мы над районом посадки. Беру управление на себя и сажаю катер…

— И как только мы сядем, командовать стану я.

— Да, вы командир. — ДеВитт произнес эти слова почти со вздохом и в который раз подумал, есть ли смысл во всем их плане.

Хотя ДеВитт теоретически управлял кораблем, ему нужно было лишь указать нужную точку посадки и отдать приказ компьютеру. Тот управлял сближением, измеряя многочисленные силы, действующие при этом на катер, и точно компенсируя их ударами двигателей. Как только начался окончательный спуск, ДеВитту осталось лишь наблюдать за местом посадки, чтобы убедиться, что они не застигнут врасплох никого из туземцев. Едва они коснулись грунта и рев двигателей смолк, Бриггс вскочил на ноги.

— Шевелись, шевелись, — хриплым голосом приказал он. — Хватай этот ящик с барахлом для обмена, и я покажу тебе, как шустро мы оттяпаем Заревски у этих морд.

ДеВитт не сказал ни слова и никак не проявил свои чувства. Он просто перекинул лямку тяжелого ящика через плечо и потащился с ним к люку. Пока срабатывали двери шлюза, он застегнул спереди молнию на комбинезоне и включил обогрев. Едва дверь приоткрылась, обжигающий ветер швырнул внутрь охапку коричневых листьев странной формы, а вместе с ними и затхлые, чужие запахи планеты. Едва щель достаточно расширилась, Бриггс протиснулся сквозь нее и спрыгнул на землю. Он медленно обернулся, держа пистолет наготове, затем удовлетворенно хмыкнул и засунул его обратно в кобуру.

— Можешь спускаться, ДеВитт, никого не видно.

— Он даже не пытался помочь своему тщедушному компаньону, и лишь с едва скрываемым презрением ухмылялся, пока ДеВитт спускал ящик за лямку, а потом неуклюже спрыгивал

сам.

— Теперь потопали за Заревски, — сказал Бриггс и зашагал к поселку. ДеВитт поплелся следом.

Он заметил троих туземцев на мгновение раньше Бриггса лишь потому, что ему пришлось наклониться вбок, поправляя на плече лямку от ящика. Они внезапно появились из-за группы искривленных деревьев и уставились на вновь прибывших. Бриггс, который постоянно вертел головой по сторонам, увидел их чуть позднее. Он тут же прыгнул в сторону, кинулся на землю, выхватывая на лету пистолет, и едва распластавшись на земле, нажал на спуск. Но выстрела не последовало. Туземцы тут же залегли.

ДеВитт не шевельнулся, хотя ему пришлось унять внезапную дрожь. У него на поясе болталась небольшая металлическая коробочка с несколькими кнопками, похожая на рацию, но лишь внешне. Он прижал палец к одной из кнопок и не отпускал до тех пор, пока Бриггс не перестал давить на спуск и не принялся с ошарашенным видом обследовать оружие.

— Не сработало… Но почему?

— Из-за холода, наверное. Детали примерзли, — отозвался ДеВитт, торопливо переводя взгляд с Бриггса на туземцев, которые медленно поднимались на ноги. — Уверен, что пистолет сработает в следующий раз, когда он вам потребуется. И хорошо, что вы не выстрелили. Они не нападали и не пытались подойти ближе, просто смотрели.

— Пусть только попробуют меня обдурить, — сказал Бриггс, вставая и засовывая пистолет в кобуру, но не снимая руки с рукоятки. — Ну и уроды, верно?

По любым человеческим меркам аборигенов планеты Д2-593-4 никак нельзя было назвать привлекательными. Они лишь грубо напоминали людей очертаниями тела, головой и парами рук и ног на худом туловище. Их кожа была покрыта мохнатой чешуей — похожие на рыбьи коричневые чешуи размером с мужскую ладонь на концах расщеплялись в мехоподобную бахрому. То ли они линяли, то ли беспорядочное расположение чешуй было естественным, но у всех у них на телах среди слоя чешуй виднелись проплешины, в которых просвечивала оранжевая кожа. Одежды на них не было, лишь бечевки, на которых висели мешочки и грубое оружие, все части тела нерегулярно покрывала чешуя. Их головы, покрытые щелями и многочисленными складками оранжевой кожи, выглядели даже отвратительнее тел. Оба человека знали, что за подрагивающими щелями скрываются обонятельные и слуховые органы, но все же их сходство со смертельными ножевыми ранами было

поразительным. Крошечные глазки злобно выглядывали из выпирающего на верхушке черепа бугра. ДеВитт провел на этой планете больше земного года, но все еще находил это зрелище отвратительным.

— Скажи им, чтобы не подходили ближе, — приказал Бриггс. Казалось, их внешность не произвела на него никакого впечатления.

— Оставайтесь на месте, — произнес ДеВитт на их языке.

Они мгновенно остановились, и стоящий справа, больше всех увешанный оружием, прошипел через ротовую щель:

— Ты говоришь на нашем языке.

ДеВитт собрался было ответить, но остановился. Это было утверждение, а не вопрос, к тому же ему было строго приказано не проявлять инициативу. Поскольку дело было в руках Бриггса, ему следовало как можно ближе придерживаться роли машины-переводчика. Не успел он перевести Бриггсу первую фразу, как туземец заговорил снова:

— Откуда ты знаешь наш язык? Другой тоже может на нем говорить?

— О чем эта тарабарщина? — потребовал ответа Бриггс и сердито фыркнул, когда ДеВитт перевел. — Скажи ему, что твое дело — переводить, а мне некогда забивать голову этой чепухой, и еще скажи, что нам нужен Заревски.

Наступил момент проверки всей теории спасения, и ДеВитт глубоко вдохнул, прежде чем заговорить. Он попытался перевести слова Бриггса как можно точнее, и был удивлен, когда они не только не возмутились оскорбительным тоном фразы, но даже слегка покачали головами из стороны в сторону в местном жесте одобрения.

— Где ты выучил наш язык? — спросил предводитель ДеВитта, который перевел вопрос Бриггсу прежде, чем ответить.

— На этой планете. Я был здесь с первой экспедицией.

Бриггс засмеялся.

— Держу пари, они тебя не узнали, для них все люди наверняка на одно лицо. Пусть меня разорвет, если они не считают н а с уродами! — Улыбка исчезла столь же быстро, как и появилась. — Хватит скакать вокруг да около. Мы пришли за Заревски, и плевать на все остальное. Переведи.

ДеВитт перевел, споткнувшись лишь на «скакать вокруг да около», хотя и ухитрился передать смысл.

— Иди со мной, — сказал предводитель, развернулся и зашагал к деревне. Его компаньоны двинулись следом, но Бриггс удержал ДеВитта, положив руку тому на плечо.

— Пусть пройдут немного вперед, хочу быть наготове, если

они решатся что-нибудь подстроить. И не следует делать точно так, как он говорит, иначе он решит, что нами можно командовать. Ну вот, теперь пошли.

* * *

На почтительном расстоянии, словно они случайно оказались идущими в одном направлении, обе группы шагали к деревне. Никого из ее обитателей не было видно, хотя из отверстий в верхушках угловатых домиков, сляпанных из жердей и соломы, поднимался дымок. Людей не покидало сильное чувство, что из глубины домиков за ними наблюдают невидимые глаза.

— Там, — бросил через плечо туземец, одновременно махнув многосуставчатой рукой в сторону строения, ничем не отличавшегося от других.

Туземца зашагали дальше, даже не обернувшись, и Бриггс замер, пристально глядя им вслед. Только когда они скрылись из виду, он повернулся и подозрительно обозрел указанное строение. Оно напоминало шалаш метров пяти высотой с ровными наклонными стенами до самой земли. Узкие щели пропускали внутрь немного света, а в плоской передней стене была проделана дверь размером и формой с открытый гроб. Должно быть, у ДеВитта сложилось сходное впечатление, потому что он тоже разглядывал темное отверстие, сморщив от напряжения нос.

— Другой возможности нет, — сказал наконец Бриггс. — Нам надо войти, и единственный путь — через эту дверь. Иди вперед, а я буду настороже.

Разница между двумя людьми была тут же доказана самым наглядным из всех возможных способов. У ДеВитта были естественные сомнения насчет этой двери, но он загнал их внутрь, припомнил кое-какие приветственные фразы и наклонился, чтобы шагнуть внутрь. Не успел он просунуть голову в дверь, как Бриггс схватил его за плечо и швырнул назад на землю. Он больно ударился задом, тяжелый ящик шарахнул его по ноге, но он уже с изумлением смотрел на торчащее из земли толстое копье, конец которого еще дрожал. Оно глубоко вонзилось в грунт точно в том месте, где он только что стоял.

— Что ж, это кое о чем говорит, — процедил Бриггс, рывком приподнимая на ноги ошарашенного ДеВитта. — Мы нашли нужное место. Значит, работенка окажется короче и легче, чем я думал. — Он отбросил копье в сторону пинком тяжелого ботинка, согнулся в двери и скользнул в хижину. ДеВитт заковылял

следом.

Моргая в насыщенном дымом воздухе, они с трудом разглядели в дальнем конце комнаты группу туземцев. Бриггс направился к ним, не глядя по сторонам. ДеВитт последовал за ним, отстав лишь настолько, чтобы успеть разглядеть прикрепленный над дверью механизм. В тусклом свете, просачивающемся сквозь окна-щели, он увидел приделанную к стене раму, в которой был закреплен тяжелый деревянный лук двухметровой длины. Веревка, протянутая к группе на другом конце комнаты, приводила в действие простой спусковой механизм. Ловушка была совершенно не видна снаружи — и все же Бриггс о ней догадался.

— Давай сюда, ДеВитт, — проревел он. — Я не могу без тебя разговаривать с этими мордами. Быстрее!

ДеВитт из всех сил заторопился вперед и сбросил тяжелый ящик перед пятью туземцами. Четверо стояли чуть позади, держа руки на оружии, а их глаза, отражавшие пламя костра, злобно светились в узких глазных щелях. Пятый сидел впереди на ящике или платформе из толстых досок. С его тела и конечностей свисало разнообразнейшее оружие, побрякушки и контейнеры странной формы — местные знаки высокого положения, а в руках он держал оружие с длинным и узким лезвием, напоминающее короткий меч.

— Кто вы? — спросил туземец, и ДеВитт перевел.

— Скажи ему, что мы сначала хотим узнать его имя, — сказал Бриггс, громко прочищая глотку и сплевывая на утоптанный земляной пол.

После короткой паузы, во время которой его глаза не отрывались от Бриггса, сидящий туземец ответил:

— Б'Деска.

— Мое имя Бриггс, и я пришел, чтобы забрать похожего на меня человека, которого зовут Заревски. И не вздумай устраивать мне подлянки вроде той штуки над дверью, потому что имея дело со мной, можно сделать лишь один бесплатный выстрел, и он уже сделан. В следующий раз я кого-нибудь убью.

— Ты будешь есть с нами.

— Что за бред он несет, ДеВитт? Мы же не можем есть местное дерьмо.

— Есть можно, если захочешь, некоторые ксенологи это делали, но у меня духу не хватило. Местная пища может вызвать в худшем случае жестокий запор, но должен сказать, что вкус у нее отвратителен до тошноты. К тому же это местный обычай, все сделки заключаются только после совместной еды.

— Ладно, пусть несут жратву, — обреченно вздохнул Бриггс.

— Надеюсь лишь, что этот Заревски ее стоит.

* * *

Услышав слово, которое прошипел вождь, один из туземцев положил оружие и прошел в затененный угол комнаты, вернувшись с фляжкой, заткнутой деревянной пробкой, и двумя чашками из грубо обожженной глины. Он положил фляжку на землю и поставил одну чашку перед гостем, а другую перед сидящим вождем. Бриггс присел на корточки, потянулся, взял обе чашки и поднял их вверх на вытянутых руках.

— Отличный чашки, — сказал он. — Большое мастерство. Скажи ему это. Скажи, что эти уродливые комки грязи — великие произведения искусства, и что я восхищен его вкусом.

ДеВитт перевел, и после этого Бриггс поставил чашки на землю. Даже ДеВитт заметил, что он поменял чашки местами, и теперь перед каждым из них стояла чашка, предназначенная для другого. Б'Деска ничего не сказал, но вытащил пробку из фляжки и наполнил коричневой жидкостью сначала свою чашку, потом чашку Бриггса.

— Боже, какая гадость, — произнес Бриггс, сделав крошечный глоток и содрогнувшись. — Надеюсь, еда будет получше.

— Она будет еще хуже, но достаточно съесть лишь щепотку-другую.

Тот же туземец, что принес напиток, теперь появился с большой миской, доверху наполненной мелко порубленной серой массой, один запах которой вызывал тошноту. Б'Деска закинул горсть ее во внезапно распахнувшуюся ротовую щель и подтолкнул чашку к Бриггсу, который постарался ухватить как можно меньшую щепотку. ДеВитт увидел, как вздрогнула спина Бриггса, когда тот слизнул массу с пальцев. Никакими усилиями туземцам не удалось бы заставить его съесть еще одну. Б'Деска махнул рукой, миску унесли и на ее место поставили две миски поменьше. Бриггс взглянул на стоящую перед ним миску и медленно поднялся.

— Я предупреждал тебя, Б'Деска, — сказал он.

Не успел ДеВитт перевести, как Бриггс наступил на мисочку, раздавив ее в лепешку, а затем каблуком вдавил ее содержимое в пол. Туземец, подававший еду, бежал к двери, и внезапно сообразивший ДеВитт схватился за контрольное устройство на поясе, но на этот раз опоздал. Прежде чем его палец коснулся кнопки, помешавшей бы пистолету Бриггса выстрелить, раздался оглушительный грохот и туземец упал. В его спине зияла

огромная дыра.

Бриггс спокойно вернул оружие в кобуру и повернулся к Б'Деске, державшему свой меч так, что его конец упирался в ящик, на котором он сидел.

— Так вот, раз с церемониями покончено, скажи ему, что я хочу поговорить о деле. Скажи, что мне нужен Заревски.

— Зачем тебе нужен человек Заревски? — спросил Б'Деска, столь же невозмутимый, как и Бриггс. Мертвый туземец лежал скорчившись, медленно пропитывая землю кровью, и оба они не обращали на него внимания.

— Я хочу его, потому что он мой раб, он очень дорогой, и он сбежал. Я хочу его вернуть и избить.

— Этого я перевести не могу, — запротестовал ДеВитт. — Если они подумают, что Заревски был рабом, они могут его убить…

Он не договорил, потому что Бриггс вытянул руку и наотмашь хлестнул его по лицу. Удар оглушил его, а на глаза от боли навернулись слезы.

— Делай, что я тебе велю, идиот, — прорычал Бриггс. — Ты же сам говорил мне, что у них есть рабы, и если они поверят, что Заревски раб, это даст им возможность получить за него ценный выкуп. Ты что, до сих пор не понял, что они и тебя принимают за раба?

До этой секунды ДеВитт действительно этого не понимал. Он аккуратно перевел слова Бриггса. Б'Деска притворился, будто размышляет, хотя его глаза все это время не отрывались от ящика с побрякушками.

— Сколько ты за него заплатишь? Он совершил большое преступление, а это дорого стоит.

— Я заплачу хорошую цену. Потом я изобью его, затем привезу домой и на его глазах убью его сына. Или может быть заставлю его самого убить своего сына.

Б'Деска согласно качнул головой, услышав перевод, после чего осталось лишь всласть поторговаться. Когда уговоренное количество бронзовых палочек и поддельных драгоценностей было извлечено из ящика, Б'Деска встал и вышел из комнаты. остальные туземцы собрали выкуп и последовали за ним. ДеВитт уставился им вслед, разинув рот.

— Но… где же Заревски?

— Да в ящике, конечно, где же ему еще быть? Если уж он оказался для нас таким ценным, что мы специально за ним явились, то Б'Деске захотелось держать его поблизости, чтобы никто другой не смог заключить с нами сделку. Ты что, не видел, как он держал свой тесак для для свиней наготове, чтобы в любой

момент вонзить его в ящик? Одно наше неверное движение, и Заревски бы за него поплатился.

— Но разве правильно было убивать одного из его людей? — спросил ДеВитт, развязывая веревки, которыми был обмотан ящик.

— Конечно, а как иначе? В миске же явно был яд. Поэтому я убил его раба, как и обещал.

Крышка откинулась, и внутри, с кляпом во рту и обмотанный веревками, словно поросенок на вертеле, оказался Заревски. Они разрезали его путы и растерли ему ноги, чтобы он смог ходить. ДеВитт поддержал его одной рукой, и Бриггс взмахом руки направил их в сторону двери.

— Иди первым, а я с ящиком буду сзади. Не думаю, что будут какие-нибудь неприятности, но если что, я о вас позабочусь… о своих рабах! — И он оглушительно захохотал.

Они медленно ковыляли по пустым улицам, и Заревски, обернувшись, улыбнулся. У него недоставало нескольких зубов, на лице были подсохшие ссадины, но он был жив.

— Спасибо, Бриггс. Я все слышал, но не мог произнести ни слова. Вы отлично справились. Я ошибся, попытавшись вести себя с этими свиньями по-дружески, и вы сами видели, что со мной случилось. Один из них, с кем я разговаривал, умер, и они сказали, что я напустил на него порчу, а потом схватили меня. Жаль, что вас тогда со мной не было.

— Да ладно, Заревски, кто из нас не ошибается. — Интонации его голоса не оставляли сомнений, что уж ему-то ошибки неведомы. — Но лучше помалкивайте, пока не отойдем подальше. Они видят, что я с вами разговариваю, так что сами понимаете, что мне необходимо сделать.

— Да, конечно. — Заревски повернулся обратно, закрыл глаза и вздрогнул еще до того, как его настиг удар. Затем Бриггс пнул его ногой в спину, заставив растянуться на земле. Он даже не шевельнулся, чтобы помочь, когда ДеВитт снова поднимал его на ноги.

* * *

Когда они были уже недалеко от катера, Бриггс подошел к ним поближе.

— Еще немного, и делу конец.

— Вы работаете в Космическом Поиске? — спросил Заревски. — Что-то я не припоминаю вашего имени.

— Нет, это лишь временная работа.

— Вы должны получить постоянную должность! Как здорово вы справились с туземцами — там нужны такие люди, как вы. Не хотите ли заняться такой работенкой?

— Хочу, — ответил Бриггс. Он вспотел, несмотря на холод. — Неплохая идея. Я смог бы вам помочь.

— Уверен, что сможете. А уж без работы вы не останетесь.

— Заткнитесь, Заревски! Это приказ, — оборвал его ДеВитт.

Заревски одарил его презрительным взглядом и повернулся к Бриггсу, возбужденно потиравшему руки.

— Я мог бы брать в экспедицию помощника вроде вас. У меня хватает людей, что сидят в лаборатории и пишут отчеты, но нет никого для полевой работы…

— Замолчите, Заревски!

— …никого, кто действительно знал бы, как следует себя вести, такого, как вы.

— А я знаю! — выкрикнул Бриггс и запрокинул голову, оцарапав при этом лицо ногтями. — Я смогу все. Я сделаю все лучше, чем любой другой, лучше всех в мире. Вы все против меня, но я все равно лучше всех…

— Бриггс! — закричал ДеВитт, поворачиваясь и хватая его обеими руками. — Слушайте меня, Бриггс! Вечер-наступил! Слышите меня… ВЕЧЕР-НАСТУПИЛ!

Хрипло выдохнув, великан закрыл глаза. Его руки бессильно повисли. ДеВитт попытался его удержать, но вес оказался слишком велик и Бриггс повалился на землю. Заревски уставился на него с немым изумлением.

— Идите сюда, помогите. Вы сами его до этого довели, так что советую помочь дотащить его до катера, пока Б'Деска и остальная компания не увидели, что произошло и не примчались на нашими скальпами.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Заревски, когда они уложили неподвижное тело возле катера. Он тревожно озирался через плечо, пока открывался наружный люк. — Что с ним случилось?

— Сейчас ничего. Перед тем, как мы вылетели, я на всякий случай ввел в него постгипнотическую команду с ключевым словом. Он спит, вот и все. Потом мы отвезем его в госпиталь и попробуем привести в чувство. Со всем остальным он справился очень хорошо, и я привел бы его на корабль, не начни вы свою идиотскую вербовочную речь. Спасибо вам огромное от Космического Поиска!

— О чем это вы болтаете? — фыркнул Заревски.

* * *

Тяжелая дверь закрылась за их спиной, и ДеВитт резко повернул лицо к человеку, которого они спасали. Гнев все-таки прорвал его самообладание.

— Кто, по-вашему, этот Бриггс — профессиональный герой из исторического романа, которого Поиск отыскал и подрядил на это дело? Это больной человек, прямо из госпиталя, а я его врач — и это единственная причина, почему я здесь. С ним должен был отправиться кто-то из персонала, а я был самый молодой, потому и вызвался сам.

— Про какой еще госпиталь вы говорите? — спросил Заревски, сделав последнюю попытку похорохориться. — Этот человек вовсе не болен…

— Он болен умственно, и был уже на пути к выздоровлению, пока это не случилось. Мне не хочется даже думать, сколько времени уйдет на то, чтобы снова привести его в себя. Хоть он и не был настолько болен, как другие, у него был классический случай паранойи, поэтому мы и смогли его использовать. Его мания преследования связана с тем, как он воспринимает окружающее, поэтому он и чувствовал себя здесь, как дома. Если бы вы почитали все отчеты, а не бросились на планету, сломя голову, то знали бы, что у туземцев развилось общество, в котором нормой являются условия, очень близкие к паранойе. Они считают, что все остальные — враги каждого из них, и они правы. Они все такие. В подобном обществе ни один нормальный человек не может положиться на то, что его реакция окажется правильной — нам нужен был кто-то, страдающий *той же* болезнью. Единственное, что меня хоть отчасти утешает во всем этом бардаке — не я принимал решение отправить сюда Бриггса. Так решили наверху, а я сделал всю грязную работу. Я и Бриггс.

Заревски посмотрел на расслабленное лицо лежавшего на полу человека, который тяжело дышал, даже находясь без сознания.

— Простите… Я не…

— Вы и не могли знать. — Доктор ДеВитт сжался от гнева, нащупав быстрый, неровный пульс своего пациента. — Но вы знали кое-что другое. вам не разрешали садиться на эту планету — и тем не менее вы сели.

— Это не ваше дело.

— Сейчас и мое тоже. На те несколько минут, пока мы не вернулись на корабль, пока я не возвратился к своим обязанностям и обо мне не успели благополучно позабыть, записав, разве что, небольшую благодарность в мое личное дело, и пока вы не стали снова великим Заревски, чье имя не сходит с заголовков газет. Я помог вытащить вас отсюда, и это дает мне

право кое-что вам сказать. Вы пижон, Заревски, и меня от вас тошнит. Я… да ну вас к чертям собачьим…

Он отвернулся, и Заревски открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал.

Полет к большому кораблю был недолгим, и они не разговаривали, потому что им действительно не о чем было говорить.

ПЛЮШЕВЫЙ МИШКА

Описывать утопию всегда очень трудно. Как скучны для писателя мир, радость и счастье! Любое повествование опирается на движение — какое угодно и где угодно. Вот почему для автора столь привлекательны антиутопии, и первой на ум сразу приходит «1984». Однако короткий рассказ, описывающий утопию, не станет скучным, поскольку окажется единичным инцидентом, использующим мир утопии как фон. Так сказать, ухаб на ровной дороге существования, зависящий от ее качества, но неспособный на него повлиять.

Наши дети в 1963 году были совсем маленькие, и каждый привык засыпать в обнимку с плюшевым медведем — даже когда мы путешествовали всей семьей или ночевали на природе. Так появилась идея этого рассказа, выросла и воплотилась на бумаге. Мой агент нашел для него весьма неожиданного покупателя: «Журнал таинственных историй Эллери Куина». Этот журнал всегда с удовольствием публиковал фантастику, лишь бы она укладывалась в прокрустово ложе детективного жанра. Я тоже оказался доволен, поскольку мне заплатили вдвое больше, чем удавалось получить за рассказ в самых щедрых НФ-журналах. Но возникла и закавыка — меня попросили переделать рассказ.

Я не противник переделки как таковой. Если редактор указывает мне на ошибку в сюжете или подсказывает, какие изменения пойдут произведению на пользу, я с радостью прислушиваюсь к доброму совету. Но от меня потребовали радикальной хирургии — совершенно нового окончания, изменившего бы весь рассказ. После переписки мне предложили компромисс — единственное изменение окончания, менявшее весь рассказ, но не весь его замысел. И все же конец мне упорно не нравился. Неверный, и все тут. Родился внутренний конфликт между Деньгами и Искусством. В те времена жизнь в Дании была очень дешевой, и гонорара за этот рассказ хватило бы на оплату жилья на месяц вперед да еще осталось бы достаточно, чтобы прожить две-три недели. Что же выбрать?

Я преклонил колени — разрешил журналу изменить окончание

и рыдал всю дорогу до банка. Правильное окончание вы сейчас прочтете, но я до сих пор сожалею о той журнальной публикации.

Такого со мной больше никогда не повторялось. С тех поря смог всегда немного опережать кредиторов, а выживание перестало зависеть от продажи единственного рассказа. Когда мы с редакторами не сходились во мнениях, я забирал спорную рукопись и со временем продавал ее кому-нибудь другому. Иногда даже выгоднее, чем мне предлагали в первый раз, — возможно, тут есть над чем задуматься.

Маленький мальчик спал в своей кроватке. Искусственный лунный свет струился в широкое окно спальни, освещая бледным сиянием безмятежное лицо. Одной рукой мальчик обнимал плюшевого мишку, крепко прижимая игрушечную круглую голову с черными глазами-пуговками к щеке. Его отец и высокий мужчина с черной бородой, бесшумно ступая, крались по ковру спальни к кроватке.

— Вытащи мишку из-под руки, — прошептал бородач, — и подсунь другого.

— Нет, он проснется и начнет плакать, — так же тихо ответил отец Дэви. Не мешай мне, я сделаю так, как надо.

Осторожным движением он положил еще одного плюшевого мишку рядом с мальчиком, и теперь две игрушки лежали по обе стороны нежного лица. Потом отец приподнял руку ребенка и взял первого мишку. Мальчик зашевелился, но не проснулся. Он перевернулся на другой бок, обнял только что подложенную игрушку, прижал к щеке — и через несколько секунд его дыхание снова стало глубоким и размеренным. Отец ребенка поднес к губам палец, бородатый мужчина кивнул в знак согласия — и оба вышли из детской неслышными шагами и беззвучно закрыли за собой дверь.

— Теперь за работу, — сказал Торренс, протягивая руку за плюшевым медведем.

Его тонкие красные губы резко выделялись на фоне бороды. Мишка шевельнулся у него в руках, пытаясь вырваться, и темные глаза-пуговки забегали из стороны в сторону.

— Хочу обратно к Дэви, — произнес плюшевый мишка тоненьким голоском.

— Отдай его мне, — сказал отец мальчика. — Он знает меня и не будет капризничать.

Отца звали Ньюмен, и он, как и Торренс, был доктором политологии. В настоящее время оба доктора оказались без работы — правительство, несмотря на их очевидные заслуги и научные достижения, не желало принимать их на службу. В этом

ученые походили друг на друга; внешне же они резко отличались один от другого. Торренс был невысоким, коренастым и походил на медведя, хотя и маленького. Он весь зарос черными волосами — пышная борода, начинавшаяся от ушей и падавшая на грудь, кисти рук, покрытые обильной растительностью, ползущей из-под рукавов рубашки.

Торренс был брюнетом, а Ньюмен — блондином; первый — низкий и коренастый, второй — высокий и худой. Ньюмен сутулился — характерная черта ученого, привыкшего проводить долгие часы за письменным столом, — и уже начал лысеть, оставшиеся тонкие волосы кудрявились золотистыми завитками, напоминавшими кудряшки мальчика, спавшего сейчас в своей кроватке на втором этаже. Он взял игрушечного мишку из рук Торренса и пошел к двери. Там, в комнате с задернутыми шторами на окнах, их ждал Эйгг.

— Давай скорее, — резко бросил Эйгг, когда они вошли в комнату, и протянул руку за плюшевым мишкой.

Эйгг всегда отличался поспешностью и несдержанностью. Его широкую тяжеловесную фигуру туго обтягивал белый халат. Он не нравился Ньюмену и Торренсу, но обойтись без него было невозможно.

— Зачем так... — начал Ньюмен, но Эйгг уже выхватил игрушку у отца ребенка. — Ему не понравится такое обращение, я знаю это...

— Отпустите меня! Отпустите меня... — в отчаянии взвизгнул плюшевый мишка.

— Это всего лишь машина, — холодно ответил Эйгг, положил игрушку на стол лицом вниз и протянул руку за скальпелем. — Ты — взрослый человек и должен вести себя более сдержанно, разумно, сдерживать свои эмоции. А ты поддался чувствам при виде плюшевого медведя, вспомнив, что в детстве у тебя был такой же, друг и верный спутник. Это всего лишь машина.

Быстрым движением он раздвинул искусственный мех на спине плюшевого медведя и прикоснулся к шву — в тельце игрушки открылся широкий разрез.

— Отпустите.., отпустите... — молил мишка, и лапы беспомощно дергались.

Торренс и Ньюмен побледнели.

— Господи...

— Эмоции. Держи себя в руках, — произнес Эйгг и ткнул внутрь разреза отверткой.

Послышался щелчок, и игрушка прекратила двигаться. Эйгг принялся отвинчивать пластинку, закрывавшую доступ к сложному механизму.

Ньюмен отвернулся и вытер платком мокрое от пота лицо. Эйгг совершенно прав. Нужно держать себя в руках, не поддаваясь эмоциям. В конце концов, это действительно всего лишь игрушка. Как можно терять контроль над собой, когда на карту поставлено так много?

— Сколько времени тебе потребуется? — спросил он, глядя на часы. Они показывали ровно девять вечера.

— Мы уже обсуждали данный вопрос несколько раз, и это никак не может изменить положение дел. — Голос Эйгга был бесстрастным, лишенным всяческих чувств, — все его внимание сосредоточилось на механизме внутри корпуса игрушечного медведя. Он уже снял защитную пластинку и рассматривал механизм через увеличительное стекло. — Я провел эксперименты с тремя украденными плюшевыми мишками, фиксируя время, потраченное на каждый этап работы. В мои расчеты не входит время, необходимое, чтобы извлечь ленту и вставить ее обратно, — для этого требуется всего несколько минут. А вот на прослушивание ленты и изменение записи на отдельных участках уйдет чуть меньше десяти часов. Мой лучший результат отличался от худшего всего на пятнадцать минут, что не имеет большого значения. И можно с уверенностью сказать... А-а-а.., вот они... — Эйгг замолчал, осторожно извлекая крошечные бобины с магнитной лентой, — что на всю операцию уйдет десять часов.

— Это слишком долго. Мальчик обычно просыпается в семь утра, и к этому времени нужно успеть вернуть плюшевого мишку на место. Дэви ни при каких обстоятельствах не должен заподозрить, что игрушка отсутствовала всю ночь.

— Ответственность за эту часть операции ложится на тебя — придумай что-нибудь. Я не могу спешить и потому рисковать испортить работу. А теперь молчите и не мешайте.

Оба доктора политологии сидели и молча смотрели, как Эйгг вставлял бобину в сложный аппарат, который был тайно собран в этой комнате. Ничего другого им не оставалось, поскольку они ровным счетом ничего не смыслили в этом.

— Отпустите... — донесся из динамика пронзительный голосок, затем последовали помехи. — Отпустите.., бззт.., нет, Дэви, ты не должен.., папе это не понравится.., вилку нужно держать в левой руке, нож — в правой.., бззт.., тебе придется вытереть.., хороший мальчик, хороший мальчик, хороший мальчик...

Голосок шептал и уговаривал; часы шли один за другим. Ньюмен уже несколько раз ходил на кухню за кофе, и перед рассветом Торренс заснул в своем кресле и тут же проснулся,

виновато глядя по сторонам. Один лишь Эйгг продолжал работать без малейших признаков усталости или напряжения: его пальцы двигались точно и размеренно, подобно метроному. Тонкий голосок доносился из динамика в тишине ночи, словно голос призрака...

* * *

— Готово, — произнес Эйгг, зашивая мохнатую ткань аккуратными хирургическими стежками.

— Так быстро у тебя еще никогда не получалось. — Ньюмен с облегчением вздохнул. Он взглянул на экран, на котором была видна детская. Мальчик все еще спал — это было отчетливо видно в инфракрасных лучах. — Все в порядке. Теперь мы сможем без труда подменить плюшевого мишку. А с лентой все в порядке?

— Да, ты же слышал. Сам задавал вопросы и получал ответы. Я скрыл все следы изменений, и если ты не знаешь, где искать, не найдешь ничего. В остальном банк памяти и инструкции не отличаются от других таких же. Я изменил только одно.

— Надеюсь, нам никогда не придется воспользоваться этим, — заметил Ньюмен.

— Я даже не подозревал, что ты такой сентиментальный.

Эйгг повернулся и взглянул на Ньюмена. Лупа все еще торчала у него в глазу, и увеличенный в пять раз зрачок смотрел прямо в лицо.

— Нужно побыстрее положить плюшевого мишку на место, — вмешался Торренс. Мальчик только что пошевелился.

* * *

Дэви был хорошим мальчиком, а когда подрос, стал хорошим учеником в местной школе. Даже начав учиться, он не забросил своего плюшевого друга и каждый вечер разговаривал с ним, особенно когда делал уроки.

— Сколько будет семью семь, мишка? Мохнатая игрушка закатывала глаза и хлопала короткими лапами.

— Дэви знает.., не надо спрашивать своего мишку, когда Дэви знает сам.

— Знаю, конечно, — просто хочу убедиться, что и ты знаешь. Семью семь будет пятьдесят.

— Дэви.., правильный ответ сорок девять.., тебе нужно

больше заниматься, Дэви.., мишка дает хороший совет...

— А вот и обманул тебя! — засмеялся Дэви. — Заставил дать верный ответ!

Мальчик все легче обходил ограничения, введенные в достаточно примитивный банк памяти робота, поскольку он взрослел, а плюшевый мишка был предназначен для того, чтобы отвечать на вопросы маленького ребенка. Словарный запас игрушки и ее взгляд на жизнь были рассчитаны на малышей, потому что задача плюшевых медведей заключалась в том, чтобы научить ребенка правильно говорить, познакомить с историей, помочь усвоить моральные принципы, пополнить словарный запас, обучить грамматике и прочему, необходимому для проживания в человеческом обществе. Эта задача решалась очень рано, когда взгляды ребенка и его отношение к жизни только формировались, а потому плюшевые медведи говорили просто, ограниченно. Однако такое воспитание было весьма эффективным — дети навсегда запоминали уроки, преподанные им любимыми игрушками. В конце концов дети перерастали своих любимцев, и плюшевых мишек выбрасывали за ненадобностью, но к этому времени работа уже была закончена — детское мировоззрение сформировано окончательно.

Когда Дэви превратился в Дэвида и ему исполнилось восемнадцать, плюшевый мишка уже давно лежал за рядом книг на полке. Он был старым другом, и хотя Дэвид больше не нуждался в нем, мишка все-таки оставался другом, а от друзей не отказываются. Впрочем, нельзя сказать, что Дэвид задумывался над этой проблемой. Его плюшевый мишка был всего лишь плюшевым мишкой, вот и все. Детская превратилась в кабинет, кроватка уступила место обычной кровати, и после своего дня рождения Дэвид упаковывал вещи, готовясь к отъезду в университет. Он застегнул сумку и в это мгновение услышал звонок телефона. Дэвид обернулся и увидел на маленьком экране лицо отца.

— Дэвид...

— Да, отец?

— Ты не мог бы сейчас спуститься в библиотеку? Есть важное дело.

Дэвид взглянул на экран повнимательнее и заметил, что выражение отцовского лица было мрачным, почти больным. Сердце юноши тревожно забилось.

— Да, папа, спускаюсь.

В библиотеке, кроме отца, находились еще двое — Эйгг, сидевший в кресле прямо, со скрещенными на груди руками, и Торренс, старый друг отца, которого Дэвид всегда называл «дядя

Торренс», хотя тот и не был родственником. Дэвид тихо вошел в библиотеку, чувствуя, что внимательные взгляды следят за каждым его шагом. Он пересек большую комнату и опустился в свободное кресло. Дэвид во всем был похож на отца — высокий, стройный, со светлыми волосами, невозмутимый, добродушный.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего особенного, — ответил отец. — Ничего страшного, Дэви.

Должно быть, подумал Дэвид, произошло нечто действительно из ряда вон выходящее — отец давно не называл его этим детским именем.

— Впрочем, кое-что и впрямь случилось, но не сейчас, а много лет назад.

— А-а, ты имеешь в виду панстентиалистов, — облегченно вздохнул Дэвид.

Он слышал от отца о пороках панстентиализма с самого детства. Значит, речь снова пойдет о политике; а он уж было подумал, что произошло нечто личное.

— Да, Дэви, ты, по-видимому, теперь все знаешь о них. Когда мы разошлись с твоей матерью, я дал обещание, что воспитаю тебя должным образом, и не жалел сил на это. Ты знаком с нашими взглядами и, я надеюсь, разделяешь их.

— Конечно, папа. Я придерживался бы этой точки зрения, как бы меня ни воспитали. Панстентиализм — философия, подавляющая свободные устремления человека, — вызывает у меня отвращение. К тому же она навсегда сохраняет за собой власть в обществе.

— Совершенно верно, Дэви. А во главе этого порочного движения стоит человек по имени Барр. Он возглавляет правительство и отказывается уступить кому-нибудь свою власть над народом. И отныне, когда операции по омоложению организма стали широко распространенными, он останется на этом посту еще сотню лет.

— Барра нужно убрать! — резко бросил Эйгг. — Вот уже двадцать три года он правит миром и запрещает мне продолжать эксперименты. Молодой человек, вы представляете себе, что Барр остановил мои исследования еще до того, как вы родились?

Дэвид молча кивнул. О работе доктора Эйгга в области бихевиористской человеческой эмбриологии он знал мало, но этого было достаточно, чтобы у него возникло отвращение к экспериментам ученого, и в глубине сердца юноша был согласен с запретом, наложенным Барром на исследования. Но панстентиализм представлял собой нечто совершенно иное, и Дэвид был согласен с отцом. Эта философия, ядром которой была

бездеятельность, лежала тяжелым удушающим бременем на всем человечестве.

— Я говорю не только от своего имени, — продолжал Ньюмен. Его лицо было бледным и каким-то искаженным. — Этой точки зрения придерживаются все, кто выступает против Барра и его философии. Я не занимал никакой должности в правительстве на протяжении более двадцати лет — и Торренс тоже, — однако не сомневаюсь, он согласится, что данное обстоятельство не имеет никакого значения. Если бы это пошло на пользу народу, мы с радостью выдержали бы все. Или если бы то, что Барр преследует нас за наши взгляды, было единственной отрицательной чертой его системы, я даже пальцем не пошевелил бы, чтобы остановить его.

— Я полностью согласен с тобой, — кивнул Торренс. — Судьба двух людей не имеет никакого значения по сравнению с судьбой народа, равно как и судьба одного человека.

— Совершенно верно! — Ньюмен вскочил и принялся расхаживать по комнате. Я не проявил бы никакой инициативы, если бы лишь это лежало в основе всей проблемы. Конечно, если бы Барр завтра умер от сердечного приступа, все решилось бы само собой.

Трое пожилых мужчин не сводили пристальных взглядов с Дэвида. Он не понимал, что происходит, но чувствовал, что они ждут ответа.

— Да, пожалуй, я согласен с вами. Закупорка кровеносного сосуда пошла бы на пользу всему миру. Мертвый Барр принесет гораздо больше пользы человечеству, чем живой.

Тишина затянулась и стала неловкой. Наконец ее нарушил сухой механический голос Эйгга:

— Значит, мы все придерживаемся единой точки зрения — смерть Барра принесет колоссальную пользу. В этом случае, Дэвид, ты должен согласиться с нами, что было бы неплохо.., убить его.

— Действительно хорошая идея, — произнес Дэвид, не понимая, к чему ведет весь этот разговор. — Правда, осуществить ее физически невозможно. Прошли, должно быть, многие столетия с тех пор, как было совершено последнее.., как это называется... «убийство». Воспитательная психология давным-давно решила эту проблему. Разве это не было открытием, окончательно разделившим человека и существа, стоящие на более низких ступенях развития, доказательством того, что мы можем обсуждать мысль об убийстве, однако воспитание, которое мы получили в раннем детстве, делает невозможным практическое осуществление такого акта? Если верить учебникам,

человечество достигло колоссального прогресса, после того как проклятие убийства было навсегда устранено. Послушайте, мне хотелось бы знать — что здесь происходит?

— Барра можно убить, — произнес Эйгг едва слышно. — В мире существует человек, способный на это.

— Кто этот человек? — спросил Дэвид, каким-то ужасным образом уже зная ответ еще до того, как его отец дрожащими губами произнес:

— Это ты, Дэвид.., ты...

Юноша замер, его мысли вернулись в прошлое: то, что раньше было непонятным и беспокоило его, теперь стало ясным. Его мнение по разным вопросам всегда слегка отличалось от точки зрения друзей — скажем, когда один из роторов вертолета случайно убил белку. Незначительные, но беспокоящие мелочи, которые не давали заснуть до глубокой ночи, когда весь дом уже давно спал. «Да, это правда, — понял Дэвид, ничуть не сомневаясь в словах отца. — Интересно, почему это никогда не приходило мне в голову?» Такая мысль словно ужасная статуя, похороненная в грунте под ногами, — она всегда была здесь, но никто не видел ее, пока он не откопал. И теперь он отчетливо различал злобную гримасу на страшном лице.

— Значит, вы хотите, чтобы я убил Барра? — спросил он.

— Лишь ты в состоянии сделать это... Дэви.., ты один.., и это необходимо. Все эти годы я надеялся, что такой шаг не понадобится, что твоя уникальная способность.., не будет использована. Но Барр продолжает жить. Ради всех нас он должен умереть.

— Я не понимаю только одного, — сказал Дэвид, вставая и глядя в окно на знакомые деревья и шоссе вдали под прозрачной стеклянной крышей. — Каким образом было изменено мое воспитание? Почему я не заметил изменений в процессе того, что было нормальным путем развития?

— Мы воспользовались твоим плюшевым медведем, — объяснил Эйгг. — Об этом не принято говорить, но отвращение к акту лишения другого человека жизни вводится в сознание ребенка на протяжении его первых лет с помощью магнитных лент в игрушке, находящейся у каждого мальчика или девочки. Более позднее воспитание всего лишь закрепляет выработанный рефлекс, который не действует без первоначального этапа.

— Значит, мой плюшевый мишка...

— Я изменил его банк памяти лишь в этом отношении. Во всем остальном твое воспитание ничем не отличалось от воспитания других детей...

— Теперь мне все понятно, доктор. — В голосе Дэвида звучал

металл, которого не было раньше. — Как я смогу убить Барра?

— Вот этим. — Эйгг достал из ящика стола пакет и осторожно развернул его. — Это старинное примитивное оружие, которое я взял в музее. Я отремонтировал его и зарядил метательными устройствами — их называют патронами. — Эйгг держал в руке черный, матово поблескивающий пистолет. — Он действует автоматически. Когда нажимают на этот выступ — спусковой крючок, — в патроне начинается химическая реакция, в результате которой из переднего отверстия пистолета вылетает предмет из свинца с медной оболочкой, называемый пулей. Она двигается вдоль воображаемой линии, проходящей через эти два выступа в верхней части пистолета. Разумеется, под воздействием силы тяжести пуля постепенно опускается, но на минимальном расстоянии — несколько метров — это можно не принимать во внимание. — Он положил пистолет на стол.

Дэвид медленно протянул руку и взял пистолет. Он удивительно удобно поместился в руке, словно был создан для нее. Дэвид поднял пистолет, прицелился и, когда передний выступ оказался в центре выемки в задней части пистолета, нажал на спусковой крючок. Раздался оглушительный грохот, и пистолет подпрыгнул у него в руке. Пуля ударила Эйгга в грудь, прямо туда, где находится сердце, причем с такой силой, что и мужчина, и стул, на котором он сидел, опрокинулись на пол.

— Дэвид! Что ты делаешь? — послышался испуганный крик отца.

Юноша отвернулся от мертвого тела, распростершегося на полу, и посмотрел на отца равнодушным взглядом.

— Неужели ты не понимаешь, папа? Барр со своими панстентиалистами душат свободу в мире, многие люди страдают от этого; происходит много другого, что все мы считаем не правильным. Но разве ты не замечаешь разницы? Ты сам сказал, что после смерти Барра положение изменится. Жизнь снова двинется вперед. Как же можно сравнить преступление Барра с преступлением тех, кто опять воссоздал вот это?

Не успел Ньюмен осознать весь смысл слов сына и понять, что его ждет, как тот быстро выстрелил в отца. Торренс закричал и бросился к выходу, пытаясь отпереть дверь. Дрожащие от ужаса пальцы не слушались. Дэвид выстрелил в него, но Торренс был далеко, и потому пуля лишь ранила его в спину. Несчастный упал. Дэвид подошел к нему и, не обращая внимания на стоны и мольбы о пощаде, прицелился и точным выстрелом раздробил ему череп.

Пистолет вдруг показался Дэвиду очень тяжелым, и юноша почувствовал какую-то странную усталость. Лифт поднял его на

второй этаж. Дэвид вошел в кабинет и, встав на стул, достал с верхней полки из-за ряда книг плюшевого мишку.

Маленькая пушистая игрушка сидела посреди широкой постели, махала короткими лапами и смотрела на Дэвида черными глазками-пуговками.

— Мишка, — обратился к нему юноша, — я хочу сорвать цветы на газоне.

— Не надо, Дэви.., рвать цветы нехорошо.., не рви цветы...

— Мишка, сейчас я разобью окно.

— Нет, Дэви.., бить окна плохо.., не надо бить окна...

— Мишка, я собираюсь убить человека.

...Тишина, мертвая тишина. Замерли даже лапы и глаза.

Грохот выстрела разорвал тишину, и масса шестеренок, проводов и изувеченного металла вылетела из тельца разорванного на части плюшевого медведя.

— Мишка.., о, мишка.., почему ты не рассказал мне об этом? — Дэвид уронил на пол пистолет и разрыдался.

notes

Notes

1

Хуч — вид самогона, изготовляемого американскими индейцами.

2

Пост-капитан (историч.) — командир корабля с двадцатью пушками и более.

З

Баррель — мера объема и емкости. 1 баррель в Англии = 163,5л.